Олег Балезин

Самоспас

О.В. Балезин
Самоспас. / Екатеринбург, 2009. – 336 с.: ил.

Книга екатеринбургского журналиста Олега Балезина «Самоспас» рассматривает все основные области современной жизни в России и за рубежом. Привлекая большой иллюстративный материал, автор стремится ответить на два главных русских вопроса: «кто виноват?» и «что делать?» Он предлагает конкретную, расписанную в деталях схему выхода из тупика, куда страна опять угодила, двигаясь по бесконечному кругу. Это самая оптимистичная книга последнего времени.

Глава I

ГЛОБАЛЬНЫЕ СУМЕРКИ

Ракеты нацелены на котлеты

В 1968 году Генеральный секретарь ООН У Тан сказал: «Главным фактором огромной важности является то, что развитые экономики сегодня могут иметь в любое, хотя не ближайшее, время тот вид и то количество ресурсов, которое они решат иметь… Ресурсы больше не ограничивают решения. Теперь решения создают ресурсы…».[1]

Чувствуете восторг главного международного чиновника, лицезреющего зарю «постиндустриальной эры».

Современные технологии способны всех людей на Земле сделать сытыми, хорошо одетыми, гармонично сочетающими труд и отдых созданиями. Как же распоряжается человечество имеющимися у него возможностями, куда рулит?

«Сегодня 1,1 миллиарда человек живут ниже определенной ООН черты абсолютной бедности – т.е. на 1 доллар в день; более 2 миллиардов перебиваются на 2 доллара в день. Однако эти жуткие цифры не дают представления о масштабе проблемы. В каждой стране есть бедные, и более половины бедняков сегодня живут в Индии и Китае – государствах, чьи судьбы не вызывают опасений. Зато в 32 странах размер подушевого ВВП не дотягивает до 370 долларов – до того самого одного доллара в день на человека. Но в любой экономике на текущее потребление расходуется 70–75 процентов ВВП, и потому для реального обеспечения каждому гражданину 1 доллара в день ВВП должен составлять не менее 520 долларов на человека в год – в этом случае к «низшей группе» относятся уже 52 государства. В наши дни население не менее чем четверти суверенных национальных государств – членов ООН живет в условиях абсолютной нищеты.

Страдания этих людей ужасны. У них нет и не может быть иных мотивов, кроме стремления выжить. Здесь бессмысленно рассуждать об экономической целесообразности. Выбирать приходится между участием в гоббсовской «войне всех против всех» или бегством из страны. В такой ситуации политические институты бессильны: от граждан невозможно требовать соблюдать законы, а от военных – следовать «кодексу чести». В таких «государствах» нет властных структур, заинтересованных в обеспечении безопасности граждан и предоставлении им общественных благ. Иностранная помощь может облегчить жизнь их населения, но не открыть перед обществами новые перспективы.

Деградация поражает все социальные слои; хотя особо тяжелым обычно считают положение сельского населения (в Боливии в де-

[1] Цитата по кн. Э. Тоффлер «Шок будущего», М., 2004 г., с.29

ревнях живут 82 процента всех бедняков страны, на Мадагаскаре – 77 процентов, в Замбии – 83 процента), города «четвертого» мира не похожи на промышленные и культурные центры Европы и Азии: не менее 70 (!) процентов «горожан» этой части мира живет в трущобах, а безработица здесь достигает 40 процентов. Колумбийская Богота с населением в 7 миллионов человек, нигерийский Лагос (9,1 миллиона человек), бангладешская Дакка (13,2 миллиона), индийская Калькутта (14 миллионов) и бразильский Сан-Паулу (19 миллионов человек) наиболее ярко это иллюстрируют. Сегмент общества, способный выступить сторонником радикальных реформ, крайне ограничен; господствует тотальная и практически непреодолимая апатия».[2]

Как же так получилось, что почти за сорок лет развития постиндустриальных технологий, суливших всеобщее благоденствие, половина жителей Земли стала беднее, чем до появления компьютеров и мобильных телефонов? Сьюзан Джордж, автор «Доклада Лугано», опубликованного в 1999 году, констатирует: если после Второй мировой войны разница в доходах между гражданами богатого Севера и нищего Юга равнялась 30:1, то в конце века составляла 70:1, то есть одни теперь в 70 раз состоятельнее других. Разрыв продолжает расти в XXI столетии. Можно спокойно объяснить: просто богатые становятся богаче. Но, как вы уже убедились, это неправда: бедные, нищая, тоже способствуют превращению разрыва в пропасть.

«Бедность» давно стала идеологизированным клише, не проясняющим существа вопроса. Пресловутый «1 доллар на человека в день» был установлен в качестве ее критерия в середине 80-х годов; основой для этого стал усредненный уровень бедности, взятый в отдельности по каждой из 33 стран Африки, Азии и Латинской Америки. Уже тогда эта цифра не имела реального содержания. В 1993 году ее «пересмотрели», повысив до 1,08 доллара; с тех пор она не изменялась. Но с 1985 года доллар потерял более трети своей стоимости – так что эта «планка» сомнительна и в количественном отношении».[3]

Получается, два нынешних доллара в день на одного человека по своему «весу» составляют примерно полтора «старых» бакса.

Как ведут себя люди, обладающие таким «богатством»? Можно представить, что, ложась спать голодными, утром они встают с одной мыслью: где бы добыть пищу. Они превращаются в обессиленных животных с рефлексами обезьян или шакалов.

Страны с такими «гражданами» – это не государства, это просто земля обитания несчастных существ.

В том же выпуске «Монд дипломатик. Русская версия», который я уже цитировал, есть статья Жерара Прюнье «Успехи исламистов

[2] «Монд дипломатик. Русское издание»., 2006 г., № 3.
[3] Там же

в Сомали». Успехи, замечу, весьма относительные. В стране, где нет государства, уже 15 лет бесчинствуют странствующие бандиты – мурианы. Грабят, крадут людей, разбойничают, убивают. Истерзанное население восприняло учреждение мусульманами судов как спасительную меру, как хоть какой-то элемент порядка. Постепенно в судах сторонники «Аль-Каиды» вытеснили умеренных. В начале 2006 года три месяца объединенные ЦРУ в альянс бандиты воевали в Могадишо с исламистами, залив столицу кровью.

Африка, вообще, превратилась в континент гражданских войн. Племенные вожди с армиями головорезов бьются за право называться главами государств, на самом деле существующих только в воображении издателей политических карт мира. Приз за победу серьезный. Запад ежегодно тратит на гуманитарную помощь бедным странам от 20 до 25 миллиардов долларов. Деньги идут по межправительственным каналам, то есть достаются тому вождю, тем головорезам, которые замочили или хотя бы отогнали от кормушки своих соперников.

В одном ряду с абсолютно нищими Бангладеш, Чадом, Нигером, Угандой, Эритреей и т.д. находится и одна из бывших советских республик – ныне свободный Таджикистан. Так что не удивляйтесь, когда наши прежние соотечественники из Средней Азии готовы делать в России самую тяжелую и грязную работу в непривычный для себя мороз за 5, от силы 7 тысяч рублей в месяц. Для таджика это огромные деньги. Но и задумайтесь: пройдет еще 20–30 лет такого постиндустриального «развития», и вы, ваши дети и внуки могут счесть себя счастливцами, получив возможность за гроши класть тротуарную плитку в каком-нибудь заштатном немецком Застранце. Лакуны бедности тут и там отсвечивают ледяной коркой и внутри «золотого миллиарда». «Юго-восток Англии и некоторые районы Лондона переживают бум, в то время как значительная часть Северной Англии обратилась в пустыню, а другие районы британской столицы разрушаются. «Ржавый пояс» в Соединенных Штатах являет собою разительный контраст более динамичным регионам Юга и Запада».[4]

Конечно, еще полярней богатство и бедность в «недоразвитых», но рвущихся, с точки зрения либералов, в элиту государствах.

«Бразилия является пятой по территории страной планеты и занимает первое место по экспорту железной руды, соевых бобов, замороженного мяса и концентрата апельсинового сока. Объем экспорта по итогам прошлого года составил 100 млрд долларов. К сожалению, лишь немногие извлекают выгоду из этой экономической мощи. Половина из насчитывающего 188 млн человек населения страны живет в бедности. Они работают на улице, им не знакомо понятие «ми-

[4] С. Джордж «Доклад Лугано», Екб., 2005 г., с.с. 26,27.

нимальная заработная плата», у них нет настоящей крыши над головой; большинство из них живет на 1 евро в день. Еще никогда разрыв в доходах не был в Бразилии столь велик, как сегодня: 10 % населения принадлежит почти все».[5]

Но победители, получающие все, не могут чувствовать себя спокойными в мире, который создали. Они очутились во враждебном окружении, они все время ощущают дыхание опасности. «Во многих странах третьего мира, в особенности в Латинской Америке, … преимущества, приносимые материальным процветанием, уже сталкиваются с его отрицательными сторонами. Стало невозможно обходиться без частных телохранителей, дети богатых родителей не могут ходить в школу без сопровождения из-за боязни похищения, компаниям приходится платить дань рэкетирам, женщины не могут носить украшения, бег трусцой или велосипедные прогулки исключены, ездить в собственной машине или брать такси рискованно, а пользоваться общественным транспортом немыслимо и т.д.».[6]

Своеобразным символом бандитской мести голодных стали сомалийские пираты. На своих утлых лодчонках они захватывают огромные океанские лайнеры, поскольку вооружены самым мощным оружием – бесстрашием отчаянья. Овеваемые невидимым знаменем с лозунгом «Нам терять нечего» и рисунком черного черепа и скрещенных костей, нанесенных не для запугивания жертв, а в качестве автопортрета, они берут на абордаж неслыханную роскошь.

Постоянный рост производства товаров и услуг в эпоху постиндустриализма все больше терял свой первоначальный смысл – удовлетворения потребностей массы людей, и в той же степени приобретал другое качество – становился средством для возрастающих поставок несметных богатств кучке хищников. Колоссальные природные и трудовые ресурсы шли в конечном счете на накопление ценностей в значительной своей части эфемерных, вроде ничем не обеспеченных денег, являющихся таковыми только в силу сговора элит. Это даже не картина маслом, а шедевр работы обезьяньего хвоста.

«Обилие компьютеров, мобильных телефонов, шампуней и колготок на прилавках магазинов не может отменить того факта, что голод, как и на заре человечества, мучает множество людей. По данным ООН, в день от голода умирают 18 тысяч детей…

Количество голодающих в мире приближается к миллиарду. Это значит, что голодает каждый шестой житель планеты Земля. Говорить в этих условиях о достижениях глобальной цивилизации нелепо. В Средние века голодало меньше людей. Нелепо также говорить

---

[5] С. Стельмах «Естественный отбор», «Футбол», 2007 г., № 33

[6] С. Джордж «Доклад Лугано», Екб., 2005 г., с.24

и о достижениях капитализма как способа производства. Рабовладение не создавало голод в таких масштабах, как капитализм…

Глобальное общество, в котором миллионы людей мечтают о супе, а котлета на косточке превращена в привилегию, – такое общество явно не в себе. Его нужно лечить.

Если бы главы 20 стран, собирающиеся на встречу в Лондоне, действительно были бы озабочены тем, чтобы сделать право на жизнь реальным, они прежде всего должны были бы обсудить такое переустройство мирового хозяйства и мировой морали, которое позволило бы любому человеку в любой точке планеты в любой момент получить бесплатную тарелку супа и бесплатный кусок хлеба.

…Скажут: бесплатно накормить всех голодных невозможно по экономическим причинам. Но отчего возможно каждый год инвестировать в автопром миллиарды долларов, чтобы выпускать на рынок десятки новых моделей автомобилей, которые практически ничем не отличаются одна от другой, но невозможно создать всемирную кухню-столовую для тех, чье право на жизнь находится под угрозой голода? Почему возможно инвестировать в производство танков и мин, то есть в вещи, прямо угрожающие праву на жизнь, а не в производство котлет и киселей, то есть вещей, в которых нуждаются для поддержания жизни миллионы людей?

Правда, существует намерение ООН к 2015 году уменьшить количество голодающих наполовину. Намерение существует, а количество голодающих растет на 100 миллионов человек в десять лет. Чтобы ООН могла выполнить свой план, необходимо тратить 30 миллиардов долларов в год. Что такое 30 миллиардов в год, если в мире существует 500 миллиардеров, а чистая прибыль такой компании, как Intel, составила в первом квартале 2008 года 1,4 миллиарда долларов? Проблема не в технических возможностях и не в научном прогрессе – с этим у нас все в порядке, – а совсем в другом: в распределении средств. В устройстве головы. В осознании ужаса ситуации. (точнее, наверно, в неосознании – прим. О. Б.)

Стоит только начать говорить об ущербности и неэффективности капитализма, как сразу слышишь в ответ: «Да, но лучшего никто пока не придумал!» Но из этого следует только одно: надо лучше думать! Есть данные, что среднестатистический европеец думает пять минут в день. Что, если бы он думал десять? Что, если бы те, кого мы наделяем властью, действительно всерьез и с полным напряжением сил думали бы о том, какого рода перезагрузка нужна мировой цивилизации?»[7]

---

[7] А. Поликовский «Революция хлеба и супа», «Новая газета», 2009г., №38

Надеюсь, книга, которую вы держите в руках, будет способствовать вашему думанью. Вдруг вам удастся с ее помощью установить личный рекорд по этому показателю? Тогда работа была не напрасной.

Сегодня, спустя более 40 лет после начала постиндустриального развития, дополняя У Тана, можно сказать: «Решения ограничивают спектр ресурсов только теми видами, которые дают наибольшую прибыль и рост производства в кратчайшие сроки».

Рывок азиатских гигантов

В XXI веке глобальный рынок приобрел новый мощный импульс развития, получив не виданные прежде коммуникационные возможности, а с ними огромные ресурсы дешевой, почти дармовой, рабочей силы Китая и Индии. Рывку предшествовали два обстоятельства. После обвала акций Интернет-компаний в 2001 году оптико-волоконные сети, проложенные в период компьютерного бума, и опоясавшие половину Земного шара, отошли за долги банкам, а те, в свою очередь, распродали их задешево. Покупатели, отчасти даже неожиданно для себя, приобрели самую современную и в гроши обошедшуюся им систему связи. Передача сигнала между Штатами и азиатскими перенаселенными странами стала практически бесплатной. Среди вторичных покупателей оптоволокна оказалось множество индийских компаний.

В том же 2001 году Китай вступил во Всемирную торговую организацию. Рухнули торговые и инвестиционные барьеры, и западные фирмы, прежде всего, американские, устремились, выдергивая друг из под друга стулья, забивать места в офшорах Поднебесной.

В 2005 году американский журналист, неоднократный лауреат Пулитцеровской премии Томас Фридман издал книгу «Плоский мир» – 600-страничную виртуозно исполненную величальную песнь во славу глобальной экономики. Название означенного труда на встрече «восьмерки» в Питере Джордж Буш уже применял как термин. Думаю, Т. Фридману приятно, что американский президент, слывущий простаком, сходу засел за прочтение его еще «тепленькой», с пылу с жару, работы и извлек массу аргументов в пользу нынешнего экономического курса Соединенных Штатов.

Самое интересное: Буш-младший не только прочел книгу, но и внял совету Пулитцеровского лауреата, поданного, я бы сказал, в вызывающем духе. Фридман в «Плоском мире» пишет: «Если президент Буш пока не решил, какое наследство он оставит в истории, один национальный проект давно дожидается его внимания – научно-техническая инициатива, которая могла бы стать лунным запуском нашего поколения. Я говорю о программе консервации (думаю,

тут ошибка переводчика, надо читать «расконсервации» – прим. О. Б.) и разработке альтернативных источников энергии, имеющей цель достичь полной энергонезависимости США…. К несчастью для страны, скорее я сам полечу на Луну, чем президент Буш последует моему совету».[8]

И что вы думаете? В 2006 году Дж. Буш-младший, считающийся ставленником нефтяных магнатов, дал отмашку работам по поиску и внедрению альтернативных источников энергии. Томасу Фридману пора собираться в космическую экспедицию.

Впрочем, я отвлекся. Итак, Томас Фридман увидел новый лик глобальной экономики – молодой, пытливый, сосредоточенный на работе, все больше приобретающий азиатскую скуластость.

В фильме «Посол Советского Союза» скандинавский журналист обращался к главной героине:

– Я только что вернулся из советской России. У вас ужасные туалеты.

– Каждый замечает то, что хочет заметить, – отшила «акулу пера» наша посол в исполнении Юлии Борисовой, чьим прототипом выступала Александра Коллонтай.

Томас Фридман замечает все, в том числе и отхожие места нынешнего миропорядка, но в отличие от своего скандинавского коллеги из 30-х годов прошлого века, на них не сосредотачивается. Напротив, он в восторге от «плоского мира», радуется ему, как ребенок новой машинке с наворотами.

О, офшоринг! О, аутсорсинг! «Как много нам открытий чудных» несут плоды просвещенья: «Аутсорсинг – это когда вы берете некоторые специальные внутренние функции вашей компании, например, проведение исследований, услуги колл-центра, обслуживание дебиторской задолженности, и нанимаете другую компанию для их выполнения, а затем встраиваете ее результаты в ваш полный операционный цикл».[9]

«Оператор-женщина в Бангалоре, объясняющая местоположение офисов, как если бы она сидела в Манхэттене и выглядывала из окна».[10]

«Оператор-женщина в Бангалоре, объясняющая американке, как получилось, что на ее счету так мало денег…»[11]

«Оператор-женщина в Бангалоре, помогающая американцу справиться с умирающим компьютером…»[12]

---

8 Т. Фридман «Плоский мир», М., 2006 г., с. 363
9 Там же, с. 149
10 Там же, с. 33
11 Там же, с. 33
12 Там же, с. 33

Так работают в американском колл-центре индийские сотрудники.

«Сегодня около 250000 индийцев отвечают на звонки клиентов со всего мира или сами дозваниваются до них, чтобы продать кредитные карточки, предложить мобильные телефоны со скидкой или напомнить про просроченные платежи».[13]

Теперь американскому бизнесу и транснациональным компаниям не надо самим заниматься объемной, нетворческой, стандартизованной работой. Они оцифровывают исходные материалы, сбрасывают их по оптико-волоконным сетям своим индийским партнерам и таким же образом получают обратно уже систематизированные данные или собранные специально для заказчика. ТНК и штатовским фирмам передача части технологического цикла за океан интересна прежде всего дешевизной индийских услуг.

Страна, ставшая целью паломничества купца Афанасия Никитина, не случайно превратилась в идеальное место для внедрения аутсорсинга. Еще Джавахарлал Неру открыл в Индии семь технологических институтов, потом появилась сеть их частных аналогов.

«Индийское образование подобно фабрике, которая штампует и поставляет всему миру самых одаренных инженеров, компьютерных специалистов и программистов».[14] Лучшие и самые пробойные из выпускников элитных индийских вузов, превосходящих по уровню отбора студентов и качеству преподавания, по мнению Т. Фридмана, и Гарвард, и Массачусетский технологический, раньше в поисках лучшей доли перебирались в США. За пятьдесят лет их осело в Штатах более 20000 человек. Они, по признанию автора «Плоского мира», значительно обогатили интеллектуальный уровень его страны. Но очень многие, оставшись на родине, не реализовали свои знания даже на сотую часть.

Теперь, торжествует Т. Фридман, им не надо никуда ехать. Они, благодаря компьютерным коммуникациям, могут напрямую конкурировать со своими американскими коллегами. «Эффект выравнивания! Мир стал плоским!» – то и дело восклицает Т. Фридман по ходу своего повествования.

Так же, как индийским интеллектуалам, повезло китайским рабочим. Вот какую характеристику дает Т. Фридман еще одному явлению, рожденному глобальной экономикой.

«…оффшоринг – это когда вы берете один из своих заводов, работающий в Кантоне штат Огайо, и переносите его целиком на заморскую территорию – например, в китайский Кантон. Там он производит тот же самый продукт тем же самым способом, только в условиях

[13] Там же, с. 34
[14] Там же, с. 136

более дешевой рабочей силы, более низких налогов, субсидированной электроэнергии и сокращенных затрат на здравоохранение».

Послабления для ТНК, в основном в прибрежных провинциях, создало коммунистическое китайское государство. После вступленя Поднебесной в ВТО западные инвесторы получили защиту от произвола тамошних чиновников.

Деньги хлынули в китайские офшоры, как вода, смявшая плотину. Точный подсчет населения Поднебесной – занятие, похоже, бесперспективное. Правительство Китая называет цифру 1 миллиард 200 миллионов человек, но, скорее всего, она существенно занижена. Приблизительна и количественная оценка вовлеченных в глобальную экономику: примерно 250-500 миллионов. Получается, непричастных к инвестиционному буму, живущих в сельской местности, бедных, как африканские церковные мыши, по меньшей мере 800 миллионов. Глобальный рынок пробудил в них стремление добиться жизненного успеха, но не предоставил ни средств, ни возможностей.

Мой отец как-то купил китайскую люстру. Повесил, подсоединил все проводки – не горит. У него есть устройство для проверки контактов. «Прозвонил». Один контакт не работает. Отец разобрал люстру и обнаружил, что там, где должна находиться железная пластина – ни-че-го. Пластину просто-напросто «забыли» прикрутить. Отец, слесарь с 30-летним стажем, показал мне: «Смотри» – и еще долго растерянно и непонимающе улыбался. Он был потрясен: «Как можно такое продавать?»

Певцы глобальной экономики публично гордятся, что выводят Китай на новый уровень развития. Запад облагодетельствовал 300 миллионов жителей Поднебесной. Коррумпированная Россия, распахнув ворота для контрафактного хлама, дает пропитание обездоленным китайцам, самым пробивным из непричастных 800 миллионов. Полагаю, свалившаяся на нашу страну гуманитарная миссия, скромно замалчиваемая Кремлем и тем паче глашатаями развитых демократий, будет поблагородней, чем у практичного Запада.

Новые плантаторы

Те же американцы, в отличие от России, занимаются отнюдь не благотворительностью.

«Даже когда производство переводится в другую страну с целью сэкономить на зарплате, оно почти никогда не переводится целиком. Согласно опубликованному 26 января 2004 года исследованию Фонда наследия под названием «Создание рабочих мест и налогообложение доходов иностранного происхождения», американские компании, производство которых базируется как дома, так и за рубежом, работающие и на американский, и на китайский рынок, производят

более 21 % совокупного продукта США, 56 % американского экспорта и задействуют три пятых всех промышленных рабочих страны, то есть приблизительно 9 миллионов человек».[15]

«…АСИМКО будет использовать свое новое производство распредвалов в Китае для обработки сырья и первоначальной механической обработки, а «доводить» полуфабрикаты будет на своих заводах в Америке, где рабочие с квалификацией повыше будут выполнять операции, наиболее важные для качества конечного продукта».[16]

Собственно, перед нами классический политэкономический пример возврата полученной в колонии, выражаясь по-нынешнему – в третьем мире, прибыли в метрополию. Следовательно, и налоги поступают в казну Соединенных Штатов.

Т. Фридман, рассказывая об одном из своих героев-предпринимателей, свидетельствует:

«…Перковски предпринял следующий важный шаг – возвращение прибыли, заработанной в оффшоре, на американские берега».[17]

Офшоринг сам по себе предполагает скромное наполнение казны, и китайский в этом смысле – не исключение. Государство поступается своими интересами ради роста деловой активности, повышения благосостояния вовлеченных в экономические процессы граждан, накопления частного капитала.

«Критики китайского делового стиля опасаются, что размер и экономическая мощь Китая вскоре сделают его глобальным стандартом не только в аспекте некачественного трудового законодательства и производственных регламентов». В бизнесе это явление получило название «китайской цены».[18]

Запущенный как внутриамериканская моральная норма принцип политкорректности, может быть, смягчает межрасовое общение в Штатах и вышибает слезы умиления у потребителей голливудских кинолент, но о нем те же американцы забывают напрочь, когда речь заходит о бизнесе, о деньгах, о глобальном рынке.

«Средняя зарплата высококвалифицированного оператора станков в Америке составляет от 3000 до 4000 долларов в месяц. Средняя зарплата заводского рабочего в Китае – приблизительно 150 долларов в месяц… Сравнительная дешевизна страхования здоровья в Китае… – «несомненно, добавляет Китаю привлекательности как месту для найма рабочей силы», – пояснил Перковски».[19]

---

[15] Там же, с.с. 160,161
[16] Там же, с. 161
[17] Там же, с. 159
[18] Там же, с.с. 153,154
[19] Там же, с.с. 161,162

Вот и вся политкорректность: здоровье китайского рабочего стоит гроши, и это просто здорово для американского бизнесмена. Теперь посмотрим, что кроется за обтекаемыми формулировками вроде некачественных «трудового законодательства и производственных регламентов».

«Факт, что крупнейшая корейская Samsung, которая гордится одним из самых высоких в регионе (если не считать Японии) уровнем жизни сотрудников, платит сборщицам своих популярных мобильников эквивалент 300 американских долларов. Причем на работу принимаются только молодые незамужние женщины, которые выдерживают нечеловеческий десятичасовой рабочий день примерно в течение года-двух, потом неизбежно увольняются – видимо, со смесью облегчения и сожаления (зарплата действительно довольно высокая даже для Южной Кореи)…

Но 300 долларов в относительно цивилизованной Южной Корее – это благополучная верхушка айсберга. В середине июня появилась публикация в британской газете The Mail on Sunday, описывающая ужасающую картину «высокотехнологического» производства плееров iPod компании Apple. Британского читателя, безусловно, шокировали 200 тыс. китайских рабочих в возрасте от шестнадцати лет, преимущественно женщин, которые пашут по 15 часов в сутки (переработка даже сверх разрешенного очень мягким в отношении предпринимателей местным законодательством) с оплатой в 50 долларов в месяц (китайский МРОТ), а оставшееся время проводят в переполненных общежитиях без связи с внешним миром.

Apple обещала разобраться, а сам производитель – китайская Foxconn – по крайней мере частично признала, что все описанное – правда (только рабочих не 200 тыс. оказалось, а «всего» 160 тыс.)».[20]

Вот эти 160000, а то и 200000, китайцев, во все время своего бодрствования собирающие плееры, тоже входят в 300-миллионную армию жителей Поднебесной, осчастливленных глобальной экономикой.

«Согласно исследованию американской организации «Конференс борд», за период между 1995 и 2002 годами в негосударственном секторе китайской экономики производительность росла на 17 % ежегодно. Повторяю, 17 % ежегодно!»[21]

Т. Фридман полагает, что внушительный рост производительности труда произошел благодаря стремительному освоению «не только современных технологий, но и современных деловых практик, причем на всех уровнях, начиная с базового». Конечно, не без того. А еще можно заставить 200000 человек собирать плееры не 15 часов в сутки,

[20] А. Ревич «Глаза боятся, а рабы делают», «Новая газета», 2006 г., № 59

[21] Т. Фридман «Плоский мир», М., 2006 г., с. 154

а 15 часов 15 минут. Производительность опять скакнет вверх. Очень, кстати, современная деловая практика.

На днях мой коллега, журналист газеты «На смену!» Михаил Черепанов, вернулся с отдыха из Египта. Рассказывает, что в Хургаде благодаря круглогодичному наплыву туристов из России и бывших советских республик – настоящий строительный бум. Возводятся десятки отелей. Наметанным журналистским взглядом Михаил отметил такую особенность: над новостройками возвышаются всего два крана. Покупка этой нехитрой техники обходится инвесторам дороже, чем использование ручного труда, благо желающих таскать кирпичи или поднимать их с помощью ворота на высоту пирамиды Хеопса хоть отбавляй.

А вот в Бангалоре, средоточии авангардных компьютерных технологий, как заметил Т. Фридман, совсем нет небоскребов – не то что в Шанхае. Потому как чревато. Слишком часто и в самый неподходящий момент здесь происходят отключения электроэнергии. Представьте, лучшие мозги Индии начнут то и дело застревать в лифтах на уровне 30-го или 48-го этажа. Падеж интеллектуального коэффициента неизбежен. Зачем рисковать? Сейчас они в случае чего пробегутся по лестницам, обогатив свои умственные возможности высокой физической формой.

«Индия сияет на страницах глянцевых журналов, но стоит выехать за границу Бангалора, и вашим глазам предстанет совсем не сияющая картина… В деревнях процветает алкоголизм, растут материнское детоубийство и преступность. Приходится давать взятки, чтобы провести электричество и воду… Да, в Индии растет средний и высший класс, но есть 700 миллионов людей, которые оставлены за бортом, они не знают ничего, кроме тоски, мрака и отчаяния».[22]

«В Индии 55 миллионов детей вынуждают становиться рабочими. Десятки тысяч детей работают на стекольных фабриках при температурах более 100 градусов. На одном из заводов четырехлетние дети выполняют тяжелую работу с пяти утра до глубокой ночи, вдыхая пары и приобретая эмфизему, туберкулез и другие респираторные заболевания».[23]

«По оценкам Международной федерации рабочих текстильной и кожаной промышленности, в мире работают 250 миллионов детей, половина из них младше 14 лет, и почти все они работают в чудовищных условиях. Этот ужас не имеет ничего общего с культурой, традициями или «азиатскими ценностями», но имеет целью получить трех покорных и беззащитных детей по цене одного взрослого.

---

[22] Там же, с. 478

[23] М. Паренти «Власть над миром», М., 2006 г., с. 26

…Большое количество ТНК заключает договоры с компаниями, использующими детский труд». [24]

Дрова на острие прогресса

В 1990 году в книге «Мистификация власти» Элвин Тоффлер заметил: «… почти весь мир верит, что смещение от экспорта сельскохозяйственной продукции или сырья к экспорту товаров, производимых дешевой рабочей силой – это дорога к развитию. Но если смотреть в перспективе, ничто не может быть дальше от истины».[25] Там же он убеждает невидимых оппонентов: «Сегодня в некоторых отраслях затраты на рабочую силу составляют только 10% общей стоимости производства. Экономия в 1% по 10-процентному показателю составляют лишь одну десятую долю процента».[26]

К сожалению, воротилы глобальной экономики о перспективах размышляют меньше всего. Они куют деньгу здесь и сейчас в горниле разогретого китайского рынка.

У них другие расчеты, приземленные и неотразимые. Допустим, такие. Стоимость рабочей силы далеко не во всех отраслях составляет 10%, в некоторых, например, в швейной промышленности – несколько выше. Особенно если в вашей фирме работают европейцы, привыкшие получать приличную зарплату.

Вы переводите мастерскую в Китай, и оказывается: за пошив 10 юбок вы заплатите столько же, сколько в Старом Свете за производство одной-единственной. Даже с учетом перевозки товара из Поднебесной затраты на рабочую силу получаются в целом ниже или сравнимыми с теми, что вы несли раньше. Но вместо одной юбки у вас оказалось 10, вместо 100 – тысяча. И вот тут происходит фокус-покус, делающий любого вменяемого бизнесмена бесконечно счастливым. Ведь он, европеец, торгует не китайским ширпотребом. Нет, он продает фирменные изделия (даром что произведенные в Поднебесной), бренд, раскрученный многолетней, дорогостоящей рекламой. Покупательницы платят не столько за юбку саму по себе, сколько за прилепленный на нее лейбл. В конечной цене изделия мифическая составляющая, якобы гарантирующая высочайшее качество и принадлежность обладательницы вещи к самым продвинутым модницам – назовем ее репутационной накруткой – доходит до 80 процентов, а то и забирается выше. Именно она дает львиную долю прибыли.

Итак, вы потратили на оплату рабочей силы в Китае столько же или даже чуть меньше, чем раньше у себя на родине, но при

[24] С. Джордж «Доклад Лугано», Екб., 2005 г., с. 266
[25] Э. Тоффлер «Мистификация власти», М., 2004 г., с. 487
[26] Там же, с. 488

этом получили в 10 раз больше товара. За счет репутационной накрутки ровно во столько же, в 10 раз, выросла ваша прибыль. Покажите мне бизнесмена, который в эту минуту думает о перепутьях мирового развития.

Не случайно, все склады и бутики в Милане, столице европейской моды, забиты шмотками, произведенными в Китае, но идущими с прилавков по цене самой рафинированной «фирмы».

Ладно, ну ее, швейную промышленность. Возьмем отрасль, где затраты на рабочую силу в себестоимости продукции колеблются в районе 10 процентов.

В той же «Мистификации власти» Э. Тоффлер приводит пример «правильного» подхода к развитию производства. Компания GenCorp Automotive за 65 миллионов долларов построила в Шелбивилле, штат Индиана, завод для производства пластмассовых деталей корпусов автомобилей, напичканный самым современным оборудованием. Обучение каждого из 500 рабочих обошлось фирме в 8–10 тысяч долларов, то есть в общей сложности в 4 с лишним миллиона. Заметьте, ребята еще палец о палец не ударили, а деньги тю-тю, будто кошка языком слизала. «Компания GenCorp не пошла бы на такие затраты из альтруистических побуждений. Она надеется получить выгоду от быстрого пуска завода, от высокой квалификации рабочих и от менее изнурительного и более производительного их труда»,[27]– убеждает Э. Тоффлер. Конечно, конечно. Среди американских бизнесменов альтруисты не водятся. Но в 1990 году искус «китайской цены» еще не был так завораживающ.

А сейчас, поди, расчетливые менеджеры из GenCorp поставили бы у Желтого моря завод миллионов за 10, вместо всестороннего обучения соотечественников наняли бы за те же деньги четырех китайцев, или одного на целых четыре года, и те после краткого вводного курса на не самом суперском оборудовании, но зато с врожденным трудолюбием пошли бы штамповать пластмассовые детали за милую душу. И когда кто-нибудь из них подхватил бы, не дай бог, птичий грипп и подвергся увольнению, то вместо дорогостоящего обучения новичка менеджеры просто поманили бы пальцем счастливца из единоликой толпы. Не знаю, много или мало сэкономила бы компания на зарплатах, но как говаривал парень из телерекламы: «Десять баксов-то не лишние».

Тед Фишмен в книге «Китай Inc» вкратце описывает два предприятия. Вот как выглядит американское в пригороде Хартфорда: «…компания обрела способность быстро перестраивать производство в соответствии с любыми нововведениями, которые предлагались ин-

---

[27] Там же, с. 107

женерами с целью сокращения затрат и ускорения доставки продукта к потребителю. Предприятие на две трети уменьшило штат и сократило сроки разработки продуктов и доставки их заказчику до двух месяцев. Большинство производственных процессов было максимально автоматизировано. Даже отгрузка со склада деталей, в том числе и самых мелких, осуществляется роботами. Рабочих здесь немного. Создается впечатление, что весь завод приводится в действие умными привидениями».[28]

А теперь посмотрим глазами Теда Фишмена на американское производство, перенесенное в Китай, в город Вукси, расположенный близ Шанхая: «Вдоль задней стены фабричного здания штабелями сложены дрова, используемые для растопки заводских горнов в периоды, когда бездействует местная электростанция… Заглянем внутрь одного из зданий. Тусклый свет и оранжевые отблески пламени освещают цех, мало чем отличающийся от литейных цехов начала прошлого века. Рабочие методично заливают собранные вручную прессформы расплавленным металлом и непрерывной цепью выставляют их на черных пол для охлаждения».[29]

Угадайте, какое из двух предприятий уверенней чувствует себя на просторах глобального рынка? Правильно. То, что в Китае.

«Удерживать клиентов все сложнее», – жалуется владелец американского завода. Один из крупных потребителей перебрался в Китай и нашел возможность заменить уникальный узел, производимый хартфордским заводом, на менее совершенный, но гораздо дешевле ему обходящийся.

Вдобавок, сколь бы сизо-буро-малиновым ни был дым, идущий из заводских труб – никаких с вас выплат за экологический вред не берут. И страховать рабочих не надо. И налоги такие, что смешно сказать.

Недаром Томас Фридман в 2005 году констатирует: «Если сегодня вы обратитесь в какую-нибудь венчурную фирму в Силиконовой долине и скажете, что хотите открыть бизнес, но отказываетесь от аутсорсинга (индийского – прим. О. Б.) и работы с оффшорными фирмами (в Китае – прим. О. Б.), вам тут же укажут на дверь».[30]

Образно выражаясь, живой китаец оказался предпочтительней для постиндустриализма, чем железный робот.

Годами, десятилетиями рабочие и другие общественные движения, профсоюзы Запада добивались, чтобы бизнес нес социальную нагрузку. И надо признать, добились. Причем, под давлением социальных обязательств бизнес был вынужден искать интенсивные пути

[28] Т. Фишмен «Китай Inc», М., 2007 г., с. 269
[29] Там же, с. 272
[30] Т. Фридман «Плоский мир», М., 2006 г., с. 455

развития: автоматизировать производство, сокращая число дорого обходящихся ему работников, вводить новые управленческие практики, позволяющие наиболее полно использовать возможности персонала, увеличивать долю умственного труда в себестоимости товара и т.д. Благодаря этой тенденции и случился прорыв в области информационных технологий, собственно и обозначаемый исследователями как переход от индустриального к постиндустриальному обществу, поскольку он повлек за собой изменения в образе жизни, манере поведения людей, в управленческих и маркетинговых системах.

Изящный тормоз перемен

Телебашню в Свердловске начали строить в первой половине 80-х годов XX века. С ее помощью предполагали расширить зону устойчивого приема телесигнала. Неспешно, с присущей советским новостройкам основательностью сооружение потянулось к небу. В эпоху «нового мышления» видная издалека башня сделалась символом сексуальной революции. Нацеленный в небо бетонный ствол венчала напоминавшая набалдашник люлька монтажников, делавшая его неотразимо похожим на первичный мужской половой признак. Свердловчане, а в особенности, свердловчанки, известные своей интеллигентностью, кокетливо перехихикивались между собой, бросая взгляды в трамвайные окна. Воздействию фаллического монстра на умы горожан писатель А. Верников посвятил рассказ.

Когда Свердловск переименовали в Екатеринбург, а сексуальная революция одержала полную победу, строители сняли люльку, закончив труды, и башня утратила свой срамной вид. Теперь, благодаря тонкому верху и разлапистому низу, она больше походит, к примеру, на клизму.

Тут обнаружилась пренеприятная вещь. Оказывается, строители зря старались. Пока они годами изводили бетон и сталь, технология передачи телесигнала изменилась. Закончилась романтическая эпоха творений в духе Эйфеля и «седьмых неб». Казавшиеся символами технического прогресса высотные сооружения превратились в анахронизм, возможно даже больший, чем соха и плуг на коровьей тяге.

Екатеринбуржцы задумались, под что бы приспособить бесполезную махину. Газета «На смену!» провела среди читателей конкурс проектов. Чего только ни нарисовали в своем воображении горожане. Но власти решили: сделаем развлекательный центр, с ресторанами, видовыми площадками и т.д. До поры до времени слазить на башню, пусть с риском для жизни, мог любой экстремал. Прыгали с нее с парашютом и, увы, без – самоубийцы. Затем доступ в тело гиганта был перекрыт, но рестораны до сих пор не оборудованы, и по но-

чам башня превращается в невидимку: рядом проедешь – и можешь не заметить.

В 2005 году Екатеринбург посетил председатель Счетной палаты Сергей Степашин. Очень возмущался. Оказывается, федеральный бюджет выделил средства на перепрофилирование высотного сооружения, однако, башня, по всему выходит, сработала, как гигантская клизма: впрыснула денежки в небо, и они уплыли по волнам эфира в неизвестно какие дали. Вот и стоит она теперь как памятник. Опять собой символизирует. Теперь уже скорости материальных изменений, враз делающих ненужными даже самые внушительные с виду навороты. Башня – последний, непригодившийся в проигранной битве солдат устаревшей технологии.

Судьба свердловско-екатеринбургской телевышки – выдающийся в своем гигантизме пример. Но есть и помельче. Мы выкинули почти все черно-белые телевизоры, даже работающие. Кто-то уже снес на помойку вполне прилично показывающий цветной аппарат с выпуклым экраном и приобрел с плоским и плазменным, а обычной действующей мобиле предпочел ту, что со встроенным фотоаппаратом или даже компьютером.

А ведь каких-то пять лет назад я рот раскрыл от удивления, увидев пацана на велосипеде, одной рукой держащегося за руль, а с помощью другой разговаривающего по телефону. «Родители, наверно, богатые», – подумал тогда. Сегодня разве что собаки не научены гавкать в трубку.

Нарастающую скорость перемен первыми засекли американцы. Тамошний футуролог и социолог Элвин Тоффлер еще в 1970 году выпустил книгу «Шок будущего». («Футурошок»).

«Было замечено, что если последние 50000 лет существования человека разделить на отрезки жизни приблизительно в 62 года каждый, то окажется около 800 таких отрезков жизни. Из этих 800 полных 650 прошли в пещерах. Только за последние 70 таких отрезков жизни стало возможным эффективно передавать информацию от одного поколения к другому благодаря письменности. Только в последние шесть отрезков жизни массы людей увидели печатное слово. Только за последние четыре стало возможным измерить время с любой степенью точности. Только в последние два кто-то где-то использовал электрический двигатель. И подавляющее большинство всех материальных благ, которыми мы пользуемся в повседневной жизни в настоящее время, были придуманы в течение настоящего, 800-го отрезка жизни».[31]

[31] Э. Тоффлер «Шок будущего», М., 2004г., с.26

«Роберт Б. Янг из Станфордского исследовательского института изучал промежуток времени между первым коммерческим предложением нового электроприбора и производственным максимумом.

Янг обнаружил, что для группы приборов, внедренных в Соединенных Штатах до 1920 г – в том числе пылесос, электроплита и холодильник, – средний промежуток времени между предложением и максимальным производством был 34 года. Но для группы, которая появилась в 1939–59 гг. – в том числе электрическая сковорода, телевизор и комбинация стиральной и сушильной машины, – промежуток времени был уже восемь лет. Отставание сократилось более чем на 76 %».[32]

«… если технологию рассматривать как великий двигатель, мощный ускоритель, то знание следует рассматривать как его топливо». [33]

«Сегодня (напоминаю, в 1970 г. – прим. О. Б.) … число научных журналов и статей удваивается, как промышленное производство в развитых странах, примерно каждые 15 лет. Согласно биохимику Филиппу Сикевицу, «то, что узнали за последние три десятилетия о природе живых существ, затмевает своими масштабами знаний любой сравнимый период научного открытия в истории человечества». Сегодня только правительство Соединенных Штатов выпускает 100000 докладов ежегодно плюс 450000 статей, книг и сообщений. В мировом масштабе научно-техническая литература увеличивается со скоростью 60000000 страниц в год.

Компьютер вырвался на сцену около 1950 г. С его беспрецедентной способностью к анализу и распространению чрезвычайно разных видов данных в невероятных количествах и с головокружительной скоростью он в последнее время стал главной силой ускорения в приобретении знаний».[34]

Последнее, еще раз напомню, написано в 1970 году, задолго до Интернета. Сам Элвин Тоффлер – мощный ускоритель интеллектуальных предвидений. Либеральные пропагандисты убеждают окружающих, что рынок, тем паче, глобальный – чуть ли не единственный двигатель научно-технического прогресса. В самом деле, каждый квартал или полугодие производители являют миру новую, навороченную марку авто, а то и не одну, все более «быстрые» компьютеры, ткани с невиданными свойствами, телевизоры с экранами, не влезающими в «хрущевку» и т. д.

Между тем, независимые наблюдатели отметили удивительный феномен начала XXI века: замедление темпов научно-техническо-

---

[32] Там же, с.41
[33] Там же, с. 43
[34] Там же, с.с. 44,45

го прогресса. Еще десять лет назад ни один, даже самый прозорливый, футуролог не мог предположить такого поворота развития событий.

Хозяйствующие субъекты увлеченно занимаются апгрейдом своего продукта: фирмы накручивают на базовые свойства изделий дополнительные, в основном, сервисные функции, усердно совершенствуют дизайн, тратят огромные суммы на рекламу; между тем выход на рынок принципиально новых разработок сокращается.

Заместитель главного редактора журнала «За рулем» Вячеслав Субботин делится на сайте «zr. ru» своими впечатлениями от Женевского автосалона 2009 года: «Peugeot, Citroen и Mitsubishi объединились и сделали один и тот же автомобиль с разными панелями, разными капотами, ценами, комплектациями, но, можно сказать, это одна и та же машина. Peugeot 4007, Citroen C-Crosser, Mitsubishi Outlander XL – это один и тот же автомобиль. …Это, в первую очередь, хороший бизнес – делать такие машины. И это всегда была очень успешная практика, когда на одной и той же платформе с одними и теми же агрегатами, подвесками, двигателями, коробками передач, кузовами производили порядка полутора миллиона автомобилей. Сегодня это еще более выгодный бизнес, в мире производится около четырёх-пяти миллионов таких машин. Это сумасшедшая рентабельность, она может доходить до 60%. В будущем, как говорят специалисты, количество возрастёт до десяти миллионов производимых автомобилей одной модели, но разных фирм. Капот может быть другой, решетка другая, подвеска, мотор, с виду они будут различаться, но, по сути, это одна и та же машина. Мир к этому стремится, такое объединение усилий – очень полезная штука с точки зрения утилитарного автомобиля: и ремонтировать будет недорого, и запчасти будут одни и те же, и продать её будет проще».

Строго говоря, с началом постиндустриализма производители, работающие на рынок, утратили экономические стимулы для продвижения революционных разработок.

Известный американский экономист и социолог Дж. К. Гэлбрейт, один из первых исследователей постиндустриального общества, назвал риски корпораций, занимающихся научно-исследовательскими программами. Долгий производственный цикл требует большого «длинного» кредита. Поскольку гарантий его возврата не существует (исследования зашли в тупик или изобретенный продукт не заинтересовал потребителя в данный момент, и производитель либо сам отказывается превращать его в товар, либо не находит сбыта), то сконцентрировать капитал для решения глобальной задачи корпорациям самостоятельно практически невозможно.

В таких условиях двигателями научно-технического прогресса выступали развитые государства. Они привлекали корпорации к фун-

даментальным разработкам в качестве подрядчиков. Для рыночных игроков участие в госпрограммах становилось интересным. Как правило, для них предусматривался ряд преференций, в частности, если работы относились к военно-технической области, то государство гарантировало сбыт произведенной продукции.

«В 1960 г. на 384 фирмы с числом занятых 5 тыс. и более приходилось, по некоторым оценкам, 85 % всех расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в промышленности … 65 % сумм, израсходованных на исследования и разработки, было предоставлено федеральным правительством (Из выступления М. Энделмена на заседании сенатского подкомитета по вопросам монополии и антитрестовского законодательства)».[35]

Не надо также забывать, что обеспечение программ «мозгами» опять-таки лежит на государстве – как раз оно организует работу образовательных учреждений и в значительной мере их финансирует.

Держатели казны принимают решения исходя из своего понимания государственных задач. Научно-техническая революция во многом продукт «холодной войны». Гонка вооружений и борьба за господство в космосе заставили государства Запада и СССР направить на исследовательские и конструкторские цели колоссальные средства.

Соединенные Штаты вдобавок стремились доказать преимущество «свободного мира» путем демонстрации новинок, облегчающих и делающих увлекательней жизнь обыкновенных людей. Так или иначе, но некоторые технологии, вроде вышедшего из лабораторий Пентагона Интернета, оказались адаптированными к гражданской сфере.

В 90-е годы мир изменился. США всем все доказали, и в значительной степени утратили мотивацию для поставок на рынок принципиально новых продуктов. Научно-технический прогресс оказался локализован в военной сфере. То, что он продолжается благодаря усилиям государства, Штаты продемонстрировали при ведении точечных войн, от «Бури в пустыне» до операции по захвату Ирака. По сути, они перевернули все прежние представления о возможном характере подобных акций. Оказалось, постинустриальные виды вооружений почти избавляют обладающие ими армии от потерь личного состава, если противник опирается до сих пор на технологии промышленной эры.

Глобальные корпорации с фактическим уходом государства из гражданской сферы не нашли стимулов для производства принципиально новых, в базовом смысле, продуктов. К тому же они пред-

[35] Цитата по книге: Д. Гэлбрейт «Новое индустриальное общество», М., СПб., 2004г., с.59

ставляют из себя большие и разветвленные системы, таящие значительные силы инерции. Внедрение фундаментальных новинок требует их коренной перестройки, что снижает, особенно на первоначальном этапе, прибыль до неприемлемых для корпораций величин, если вообще делает ее получение возможным.

Думается, представление о глобальном рынке как двигателе научно-технического прогресса, не более, чем миф.

Прыжок из клетки

Мне сдается, к несчастью, а, например, Т. Фридман полагает, что к счастью, информреволюция совпала с изменением политической конъюнктуры в Китае и Индии. Перенаселенные азиатские гиганты предложили себя в качестве объектов мирового рынка, а новые технологии позволили включить их в систему товарооборота с гораздо меньшими затратами, чем если бы такая интеграция происходила тридцать или даже двадцать лет назад, на заре постиндустриальной эры.

Уверен, никаких предварительных расчетов последствий экономической экспансии в Китай и Индию никто не проводил.

Простая рефлекторная игра стихийных рыночных сил: капитал всегда ищет среду, где может активно размножаться. Тьма апологетов свободного рынка, от А. Чубайса до его учителя М. Фридмана, предполагает в стихии некое разумное начало. Контролируйте денежную массу, а все остальное рынок отрегулирует сам. Их бы устами мед пить, а не дурить головы обывателям. Но в истории с вовлечением в мировую экономику Китая и Индии не работал даже монетаристский контроль, поскольку рычаги для его осуществления вам может предоставить только национальное государство. То самое, которое при глобальных процессах оказывается задвинутым на задний план.

Этот инстинктивный прыжок откормленного зверя наживы в настежь распахнутые двери клетки, эта игра мускулов, разрывающая всяческие путы, видится высшим проявлением торжества капитала, пиком его свободы.

За свою короткую по историческим меркам историю капитализм тем не менее научился при решающем участии национальных государств преодолевать периоды кризиса. Годы подъема сменяются временами стагнации. Но вмешивается госвласть, рядом мер преодолевает экономический застой, и общество идет дальше, расцветая пуще прежнего.

Во Франции XIX века кризисы заканчивались революциями и последующей сменой королей и команд госслужащих. В Англии в моменты экономического упадка накал общественных дебатов все-

таки не превращался в ружейный баррикадный огонь. Видимо, сказывалась разница национальных темпераментов.

Во второй половине XX века в развитых странах Запада смена приоритетов в экономической области решалась на политическом поле относительно мирно и спокойно, что, безусловно, способствовало эволюционно протекавшему накоплению общественных богатств.

Схематично рыночная цикличность выглядит так. Допустим, у власти находятся консерваторы (республиканцы, христианские демократы…) – ставленники крупного бизнеса. Правительство выдает кредиты промышленникам, сокращает налоги, сохраняет только существующие, а порой и урезает социальные гарантии населению. Но народ не ропщет. Экономика бурно растет, везде нужны рабочие руки и мозги, труд хорошо оплачивается. И так бы всегда, жить бы и жить. Но в погоне за еще большей прибылью или расширением дела бизнесмены начинают подрезать оплату труда наемному персоналу, произведенные товары и услуги раскупаются все хуже и хуже. Наступает кризис перепроизводства. «Правые» под свист и улюлюканье раскланиваются и освобождают властные кресла. Их после очередных выборов занимают демократы (лейбористы, социал-демократы…) – тоже ставленники крупного бизнеса, но любящие порассуждать об общественных интересах. Они перераспределяют налоговое бремя – уменьшают для физических лиц и увеличивают для юридических, то есть корпораций. Снижают процентные ставки по кредитам, облегчая займы и инвестиции. Расширяют госзаказ, тем самым увеличивая спрос. Вводят новые социальные гарантии для населения. У народа появляются деньги, он раскупает скопившиеся товары и хочет еще. У бизнеса возвращается мотивация к работе. Экономика вновь оживает. Так бы всегда, жить бы и жить. Но вскоре под гнетом социальных обязательств бизнес начинает сдавать. Растет безработица. Деньги обесцениваются. Население, обладающее кучей социальных гарантий, тем не менее ропщет. «Левые» под свист и улюлюканье раскланиваются и покидают властные кресла. После выборов их места занимают «правые». Уменьшают налоги для корпораций. Урезают социальные гарантии. Экономика бодро отправляется по испытанному кругу.

Так вот, глобальный рынок XXI века потому и глобальный, что вышел из-под присмотра всех национальных государств. Эта мощная стихийная сила не поддается больше никакому регулированию. Даже самые крупные игроки на планетарном поле не могут влиять на ситуацию в целом – они такие же щепки в море обстоятельств, что и обитатели бангалорских пригородов. Лидеры национальных государств стремительно превращаются в бессильных марионеток.

Первыми ощутили надчеловеческую власть рыночного разгула, кажется, те, кто помогал выпускать джина из бутылки – коммунис-

тические правители Китая. В начале 2007 года они поставили перед собой и страной задачу, которая не имеет прецедентов в истории человечества – уменьшить (sic!) на 2 процента объем промышленного производства. Вряд ли глобальный рынок услышал команду – этот монстр, похоже, без ушей.

Уплывающая работа

Западные аналитики, чутко реагирующие на происходящие в мире изменения, с одной стороны, будучи по большей части «прогрессистами» и технократами, принимают возникшее положение вещей как неизбежность, идущую свыше, но с другой – не могут не выказывать сдержанную озабоченность. Тот же Томас Фридман говорит о «тихом кризисе» Соединенных Штатов.

«Способность США с середины XIX столетия до середины XX века давать своему населению надлежащую профессиональную подготовку, ограничивать приток иммиграции, удерживать объем низкоквалифицированной рабочей силы на уровне, обеспечивающем ей достойное вознаграждение, была ведущим фактором создания в стране широкого среднего класса без серьезных перепадов в распределении доходов… Наше поколение в последние двадцать-тридцать лет стало свидетелем обратной тенденции».[36]

В качестве успокоительного Т. Фридман приводит меморандум Дэвида Шлезингера, главы «Рейтерс Америка». Вот цитата из него: «…споры о рабочих местах, уплывающих в Индию, Китай, Мексику, на самом деле ничем не отличаются от прошлых споров о том, почему производство подводных лодок ушло из Нью-Лондона, обувное производство – из Массачусетса, а текстильное – из Северной Каролины. Работа будет делаться там, где она делается эффективней и дешевле всего. В конечном счете нью-лондонам, нью-бедфордам и нью-йоркам этого мира это приносит даже больше пользы, чем бангалорам и шеньчженям. Польза такого положения вещей заключается в том, что высвобождая людей и капитал для другой, более квалифицированной работы, оно дает производить конечный продукт с меньшими затратами, от чего выгадывают не только корпорации, но и потребители.[37]

Перевожу с американского на общепонятный ленинский: «Учиться, учиться и учиться!» Еще вспоминается Николай Тихонов: «Черную работу делает черный, белую работу – белый».

Умилительна эта вера американских аналитиков в умственные и адаптационные способности абсолютно всех своих сограждан. Мне, ни разу не пересекавшему океан, все же сдается: и там есть немало ограниченных в своих мыслительных процессах, беззаботных, нецеле-

[36] Т. Фридман «Плоский мир», М., 2006 г., с. 371
[37] Там же, с. 30

устремленных, живущих одним днем, словом, неидеальных, но, в общем-то, хороших людей. Они мирятся с растущим разрывом оплаты их труда от заработков яйцеголовых, но куцыми своими умишками не врубаются, почему вдруг стало невозможно применять в собственной стране отшлифованные ими до автоматизма профессиональные навыки.

Да и прошлые споры, как ни крути, сильно отличаются от нынешних. Перестав строить подводные лодки в Нью-Лондоне, бизнесмены все же не выводили это стратегическое производство за пределы Соединенных Штатов, а развернули в другом городе своей страны. И рабочие из Нового Лондона, мобильные, как большинство американцев, в принципе, могли сняться и отправиться вслед за убежавшей работой. Но трудно представить ткачих из Северной Каролины, устремляющихся в Китай в жажде получить возможность 16 часов в сутки заниматься любимым делом и получать 100 долларов в месяц. Или, может быть, целых 150. Боюсь, однако, даже самым решительным не видать на чужбине родных денег: элементарно не пройдут фейсконтроль. Но что сосредотачиваться на тех, кто не стремится к белой работе. Они, в общем-то, не совсем и белые. Томас Фридман и не сосредотачивается, поскольку и у самых белых из белых в глобальном рынке проблем возникает выше крыши. Вызов брошен, вообще, основополагающим институтам американского общества, тем, что делают заокеанскую державу мировым лидером.

Например, системе образования.

Глянец против фишек

В Америке 4000 колледжей и университетов, констатировал президент Института международного образования Аллан Э. Гудман – число высших учебных заведений во всем остальном мире – 7768. В одном только штате Калифорния около 130 колледжей и университетов – в мире есть только 14 стран, где набралось бы столько же».[38]

Даже России, где в перестройку всякому, пусть самому заштатному и затрапезному вузу, присвоили звание университета или академии, дабы преподаватели получали сносную зарплату, даже по количеству таких эрзац-универов – нам не дотянуться до США. Качественно же ни одна российская высшая школа, хоть и имеющая очень громкое имя внутри страны, не сравнится с рядовой американской. Университет в США – это комплексный учебный, исследовательский и внедренческий центр. Всю совокупность таких вузов щедро обеспечивает государство через финансовые агентства в сфе-

[38] Там же, с.с. 312, 313

ре науки – Национальный институт науки и техники, Национальный научный фонд, Управление науки Министерства энергетики и исследовательские институты Министерства обороны.

«Веб-браузеры, магнитно-резонансная съемка, сверхбыстрые вычислительные машины, технология глобального позиционирования, космические исследовательские устройства, волоконная оптика – вот те немногие изобретения, которые начинались как обыкновенные университетские проекты».[39]

Заметьте, не рыночные игроки, не уже существующие корпорации выступают источниками технического прогресса, а образовательно-научная система, созданная и находящееся на содержании у государства. Только оно имеет мотивацию к тратам на фундаментальные исследования.

Именно университетская система снабжает рынок самыми продвинутыми фирмами. «…выпускники Массачусетского технологического (института, замечу, всего лишь института – прим. О. Б.) – стали основателями 4000 компаний, которые создали не меньше 1,1 миллиона рабочих мест по всему миру и совокупный показатель продаж которых составил 230 миллиардов долларов».[40] Не забывайте, это данные только по одному из 4000 американских вузов, пусть и весьма авторитетному.

После ипотечного кризиса в августе 2007 года Михаил Хазин в журнале «Профиль», глубоко копнув, указал на корневые причины финансового обвала – негодную структуру американской экономики.

«Что такое структурный кризис? Это, грубо говоря, несоответствие структуры производства структуре потребления. Научные исследования сегодня дороги, очень дороги. Они стоят десятки, а то сотни миллиардов долларов. Их не могут «потянуть» даже самые крупные корпорации. Нужна помощь государства и его финансовой системы. И вот в некоторые новые сферы начинают закачивать сумасшедшие деньги, развивают науку, строят производственные корпуса, не имея достаточных доказательств того, что все это будет востребовано. И когда наконец все это построено и начинаются продажи, то вдруг обнаруживается, что они не окупают сделанные вложения…»[41]

Поуказывать американцам – любимая забава российских мастеров пера и слова. Ну, что же ты, дядя Сэм, вбухиваешь огромные средства туда, где прибыль не гарантирована, а то и призрачна. Совсем, похоже, разучился думать по-рыночному. Расслабился на толстых харчах.

---

[39] Там же, с. 312
[40] Там же, с. 312
[41] М. Хазин «Слабое звено», ж. «Профиль», 2007 г., №31

Особенно порадовал меня пассаж об обнаглевших тружениках научного и высокотехнологичного сектора: «Ведь в них работают достаточно высокооплачиваемые сотрудники, которые ходят в дорогие рестораны, покупают дорогие машины, гуляют в дорогих клубах».[42]

Бюджетные кровососы какие-то. Вместо роскошеств, взяли бы в руки баулы да поехали в Мексику за дешевым китайским ширпотребом – глядишь, и вытащили бы передовую державу из беспросветной долговой ямы. Вот ведь российские челноки, эмэнэсы и завлабы, не дали сгинуть Отечеству в пучине реформ.

Но потому покуда Америка и не чета России, что там не разучились рассчитывать масштабней, чем просто прикидывать процент прибыли на вложенную денежную единицу. На самом деле, выбор у руководителей и жителей сверхдержавы в глобальной экономике небольшой: либо, затянув потуже пояса, работать физически интенсивней и дольше китайцев, либо продолжать оснащать стандартные изделия оригинальными «фишками». И в отличие от Михаила Хазина, я не нахожу слов упрека за то, что американцы выбирают второе, а не первое.

Вот что говорит Билл Гейтс: «Мы финансируем огромное количество университетских исследований, и это не может не вызывать восхищения. К нам приходят люди с высоким IQ, и мы даем им возможность изобретать что-то новое, а потом превращать изобретения в рыночный продукт».[43]

Американцы панически боятся потерять созданный ими лучший в мире научный и образовательный ресурс. И дело не в том, что правительство прекратит обильно финансировать названную сферу – оно все-таки достаточно вменяемо. Угрозы, в соответствии со всеобщими законами диалектики, проистекают из самого характера выпестованного и превозносимого Штатами общества потребления.

Наука и высокие технологии задают такой уровень комфорта, что все меньше людей находят стимулы для истовой работы на их благо.

Томас Фридман констатирует: «… заокеанская образовательно-научная система – один из главных источников мирового лидерства США – пребывает сейчас в вялотекущем, «тихом» кризисе. Отчасти он вызван внутренними особенностями существования американского общества в последние десятилетия. Плеяда откликнувшихся на «лунную программу» президента Кеннеди и ринувшихся изучать естественные науки, почти отошла от дел. В строю еще остаются представители «инерционного хвоста», последыши, а приток молодежи слаб и мелок. «Около 40% из 18146 сотрудников НАСА старше 50 лет…

[42] Там же

[43] Цитата по кн. Т. Фридман «Плоский мир», М., 2006 г., с.с. 311,312

22 % сотрудников НАСА старше пятидесяти пяти, а число тех, кому больше шестидесяти, соотносится с числом тех, кому меньше тридцати, приблизительно как три к одному, а этих последних в НАСА лишь 4 %». К 2010 две трети высококвалифицированных преподавателей математики и естественных наук уйдут на пенсию».[44]

После призыва Кеннеди были годы и годы пропаганды потребительских радостей и гламурного отсвечивания. Сытая американская молодежь предпочитает пепси к рэпу и текилу к джазу – даже существенные льготы для тех же сотрудников НАСА ее не прельщают. До наступления постиндустриализма нехватку «физиков» удавалось компенсировать притоком студентов и ученых из-за рубежа, имеющих, правда, ограниченный доступ к работе в том же НАСА или откровенно военных научных центрах. Теперь многие из них предпочитают возвращаться домой: у себя на родине они могут проводить те же исследования, находясь в штате тех же высокотехнологичных фирм.

Уже упоминавшийся Аллан Э. Гудман утверждает: «Где-то в 2000 году приток мозгов сменился оттоком».[45]

Потом случилась террористическая атака 11 сентября. В 2001 году Госдеп на 20 % сократил количество виз для иностранных студентов. Доступ иммигрантов в сферы, связанные с национальной безопасностью, стал еще жестче. Открытость общества – одно из главных рыночных преимуществ США – подобно шагреневой коже, съежилась на глазах.

В 2004 году квоты восстановили, но сигнал уже прошел по цепочке – «там очень трудно пробиться». Чем ехать за океан, лучше попробовать устроиться дома.

Вдобавок республиканский Конгресс, видимо, с подачи администрации президента Буша-младшего, в 2005 году, например, урезал финансирование Национального научного фонда на 105 миллионов долларов. Наверное, потому что война…

Между тем, в азиатских гигантах среди молодежи наблюдается бум на обретение научно-технических знаний. «У Китая… одновременно развит комплекс превосходства и комплекс неполноценности… Среди китайцев широко распространено представление, что их родина была когда-то великой страной, что она преуспевала в прошлом, но в настоящий момент серьезно отстает и вынуждена догонять вырвавшихся вперед».[46] «В Китае, где живет 1,3 млрд. человек и где университеты начинают пробиваться в верхние строчки мировых рейтингов, борьба за вакансии самая беспощадная. Косяк математическо-естественно-научной молоди, который сегодня плы-

[44] Т. Фридман «Плоский мир», М., 2006 г., с. 328
[45] Там же, с. 332
[46] Там же, с. 343

вет вверх по течению в Китае к нерестовым стоянкам в виде ведущих университетов или крупных иностранных компаний, состоит из неглупой и весьма пробивной рыбешки». В «Майкрософт», говоря о своем исследовательском центре в Пекине, одном из самых лакомых мест для тамошних научно-инженерных кадров, любят повторять: «Не забывайте, в Китае, если ты – один на миллион, у тебя как минимум 1300 конкурентов».[47] «Я разговаривал с одним молодым китайцем из «Майкрософта», который сопровождает Билла Гейтса в его поездках в Китай. Он сказал, что куда бы тот ни приехал, повсюду в Китае его ждут. Молодежь скупает билеты у спекулянтов и забивает залы выступлений битком – с единственной целью услышать Гейтса. То же самое происходит с Джерри Иенгом, основателем Yahoo!»[48]

В условиях глобального рынка не только «черная», но и «белая» работа уходит к тем, кто может, а, главное, хочет ее делать, и за небольшие деньги. «Этот неприличный секрет высокопоставленные лица корпоративной Америки выдавали мне лишь шепотом: когда они пересылают работу за рубеж, они не только экономят 75 % на зарплатах, они получают 100 % роста производительности».[49] «Один переподготовленный человек в Бангалоре, даже если не учитывать его низкую ставку, будет выполнять работу двух или трех европейцев – не говоря о том, что бангалорцы не требуют шестинедельного отпуска».[50] «…многие рабочие места, которые сегодня утекают за границу, это места в высокостоимостном секторе экономики. И не только потому, что специалисты там дешевле, но и потому, что многие из них образованы не хуже американцев, а иногда и лучше».[51]

Попытка сохранить за собой право на производство «фишек», делающих привезенный из Китая продукт уникальным, фирменным – атавизм национального американского самосознания. Будьте уверены, глобальный рынок, в полном соответствии со своими законами, сметет предрассудки неплоского мира. Или не сметет. Не станем забывать о мощи штатовской индустрии и системы научно-технического образования.

А вот опять Билл Гейтс: «Мы должны очень постараться, чтобы все испортить, чтобы наше абсолютное богатство (имеется в виду система образования и науки – прим О. Б.) перестало расти».[52]

---

[47] Там же, с.с. 339,340
[48] Там же, с. 339
[49] Там же, с.с. 333, 334
[50] Там же, с. 334
[51] Там же, с. 339
[52] Там же, с. 312

Жуй, Америка

Сам факт, что американские интеллектуалы призывают политический и предпринимательский истеблишмент своей страны проснуться и с большим усердием столбить нынешнюю позицию в глобальном рынке – лидера по инновациям и мозгового центра – убеждает: Штаты предпримут все возможное, дабы устоять на вершине. Как бы ни славили певцы-романтики постиндустриализма, тот же Томас Фридман, прелести международного сотрудничества, а национальный интерес существует – и ни в зуб ногой. Вот только возможности для его соблюдения у заокеанской державы как никогда ограничены.

В идеале, безусловно, там хотели бы иметь американский рынок, разросшийся до глобального. Нет, немного не так. В идеале Соединенные Штаты хотят всегда видеть глобальный рынок примерно таким, как сейчас. Потому что сегодня это американский рынок глобальных размеров. Недаром заокеанские политики и пропагандисты вдохновенно рассуждают о новых грандиозных перспективах так, будто прежде международного обмена не существовало вовсе. Объяснение простое: именно США регулируют движение глобальных финансовых потоков. Спросите, кто главный в семье или на производстве. Понятно же: у кого деньги.

«Дик Фостер, директор «Маккинси энд компании» и автор двух книг об инновациях заметил мне как-то: «У нас своя американская «промышленная политика» – она называется «фондовая биржа». Именно здесь аккумулируется венчурный капитал, именно здесь он питает свежие идеи и растущие компании, сказал Фостер, и ни один рынок капитала в мире не способен справиться с этим лучше, чем американский.

Тем, что долгосрочное кредитование выполняет свою задачу с такой эффективностью, мы обязаны безопасности нашего рынка ценных бумаг, защите интересов миноритарных инвесторов. Естественно, афер, эксцессов, коррупции в нашем биржевом мире вполне достаточно – такое всегда происходит, когда на кону оказываются солидные деньги. Но наши рынки капитала отличаются не отсутствием скандалов типа того, что случился с корпорацией «Энрон», в конце концов, это американская корпорация. Нет, их отличие заключается в том, что когда скандалы происходят, они, как правило, всплывают на поверхность – либо благодаря Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, либо благодаря бизнес-прессе, – и их негативные последствия исправляются…. Снова процитирую Фостера: «Ни Китай, ни Индия, ни другие азиатские страны не достигнут успехов в инновациях, если не смогут построить эффективные рынки капитала, а они

не смогут их построить, пока не обеспечат правовую защиту миноритарных акционеров от характерных для отрасли рисков».[53]Сегодня этот хвастливый монолог кажется пародийным.

В общем, во всем мире считали, что наличку надежней всего хранить в швейцарском банке, а ценные бумаги – размещать на бирже в США.

Недаром российское руководство доверяло американской финансовой системе больше, чем себе, и направляло средства Стабфонда прямиков в тамошние ценные бумаги.

«…Китай ссужает Америку деньгами, которые в принципе нужны самому Китаю. И не один Китай. Щедрый кредитор США – Япония. В целом страны всего мира в той или иной мере играют эту роль. Сегодня иностранцы владеют 40% американских ценных бумаг… Доля Китая в структуре американского долга постоянно растет. В 2004 году она составляла 480 миллиардов долларов ценными бумагами – чуть меньше четверти. И это было в два раза больше, чем всего двумя годами ранее».[54]

В США поступают огромные суммы. В государственную систему, которая, все знают, отягощена триллионными долгами. И Джордж Буш-младший вместе со своей администрацией верстает рекордные бюджеты, а американцы берут потребительские кредиты по чрезвычайно низким процентным ставкам. «Это ошеломляющая сумма в 84454 доллара из расчета на каждую семью».[55] (сегодня названный показатель вырос примерно до 150000 – прим. О. Б.)

«…выбранные Америкой и Китаем пути к процветанию очень рискованны. Если Америка не станет покупать китайские товары, Китай не сможет поддерживать собственное благосостояние. Если Китай перестанет ссужать Америку деньгами, США нечего будет тратить».[56]

Получается так: поскольку неэффективная, изъеденная червяками коррупции госмашина Китая не способна создать собственную надежную финансовую систему, то тамошние женщины, работающие по 16 часов в сутки за 100 долларов, всю причитающуюся им, но регулярно утаиваемую работодателем существенную добавку к грошовой зарплате, по сути дела, за просто так отдают и без того благополучным американкам, чтобы те могли купить произведенный китайскими подругами товар. И после этого кто-нибудь решится сказать, что глобальный рынок – не американский, расширенный на величину азиатских гигантов?

---

[53] Там же, с.с. 313, 314

[54] Т. Фишмен «Китай. Inc», М., 2007 г., с. 366.

[55] Там же, с. 366

[56] Там же, с. 372

«Экономика Соединенных Штатов Америки носит ярко выраженный долговой характер. Это, в общем, и не очень скрывается. Скрывается только реальный объем долга и, еще более, скорость его роста. А чему, собственно, равен совокупный долг США? Напомним, что «совокупный» – это с учетом долгов Федерального правительства, правительств отдельных штатов, муниципалитетов, корпораций и домохозяйств. При этом имеются в виду только долги «живые», которые являются реальными активами финансовой системы; отложенные долги типа долгов пенсионной системы мы здесь не считаем. Так вот, составляет этот объем на сегодня около $ 50 трлн. Напоминаем, что ВВП США, по их оценкам, составляет около $ 12 трлн, по нашим (и европейским) методикам, очищенным от всяких там приписных рент и гедонических индексов, – около $10 трлн. То есть объем долгов составляет 5 годовых ВВП страны.

Можно посчитать иначе. Мировой ВВП по паритету покупательной способности равен примерно $ 60 трлн. То есть американская экономика уже живет в ситуации, при которой почти весь годовой мировой ВВП должен быть возвращен за их долги.

Это очень много. Неудивительно, что американская экономика так болезненно реагирует на повышение учетной ставки: такие долги выплачивать невозможно, их приходится рефинансировать, а это значит – брать на себя обязательства по ставке, которая сегодня уже выше 5%. 5% от $ 50 трлн. – это $ 2,5 трлн. Такие деньги, четверть ВВП, никакая экономика позволить себе платить не может. Следовательно, приходится увеличивать темпы наращивания долга. Так вот, темпы роста совокупного долга США уже много лет подряд составляют около 10% в год. Это в 2,5 раза выше темпов роста мировой экономики и более чем в 3 раза – экономики американской (это по их, оптимистическим, подсчетам!)»[57]

Поневоле воскликнешь: «Что за фокус такой? Как ведущая экономическая держава мира с блестящей финансовой системой оказалась по уши в долгах? И что характерно – в ус не дует. «…вклад США в мировой ВВП составляет, по различным оценкам, от 18% до 25%. А вот в потреблении их доля составляет уже около 35–42%. Иными словами, потребление американских граждан дотируется практически наполовину. При этом только часть дотаций приходится на прямые кредиты, другая часть осуществляется за счет «трансфертных» цен и завышенного курса доллара».[58]

Рисуется фантасмагорическая картинка. Допустим, шейхи Саудовской Аравии отправляют в Штаты нефть и параллельным курсом – деньги, чтобы Америка могла эту нефть купить по установлен-

[57] М. Хазин «Слабое звено», ж. «Профиль», 2007 г., № 31
[58] Там же

ной ОПЕК цене. То же проделывают Япония со своей электроникой и машинами, Китай с ширпотребом. Россия, по щедрости души, шлет одни деньги и ничего купить не просит, ну, разве чуток стали, меди да никеля. Такой интересный глобальный рынок.

А все почему? Да просто нефти в аравийской пустыне, компьютеров и авто в Японии, детских игрушек в Китае столько, что их некуда девать. Не отдавать же просто так безденежным да вдобавок беззаботным жителям Республики Чад или Папуа-Новой Гвинеи. Американцы все-таки половину стоимости товара оплачивают из своего кармана. К тому же ведут тщательный учет, кто сколько денег прислал. Между прочим, шлют не только правительства, но и разные фирмы. А среди них много всяких совместных предприятий, большинством из них на паях с иностранцами владеют многочисленные граждане США. Им тоже приятно входить в реестр кредиторов собственного государства.

Вот так бедная Америка, отпыхиваясь, потребляет и потребляет разные товары со всего мира и ворочает чужими деньгами. И каждый норовит засунуть кусок в ее бездонную пасть. И чувствует себя несчастным в бизнесе или государственных делах, если не удалось протиснуть ложку сквозь частокол зубов.

Если, не дай бог, Америка скончается от переедания, то вместо соленой воды в Персидском заливе будет плескаться нефть, японцы заставят автомобилями все свои острова и приспособятся жить на железных крышах, а полтора миллиарда китайцев окажутся погребенными под горами произведенной ими всякой всячины.

Когда совокупный долг США достигнет ста годовых ВВП, соберутся участники глобального рынка и скажут: «Да ладно, Америка, не тушуйся. Порви реестры, мы тебе все прощаем, ты славно поработала челюстями. Жуй дальше».

Это было бы лучшее решение для сохранения нынешнего, мягко говоря, странного мирового порядка и относительной стабильности. Но финансовые кризисы августа 2007 года и января 2008-го дают понять – участники глобальной игры нервничают, партнерам-кормильцам США недостает смиренности. Они пытаются решить неразрешимую дилемму: как начать получать с Америки долги, в то же время сохранив ее в качестве своего господина?

А нам предстоит попробовать разгадать величайший секрет: так как же все-таки ведущая экономическая держава мира оказалась в густой паутине долгов? И действительно ли виной тому непомерные расходы на науку и высокие технологии?

Исход золота

Для прояснения парадокса нам предстоит ступить в таинственные, зыбкие пределы, где ничто не истина, где заправляют наитие, страсть и высокая доверчивость. Мы идем к больше не золотому «золотому тельцу».

«Во все времена люди пытались разобраться в природе и в особенностях денежного феномена. «Даже любовь не свела с ума большего числа людей, как мудрствование по поводу сущности денег (Гладстон)».[59]

Но и под страхом потери рассудка, возьму все-таки и помудрствую. А чего? Всем можно, а мне нельзя?

Для начала горячо подержу Дж. К. Гэлбрейта, заявившего: «Закрепление денежных функций за благородными металлами и другими предметами – продукт соглашения между людьми».[60]

Договариваться друг с другом много полезней, чем друг друга колошматить или даже просто друг друга строить. Формула универсальная и подтвержденная всем опытом существования разумных существ на планете. Вот и изобретение денег подняло производительность труда, послужило хозяйственной интеграции, позволило направить излишки производства на развитие, ускорило и облегчило движение товаров и т.д. и т.п. Собственно, превратило племенной люд в человечество.

Вдобавок первоначальная денежная система – это такая локальная информационная сеть, сообщающая ценность всех материальных предметов, трудовых вложений и услуг относительно друг друга.

Первые деньги были почти образцово надежны. Они легко меняли свою посредническую функцию на товарную или потребительскую и наоборот. Например, деньгами договаривались считать скот или зерно. Допустим, намеревался ты за корову купить у соседа участок земли. И тут, например, инфляция. Сосед просит за участок две коровы. С горя залазишь в загон-кошелек, забиваешь животное-деньгу, съедаешь наличность, накормив вдобавок жену и детей, и на сытый желудок думаешь – ну и пусть сосед попробует подавиться своей землей.

В России деньги грели не только душу, но и тело. Векши и куны (шкурки белок и куниц), полагаю, весьма пригождались долгими зимами в избах без центрального отопления.

Серебро и золото не съешь и согреться ими не согреешься, но именно эти драгметаллы, легко признаваемые за деньги во всех

---

[59] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», Спб., 2007 г., с. 438

[60] Цитата по кн. В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», Спб., 2007 г., с. 438

уголках планеты, помогли создать общечеловеческую цивилизацию. В информационном смысле они объединили локальные сети в Интернет, правда, пока под названием «международная финансовая система». Теперь всякий парень из Тамбова после рассказа дружбана-морячка мог рассчитать, сколько надо продать ведер картошки за ночь с креолкой в бразильских фавелах.

Две мировых войны в XX веке выбили из-под денег общедоговорную объективную основу. Воюющим странам – мировым экономическим лидерам – требовалась для оснащения армий и регулярного восполнения выходящего из строя оружия гораздо большая масса средств, чем та, что обеспечивалась золотом.

«…1-я мировая война 1914–1918 г.г. у большинства участвующих в ней стран вызвала крах золотомонетного стандарта. В результате неконтролируемой эмиссии денежных знаков размен банкнот на золото, его свободный вывоз были прекращены, и этот стандарт фактически перестал работать».[61]

В конце 20-х годов XX века во многих странах был введен золотослитковый стандарт. Подразумевалось, что бумажные деньги обеспечены драгоценными слитками, и вы можете обменять в банке свою купюру на щепотку золотых крошек. Кризис 30-х годов обрушил иллюзии обывателя. «…в Великобритании и Японии золотовалютный стандарт был отменен в 1931 г., в США в 1933 г., а во Франции и в некоторых других европейских странах – в 1934–36 гг.».[62]

Фантастически разбогатев во время Второй мировой войны, Соединенные Штаты в 1944 году в Бреттон-Вуде добились признания доллара в качестве резервной мировой валюты, иначе говоря, суррогата золота. Они гарантировали обмен «зелени» на драгметалл по твердому курсу. «Но в реальности Штаты всегда воздерживались от такой операции даже с центральными банками других государств».[63]

До 1978 года золото применяли для определения стоимостного содержания национальных валют при обмене их друг на друга. Но размах международной торговли оказался столь велик, человечество напроизводило столько всякой всячины, что запасов все-таки достаточно редкого металла не хватало даже на покрытие средств, используемых в межгосударственном обмене.

Доллар сдался много раньше. Еще в 1971 г. Ричард Никсон прекратил обмен американских денег на золото. Тут же за ним последовали все лидеры стран западного мира.

Российский рубль формально простоял на золотых котурнах дольше всех в мире. Только в 1992 году реформаторы гайдаровского

[61] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», Спб., 2007 г., с. 447
[62] Там же, с. 447
[63] Там же, с. 448

призыва оставили его без обеспечения драгметаллом. «И с этого времени объективное содержание было утрачено всеми национальными валютами. По сути своей они превратились в фантики, абстракции, фикции».[64]

В другом месте В. Е. Чабанов называет современные деньги «крашеными бумажками». Будь это так, я вместе со всей родней с утра до вечера только бы и делал, что с помощью трафарета разрисовывал аккуратно нарезанные листочки. Увы и ах! Центробанки разных стран крепко держатся за свое право красить куски бумаги, а все государства без исключения нещадно борются с фальшивомонетчиками. Современные купюры – высокотехнологичный продукт, начиная с недоступного простому обывателю вида бумаги и кончая водяными знаками и прочими защитными ухищрениями. Если на одну чашу весов положить банкноту, а на другую ровно столько золота, чтобы установилось равновесие, то большой вопрос, производство какого из двух товаров обошлось дороже.

«Отвязность» бумажных денег господином Чабановым тоже несколько преувеличена. Раз Центробанки государств обладают монопольным правом на производство бумажных денег, то логично предположить, что их объективное содержание обеспечивается валовым внутренним продуктом той или иной страны. Именно такую методику оценки предложил президент Никсон, отказывая доллару в золотом обеспечении. И покуда США производят шестую часть мирового ВВП, ни российскому рублю, ни, тем паче, украинской гривне тягаться с долларом бесполезно. Да, эти чистенькие расчеты в реальности искривляются госдолгами, конъюнктурой на те или иные виды товаров и услуг и так далее, но чуть ли не более всего дальнейшей трансформацией самих денег.

Информационная революция, «третья волна», постиндустриализм постепенно лишают деньги даже бумажной основы.

«Деньги Третьей волны цивилизации во все большей степени представляют собой электронные импульсы. Они мимолетны… мгновенно перечисляются… контролируются на экранах мониторов. Практически они являются видеофеноменом. Мерцая, сверкая, просвистывая по всей планете, деньги Третьей волны являются информацией – основой знания».[65]

Деньги как основа знания – это, конечно, круто. Только бесконечно влюбленные в них американцы способны наделять своих ненаглядных все новыми и новыми свойствами. Не удивлюсь, если завтра какой-нибудь не самый худший представитель Нового Света сочтет деньги самым глубокомысленным собеседником на Земле.

---

[64] Там же, с. 448

[65] Э. Тоффлер «Метаморфозы власти», М., 2004 г., с. 95

На самом деле, постиндустриализм лишил значительную часть средств какой-либо материальной формы и за счет этого выпятил их информационную и договорную сущности, всегда в деньгах содержавшиеся. Просто скорость изменения договоренностей, а следом за ними и информации, значительно возросла даже по сравнению с индустриальной эрой.

Именно из-за своих отчетливых информационных свойств деньги так органично и быстро вписались в постиндустриальные отношения. Сколько ни оцифровывай пуд зерна или тонну стали, а прибудут они к месту назначения не раньше, чем придет пароход или поезд. За это время финансисты их успеют оценить, несколько раз переоценить, получить под их залог кредиты, из этих кредитов кого-то кредитовать, и когда пуд и тонна окажутся в порту или на станции, то, вполне возможно, пролежат месяцок в транспортных средствах, покуда денежные люди разберутся, кто же получатель товара.

«… главной проблемой при росте долговой пирамиды являются инструменты обеспечения кредита. Когда речь идет о слитке золота или тонне пшеницы, то все ясно. Но когда речь идет о домах, начинаются проблемы, поскольку дома иногда продаются, а иногда – нет. А уж если речь пошла об акциях… А еще лучше – не просто об акциях, а об акциях, купленных на деньги, взятые в кредит… А еще лучше – об облигациях, купленных на деньги, взятые в кредит под залог акций, купленных на деньги, взятые в кредит под залог рубинового колье. Давайте уж отдавать себе отчет, что в этой ситуации колье обеспечивает и возврат первого кредита, и возврат второго, и возврат третьего. Потому что все остальное может достаточно быстро обесцениться».[66]

«Сегодняшние деньги имеют эфемерную природу: производные на производные производных – причем чем дальше по цепочке, тем больше суммы. Для того чтобы не уходить в сферы высшей математики, рассмотрим только один дериватив, чрезмерное увлечение которым, по мнению многих экономистов, и привело финансовую систему к текущему цугундеру – Credit Defeult Swap (CDS). Представьте, что вы (не сейчас, конечно, до кризиса) одолжили кому-то крупную сумму денег, допустим, сто тысяч рублей на полгода. Но уверенности в том, что должник ее вернет, нет. Вот и не спите ночами, клянете свою глупую щедрость и приходите к выводу что готовы заплатить, лишь бы перевалить это бремя на кого-то еще. Вы идете к другу и говорите, что готовы в течение полугода платить ему по тысяче рублей в месяц за то, что тот вернет вам сто тысяч, если этого не сделает должник. Друг рад: не вложив ни копейки и не делая ровным сче-

[66] М. Хазин «Слабое звено», ж. «Профиль», 2007 г., № 31

том ничего, он получает шесть тысяч рублей. Вы тоже рады, потому что спите спокойно. А должник? А он вообще не в курсе, и все ваши манипуляции никак не повлияют на его возможность и желание вернуть искомые сто тысяч.

Как называется сделка между вами и должником? Кредит. А между вами и другом? Пари. Глобальный рынок CDS – это своего рода букмекерская контора, только ставят в ней не на результаты спортивных событий, а на то, кто, когда и в каком объеме исполнит свои финансовые обязательства.

По последним данным, общий объем ставок в этой глобальной конторе в 2008 году превышал 58 триллионов долларов, и это больше, чем мировой ВВП.

Весь этот колоссальный объем не существующих и никогда не существовавших в реальности денег долгое время служил гарантией по кредитам».[67]

«Быстрые» деньги как бы ушли в отрыв от «медленного» производства, но в то же время рыщут по свету в поисках самых эффективных промышленности, торговли, сервиса, самых полезных ископаемых, ибо только с их помощью могут доказать некоторым недоверчивым людям, что они не электронные фантомы, а реальные носители реальных богатств. Но худеют, все время худеют от такой-то суеты.

«Ускорение оборота денег, при прочих равных условиях, по своему экономическому эффекту равнозначно выпуску в оборот дополнительной массы денег. Кредитная экспансия, выражаемая в расширении масштаба кредитования, в росте спекулятивного капитала, виртуальная экономика также воспринимается реальной экономикой как источник инфляции».[68]

Полагаю, если все «мерцающие» на планете электронные деньги разом перевести в бумажные, то американцы станут ходить в свои супермаркеты с мешками долларов, как россияне на базар с керенками в гражданскую войну.

Виртуальные резервуары

В 1999 году Сьюзан Джордж заметила: «Хотя ООН утверждает, что в настоящее время существует 40000 ТНК, верхние сто из них контролируют одну пятую всех активов ТНК во всем мире».[69] «Огромный приток ликвидных средств на финансовые рынки также отражает процесс передачи богатства снизу вверх. Когда у менее зажиточных людей заводится немного наличности, они покупа-

[67] А. Полухин «Алхимия, Обама и печатный станок», «Новая газета», 2009г., №34
[68] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», Спб., 2007 г., с 450
[69] С. Джордж «Доклад Лугано», Екб., 2005 г., с. 262

ют товары и услуги и тем самым поддерживают реальную экономику на ходу. Когда деньги двигаются к тем, у кого уже есть почти все, в чем они нуждаются или чего желают, они вкладывают их в бумагу, в значительной степени непродуктивную… Деньги, которые плещутся сейчас в резервуарах мира, большей частью находятся в руках пенсионных фондов, страховых компаний и финансовых фирм (брокерских контор, хедж-фондов и т.п.). Их совокупные активы оцениваются в кругленькую сумму 21 триллион долларов, половина которых принадлежит компаниям в США. Для сравнения скажем, что она превышает совокупный годовой ВВП всех индустриализованных стран…»[70]

В XXI веке обе тенденции – рост биржевого капитала и его концентрация в руках все меньшего числа избранных – продолжились, и можно сказать, приняли лавинообразный характер.

«Оказалось, что в существующих условиях деньги могут вообще не связываться с производством и приносить прибыль всего лишь перекладыванием их из одних карманов в другие. Более того, доходность при этом бывает значительно выше, чем если они помещаются в реальную экономику. Естественным результатом этого явилось превращение денежного оборота в самостоятельный бизнес, его автономность, появление независимой финансовой, виртуальной экономики. И колоссальная концентрация в ней денег…

В результате уже не прибыль, рентабельность или технический прогресс приносят наибольший доход, а процент, котировка акций, валютные торги».[71]

Локализация виртуальных денег, как выразилась Сьюзан Джордж, в «резервуарах», решает сразу несколько задач. Покуда финансы заключены в акции, облигации и прочие «ценные» бумаги, их действительный вес отгорожен от проверки реальными экономическими отношениями. Ни один человек в мире не скажет, что представляют собой эти свищущие по планете триллионы. Они называются деньгами, кажется, лишь по договоренности – или по сговору, как вам угодно – глобального бизнес-сообщества. Всякая более или менее массовая попытка рыночных игроков получить за них некие материальные активы заканчивается кризисом ликвидности.

Второе назначение «резервуаров» – превращение виртуальных вроде бы денег в дефицит, из средства обмена – в товар. Пусть они плещутся через край, но получить их, а точнее купить, производство, государство или гражданин могут только по сногсшибательным ценам.

Михаил Хазин в одной из телепередач заметил: «Американская финансовая система долго соблюдала баланс в кредитовании произ-

---

[70] Там же, с.с. 267, 268

[71] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», СПб., 2007 г., с. 453

водителя и потребителя». Стимулируя одновременно рост выпуска товаров и спрос на них, она обеспечила необычайно высокую экономическую динамику. Приезжающие впервые в США, описывают обычно свои впечатления так: «Мы словно оказались на другой планете». Отрыв в развитии от остального мира Соединенные Штаты совершили за чрезвычайно короткое по историческим меркам время – примерно за 20–25 лет прошедших после Второй мировой войны.

Особенности «кредитозависимой» экономики сформировали даже стандарты поведения американцев. Они не боялись жить «с долгом на шее», напротив, настороженно относились к тем, кто не имел банковских обязательств. Вы, конечно, не раз и не два слышали рассказы наших соотечественников, побывавших в США, о том, как они посещали, допустим, ресторан. Отобедав, вынули из кошельков доллары, чтобы расплатиться – и вдруг видят, что официант берет купюры, как «бритву обоюдоострую», а посетители с соседних столиков на них зыркают то ли с интересом, то ли с опаской и энергично между собой обсуждают столь необычный жест держателей «живых» денег. Чаще всего россияне полагают, что такую реакцию вызывает их «техническая» отсталость: представляете, эти люди носят с собой банкноты вместо того, чтобы пользоваться карточкой. На самом деле, причины настороженности гораздо глубже. Вы совсем уж ничтожный, погрязший в невыполненных обязательствах человек, раз все банки отказали вам в доверии. Жизнь в долг укоренилась как неукоснительная норма в поведении американцев.

Впрочем, объяснять на пальцах, что такое «долговая экономика», россиянам уже не нужно. За последние пять-шесть лет у нас в стране произошла практически поголовная автомобилизация населения, начал меняться облик городов, домашние хозяйства пополнились миллионами компьютеров, стиральных машин, пылесосов, холодильников и прочей бытовой техникой самых современных моделей – и все благодаря кредиту. Совсем какой-то несмешной, но точный анекдот «тучных» лет: «покажи мне твою машину, и я скажу, сколько ты должен банку». Нация только начинала распробовать прелесть такого существования. Те вещи, на приобретение которых пришлось бы копить деньги годами, оказывались в твоем распоряжении фактически мгновенно. Миллионы людей увлеченно занялись обустройством своих личных мирков, наплюнув на прочие интересы. Собственно, мы превращались в «общество потребления», и абсолютному большинству оно пришлось по вкусу. Да, за порогом твоего дома много несправедливости, жестокости, хамства, но включаешь «плазму» величиной в полстены – и пошло все на фиг.

Но и поставщики тоже не рыжие. В этой гонке приобретательства они вышли на такой уровень, когда меряются крутизной уже

не авто, а яхт или самолетов. И они нарушили баланс, начав раздавать кредиты кому попало. А потом, испугавшись банкротства, принялись размазывать «плохие» займы по всей финансовой системе, одновременно увеличивая объем «виртуальных» средств на рынке. Способов «производства» не обеспеченных ничем денег множество. Вот один из них, связанный с реальным сектором экономики.

Денежный насос

В России в последние годы наблюдался строительный бум, а значит, и всплеск ипотечного кредитования. Финансисты вовсю использовали рыночную конъюнктуру. Ипотечные кредиты выдавались под 12–15 % годовых. Но не обращайте внимания на эти цифры – они обманны. Допустим, вы взяли в банке сроком на 10 лет 1 миллион рублей. Через год вы вернули 100000 плюс 15000 в виде процентных платежей. Казалось бы, в следующие 12 месяцев размер процента должен вычисляться из суммы в 900000 рублей, ведь именно столько вы теперь должны банку. Не тут-то было. Все 10 лет ростовщический процент берется с первоначальной суммы займа, до тех пор, пока вы не вернете финансовому учреждению последнюю копейку. Получается, вы приобрели деньги во временное (!) пользование по цене 1,5 рубля за каждый рубль. Бальзаковский Гобсек по сравнению с нынешними банками – милый, добросердечный старичок.

Пока идет масть, финансовая братия вовсю использует неисчерпаемость мировых резервуаров, мобильность и агрессивность их содержимого. Собственных оборотных средств у российских банков для ипотечного и особенно потребительского кредитования оказалось недостаточно, и они кинулись занимать деньги на Западе под 3–5 % годовых. Общая сумма займов приблизилась к полутриллиона долларов. Ведущие российские экономисты и политики с умным видом начали рассуждать, что в случае, если отечественная банковская система окажется неплатежеспособной, в нее надо закачать средства Стабфонда.

А чего бы системе не отдать свои долги? Берут деньги под 5 %, а раздают под 15 %, да и доллар был дешевый. А того. Вдруг западные банкиры в связи с ихним мировым кризисом подойдут толпой к нашим, приставят ножи к горлу и скажут: «Верните все немедленно». От себе подобных не отбрешешься, придется распечатывать Стабфонд.

Но мировая закулиса, наточив ножички, пока их не достает. Очень ей нравится наш рынок кредитования! И даже если сами назанимали у занявших (см. приведенную выше выразительную цитату из М. Хазина о долговых пирамидах и рубиновом колье) – пока терпят.

А как не терпеть, когда такая маза. Вот стоит в российском городе новенький дом. Его себестоимость, допустим, 10 миллионов

рублей. Наш застройщик без прибыли в 100 % даже деревянный колышек поленится вбить. Плюсуем еще 10 миллионов. Потом чиновникам, распределяющим землю, надо подмазать печать – иначе не выделят участок. Миллионов 5 придется накинуть, никак не меньше. А прораб, поставщики материалов, короче, участники процесса, рыжие, что ли? «Зарыть» в землю еще пяток миллионов – значит, показать, что совесть у тебя до конца не потеряна, другие то вон… Сформировалась рыночная цена дома – 30000000 рублей. Теперь можно в банк за кредитом, да заодно и договор об ипотеке подписать. Застройщик вместе с финучреждением выкатывают цену за квадратный метр жилья. Потребителям хочется, но колется. Хочется, однако, очень. Они наскребают первоначальные взносы и берут ипотечные кредиты.

Банк вернет себе все выданные деньги и еще в виде процентных платежей «наварит» примерно столько же или даже больше. Но через десять лет. А финансовых успехов хочется каждый год. Значит, необходимо прокредитовать покупку ненасытными потребителями 10 таких домов.

Легко сказать, Где взять столько денег, если родной Центробанк набивает кубышку Стабфонда и громоздит золотой запас. Остается попросить взаймы у коллег за рубежом и затем из 15 ростовщических процентов отдавать иноземцам пять. Зато, что ни год, иметь на каждый вложенный рубль – два или около того.

Итак, застройщик, чиновники, прорабы и поставщики получили на руки в процессе возведения дома 20 миллионов, или 200-процентную прибыль. Часть этих денег будет потрачена на потребление, то есть некоторым образом простимулирует экономику: накупят себе тех же квартир, яхт, автомобилей «Бентли» и золотых унитазов. Конечно, могут спустить все, но только если обладают еще и недюжинным богатством фантазии. Сдается, однако: немалая часть все же осядет на депозитах, в ценных бумагах, иными словами, пополнит финансовые резервуары.

Прибыль российского банка, в принципе, тоже может подхлестнуть рост деловой активности: не только заемные, но и собственные средства инвестируй в новые ипотечные кредиты и способствуй строительству уже не 10, а 100 домов. Но политика менеджмента финучреждения меняется чаще, чем настроение истеричной барышни: то решают покупать облигации, то затевают эмиссию уставного фонда, то еще какую хитрую, но вполне виртуальную операцию.

Что же получается в сухом остатке? Произведена материальная ценность – дом – напомню, стоимостью 10 миллионов рублей. С ее помощью удалось легализовать и запустить в финансовый обиход дополнительно 50 миллионов (20 «ввел» застройщик и иже с ним, 30 – российский банк и его западные кредиторы). Если на секунду

представить, что деньги, задействованные в финансовых операциях, сопровождавших строительство дома, и есть вся отечественная валюта, то манипуляции с ней обесценили рубль в 5 раз. Но ведь и не скажешь, что приведенный пример, при всей условности сумм, – уникален. Скорее, наоборот: он весьма характерен для отечественной экономики, и за вычетом некоторых нюансов, мировой.

Потому не приходится удивляться, что разномастные деньги на нашей планете год от года теряют вес, а цены растут на все во всех уголках Земли, независимо от количества и качества произведенных товаров. Пиратская норма прибыли вкупе с вопиющей коррупцией делает эти процессы в наших пределах особенно интенсивными. Но и там, где при даче взятки оглядываются, положение немногим лучше.

По экономическим теориям, прибыль должна ограничивать конкуренция. Но концентрация капитала (посмотрите в нашем примере, с какой помповой силой банк и застройщик всасывают средства потребителя) и изощренные управленческие модели превратили последнюю в фантом, которым оперируют в своих отвлеченных пассажах разве что некоторые подслеповатые теоретики. Кому интересно подробно узнать об исходе конкуренции с рынка, отошлю к трудам Дж. Гэлбрейта.

Обратимся теперь к западным банкам из нашего примера и посмотрим, как деньги делают деньги. Финансисты из-за Дуная и Атлантики дали кредиты не производителю, а своим российским собратьям по ремеслу. Включилась схема «деньги-деньги», безо всякого товарного прикрытия: 5% годовых на каждый вложенный у. е. Поскольку наши банки назанимали уже 500 миллиардов долларов, то выходит: ежегодно они должны перечислять за границы благословенной Родины 25 миллиардов «зеленых». Для тамошних экономик эти средства «левые», и если их не стерилизовать в разного рода инвестиционных фондах или не впарить китайцам, то ничему, кроме инфляции, они способствовать не могут.

Чудовище кушает

Кризисы, подобные затянувшемуся зимне-весеннему 2008 года, напоминают санитарную обработку в захламленном донельзя помещении. Слетают с доски дутые «фишки», оставшиеся деньги находят какую-никакую самоидентификацию, но при этом концентрация капитала увеличивается еще больше. Кризисы не ведут, однако, к смене правил игры, их просто некому менять. Повторю, капитал, став глобальным, больше неподконтролен государственным машинам, даже американской, мнящей себя мировым распорядителем.

«По заявлению Д. А. Митяева, президента Центра системного прогнозирования, «мы живем в системе некоторых превратных представлений. Никакого мирового финансового рынка не существует в том понимании, которое мы в него вкладываем. Есть некоторая система картелей, взаимосвязанных и сильно пересекающихся, которые получают свою сверхприбыль, есть Фондовый картель, есть товарные картели, включая ОПЕК, картель на рынке золота, есть Валютный картель, есть совершенно непонятный и неисследованный, но тем не менее самый мощный Картель формирования ожиданий рынка деривативов. Это все взаимосвязанные вещи. И в этом смысле глобализация есть глобальная власть этих вот нескольких десятков игроков, из которых центральные банки, министерства финансов далеко не самые крупные и мощные порой являются. И история показывает, что в основном, как правило, если все, скажем, три основных банка ФРС (Федеральная резервная система США – прим О. Б.), Европы и Японии не объединятся, то совокупная мощь так называемых финансовых спекулянтов пробивает любую защиту».[72]

«Впервые в истории рынки функционируют в мире, в котором поистине нет границ, но технологии, которые сделали такой мир возможным, распространяются гораздо быстрее, чем средства защиты этого мира от его собственных успехов и эксцессов… Информационная технология устанавливает между всеми игроками мгновенные и постоянные контакты, но она не может предохранить их от последствий их же собственных действий, а может даже стать фактором, провоцирующим критические события. Роль, сыгранная торговлей ценными бумагами на основе компьютерных программ (programme trading) в обвале фондового рынка США в 1987 году, может служить одной из первых, но уже достаточно яркой иллюстрацией этого феномена.

Государственные власти даже в самых могущественных странах больше не осуществляют полного контроля над стоимостью своих валют и над кредитно-денежной политикой. Иностранцы имеют солидные пакеты государственных ценных бумаг (государственный долг) и могут забрать эти инвестиции при самом незначительном сигнале тревоги, вызывая таяние финансовых запасов и скачкообразные флуктации валютных курсов. Удар в миллиард долларов, нанесенный Джорджем Соросом по британскому фунту, показал, что центральные банки уже не являются равными по силе противниками могущественных биржевых спекулянтов.

Дело не только в том, что национальные финансовые рынки полностью интегрированы в глобальный рынок; границы между различными типами рынков, которые раньше были обособленными, тоже

---

[72] Там же, с.с. 146, 147

размылись. Теперь уже невозможно провести четко очерченные границы между рынками долгосрочных и краткосрочных ценных бумаг, валютными рынками, рынками опционов, фьючерсов, товаров, деривативов и т.д. «Кредит – это все»; целые экономики буквально основаны на бумаге, представляющей чисто номинальную ценность…

Нельзя сказать также, что финансовые рынки сохраняют достаточную связь с реальной экономикой или торговлей. Суммы, циркулирующие ежедневно на валютных рынках, легко могут раз в 50 превысить рыночную стоимость всех сделок с реальными товарами и нефинансовыми услугами».[73]

«Отдельные биржевые спекулянты, корпорации, банки, брокерские фирмы, пенсионные фонды и так далее извлекают из системы огромные блага, но они не заботятся и не могут заботиться о самой системе, какими бы ни были их собственные долгосрочные интересы… в финансовой сфере преобладают мгновенные решения; логика краткосрочной перспективы работает против долгосрочных выгод, непосредственные права каждого игрока затмевают собой сохранение системы, которая гарантирует эти права. Как же можно в такой атмосфере сдерживать опасные тенденции, а уж тем более предотвратить серьезное, даже глобальное бедствие?»[74]

Каркать не хочется, но логично предположить: кризисы будут следовать друг за другом, поскольку ни одна из вызывающих их причин при нынешней разбалансировке интересов бизнеса и производства, бизнеса и ответственного государства, бизнеса и отдельно взятого человека в принципе неустранима. Весь вопрос в том, как долго рыночные игроки способны выдерживать перманентное стрессовое состояние. Стоит образоваться группе влиятельных паникеров, и глобальная экономика обрушится подобно Вавилонской башне.

Мы находимся при начале отвратительного акта поедания чудовищем собственной матери.

Глобальное финансовое сообщество «поставило на счетчик» проводника собственных интересов – госмашину США. Занятые своими повседневными делишками, биржевые игроки и не заметили, как подрубили ствол системы, обеспечивающей их благосостояние. Он еще стоит, но шатается.

Близнецы-данайцы

Когда золотой стандарт отменен, а вам надо поддерживать иллюзию, что выходящие из печатных машин банкноты суть и есть разновидность благородного металла, на какие только ухищрения ни пойдешь. Если президент США в очередной раз за-

---

[73] С. Джордж «Доклад Лугано», Екб., 2005 г., с.с. 46,47

[74] Там же, с.с. 47,48

являет, что где-то на планете, в тысячах миль от американских берегов возникла «угроза национальной безопасности Соединенных Штатов», не надо сильно морщить лоб, прикидывая так и эдак, каким образом жители, допустим, едва различимого на карте острова Гренада собираются насолить самой могущественной на планете державе. Отшелушив грозную риторику, мы легко поймем: там, куда указывает президент, у жителей Земли или, точнее, их правителей возникли сомнения: так ли необходим свободный доступ драгоценного доллара на внутренний рынок?

Для преодоления диссидентских мыслей Штаты используют два неотразимых аргумента – заем и пушки. Чаще тот или другой, в особо критических случаях выкладывают на стол оба козыря.

На уже упоминавшейся конференции в Бреттон-Вуде в 1944 году были образованы Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ). Голос американского правительства в правлениях Банка и Фонда решающий.

Как только у более или менее крупного государства возникают экономические проблемы, похожие на данайцев бреттон-вудские близнецы тут как тут: а вот кредит не желаете ли? Местным властям деваться некуда, хотя, даже захлебываясь, они замечают: уж больно соломинка похожа на багор. Предоставление займов Фонд и Банк осуществляют на определенных условиях. Требования к кредитуемым правительствам стандартны: реструктуризация промышленности (отказ от поддержки «неэффективных» отраслей и стимулирование нацеленных на экспорт, чаще всего сырья, потребного глобальному рынку), приватизация государственных предприятий, отмена валютного регулирования, сокращение налогов для ставших частными производств, уменьшение зарплат, четкое обслуживание внешних долгов и т.д.

Вспоминается телевизионный вечер академика Е. Велихова. Вопрос из зала задает молодой человек, воодушевленный и одновременно разочарованный рыночник: «Так когда же все-таки Россия станет частью мирового экономического сообщества?» Информированный академик раздавал в это время автографы и, не поднимая головы, буркнул в ответ: «Как только откажемся от национальной экономики, так сразу там и очутимся».

МВФ и МБРР ставят правительства кредитуемых стран под свой контроль, делают поляну ровной, а плантацию доступной. Создают структуры, через которые обогащаются местные элиты, способные со временем инвестировать «избыточные» средства в международные финансовые институты. Иными словами, интегрируют ранее независимые государства в глобальный рынок в качестве послушных поставщиков ресурсов.

У большинства россиян словосочетание МВФ вызывает большую ненависть, чем даже аббревиатура МММ. Сказывается, скорее, «классовое чутье», чем знание о проделках «белых воротничков». Редко кто догадывается, что у до сих низкого уровня зарплат в России ноги растут из давнишних уже требований МВФ. И массовый сброс предприятиями социалки – оттуда же.

Как-то раз, в 90-е, наше правительство недовыполнило настойчивые пожелания Фонда. МВФ задержал очередной транш, и тогда в Америку полетел Чубайс. Вернулся через пару дней, сел в телеэкран и, пытаясь воспроизвести интонации диктора Левитана, торжественно, прочувствованно сообщил: кредит дали. Гуляй, Расея!

Я на миг представил угрюмые физиономии миллионов телезрителей и опять подивился, как же Анатолий Борисович далек от народа.

Памятны также усилия МВФ по ликвидации в России угольной отрасли. Только благодаря забастовочному движению, стуку шахтерских касок на Горбатом мосту и сопротивлению здравомыслящих политиков, вроде Амана Тулеева, удалось спасти добычу в Кузбассе, Воркуте, российской Донбассе. А вот, к примеру, в Кизеловском угольном бассейне с тех пор не работает ни одна шахта. Кизел и Губаха превратились в самые депрессивные города Пермского края. Нищета, повальное пьянство, криминальные разборки…

Помощь бреттон-вудских близнецов приводит к одним и тем же процессам в осчастливленных странах. Сначала происходит оживление экономики, но не всей, а прежде всего финансовой сферы, где спешно формируются структуры, открытые глобальному рынку. Пышно цветут спекуляция, «пирамиды» и прочие прелести «плоского мира». Все эти карточные конструкции рушатся, обесценивая национальные валюты. Спустя некоторое время на погруженные в депрессию рынки приходят глобальные частные игроки с драгоценным долларом, и неторопливо осваивают открытые им Фондом и Банком возможности роста.

России удалось избежать последней стадии лишь благодаря капризу мировой конъюнктуры – резкому подорожанию нефти. А Южная Корея, Индонезия, Мексика, Таиланд только-только приходят в себя после помощи МВФ и МБРР, и если и выглядят еще драконами, то ощипанными.

Пушки как гарант доллара

Когда национальные правительства оказываются несговорчивыми и пытаются нагло покинуть «долларовый мир» – даже не попросив взаймы – в ход идет оружие. После Второй мировой Штаты сбрасывали бомбы или напрямую вводили свои вооруженные

силы на территории Вьетнама, Доминиканской Республики, Северной Кореи, Лаоса, Камбоджи, Ливана, Гренады, Панамы, Ливии, Ирака, Сомали, Сербии. ЦРУ в те же годы оставило след в гражданских конфликтах примерно в 50 странах, поддерживая всеми способами верных свободному рынку своих «сукиных сынов».

«Проект «Руководства по планированию защиты», разработанный Пентагоном (1992), призывает Соединенные Штаты продолжать доминировать в международной системе, «оказывая препятствия развитым промышленным странам, оспаривающим наше лидерство или даже просто стремящимся к более глобальной или региональной роли». Поддерживая это господство, как утверждают аналитики Пентагона, Соединенные Штаты могут гарантировать «зону мира и процветания, ориентированную на рынок, которая включает более двух третей мировой экономики».[75]

И не тем плоха структура экономики США, что ученые, как предполагает М. Хазин, проедают правительственные гранты в шикарных ресторанах. Даже при разгулявшемся не на шутку аппетите этих утративших духовность мужей и дам, сомнительно, чтобы они посредством безразмерных желудков обложили супердержаву триллионными долгами.

Логичней предположить другое: предусмотренные бюджетом расходы на научно-технические исследования в значительной мере идут на военные цели.

«В субсидировании научных и технических разработок США существует перекос, так как 70 % средств, выделяемых на проведение научно-исследовательских работ, поступает в вооруженные силы».[76]

«Эта глобальная сила безмерно дорога. Сегодня Соединенные Штаты тратят больше средств на вооруженные силы и другие формы «национальной безопасности», чем другие страны мира вместе взятые. Лидеры США руководят глобальным военным аппаратом никогда ранее не виданного в истории человечества размера. В 1993 году он включал почти полмиллиона войск, которые располагались более чем на 395 основных военных базах и на сотне второстепенных военных объектов тридцати пяти зарубежных стран (в 2008 году насчитывалось уже 1500 американских баз – прим. О. Б.), а также военно-морской флот, который по общему тоннажу и огневой мощи превышал все военно-морские флоты других стран вместе взятых… Эскадрильи самолетов-бомбардировщиков и ракеты дальнего действия США могут достичь любой цели. Они несут боевой запас, мощность которого достаточна для того, чтобы разрушить целые страны при силе поражения более 8000 единиц стратегического ядерного оружия и 22000

75 М. Паренти «Власть над миром», М., 2006 г., с. 57

76 Там же, с. 90

единиц тактического оружия. Силы быстрого развертывания США имеют огневую мощь, далеко превосходящую огневую мощь любой другой страны…»[77]

Вот оно, сегодняшнее обеспечение доллара как мировой валюты. Вот оно, объяснение стабильности несуразностей глобального мира.

Официальный Вашингтон тем временем с помощью колоссальной ренты пытается и в окопе отглаживать белую рубашку и стрелки на штанах: тратя на вооруженные силы столько, как будто Третья мировая уже идет, сохраняет высокие социальные стандарты внутри страны. Подумаешь, триллионные долги. Кому должны-то? Финансовым спекулянтам да транснациональным корпорациям, выпестованным полувековыми усилиями самого американского правительства. Без Америки их богатства – пшик. Брать с них в долг не только можно, но и нужно.

Когда очередной российский политик-пройдоха трещит об огромных выгодах вхождения в глобальный рынок, начиная, допустим, со вступления в ВТО, так и хочется ему сказать: «Ну-ну… Рассчитываешь, что тебе отломится надкусанный сэндвич со звездно-полосатого стола?» Очень, знаете ли, не хочется мне в глобальный рынок. В плоский мир.

СШМ: Соединенные штаты Мира

Между тем, сколько бы Вашингтон ни показывал уверенность в скором повсеместном торжестве «свободы и демократии», сколько бы ни делал вид, что долги его не беспокоят, но идущие в последнее время друг за другом кризисы дают понять – придется что-то решать. Вот только что? Понятно одно: финансовые рынки трясет не вследствие очередного, циклического обострения – глобальный мир, похоже, имеет дело с системной разбалансировкой. Нервная реакция – закрыть доступ на американский рынок финансам иностранных государств (Штаты никогда не стеснялись изоляционистских мер, рассуждения о свободе движения капитала поставляя на экспорт) – все равно что умирающему припарка. Наивные представления обывателя, мол, это Буш-младший напортачил, вот придет Хилари или Обама – и все наладится, можно спокойно опустить как бессодержательные. Системный кризис требует крупных решений.

Их видится два. Во-первых, раз рынок разросся до глобальных размеров, то для его сохранения и регулировки необходимо создать глобальное государство. Или хотя бы мировое правительство, чьи ре-

[77] Там же, с.с. 57,58

шения стали бы обязательными для исполнения всеми причастными к нынешней экономической системе странами.

Некоторые наблюдатели видят зачатки такого кабинета в различных элитарных клубах.

К примеру, в «Совете по международным отношениям», созданном еще в 1921 году банкиром Генри Морганом. Он существует до сих пор. В Совет входят бывшие американские президенты, послы, банкиры, финансисты, председатели транснациональных корпораций, военные, руководители ЦРУ. Из всем известных людей – Дж. Буш-старший и Генри Киссинджер. Коллективный член Совета – Институт международных отношений с отделениями по всему миру.

«…Председатель Совета по международным делам Дэвид Рокфеллер в своем выступлении в Гарвардском университете с лекцией «Феодализм и свободный мировой порядок» признал, что Совет готовит создание Общемирового правительства, руководимого Федеральным Правительством США. Он призвал к «…строительству мирового сообщества, основанного на развитии мирового закона и мирового порядка, опирающегося на транснациональное федеральное правительство» (Гуманистический манифест-II, 1972). И он же: «Сегодня мир более совершенен и предрасположен к созданию единого мирового правительства… Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и мировых банкиров более предпочтительна, нежели право народов на самоопределение, которому мы следовали в течение веков».[78]

Дж. Буш-старший, Киссинджер, Д. Рокфеллер – инициаторы создания и «Бильдербергского клуба», призванного руководить мировыми политическими процессами. В него входят премьер-министр Бельгии, министр иностранных дел Австрии, Билл Клинтон, Роберт Макнамара, Эдмонд Ротшильд и много других влиятельных людей.

«В июне 1997 года членами Клуба рассматривался практический вопрос о создании трех административных центров Мирового правительства: европейского, американского и тихоокеанского. Председатель Клуба принц Берхард поставил перед участниками задачу к 2000 году организовать основные структуры Мирового правительства с единым финансовым центром и глобальной армией».[79] Когда видишь, как настойчиво США требуют от своих союзников непосредственного участия в операции в Ираке, понимаешь: идеи интеллектуалов не пропадают втуне. В боевых условиях создается прообраз глобальной армии.

---

[78] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», СПБ., 2007 г., с.с. 145, 146

[79] Там же, с. 146

Администрация Соединенных Штатов все больше вживается в роль мирового правительства. Способы неформального давления на национальные государства самые разнообразные: от обещаний «хороших» отношений до подкупа и угроз. Кулуарность такого рода работы во многих отношениях предпочтительней для кукловодов, чем открытое администрирование: меньше обсуждений в СМИ, меньше понимания общественностью природы тех или иных решений.

Но постепенно оформляются вполне легальные наднациональные структуры. О «штурмовых отрядах» глобализма – Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития – говорилось выше. Добавлю только: попавшие в затруднительное положение правительства национальных государств практически не имеют возможности взять кредит за границей, если не обзаведутся рекомендацией МВФ. Такая блокада для неблагонадежных.

Легальным министерством мирового правительства можно назвать Всемирную торговую организацию, в которую с упорством, достойным лучшего применения, так рвутся российские лидеры.

«ВТО обладает полномочиями предотвращать, отклонять, ослаблять законы о защите окружающей среды, социального обеспечения, прав потребителя, трудовое законодательство любой страны. Она учреждает комиссии, которые состоят из невыборных специалистов в области торговли. Эти специалисты выступают в качестве экспертов по экономическим вопросам, ставят их над интересами национального суверенитета и народного контроля, тем самым обеспечивая подчинение общих интересов финансовому капиталу.

Назначенные на должность неизбирательным органом и ограниченные правилами о незлоупотреблении служебным положением, эти эксперты могут иметь финансовую заинтересованность именно в тех вопросах, по которым они выносят решения. Они тайно назначают встречи, не афишируют своих действий, и на них не распространяется право административной апелляции».[80]

Для России одним из условий членства в своей организации чиновники ВТО назвали увеличение цен на энергоносители в 4 раза для потребителей внутри страны. Какие приказы они издадут, когда мы все-таки войдем во Всемирную торговую – одному богу известно. И попробуй не выполнить. Невыборные и неподконтрольные обложат такими санкциями – мало не покажется.

СШЕ: Соединенные штаты Европы

Еще более «широкополосные» наднациональные органы возникли в Европе. Старый Свет вошел в третье тысячеле-

[80] М. Паренти «Власть над миром», М., 2006 г., с. 51

тие, по сути, в виде единого государства. Разговоры о Соединенных Штатах Европы велись еще в начале XX века, и к концу его сделались реальностью. При копировании матрицы случился серьезный отступ от демократических принципов даже в американской интерпретации. К примеру, в некоторых провинциях Испании явка на выборы в Европарламент не превышала 18 процентов, однако победители получили мандаты. Европейская комиссия – континентальное правительство – неподконтрольна Европарламенту. Принципы организации наднациональных структур в СШЕ напоминают не столько управленческую систему США, сколько Советского Союза.

Уже сейчас ЕС объединяет страны с населением более 350 млн. чел. (для сравнения: в Соединенных Штатах – примерно 270 млн., в России – около 145 млн.). Рыночная конъюнктура для деловых кругов Европы в последние годы складывается чрезвычайно благоприятно. Кроме паразитирования на азиатских гигантах, финансово-промышленная элита Старого Света имеет возможность беспрепятственно осваивать трудовые и природные ресурсы стран Восточной и Южной Европы – новых членов ЕС. Вдобавок она не свела промышленную политику к бирже, недаром евро чувствует себя столь уверенно в соревновании с долларом. В 2000 году на долю Европы приходилось 37–38 % мирового экспорта (для сравнения: доля США – 12,5 %, Японии – 7,5 %).

Отношения Старого Света и Америки – тема отдельного большого разговора. Углубляться в нее не буду, замечу только: между ними действуют силы отталкивания и притяжения. В начале континентальной интеграции «А. Ч. Грант – директор Центра европейских реформ, утверждал, что уже через 8–10 лет Европейский союз превратится в супердержаву, стоящую в одном ряду с США, обладающую самым большим в мире единым рынком, с темпами экономического роста, превосходящими таковые у Штатов».[81] Экономическая и политическая элита Старого Света почти достигла цели. Она осознает, что если не пометишь вовремя свою территорию, будешь немедленно по-дружески съеден. «Министр иностранных дел Португалии Ж. Гама полагал, что единственной противодействующей силой гегемонии США в современном мире может быть только Европа».[82] В то же время финансовые воротилы Старого и Нового Света легко находят общие глобальные интересы. Они «сумели вовлечь в свою орбиту средства пенсионных и страховых фондов, легального и криминального бизнеса, денежные ресурсы всех стран мира. Это привело «к неимоверной концентрации ресурсов в руках горстки финансовых конгломератов

---

[81] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», Спб., 2007 г., с. 133
[82] Там же, с. 133

и международных центров». (В. М. Коллонтай).[83] Они обложили ростовщическим процентом всех – государства, реальную экономику, семьи и отдельных граждан.

Приезжающим из Восточной Европы кажется, что над Западом континента безоблачное небо. Но сами жители Великобритании, Германии, Франции признаются, что испытывают тревогу за свое будущее.

После Второй мировой войны Западная Германия уже к 60-м годам прошлого века, то есть за 15 лет, встала вровень с ведущими странами континента, а в 70-е Владимир Высоцкий, по свидетельству Марины Влади, на ночных улицах Западного Берлина бил кулаками по сияющим витринам магазинов и плакал, выкрикивая: «Мы же их победили! Мы же их победили!» Подъем ФРГ сейчас приписывают «плану Маршалла», то есть раздаче американцами денег и рекомендаций. Западная Германия получила отнюдь не самую большую долю из выделенных Штатами средств, зато выполнила не только заокеанские пожелания, но и установки собственного правительства.

На самом деле, «немецкое чудо» – результат воодушевленной и дисциплинированной работы нации, сильной своим единством (самые страшные тоталитарные режимы оставляют после себя неприхотливые и трудолюбивые народы, и в условиях рынка при более или менее внятном руководстве эти особенности людских масс становятся неотразимым конкурентным преимуществом. Кроме Германии, можно указать на нынешний Китай. Да и Советский Союз достаточно быстро выбрался из послевоенной разрухи благодаря самоотверженному труду не до конца раскабаленных людей).

После объединения Германии прошло уже не 15, а 18 лет. Но до сих пор уровень жизни на Западе и Востоке страны существенно разнится. Объединение совпало с увеличением политиков неолиберальными идеями, и немецкое правительство действовало в бывшей ГДР по лекалам МВФ. Вместо модернизации предприятий, сравнивало их бульдозерами с землей как исчадие социалистической неэффективности, да и вдобавок – устаревшее, а высвобожденных таким образом людей сажало на пособия по безработице, удивительно щедрые для привыкших к экономной экономике.

«Понаехали тут» – слышен сегодня ропот на западе Германии, и относится он не к туркам и иранцам, а к соплеменникам с востока. Целеустремленные, образованные, способные на первых порах довольствоваться малым, они составляют серьезную конкуренцию аборигенам в борьбе за «хорошие» рабочие места. Вдобавок убегают производства – в Польшу, в Чехию, туда, где люди готовы трудить-

---

[83] Там же, с. 133

ся за меньшие деньги, где отпуска короче, где тоньше социальный пакет.

Сказать, что континентальное правительство – Европейская комиссия – как-то противостоит неприятным тенденциям, волнующим миллионы людей, или хотя бы пытается их регулировать, ни у кого не повернется язык.

Плохи не сами по себе наднациональные структуры – тревожат цели, которые они перед собой ставят: сохранение нынешнего уродливого мирового порядка.

Впервые о планетарных правительствах заговорили писатели-фантасты. Созданы десятки, да что там, сотни или даже тысячи повестей и романов, где рассказывается о бюрократиях мирового масштаба. Одни авторы рисовали их как орудие тотального контроля и подавления, другие – как средоточие мудрости, высших проявлений человеческого разума. Встречался и третий вариант, наиболее близкий к сегодняшней реальности. Мировое правительство выступало в этих произведениях как гарант власти кучки «избранных».

На самом деле, чаяния деловой элиты и обслуживающих их политиков на некое планетарное бюрократическое прикрытие – напрасны. Первый выход выхода не имеет. Мировое правительство, будь о его создании объявлено хоть завтра, за счет развитых пиар-технологий способно продлить агонию безгранично свободного рынка, и не более того. Система, направленная на создание монбланов эфемерных денег, сама по себе контрпродуктивна.

«Премьер-министр Великобритании собрал английских ученых и обсуждал с ними проблему третьего пути с попыткой вскрытия причин, что происходит в мире. Когда премьер вместе с учеными проанализировал ситуацию, то пришел к выводу, как он сам сказал, что основная, корневая причина – отмена с 1947 года тех соглашений, которые существовали в мире по финансовому регулированию, и переход к новой системе, которая и действует сегодня в мире. Трагедия, по его мнению, состоит и в том, что мы сегодня создали глобальную сеть, мощный информационно-технологический уклад, который позволяет соединить материки и моментально решать в реальном масштабе времени все вопросы, которые возникают в той или иной точке мира, и одновременно с этим накануне XXI века мы создали предпосылки трагедии. И в XXI веке, как предупреждают многие деятели, в этом плане Блэр не одинок, мы почти обречены на всеобщую катастрофу (академик Д. С. Львов)».[84] Просто диву даешься наивности населения и цинизму идеологов, формирующих общественное мнение в России. Мы всеми фибрами души стремимся догнать, используя

[84] Там же, с.с. 156, 157

западные рецепты, «свободный» мир, находящийся в шаге от распада. От катастрофы его отделяет маленькое, тоньше соломинки словечко «почти».

Назад в будущее

Выход под номером два видится в возврате международных, в том числе экономических, отношений, в доглобальное состояние, в восстановлении регулятивных функций национальных государств.

Кстати, Соединенным Штатам в целом, а не ее финансово-военной элите, такое решение сулит множество преимуществ. Представим себе, что не в разгар кризиса, не в момент, когда серьезно прижало, а основательно подготовившись, США объявляют о дефолте, то есть отказываются платить по внешним долгам, принимают таможенные ограничения на ввоз иностранных товаров, хоронят идеологию глобального рынка и колонизации остального мира с помощью бесконечной долларовой эмиссии. Безусловно, планету изрядно тряханет. Но сами Соединенные Штаты с развитой экономикой, солидным портфелем инноваций, емким внутренним рынком, национальными традициями изоляционизма способны, не без потрясений, конечно, и, в общем-то, оздоровляющих общество усилий, обеспечить спрос внутри страны и перейти к экспорту не денег, а товаров. Такой шаг обещает фантастический рост уровня жизни всего населения США, причем, основанный не на займе, а на заработке. Традиционные товары отличного качества современные технологии позволяют производить в неограниченных объемах, а эксклюзивные детища инноваций обречены на все возрастающую реализацию. Отказ от претензий на мировое господство позволит сократить военные расходы до уровня реальной «необходимой обороны» и перенаправить колоссальные, к тому же обеспеченные товарной массой, средства на социальные, образовательные, медицинские, культурные, экологические нужды. И без того процветающая Америка превратится в подобие рая на Земле.

К сожалению для США и всего остального мира, такой ход событий – не более, чем видение. И дело не в том, что возврат, условно говоря, финансового капитализма к товарному невозможен технически, противоречит неким законам рыночного развития или интересам большинства граждан – нет, ничего фантастического в обозначенной перспективе не просматривается. И законы развития вновь становятся такими, с которыми государства умеют обращаться, и интересы большинства наличествуют в полной мере. В конце концов, угроза всепланетного краха и вовсе взывает к немедленным переменам. Но увы… Даже если в американском обществе обозначатся силы, выступающие за решительную смену курса, пробиться к рычагам

управления у них нет ни единого шанса. Наверху всегда будут находиться представители финансово-военных кругов, республиканцы или демократы, чье могущество и даже само существование зависит от сохранения сегодняшнего положения вещей, пусть даже оно, положение, будет напоминать агонию. Так уж устроена хваленая демократия американо-английского образца (ААО), что она исправно обслуживает интересы сильных мира сего, и всякое полезное для общества решение гражданам приходится пробивать ценой огромных затрат личного времени на писание петиций, стояние в пикетах и хождение на демонстрациях.

Надо сказать совершенно очевидную вещь: системный кризис глобального ранка есть отражение другого системного обвала – национальных государств всех известных сегодня типов как управленческих структур. Демократии ААО утратили контроль над экономикой и неприкрыто служат финансовым глобалистам в ущерб интересам других, гораздо более многочисленных, общественных групп. Противостоят им только радикалы коммунистического, националистического или религиозного толка, не способные ни к чему, кроме борьбы за иллюзорные ценности. Их режимы – сами по себе, безо всякого влияния дяди Сэма, доводят попавшие в беду народы до нищеты. Диктатуры отвратительны еще и тем, что тормозят общественное творчество во всем мире, доказывая от обратного единственность и непогрешимость демократии ААО.

На самом деле, человечество стройными колоннами шагает к пропасти под команды либеральных и тоталитарных вождей. Может быть, пока не поздно, разбиться на бригады и построить мост?

Велосипед марки «Титаник»

Все-таки мировой кризис меня опередил. Он вполз в Россию раньше, чем мне удалось доказать логически то, что многие чувствовали собственной шкурой – его неизбежность. Весьма среднее здоровье, занятость на службе, совмещение процесса письма с пополнением знаний и осмыслением открывшихся суждений и обстоятельств, а главное, безграничная власть ее величества Лени то и дело тормозили мою авторучку. Говорят, Роман Абрамович потерял чуть не половину своих долларовых миллиардов, у меня другая, не меньшая, по внутренним ощущениям, беда: все предыдущие подглавки можно прямиком отправлять в топку (где бы еще ее найти?) Краткое описание современной конфигурации глобального рынка и «однополярного» мира превратилось в историческую справку о погибшей, подобно Атлантиде, цивилизации.

Но бодрость Барака Обамы и упертость Гордона Брауна удержали от ритуального предания огню дорогих мне бумажек. Англосаксы

полны решимости вернуть планету на ту же орбиту, с которой она слетела, в ту же сеть параллелей и меридианов (суть понятий и ценностей), из которых вырвалась. Чтобы направление усилий лидеров США и Великобритании в смутные времена было понятно, решил сохранить написанное и даже отказался от перевода настоящего времени в прошедшее. Обама и Браун занимаются реставрацией тех же самых, знакомых нам не понаслышке, глобального рынка и «однополярного» мира, внося, правда, торопливые поправки в основном в правила функционирования финансовой системы. В широком смысле, мировоззренческих представлений и взглядов на инструменты развития, они остались верны прежним установкам, что отражает настроения верхушки «золотого миллиарда».

То, что для меня – удар, для многих аналитиков – настоящее несчастье, почти катастрофа. Они годами кормились, разъясняя жалким остаткам «мыслящего тростника», что все, допустим, российские беды происходят из-за того, что не воспроизводим точь-в-точь совершенную западную демократию или отступаем от непреложных рыночных законов. Многие ведь не из одного «животинного» интереса разорялись, а искренне верили, допустим, в силу частной собственности как источника развития, верили, пожалуй, сильнее, чем в Христа или десять заповедей. И тут такой конфуз. Для многих толкователей кризис обернулся личной драмой. Некоторые испарились со скоростью нашатыря. К примеру, словно ветром сдуло с экранов и печатных страниц Глеба Павловского, мастера за каждым чихом видеть второй, третий, десятый, но обязательно большой смысл.

Если до кризиса материалы с оценкой ситуации в стране и мире приходилось собирать по крупицам, то после его начала впору оглохнуть и ослепнуть от разноголосицы суждений. Характерно, что в качестве архимедова рычага, способного вернуть планету в прежнюю похабную, но понятную позицию, многие по-прежнему видят фундаментализм свободного рынка и демократии ААО. Кризис никак не скорректировал железобетонное содержание претензий к команде Путина. Вот институт современного развития оперативно разражается докладом «Экономический кризис в России: экспертный взгляд». В нем содержится следующий пассаж:

«<…> Ряд обсуждавшихся пять-шесть лет назад проблем финансовой системы так и не были решены за время подъема. Время для создания институтов и инструментов развития, укрепления национальных банков и рынка корпоративных облигаций было в целом упущено. Вместо реализации модели финансовых рынков, направленной на развитие страны с учетом ее реальных проблем, сложилась система вывоза прямого частного капитала, накопления государственных резервов и заимствования за рубежом портфельного капитала (евро-

бонды и синдицированные займы). <…> Нерешенные проблемы развития финансовой системы сказались уже во время годичного периода втягивания в кризис. В целом Россия встретила мировой финансовый кризис с большими государственными резервами и слабой финансово-кредитной системой».[85]

Хочется воскликнуть: бог уберег от создания развитой финансовой системы. Точнее, недоверие глобальных игроков к российской власти и колоритным персонажам отечественного бизнеса воспрепятствовало полной интеграции родимых «денежных мешков» в «мировое казино». А без нее, этой самой интеграции, на нашем формально открытом рынке никакой внятной «финансовой модели» даже при большом желании и отчетливой политической воле главари «золотого миллиарда» реализовать не позволили бы в принципе. Эксперты ИСР, по сути, выступают как идеологи глобального рынка. Будь у нас действительно развитая финансовая система, сейчас бы мы не съезжали с горочки на салазках, а летели в пропасть вниз головой. Об этом же говорит, например, ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев: «Хорошо, что российская банковская система небольшая и рекапитализировать её по-прежнему по карману правительству. Поэтому ситуация не такая страшная…»[86]

Это не значит, что создание «модели финансовых рынков, направленной на развитие страны» с учетом ее реальных проблем невозможно вообще. Но для начала необходимо отказаться хотя бы от риторики о приверженности ценностям глобального мира и немножко подумать об интересах своего народа.

Меня поразил эпизод на пресс-конференции Владимира Путина с иностранными журналистами во время российско-украинской «газовой войны» начала 2009 года. Сидевшая по правую руку от него испанка спросила, на мой взгляд, совершено не в тему: «Почему цены на газ внутри России до сих пор ниже экспортных». Не сразу даже сообразил, что женщина переживает о том, что наши производители в результате имеют конкурентное преимущество. Радеет, иначе говоря, за «плоский мир». А известно ли тебе, испаночка, что создатель горошину на ложечку просто так не кладет. Вот он дал твоей стране много солнца, так много, что она, в общем-то, может обойтись без газа. А еще сотни километров чудных побережий и дождей не раз в десять лет, а довольно регулярно – и два урожая овощей и фруктов. И скажи, любезная, почему бесплатное для вас солнце вы так дорого продаете иностранцам, раза в три дороже, чем турки, и раз в пять, чем, допустим, болгары. А в моей стране семь месяцев зимы – при нынешней инфраструктуре без газа нам кердык. Создатель думал об этом, ког-

[85] «На договоре шапка горит» «Новая газета», 2009г., №18
[86] А. Овян «Сергей Гуриев: «Дефолт – это не страшно», «Новая газета», 2009г., №41

да наполнял недра, а тебе, испаночка, о том, похоже, невдомек. Айда к нам зимовать, только быстрей, пока мы еще можем оплачивать богом данное тепло.

Но даже не испанская журналистка, зомбированная идеологами глобального рынка, меня поразила, а наш премьер. Он тут же начал рассказывать о разработанной правительством программе по выравниванию экспортных и внутренних цен на газ, которая должна увенчаться полной победой единообразия, кажется, в 2011 году. Тоже, значит, зомбирован.

Радетелей Вавилонской башни пруд пруди. Они будто не замечают, что сооружение грохнулось. Вот Кирилл Рогов в статье «Мировой кризис: краткий курс для «чайников», опубликованной в «Новой газете», пишет: «Главная проблема кредитования во все времена – это надежность заемщика. Важным является не только его способность отдать кредит, но и способность отдать вовремя. Иначе из-за образовавшейся дыры банк не сможет выполнить обязательств перед другими клиентами. Возникает цепная реакция. Поэтому кредиторы вынуждены отбирать лишь очень надежных заемщиков и к тому же все время иметь резервы на экстренный случай. Выход, однако, был найден в механизме секьюритизации. Банк может поделиться частью своих доходов от выданного кредита с другими банками, но с условием, что они обязуются помочь ему в случае экстренной ситуации с этим кредитом, т.е. возьмут на себя часть рисков по нему. Это изобретение позволило значительно снизить риски каждого конкретного займа. Оно позволило быстро собирать на рынке деньги и переправлять их в ту точку, где они в данный момент нужны. В общем, оно позволило перераспределять риски во времени и пространстве и значительно увеличить эффективность использования денег, ну и, разумеется, резко расширить число тех, кому можно теперь их одалживать.

Однако все преимущества этой системы превращаются в ее недостатки, если невозвраты кредитов происходят одновременно во многих точках. Тогда выясняется, что возникшие проблемы касаются не только банков А, Б и В, с которыми должник не смог расплатиться, но и всех остальных, связанных с ними обязательствами по секьюритизации. Когда число кризисных случаев достигает критической точки, выясняется, что ни один банк уже не является надежным, потому что все имеют огромные обязательства по затыканию чужих дыр.

Но это вовсе не значит, что финансовая система мира рухнула, «доказала свою несостоятельность» и «пала жертвой непомерной жадности». Изобретение секьюритизации – это как изобретение велосипеда. Даже тот факт, что первые испытатели велосипедов регулярно разбивали себе лоб, не заставил человечество забыть о них.

И те, кто научился ездить на велосипедах, неизбежно выигрывали у тех, кто продолжал беречь лоб и топтать башмаками дорожную пыль. Когда дым рассеется, финансовая система вернется на ту же дорогу, лишь обогащенная негативным опытом нынешнего кризиса».[87]

Ничего себе велосипед, величиной с десяток «Титаников». К. Рогову кажется, что ездоки разбили себе лбы. Не без того, но вдобавок у них еще сломаны шеи – неприятный, знаете ли, пустячок.

В общем, так: совсем даже не из жадности, а токмо за ради ускорения прогресса финансисты, все как один оказавшиеся жуткими новаторами, запустили в мировом масштабе систему секьюритизации, а она возьми да сломайся. Ничего страшного: подлатают, подпаяют, поправят конструкцию и помчатся в даль светлую, только вы их и видели. Но чего они сходу – раз и в мировом масштабе? Опробовали бы сначала секьюритизацию, допустим, на личных долгах друг другу.

Коллега Кирилла Рогова по ремеслу и месту службы Алексей Полухин в том же издании ставит под сомнение высоту помыслов финансовой элиты.

«Американские банкиры… выдавали ипотеку бомжам не потому, что сошли с ума, а потому, что были уверены: их риски застрахованы. В итоге разорились и банкиры, и страховщики, и заемщики, снова ставшие бомжами.

Вопрос: зачем была создана эта самая грандиозная в истории человечества пирамида?

Как и все алхимики, современные инвестиционные банкиры видели самый легкий путь к обогащению в продуцировании денег из ничего. И они освоили механизм конвертации виртуальных денег в личную прибыль. Он называется бонус. Бонус топ-менеджера тем выше, чем больше прибыль банка. А поскольку она не может быть выше физического объема денег в экономике, то надо наращивать объем этих денег.

Кстати, по итогам прошлого, самого черного в мировой финансовой истории года, общий объем бонусов, выписанных топ-менеджерам по всему миру, составил $400 млрд. Это невообразимая сумма, на которую можно купить несколько таких городов, как Москва».[88]

Чайников жалко. Они ведь, как малые дети, а К. Рогов одаривает их фигой, завернутой в конфетный фантик. И что за манеры у авторов «кратких курсов»?

На самом деле, К. Рогов дурит чайников не со зла. Просто он инфицирован весьма распространенной в российском экономическом истеблишменте мифологией, мол, американцы умеют гениально раз-

[87] К. Рогов «Мировой кризис: краткий курс для чайников», «Новая газета», 2009г., №13
[88] А. Полухин «Алхимия, Обама и печатный станок», «Новая газета», 2009г., №34

руливать кризисные ситуации, они выпутывались из таких передряг, что мама не горюй – придумают какие-нибудь ходильники и сейчас.

В самих Штатах оптимистов на сей раз немного. Там, похоже, и у президента, и у его советников есть четкое представление о системном характере нынешнего кризиса. Другой разговор, что руководство США не хочет видеть альтернатив глобальному рынку и изо всех сил пытается устоять на полюсе превосходства. То есть на повестке дня не отказ от «велосипедов», чьи характеристики предполагают повышенную аварийность, а их капитальный ремонт на ходу с торопливым внесением конструктивных поправок. Но восстановительные работы осложнены конфликтом интересов между финансистами, владеющими эксклюзивными знаниями о способах функционирования сварганенной ими хитроумной системы, и остальным сообществом.

«Камнем преткновения в отношениях Вашингтона с Уолл-стрит стало возмутившее страну решение руководства страховой корпорации «Америкэн Иншуренс Груп» (АИГ), которая была выкуплена государством за 195 млрд, выплатить из этих денег бонусы высокопоставленным сотрудникам на сумму 165 млн долларов. Президент встал на сторону разгневанной общественности, а конгресс решил было обложить неправедные бонусы 90 % налогом. Но когда Вашингтон призвал банкиров поддержать его план по спасению экономики, то, как писала газета «Уолл-стрит джорнэл», они цинично дали понять: «Если вы хотите, чтобы мы помогли и возобновили кредитование потребителей и предприятий, то перестаньте отнимать у нас бонусы». «Множащиеся свидетельства мошенничеств, переплетение корыстных интересов, пренебрежение к судьбам людей, безответственность и полное отсутствие морали привели к разорению такого масштаба, что оно стала экономическим преступлением против человечества», – заклеймила недавно Уолл-стрит в еженедельнике «Бизнес уик» эксперт по корпоративному праву Шошана Зубофф».[89]

«Обама унаследовал роковое противоречие, – пишет либеральный журнал «Нейшн». – Финансовая элита оказалась банкротом идеологически, ущербной интеллектуально и разложившейся морально». Но при этом, сетует журнал, «она обладает силой и способна обвалить экономику». Поэтому у президента не остается иного выхода, кроме как лавировать между возмущенным цинизмом толстосумов населением и убежденной в своей избранности финансовой элиты».[90]

«Конечно, алчных инвестбанкиров можно было бы собрать на один пароход, четвертовать или побить философскими камнями. Это, однако, существенно отдалило бы человечество от выхода из кри-

---

[89] Ф. Горюнов «С кем вы, президент Обама?», «Новая газета», 2009г., №40
[90] Там же

зиса, потому что никто, кроме инвестбанкиров, не понимает до конца природу деривативов и способов обращения с ними.

…производные инструменты (существенная часть которых на биржевом сленге называется «токсичными» активами) укоренены в мировой финансовой системе, и если бы они вмиг исчезли, например, в результате политического решения, то эта система вообще перестала бы работать. А построить новую «с нуля» невозможно даже теоретически. Остается реформировать то, что есть».[91]

Практически все аналитики, от Э. Тоффлера до Томаса Фридмана, утверждали, что при постиндустриализме главным богатством становятся не деньги, не золото, не нефть, а знания. И видели в таком прорыве от материальных ценностей к познавательным вектор некого духовного прогресса человечества. Оказалось, что знания, сулящие богатства, точно так же, как золото или нефть, концентрируют моральные уроды. Существующая в течение столетий закономерность прямо-таки вопиет о системных дефектах в организации общественной жизни.

Кто такие эти «белые воротнички», заварившие кашу? В абсолютном своем большинстве – наемные работники, управляющие. Помните классический сюжет из русской литературы XIX века: покуда барин в Москве или Петербурге играет на деньги в карты, шляется по ресторациям да волочится за девками, управляющий разоряет его имение, если вовсе прохиндей, или ворует по-черному, но хозяйство блюдет, если сообразительный. Владелец шлет письма с просьбой о деньгах, а в ответ тишина. Ничего барину не остается, как отправляться в дорогу. У прохиндея в имении полный разор, хозяину приходится гнать его в три шеи под суд и самому впрягаться в управление, если еще можно хоть что-то наладить и есть к тому некоторые способности. Иной решает: легче продать. Выручит деньги – и укатит опять в столицы. У сообразительного в имении все чик-чик, но пропадают то сено, то корова. Натерпевшаяся челядь все хозяину доложит, тот не камнями, конечно, а палкой отходит управляющего, да, пожалуй, от места его не отставит, только строго-настрого накажет вовремя слать деньги. И тоже укатит в столицы, задним умом понимая, что за свои старания и его, барина, спокойствие управляющий имеет право на мзду, пусть и ворованную.

Если вы представите имение на размер планеты, миллионы собственников соберете в единый образ барина, а из десятков тысяч топ-менеджеров слепите глобального управляющего – то вы получите довольно точную картину сегодняшних экономических отношений. Разного рода акционерам, особенно миноритарным, нет никакого

[91] А. Полухин «Алхимия, Обама и печатный станок», «Новая газета», 2009г., №34

смысла вникать вечерами в дела родной компании, принадлежащей им на одну миллионную часть, причем, непонятно какую – то ли это мышка от компьютера специалиста по продажам, то ли трубка зав. отделом внешнего кредитования. Этот скромный собственник совершенно не представляет, как выглядят разные там деривативы и бонды и выглядят ли как-то и с чем их едят и едят ли их. Ему достаточно заверений управляющих: у вас все замечательно, вы – в шоколаде. Даже когда дивиденды не платят (не шлют деньги на карты и девок), ничего страшного: стоимость акции растет, ее всегда можно продать.

Теперь посмотрим на психологию управляющих. Барин дал один раз деньги, а дальше крутись, как хочешь, с утра до вечера. Работа нервная (истинно так). И что, горбатиться за одну зарплату? Нет уж, без премии мы не согласные. А без нас вы никто: ничего же не понимаете. Не умеете ни сляпать деривatива, ни бонды разместить. Ну, да, рискнули, но хочется же шампанского в те две блаженные недели отдыха, что выпадают за целый год.

Отчуждение собственности от собственника еще на заре постиндустриализма подметил Дж. Гэлбрейт. Управляющие же в формально чужом казино распоряжаются кассой по своему разумению. Пока все хорошо, Дик Фостер (см. выше) рассуждает о надежной защите миноритарных акционеров, и те, довольные, идут тусоваться в ночной клуб. Президенты на побегушках притаскивают бюджетные средства: «Нате! Крутаните через рулетку». А когда оказывается, что в кассе одни жетоны, гора жетонов, которые не принимают даже в соседнем хлебном магазине, то рядом остаются только самые верные слуги – лидеры государств. Они говорят: «Да выкупим мы у вас жетоны, только не уходите. Никто по-вашему считать не умеет».

Причем топ-менеджеры ощущают себя, по всей видимости, не то мафией, не то кастой жрецов – кому как нравится. Заметьте, хитрые финансовые схемы замешаны на взаимном дележе прибыли и рисков. На тех же принципах держатся все преступные сообщества. Вторая особенность: сетевой характер взаимодействия, примерно, как в «Аль-Каиде», только без единого центра. Иными словами, отдельно взятый банкир или директор фонда лично знаком с небольшим кругом партнеров, но опосредованно входит в деловой контакт почти со всей «организацией».

Алексей Полухин полагает, что только сами финансисты способны вылечить систему, которую испортили. Но редкий носитель вируса – врач. Ломать и строить – разная работа. Представление о том, что топ-менеджеры могут описать получившееся у них детище и принципы его функционирования, мне представляется ложным. Они запустили механизмы и отдали течение событий на волю рынка – вот и все.

В передаче «Стенд» екатеринбургского Четвертого канала в гостях у Евгения Енина сидел Егор Гайдар и голосом чревовещателя рассказывал, что ситуация в финансовой сфере не поддается измерению, слишком мало «точек считывания», иными словами, оперативная статистика вся зияет дырами. Он поделился, что предпринималось несколько попыток создать методику прогнозирования цены на нефть – все они закончились провалом. Если уж Егор Тимурович говорит «пас», то с чего бы топ-менджерам, чьи «белые воротнички» заточены под поимку бонусов, а не на переборку пепелищ, проявлять себя как спасателям.

Непонятно также, почему нельзя построить новую систему, тем более, если «нуль» налицо. Что за теория такая интересная? Похоже, вся она заключена в энергичном в своем катастрофизме обороте речи.

А покуда Обама, чей выбор между интересами финансовой элиты и населения нетрудно предугадать, тем более, что министр финансов его кабинета Тим Гейтнер и глава национального экономического совета Ларри Саммерс – выходцы с Уолл-стрит, начал реставрацию глобальной финансовой системы.

«Суть реформы проста: проблемные, «токсичные» активы нужно выкупить. Иными словами, наполнить виртуальные схемы конкретным долларовым содержанием. То есть – включить печатный станок.

Что произойдет в итоге, знают даже школьники. Знает это и Обама, поставленный историей перед необходимостью сделать единственно возможный выбор, который, как это ни парадоксально, психологически может быть потяжелее альтернативного. Точку невозврата американская и мировая экономика прошла 18 марта, когда ФРС (американский Центробанк) объявила о начале программы по выкупу «плохих активов» на 1,75 трлн долларов (сумма, надо думать, не конечная). Доллар в результате начал падение против всех активов. Можно сказать, что было достигнуто психологическое дно, связанное с неопределенностью. Теперь мировая экономика вполне определенно будет падать в поисках точки, которую можно назвать вторым дном, а можно – и состоянием динамического равновесия. И это будет равновесный курс доллара по отношению к производным финансовым инструментам во всем их пугающем разнообразии.

Конечно, это соотношение никогда не будет один к одному. Напечатать $58 триллионов невозможно, потому что США – не Зимбабве. Но покупательная способность доллара против материальных активов упадет. Еда, нефть, золото будут дорожать. При этом инфляция будет глобальной: ведь остальные страны будут вынуждены девальвировать свои валюты вслед за долларом, иначе их продукция

сразу же потеряет конкурентоспособность. Иными словами если сегодня вы должны по кредиту $10000 за машину, то завтра она будет стоить $20000, а вы по-прежнему будете должны банку $10000. Ваш долг по отношению к цене авто уменьшится вполовину.

Именно так, с помощью глобальной инфляции, переоценки активов, и будет решаться проблема «плохих долгов». Другое дело, что процесс этот займет не день и не год, он будет драматическим и болезненным.

Мировая экономика оказалась черным ящиком с не двойным даже, а N-кратным дном. И точное значение этого N не может быть пока известно ни мне, ни Шувалову, ни Обаме».[92]

Покуда мировое сообщество соглашается, что доллар – это золото и есть, у американцев существует шанс на успех. Предложение Медведева о введении новой мировой резервной валюты и установке печатного станка для «золотых» банкнот в реформированном МВФ англо-саксы не примут никогда. Другой разговор, если стихийно начнется сброс доллара финансовыми системами государств – крупнейших экономических игроков. Это, безусловно, худший из сценариев, чреватый долгим периодом всепланетарного хаоса.

Но, допустим, все пойдет, как задумал Обама и его советники. Попрыгав несколько лет со дна на дно, Америка снова заговорит о торжестве глобального рынка. Полагаю, оно опять будет недолгим. Моральный облик финансовой элиты вряд ли станет краше. «Белые воротнички» придумают не деривативы, так другие увеличивающие их доходы «инструменты развития». И следующий кризис окажется еще безысходнее нынешнего. Подкожные жировые запасы у государства и населения истончатся, и цивилизации придется постучать костьми. «Нам надо пережить пять подобных кризисов, чтобы понять их закономерности», – оптимистично сообщил Гайдар Евгению Енину.

Пока Америка будет прыгать, что делать нам? «В кризис нельзя производить институциональные изменения», – предупредил Егор Тимурович. Так, в «тучные» годы их не проведешь, потому что никто не хочет, это понятно. И в кризис, выходит, тоже ни-ни. Потому что чем-то чревато, что-то можем спугнуть. Стабильность или что? «Надо готовиться к подъему рынка», – чревовещал Гайдар. Короче, страну необходимо превратить в засадный пионеротряд. Как только Америка запустит отремонтированный локомотив глобального рынка, мы выскакиваем из кустов в одних красных галстуках и с криком «Всегда готовы» пытаемся руками-палками ухватиться за поручень подверженного повышенной аварийности состава. Ну, что тут скажешь? Мудрое решение. Государственное.

---

[92] Там же

Между тем: «До властей наконец дошло, что никакой реальной борьбы с кризисом они вести не могут. Десятки миллиардов рублей, выделяемых из бюджета, растворяются в воздухе, а финансовая система по-прежнему в коме. Грозные приказы работать до последнего исправного станка не действуют – заводы останавливаются один за другим, а те, которые еще функционируют, задолжали рабочим зарплату за несколько месяцев. Нормального решения этих проблем правительство предложить не в состоянии – вместо этого оно вернуло страну в бесславные времена, когда процветало натуральное хозяйство.

…Первой ласточкой стало сообщение из Кировской области, где в городе Вятские Поляны расположен оборонный завод «Молот». Контора солидная – выпускает пулеметы Калашникова и переносные противотанковые комплексы. И проблемы у нее тоже солидные – 121 миллион рублей долга по зарплате. Когда я дочитал новость до фразы «руководство заявило, что намерено выплачивать долги…», у меня потемнело в глазах и открылась испуганная икота. Неужто, думаю, собственной продукцией, то есть пулеметами?! Ведь уже было такое – текстильные фабрики платили отрезами сукна, велосипедные заводы педалями и колесами и так далее.

Оказалось, что нет, все-таки не пулеметами. Но и не деньгами. Все пять тысяч человек трудового коллектива отныне будут получать тушенку, макароны и крупы. Общая стоимость продуктового набора – 630 рублей. Причем более 500 человек, прикинув свои шансы на выживание, уже написали заявление о своем согласии на этот смелый экономический эксперимент. Самое интересное, что никто толком не знает, сколько он продлится. Госзаказов завод не видел с середины прошлого года, несмотря на то, что предприятием совместно владеют две могучие структуры «Ростехнологии» и Росимущество. Они, конечно, уже просили помощи у Белого дома, но в ответ им показали державную фигу, туманно пообещав пособить в будущем.

У аналитиков, следивших за этой историей, сразу возник вопрос: а откуда у завода, производящего пулеметы, тушенка и макароны? Со временем появился и ответ: выяснилось, что ради «Молота» распечатали так называемый стратегический продовольственный запас Кировской области, то есть кубышку на случай экстренных ситуаций. И если в ближайшее время вдруг начнутся перебои с поставками продуктов, весь регион положит зубы на полку.

То, что российская экономика все больше отдаляется от товарно-денежных отношений и концентрируется вокруг продовольствия, свидетельствует и еще один примечательный факт. На днях кемеровский губернатор Аман Тулеев объявил, что оставшиеся без работы или вынужденные уйти в неоплачиваемый отпуск жители области бесплатно получат по 10 соток земли, которую власти обещают об-

работать. На этих участках Тулеев предлагает бедолагам сажать картошку, каковой их семьи и смогут питаться до окончания кризиса. То есть примерно до 2011 года или как уж там выйдет».[93]

Ну, правильно, чего бездельем в кустах маяться? Лучше картошку растить. Помнится, в 90-е свердловского губернатора Эдуарда Росселя достали в телеэфире вопросами «что делать?», и он посоветовал людям хорошенько поработать на своих загородных участках. У народа быстренько закончились иллюзии по поводу помощи сверху, народ взялся за лопаты – и худо-бедно пережил череду реформ и судьбоносных выборов.

И встык: «По словам Кудрина, выходить из кризиса мир будет еще несколько годков, а о благоприятных внешнеэкономических условиях образца 2000–2004 годов России и вовсе следует забыть лет на 10–50. Эти факторы, предупредил министр, могут вынудить нашу страну уже в следующем году вернуться к практике активных заимствований за рубежом».[94]

По мне, так самое время для институциональных изменений. Мы можем обрести стабильное и в то же время динамичное, действительно, а не декларативно независимое общество. Страна, слава богу, в глобальном стакане только мизинец измазала, мировой диктатор зализывает раны и, может быть, у него не достанет сил сломать нам шею. Мы сейчас как раз сидим на «нуле» в чистом поле – самое логичное, начинать рыть фундамент под строительство будущего, а не только грядку под картошку.

---

[93] К. Благодаров «Незвонкая монета», «Деловой вторник», 2009 г., № 14
[94] М. Брунов «Кудрин опять «успокоил», «Деловой вторник», 2009 г., № 14

Глава II

ВЛАСТЬ ПОРТРЕТА

Сильные реформаторы

Журналисты, имевшие удовольствие побывать в рабочем кабинете Владимира Путина в начале его первого президентского срока, непременно упоминали о висящем на стене портрете Петра I. В принципе, нет ничего удивительного, если человек, выросший в городе, основанном великим самодержцем, испытывает к тому пиетет. Сей факт не означает, что в своей деятельности президент решил непременно следовать примеру Петра. В конце концов, тысячи людей, державших в своих квартирах портреты Че Гевары и даже носившие майки с его изображением, не собирались уходить партизанить в леса. Просто нравится им Че – и все тут.

«…я глубоко убежден, что кумиров как таковых, в общем понимании, у Путина скорее всего нет»,[1] – утверждает известный телеведущий и публицист Владимир Соловьев.

«В общем понимании», возможно. Да и как невысокому Путину уподобиться огромному Петру во внешних, допустим, проявлениях. Будь Владимир Владимирович лишен чувства меры и вкуса, ему бы, скорее, подошло копировать Наполеона Бонапарта. Вдобавок, кроме внешних параметров, темпераменты с Петром разные, внутренняя культурка у знаменитого монарха уступала президентской, явленной Путиным. Нет, в чем-в чем, а в опереточности Владимира Владимировича не упрекнешь.

Вот и В. Соловьев утверждает: «Многие наивно сравнивают Путина с Петром I, «прорубившим окно в Европу», и им такое сравнение кажется уместным. Но нет, оно абсолютно не уместно. Есть между этими политическими деятелями одна принципиальная разница. И тот, и другой, конечно, очень сильные реформаторы, и наверняка как личности они схожи. …Есть… принципиальное отличие: для Петра никогда не существовал вопрос цены человеческой жизни, а вот для Путина он постоянно присутствует».[2]

Не буду ловить автора высказывания на алогизме между «сравнение абсолютно не уместно» и «наверняка как личности они схожи» – понятно, когда писал, торопился, может, на передачу опаздывал. Но и сама суть сентенции весьма спорна: чтобы видеть главное отличие между двумя правителями в отношении к человеческим жизням, надо сильно добавить резкости. За три века цивилизационный лоск стал обязательным для руководителей такого ранга. И если самодержец (президент, генсек) ни в грош не ставит жизни своих подданных, то имя ему Сталин. Но и утверждать, что В. В. Путин за время своего

[1] В. Соловьев «Путин» М., 2008 г., с. 55
[2] Там же, с. с. 96,97

правления поднял цену существования россиян до ранее невиданных высот, поостерегусь.

Впрочем, различия меня интересуют мало. Я из тех «многих наивных», по определению В. Соловьева, что настаивают на сходстве двух «сильных реформаторов», точнее, на том, что младший с поразительной точностью скопировал деяния старшего, с поправкой, конечно, на современные ему условия.

Тот же Владимир Соловьев подметил важнейшую особенность личности Путина – постоянное стремление к самообразованию (присущую, кстати, и Петру I). «М. Касьянов, когда еще был премьер-министром, рассказывал, что их первые беседы с Путиным не оставляли сомнений в том, что Владимир Владимирович, мягко говоря, не очень хорошо разбирается в вопросах экономики. Но скорость, с которой Путин осваивал информацию, была просто поразительной. Несколькими годами позже я беседовал с Аркадием Владимировичем Дворковичем, одним из самых талантливых экономистов страны, и он очень высоко оценивал уровень экономических знаний Путина. Владимир Владимирович – один из тех редких людей, которые даже вступив на должность Президента, постоянно учатся».[3] «Путин всегда готов к разговору. Когда журналисты обсуждали с ним Чечню, он владел информацией на уровне перехвата и, как мне потом признавались многие чеченцы, президент знал больше названий разнообразных чеченских пунктов, чем они сами. Путин вообще очень скрупулезно вникает в проблему. Когда случилась «газовая война» с Украиной, на пресс-конференции он очень долго и подробно, владея всеми цифрами и зная все нюансы, в том числе и чисто технические, объяснял, почему цена на газ должна быть именно такой, в чем суть конфликта и каковы возможные пути его разрешения. Было ясно, что Путин владеет информацией на уровне начальника отдела «Газпрома», который непосредственно ведет эту тему, настолько глубоко было его проникновение в предмет разговора».[4]

«Путин буквально взорвал сознание людей тем, что сначала учил немецкий, потом выучил английский, а в Гватемале еще и заговорил на французском. Президент, который находит время учиться, да еще настолько грамотно, профессионально и быстро, вызывает глубочайшее уважение. Человек не стоит на месте, он постоянно в своей профессии осваивает все новые и новые вершины, что отличает его от Ельцина, Горбачева, от кого угодно. Он президент в динамике – развивающийся, формирующийся…»[5]

---

[3] Там же, с.159

[4] Там же, с.342

[5] Там же, с.251,252

Трудно представить, что человек с такой выраженной склонностью к познанию, повесив у себя портрет исторического деятеля, ограничил бы свое представление об изображенном персонаже романом А. Н. Толстого и фильмом В. Петрова.

«Кто вы, мистер Путин?» – популярный вопрос, особенно среди иностранных журналистов, на протяжении обоих президентских сроков Владимира Владимировича. Скажи он им: «Я – либерал», или «Я – монархист», или даже туманное «Я – социал-демократ» – и тут же бы вписался в привычную систему координат, принятую сообществом интеллектуалов, получил свою порцию упреков и похвал, и под самим им обозначенным клише был внесен в исторические анналы. Но вопрос до сих пор висит в воздухе. Между тем, Россия в конце правления Путина сильно отличается от той, что ему досталась. Предположить, будто столь серьезные изменения за короткие 8 лет возможно произвести без предварительного плана – верх наивности даже для меня.

Когда Путин не осматривал самолет, а садился им управлять, не прогуливался по корабельной палубе со свитой, а становился к штурвалу – все пробовал своими ручками, подобно царю-плотнику, сдается, прекрасно знал, что современники Петра I готовы были простить государю притеснения и даже произвол за работное рвение. «До нас дошли … сказания, которые показывают, какое чарующее впечатление преобразователь мог производить на массу своей личностью, своей работой. Один крестьянин Олонецкого края, передавая сказания о Петре, о том, как он бывал на Севере, как он работал, заключил свой рассказ словами: вот царь так царь! Даром хлеба не ел, пуще мужика работал».[6]

Впрочем, вскоре ирония по поводу всеумелости Путина начала преобладать в обществе над одобрением его мужицких навыков, и Владимир Владимирович разумно прекратил демонстрации.

Во всех остальных своих шагах президент с поразительной скрупулезностью, след в след, продолжал идти за монархом с портрета.

Может быть, к копированию деятельности основателя Санкт-Петербурга в некотором роде Путина подвигла схожесть диспозиции при начале правления обоих. Они оказались у власти хоть и предсказуемо, но несколько скоропалительно, и не имели серьезной опоры во влиятельных кругах. Петру препятствием для разворота былинной силушки виделись бояре, Путину – «семибоярщина». Встать над носителями богатств, подчинить их своей воле – общность задачи подсказывала Владимиру Владимировичу, продолжаю домысливать я, что не надо изобретать велосипед, а попросту использовать полити-

[6] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. 215

ческие технологии, примененные самым известным русским царем тогда, когда о них и слыхом не слыхивали. То, к чему Петр приходил чаще всего стихийно, охваченный страстью превращения России в могучую военную державу и подчиняя этой цели все свои решения, Путин воспроизводил методично, некритично и холодно.

Великая тягость

Пожалуй, только армии и флота не коснулись реставрационные усилия президента. При наследственной любви Путина ко всему военному, сиё обстоятельство может показаться странным. Тем более, сам Владимир Владимирович, бросая ретроспективный взгляд, жаловался: против объединенных чеченских сил, проникших в Паншерское ущелье, решили выставить 45-тысячную группировку, и в почти миллионных Вооруженных Силах не могли наскрести требуемое количество боеготовых частей. Даже учитывая архаичность желания во времена высокотехнологичных войн меряться живой силой, реформа столь неэффективной организации напрашивается, согласитесь, сама собой.

Но Путин никакой переборки огромного механизма производить не стал. Недаром создание регулярных армии и флота считается вершинным достижением Петра I – на заложенных им организационных основаниях больше трехсот лет, меняясь только в деталях, и зиждутся российские (советские) вооруженные силы. Не поколебали основ и либералы ельцинской поры, озабоченные обороноспособностью страны в последнюю очередь. Ввели, правда, институт службы по контракту, дурно регламентированный и вдобавок реализуемый, по приснопамятной традиции, исполу и со злоупотреблениями. В результате и в без того малодисциплинированную армию оказались встроены, как запал в гранату, разболтанные и качающие свои права субъекты, напоминающие призванных на сборы «партизан», только наглее.

Поскольку для апологетов «открытого общества» толпа вооруженных людей видится обузой, то и отношение монетаристов к ней было плевое. Армия стонала от скудного содержания и безделья, прерываемого то и дело отдачей воинского долга по полной программе. О мальчишках, умирающих с улыбкой на устах, стране лирично поведал министр обороны Грачев.

Путин поправил материальное обеспечение армии, тем более, что такая возможность появилась – обрушился в наши пределы доллоропад в обмен на нефть. Офицеры стали получать несколько увеличенное жалованье, пошли средства на учения, пусть и не такие частые, как требует того качественная подготовка, началась закупка современных видов вооружения для собственных нужд. Но все вложения производились на уровне определенной достаточности, позволяющей под-

держивать малоэффективную военную сферу на плаву. Приоритетного финансирования, как в петровскую или советскую эпоху, армия не получила. «…Есть… уникальнейшая разработка Калужского КБ, комплекс защиты танков «Арена», который устанавливается на корпус танка и при подлете ракеты или снаряда сбивает его боеприпасом направленного действия…

…Когда я поинтересовался, сколько комплексов закупило МО РФ за прошедшие 13 лет, лица представителей Калужского КБ скривились. Ни одного. При том, что на экспорт «Арена» идет на ура, лицензию на ее производство пытались выкупить даже американцы. А как бы она пригодилась парням из майкопской бригады в 95-м…

БТР-90 я видел в Чечне один раз. Остальное – сыплющееся старье. Нет ни одного взвода, который не таскал бы свою технику на тросах. А сколько пацанов могли бы остаться с ногами, будь «девяностый» на вооружении… Хотя если их отправлять в Чечню, то чем тогда хвастаться на выставке?…

Пожалуй, единственным из всего вышеперечисленного, что хоть кое-как закупается армией, является пулемет «Корд». Да и то, как сказали представители завода им. Дегтярева: «закупается» – это на фоне всеобщего отсутствия госзаказа…»[7]

Действительно, выставка, парад, торжественный прием с развешиванием орденов, пафосный концерт и доклад генерала главнокомандующему о том, что ракета поразила цель, стали ежедневным блюдом зрителей информационных телепрограмм. Забота о росте престижа армии и выпячивание радения президента о служивых заняло центральное место в пропагандистской программе путинского правления. Не счесть, сколько телесюжетов довелось посмотреть о беспримерной борьбе президента за создание нормальных социальных условий для офицеров. Не успело правительство раздать сертификаты на покупку жилья, как цена квадратного метра подскочила, и выданной гарантийной бумажки едва могло хватить на полкухни. Да и соревноваться в доверии с деньгами сертификаты оказались неспособны. Застройщики небезосновательно боялись бюрократической волокиты при обналичивании своеобразных векселей и попросту отказывались их принимать в качестве платежного средства. Путин все годы своего президентства отважно бился над разрешением ситуации, но если судить по тому, что чуть ли не самые последние совещания в качестве главы государства он посвятил той же проблеме, успехи носили весьма локальный характер.

Постигшая Путина маята забавно, почти с зеркальной точностью повторяет трудности, испытанные… Петром I. У Василия

[7] А. Бабченко «Выставка мин при плохой игре», «Новая газета», 2006 г., № 59

Ключевского читаем: «Полкам предназначено было своеобразное положение на местах их расквартирования. Большинство помещиков отказалось строить полковые слободы, считая за лучшее разместить солдат по крестьянским дворам. Тогда их обязали к постройке, и она легла новой «великой тягостью» на их крестьян. Начали стройку спешно, вдруг по всем местам, отрывая крестьян от домашних работ. …Вскоре по смерти Петра слободы, которые он велел построить непременно к 1726 г. были рассрочены на 4 года, кое-где начаты стройкой, но нигде не были кончены, и свезенный крестьянами огромный материал пропал; построили только штабные дворы. Все дело велось зря, без соображения средств и последствий. Солдаты и офицеры разместились по обывательским домам в городах и деревнях».[8]

Явственная необходимость военной реформы не подвигла Путина к решительным действиям в этом направлении. Не потому ли, что перемены неизбежно вели к еретическому отступу от петровского образца?

Перелицовка

Зато систему государственного управления ельцинисты успели переформатировать на западный манер, презрев заветы первого русского императора. Тому тоже достались лишние при единоначалии институты. Впрочем, в отличие от современных скороспелых демократов, допетровские цари и бояре отталкивались в устройстве государственных дел от национальных демократических традиций. Отзвук вечевых колоколов Великого Новгорода нет-нет да проносился над Русью. Историк и журналист Александр Горянин утверждает: «При Петре пресеклось все, что было политически многообещающего в России XVII века. До него в стране имелся сословный и при этом выборный представительный орган, имелись низовые выборные демократические учреждения. Речь о Земских соборах и о земском управлении.

Достоверно известны соборы 57 созывов (о соборе 1698 года, осудившем царицу Софью, историки спорят). Прямой аналог соборов, французские Генеральные Штаты, созывались меньшее число раз, но французскую парламентскую традицию ведут именно от них, а у нас, выходит, нет парламентской традиции. Между тем полномочия и функции соборов были вполне парламентские… Соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы церковного устроения, внутреннего управления, торговли и промышленности.

…Русский аналог палаты лордов, Дума, существовавшая с X века, была упразднена Петром. Представления о том, что бояре только

---

[8] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. с. 88–89

и делали, что отбивали царям поклоны, пришли из дурной литературы. Думские решения завершались не только формулой «Великий государь говорил, а бояре приговорили». Спорные вопросы вызывали «крик и шум велик и речи многие во боярех». Большинство решений принималось вообще без государя. Как ни удивительно, но «приговоры» Думы не нуждались в его утверждении. Ключевский поясняет: «Было только два рода боярских приговоров, которые всегда или часто представлялись на утверждение государю. Это приговоры Думы о местнических спорах (о том, кто знатнее – А. Г.) и о наказании за тяжкие вина».

В допетровское время местная, земская, власть в России была выборной. Вертикаль власти, от воеводы вниз, была представлена уездными волостными и посадскими самоуправляющимися органами. В городах существовали свои структуры средневекового гражданского общества – «сотни» и слободы с выборными старостами.

…Старосты избирались из местных дворян, а их помощники – целовальники – из местных крестьян и посадских людей. По участию низового демократического элемента в местном самоуправлении допетровская Россия принципиально опережала Англию, где лишь реформы 1888-го и 1894 года покончили с монополией аристократии в местном самоуправлении».[9]

К чему, скажите, сдались Петру все эти важные органы с их мерихлюндиями? Царь – деятельный раб своих страстей, он весь – сгусток нетерпеливой энергии. Сам себе законодатель и исполнитель. Все, что ему надо от госмашины, от народа, от этой неповоротливой страны – денег и людей на армию и флот. Позже еще на Петербург.

А. Горянин несколько спрямляет ход тогдашних событий, утверждая, что «Дума была упразднена Петром». Царя не занимали до поры отвлеченные по сравнению со строительством кораблей и производством пушек механизмы государственного управления. Строго говоря, Думу он не упразднял – просто перестал с нею считаться. В. О. Ключевский свидетельствует: «С падения царевны Софьи чуть не целых двадцать лет, до губернской реформы 1708 г., в самые тяжелые годы, когда заваривались самые крутые меры – военные, промышленные, финансовые, ни в центральном, ни в областном управлении не видим коренных перемен: действуют старые учреждения и действуют как будто по-старому. В центре руководит делами Боярская дума в присутствии государя, чаще без него; только теперь бояре не «сидят вверху о делах», а «съезжаются в конзилию».[10]

С созданием в 1699 году Счетного приказа, иначе – Ближней канцелярии (не от нее ли сталинский «ближний круг»?) тогдашние се-

[9] А. Горянин «Когда на Руси было жить хорошо», ж. «Эксперт», 2007 г., № 1
[10] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. 135

наторы по сродству обязанностей при означенном приказе и заседали. «…постепенно изменялись состав, круг дел и характер деятельности боярского совета. Этот совет, искони составлявшийся из родовитых людей, теперь, с разложением боярства, перестал быть боярским, превратился в комитет с разрушавшимся генеалогическим составом и с иным значением».[11]

Итак, с фасада все как будто по-прежнему: Дума никуда не девалась. Но ее вес и содержание деятельности поменялись кардинально. Законов Дума не принимает, а ведет некоторые текущие дела да исполняет распоряжения государя или князя Ф. Ромодановского, этого «злого тирана, пьяного во все дни»[12], оставленного отъехавшим царем «на Москве».

Можно сказать, что Петр, несмотря на весь свой, мягко говоря, волюнтаризм, испытывал влияние национальных демократических традиций. Мог бы, допустим, на время отлучек передавать властные функции в ведение наместника, а не городить коллегиальный орган. Скажете, опасно. Вдруг ставленник захочет прибрать всю полноту правления? На самом деле, девять сенаторов при желании могли составить куда более серьезный заговор, хоть и грызлись друг с другом почем зря. Полагаю, не структура управления, а статус царя как помазанника божьего охранял Петра от самозванцев надежней всяких прочих страховок. Но вместо наделенного царским мандатом единоличного управленца он оставляет «на хозяйстве» Сенат – совет уполномоченных им чиновников. В демократическую форму царь влил сугубо административное содержание. Если избранные своим сословием бояре дорожили Думой как органом, позволяющим отстаивать и проводить в жизнь собственные интересы, то петровские назначенцы воспринимали Сенат как повинность, и несли ее с мыслью как-нибудь избежать царева гнева, да и то не особенно навязчивой. «…сами сенаторы, обязанные карать неисправных чиновников, оказывались неисправнейшими чиновниками, в положенные три дня в неделю не ездили в Сенат, в три года решили только три дела, штрафов не доправляли, на доношения прибыльщиков и на его собственные (Никиты Зотова, генерального ревизора Сената – прим. О. Б.) предложения не обращали никакого внимания».[13] Петр вынужден был заставлять работать своих назначенцев. У надсмотрщиков за сенаторами менялось наименование должности, приобретая все большую внушительность: генеральный ревизор вместе с обер-секретарем, затем дежурный офицер гвардии, наконец, генерал-прокурор. Последний не только вел заседания с помощью песочных часов и следил за по-

[11] Там же, с.136
[12] Там же, с.135
[13] Там же, с.162

рядком, но и получил, в отличие от сенаторов и наряду с царем, право законодательной инициативы.

Достижения великого государя в преобразовании, или профанации – кому как угодно – демократических институтов, судя по всему, произвели на Владимира Путина сильное впечатление. Первое, что сделал второй российский президент в сфере государственного управления – очистил сенат, Совет Федерации по-нынешнему, от губернаторов и спикеров региональных парламентов, получивших свои должности в результате местных выборов. Теперь областные, краевые и республиканские Думы голосованием утверждают представителя своего региона в верхней палате парламента. Безальтернативных кандидатов, как правило, присылает Москва. В короткий срок Совет Федерации превратился в почетную, доходную служебную вакацию для долларовых миллиардеров и дорогих сердцу Кремля чиновников-отставников (иногда обе эти категории удачно совмещаются в одном лице). Для присмотра над ними поставлен то ли друг, то ли, не в обиду ему будет сказано, «верный пес» президента – Сергей Миронов.

Забавно, когда вдова А. Собчака Людмила Нарусова представляет в парламенте интересы гламурного тывинского народа, а Вячеслав Фетисов – Приморского края, куда он вряд ли заглядывал даже во времена своей бурной и великой спортивной карьеры, поскольку во Владивостоке отродясь не водилось приличной хоккейной команды.

Превращение и Госдумы в декорацию потребовало от Владимира Путина куда больших усилий и времени, слишком много срисованных с демократии ААО дырок пришлось законопатить, а Петр не указал путей, поскольку в его, так сказать, парламенте нижней палаты просто-напросто не было.

«За шесть последних лет Кремль, Центризбирком и «Единая Россия» глубоко перепахали российское избирательное законодательство, сделав из него нечто несусветное. Абсурдное, дикое, потустороннее. Россия вновь доказала свое несомненное интеллектуальное превосходство: ни один другой авторитарный режим не сумел доселе создать столь запутанную и при этом гарантирующую «нужный результат» выборную систему – Чавес и Мубарак просто отдыхают. Впрочем, я предлагаю отныне слово «выборы» применительно к России вообще не употреблять – требуется новый термин. Например, вполне сгодится «перезагрузка». «Перезагрузка» старого начальства – каждые четыре года на новый и все последующие сроки.

«Приплыли» к этой новой «матрице» абсолютно все – и политики, и избиратели-обыватели…

Возьмем, к примеру, политиков. Раньше самостоятельный и смелый политик мог выдвинуться в избирательном округе и побе-

дить – в том числе и как независимый кандидат. Теперь округа отменены, и политик может попасть в Думу только через список партии. Чтобы было неповадно идти и этим путем, барьер для партий поднят с пяти до семи процентов – это самый высокий барьер в Европе.

Предположим, смелые и самостоятельные политики решили объединиться и создать свою партию. Это тоже предусмотрено – новый драконовский закон о партиях делает препятствия на этом пути непреодолимыми. С 2003 года в России не появилось ни одной новой партии. А больше половины старых – в первую очередь оппозиционных – ликвидировано чиновниками. Попасть в Думу теперь можно только через партии. А партии регистрируются только из числа угодных начальству.

Смелые политики могли бы объединиться в избирательные блоки. Поэтому блоки запрещены.

Могли бы войти в списки другой партии – тоже запрещено.

Если политик – действующий партийный депутат и решил покинуть свою фракцию, не согласившись, к примеру, с монетизацией льгот, его лишат мандата, хоть и данного ему самим народом.

Можно выйти из своей партии и войти в список другой – тоже не поможет: установлены более сорока случаев, когда любого кандидата можно отстранить от выборов, в том числе за орфографические ошибки в документах или за сторублевый штраф, выписанный милиционером. Зарегистрировать список без одобрения начальства невозможно – даже минимальный брак по подписям карается снятием с выборов, а сумма залога увеличена в десятки раз и достигла даже на региональных выборах сотен тысяч долларов. Внести залог и одновременно собрать подписи тоже теперь запрещено.

Допустим, политик-оппозиционер все же дошел живым-невредимым до избирательной кампании. Легче ему не станет. Например, критика других партий в ходе кампании теперь запрещена. А критика чиновников – например, разоблачение фактов коррупции – может теперь быть приравнена к экстремизму. И карается снятием с выборов…

Когда дело доходит до голосования и подсчета голосов, «матрица» включается на всю свою мощность. Общественные наблюдатели запрещены. Журналистам присутствовать при подсчете голосов запрещено. Иностранным наблюдателям, неугодным начальству, запрещено. Председатели избирательных комиссий назначаются теперь по вертикали. Комиссиям разрешено переписывать итоговые протоколы, подгоняя их под «нужные» цифры. Наблюдателей на участки могут направлять только зарегистрированные партии и кандидаты (об этом смотри выше)…

Кстати, насчет избирателя-обывателя. Может ли он, к примеру, взять и опрокинуть всю эту потемкинскую «матрицу-перезагрузку» к такой-то матери? Да ни боже мой! Кто ж ему даст? За последние годы обывателя-избирателя упаковали в Сеть не менее плотно, чем политиков.

Для начала обывателя отстранили от выборов губернатора. Теперь глав регионов фактически назначает президент страны. Затем отменили выборы депутатов-одномандатников. Далее появился новый закон о референдуме, который правильнее было бы назвать законом о запрете референдумов в Российской Федерации. Право народа на референдум обращено в прах…

Запрет дискуссий во время выборов, запрет на критику чиновников и явное доминирование в СМИ партии власти вкупе с массовым недопуском оппозиции к участию в выборах уже приводят к росту протестных настроений. «Матрица» это учла и отменила графу «Против всех». Недовольному гражданину останется одно: вообще на все плюнуть и не ходить на выборы. «Матрица» только рассмеется – она только что сняла минимальный барьер явки на выборы. Теперь любое начальство, от президента до главы района, можно «перезагрузить» хоть парой его приятелей – кворум все равно будет».[14]

Демократия ААО лукава по самой своей сути (о чем в следующей главе). При этом наличие благообразной мины обязательно, чтобы спрятанный за ней оскал небрежения к массам не спугнул в людях иллюзию участия в делах государства. Владимир Путин как честный рубака с петровской решительностью отсек народ от его заблуждений насчет веса в обществе безропотного электората. Ходить на выборы, где тебя не ждут и где нельзя сказать «фи» всем кандидатам, – значит, не уважать себя.

Теперь любое мановение руки президента «демократические институты» превращают в легитимный закон с ловкостью и быстрой наперсточников.

«5 ноября Дмитрий Медведев зачитал послание о шестилетнем сроке. Вечером 11 ноября поправки официально поступили в Думу. И хотя вечером депутаты текст поправок еще не видели, утром 12-го они были одобрены профильным комитетом. На всю процедуру потребовалось не более 20 минут. 14 ноября депутаты уже голосовали за изменение Основного закона страны в первом чтении. А 21-го в пятницу поправки будут приняты в окончательном третьем чтении. Между тем в регионы шлются разнарядки, к каким срокам и в какой форме поправки должны быть поддержаны региональными собраниями. Замечательно, что за девять суток, понадобившихся депута-

[14] В. Рыжков «Партия: конец игры», «Новая газета», 2006г., №88

там для принятия изменений в Конституции, не было опубликовано ни одного социологического опроса, демонстрирующего, как население – единственный, между прочим, согласно Конституции, носитель суверенитета – относится к этой новации. Никто, собственно, даже не вспомнил об этой мелочи».[15]

Думаю, Петр изрядно б подивился солдафонской дисциплине в шеренгах народных избранников. Ни на кого не надо орать, грозиться лишить имений и самой жизни. Честь отдают первыми. Но не только трудами потомка достигнуто столь впечатляющее единство. Сам император и положил основы беспрекословного послушания государственных мужей. Как-никак триста лет те обучались поклонной грамоте, вот «отче наш» от зубов и отскакивает.

Недрёманное око

В управленческих ремонтных работах Путина образование округов, навеянное, по всей видимости, губернской реформой Петра, смущает количественным отступом: царь создал 8 губерний, президент только 7 федеральных округов, хотя находящиеся под его рукой владения значительно превосходят Русь начала XVIII века и по территории, и по населению. Не иначе, отвлекающий маневр, характерный для спецслужб, и помогающий сбить с толку наблюдателей вроде меня. На таких циферках и прокалываются рядовые копиисты, слывущие оригинальными творцами.

Нарезала Москва округа с колонизаторским небрежением к традициям, естественным связям, историческим предпочтениям населения и даже к географическим различиям на управляемой территории. К примеру, в Приволжский ФО были включены Пермская и Оренбургская области, Башкирия, через которые проходит, собственно, уральский хребет. Жители этих регионов никогда не числили себя волжанами или даже приволжанами. По всему, по устройству быта, по ведению хозяйства, по преобладающему в означенных местах человеческому психотипу – это типичные уральцы. Эмоционально высказался по поводу столичного самоуправства поэт Виталий Кальпиди:

«…где обнуляют староверку Пермь
поволжским «О», и маленький осколок
Урала заменяется теперь
не на «Урол», а сразу – на «Уролог»
(не зря ж опять в Кремле обоссались).
Я сходу утверждаю: недержанье
и порождает мысли, то есть мысль –
все больше запах, а не содержанье…»

[15] К. Рогов «Кто раньше доберется», «Новая газета», 2008 г., № 86

Запах еще более усиливается, когда пытаешься понять, как в Уральском ФО оказалась Тюменская область со своими автономными округами. Полтора миллиона квадратных километров самой что ни на есть Сибири вынужденно легли к подножию Рифейского хребта, обозначающего западную границу Ямало-Ненецкого АО.

Вспоминается популярная среди журналистов байка. Утром собкор центральной газеты в Свердловске вставил ноги в тапочки и оказался на работе. Тут же звонок из Москвы. На проводе не зав. собкоровской сетью, а целый заместитель редактора:

– Слушай, Петров, в Новокузнецке произошла авария на шахте. Нужен материал в завтрашний номер. Сгоняй по-быстрому, передать надо вечером, к утру – край.

Спросонок собкор плохо понимает, то ли разыгрывает его начальник, то ли заговаривается. Робко сообщает:

– Я бы сгонял, но от нас до Новокузнецка дальше, чем до Москвы.

– Да? – не сильно смущается зам. – Ладно, тогда позвоню Иванову в Хабаровск.

Демонстрация Москвой управленческого инструментария напоминает прихваты сумасшедшего слесаря, который отвинчивает шурупы зубилом, а отверткой зачищает контакты.

Впрочем, от путинских округов стране ни жарко, ни холодно. Полпреды, освободив местные законодательства от заскоков ельцинской вольницы, вот уже несколько лет вместе с приданным им внушительным чиновничьим аппаратом непонятно чем занимаются. То ли трудятся недреманным государевым оком, то ли послами доброй воли Москвы в колонизованных землях, то ли.… Нет, простому смертному все равно не постичь. Тайна сия велика есть.

Губернской реформой Петр приблизил сборщиков податей к тягловым сословиям, как бы сейчас сказали, к налогоплательщику. Московские приказы не могли разглядеть всякого российского подданного, обязанного пополнять казну. Вот царь и ввел, по-нынешнему, сетевую фискальную структуру, что вкупе с подушной податью и фактическим превращением помещиков в налоговых инспекторов по отношению к собственным крестьянам, делало государственный пресс удушающим. Производительные силы падали, и как бы ни рассаживались управленцы, брать становилось нечего.

«… нужды казны росли, и губернаторы не поспевали за ними. – пишет В. Ключевский. – Флот к 1715 г. требовал почти вдвое больше, чем в 1711 г. … Сенату предписывалось губернаторов, не умевших «без тягости народной» выискивать новых доходов, «не щадить в штрафах»… Изворачивались всячески, сокращали расходы, вводили

чрезвычайные временные сборы; но одного такого сбора не поступало и третьей доли – знак, что стало не с чего брать».[16]

Петр во все время своего правления не воевал только один год. Созданные им огромные для 14-миллионной России регулярные армия и флот требовали все новых и новых средств, они поглощали две трети бюджета. Экономика функционировала в мобилизационном режиме. Скороспелые управленческие ухищрения Петра предпринимались с целью выскрести даже сусеки.

Копиизм Владимира Путина из-за кулуарности сегодняшней власти объяснить однозначно вряд ли удастся. Можно только предполагать.

Страна при втором президенте, конечно, воевала, но не годы, а в общей сложности – месяцы. Военные расходы оставались значительными, но двух третей бюджета не достигали. Пускаться во все тяжкие, чтобы трясти с помощью все новых налогов бизнесменов и простых граждан крайней необходимости не возникало. Нефтегазовая рента с лихвой покрывала не особенно накладные государственные обязательства.

Зачем же понадобился Владимиру Путину возврат к жесткой централизации петровского образца? Оправданием этих шагов стало счастливое совпадение государственных интересов, требовавших защиты от «суверенных» поползновений местных князьков, с желанием президентского окружения, во время ельцинского дележа собственности в большинстве своем справлявшего госслужбу и обнесенного порцией, получить свою долю от сладкого пирога и поставить под контроль других едоков. Сохранение единства Отечества отвечало чаяниям населения и одновременно представлялось «ближнему кругу» президента из силовиков и законченных либералов несомненной ценностью, поскольку страна, точнее, ее недра виделись источником обильного кормления их узкого круга. Высокая цена на сырье избавляла приближенных к Путину от необходимости мудрить с управленческими схемами и строить народ. Но и пестовать в колонии-Родине демократию ААО, согласитесь, странно. Вот бы англичане в бытность владения Индией устраивали местный парламент, следили за чистотой выборов среди туземцев, за конкурентностью тамошних партий. Еще чего!

Владимир Рыжков говорит о «росте протестных настроений» в обществе в связи с профанацией властью демократии ААО в России. Боюсь, он выдает желаемое за действительное. Отдельные пикеты отдельных партактивистов прошли не замеченными обывателем. Если

---

[16] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. с. 146, 147

не считать зубоскальства в разговорах, возврат к петровской модели дался Путину без сучка, без задоринки.

Причин такой легкости восстановления видится несколько. Народ насмотрелся на «красоты» западной демократии в 90-е. В атеистической среде эта управленческая структура, рассчитанная на протестантские ценности, выявила все свои родовые пороки, от двуличия оппонирующих политиков до неэффективности при принятии и воплощении важнейших решений. Фактический отказ от нее люди восприняли равнодушно, а некоторые – с облегчением.

Концентрация сырьевых ресурсов в руках «могучей кучки» с помощью политического усиления центра не ощущается населением как потеря. Оно никогда не получало природной ренты, только крохи, падавшие с барского стола, а сожалеть о возможном, но не бывшем, для большинства людей нехарактерно.

Корпоратив

Мобилизационное обличье получила не вся государственная политика в экономической сфере, а только обращенная к нефтегазовой отрасли. Впервые за последние 300 лет перенос тяжести содержания государственной машины и намышленных ею затей с плеч народа на недра Отечества произошло в 60-е годы XX века. Именно тогда Советская власть, не считаясь с затратами, начала осуществлять программу по извлечению углеводородов и продаже их другим государствам за иностранную валюту. По счастью, сам процесс добычи нефти и газа оказался весьма технологичным и не требовал привлечения больших человеческих масс. Если бы для промышленного использования «черного золота» и «голубого топлива» оказались необходимы вырытые вручную карьеры глубиной с Мариинскую впадину, госмашина загнала бы «под лопату» столько людского материала, сколько надо.

В реальности же впервые за последние 300 лет русский народ почувствовал, что пресс верхов ослабел. Там, не властных вершинах, предались гедонизму, каждое утро выпивали по стакану неразбавленной нефти вместо натурального цитрусового сока, дышали и не могли надышаться газом. Ничем, кроме растущей токсикомании правителей, не объяснить трат на «проекты века», вроде БАМа, на войны в Африке, не понять равнодушия к положению дел во всех отраслях экономики, кроме добывающей промышленности.

Мой отец, работавший слесарем на заводе по ремонту тракторных двигателей, рассказывает, что во второй половине 70-х годов изменили стандарты: к примеру, там, где раньше требовался зазор в 8 миллиметров, теперь допускались все 20. Поставят движок на трактор, колхозный механизатор не успеет за заводские ворота выехать,

как машина окутывается дымом. Он выскакивает из кабины, бежит назад, к начальнику цеха, к технологам, иногда даже добивается, чтобы двигатель осмотрели снова. Ему показывают: «Смотри, все параметры соответствуют нормам. Что ты еще хочешь?» Гарантию на двигатель после капитального ремонта давали анекдотичную – 1 год.

Зато какая производительность! За месяц «ремонтировали» 1000 движков и больше. Оставались сверхурочно, выходили работать по субботам.

Подобная имитация производства распространилась на все отрасли, исключая, может быть, нацеленные на экспорт предприятия.

Между тем, правителям-токсикоманам не свойственно заморачиваться, они в плену грез. То вилла о восьмидесяти комнатах на берегу ласкового моря привидится, то лимузин длиной в полквартала, то самолетик, свой, хорошенький такой. Так досадно, что при социализме страшно узок набор привилегий: квартира – дача – «Волга» – паек – спецбольница. Не всем «государственникам» удастся дожить до благославенного правления Путина, когда их давнишние грезы станут явью.

Ловя момент невиданно благоприятной глобальной конъюнктуры, приближенные президента с торопливой сиюминутностью потрошили недра, чтобы увеличить до заоблачных размеров личные состояния и создать финансовую «подушку безопасности» существующей власти – гарантии их благополучия. Рост золотовалютных резервов, разных накопительных фондов, в основном, Стабилизационного, шел ударными темпами. «Очевидно, что Путин с течением времени сосредоточил не в своих личных руках, но в зоне управленческого внимания существенные финансовые ресурсы. Конечно, самые яркие – это «Газпром», «Русснефть», «Транснефть» и многие другие».[17]

«…во время встречи олигархов с Президентом Владимир Владимирович произнес фразу, которая покорила миллионы. Он сказал: «Да мне не надо денег, если надо, я могу дать денег больше, чем у вас всех есть, вместе взятых. Вы вкладывайте в регионы». За точность цитаты не ручаюсь, но повторило мне ее несколько человек с совершенно квадратными глазами».[18]

Ударная выкачка природных ресурсов затормозила развитие отрасли, и, по всем законам мобилизационного подхода, привела к ее деградации. Нефтяникам и газовикам даже в периоды сумасшедшего благоприятствования конъюнктуры не удалось выйти на советские объемы добычи. Величина разведанных запасов по сравнению со временами СССР сократилась в разы, поскольку поисковые и прогнозные работы несколько лет не велись вовсе.

[17] В. Соловьев «Путин», М., 2008 г., с. 311
[18] Там же, с. 146

Остальная экономика была избавлена от мобилизационного пресса, но получила негласную повинность по явному и тайному кормлению расплодившейся бюрократии. Некоторые виды деятельности, вроде ремонта квартир или частного извоза, осуществлялись в абсолютно свободном режиме, без уплаты налогов и правового регулирования. И хотя в этих сферах, предположительно, крутились миллиарды рублей, изнеженный чиновник понимал: кропотливость администрирования окажется накладней возможной выгоды – и кошки гуляли сами по себе.

Собственно механизмы, определяющие экономическую повседневность, Путин позаимствовал опять же у Петра.

«При нем (Петре I – прим. О. Б.) люди знатные и сановные, корифеи бюрократии, являются промышленными предпринимателями, фабрикантами и заводчиками… Самым возбудительным средством для промышленной предприимчивости были льготы – казенные субсидии и ссуды…»[19]

«Русская предприимчивость не оправдала ожиданий преобразователя: приходилось указами предписывать капиталистам строить фабрики, составлять компании, назначать компанейщиков и их товарищей. Петр обыкновенно на казенный счет строил надобную новую фабрику или завод и потом на льготных условиях сдавал их, даже навязывал частным предпринимателям… В своих фабриках и компаниях Петр соединил принудительность предприятия с монопольностью производства. Такое казенно-парниковое воспитание промышленности неизбежно вело к правительственному вмешательству, а мелочная регламентация и придирчивый надзор при непривычке к делу отпугивал охотников. Была и еще одна помеха успехам промышленности: это – запуганность капиталов. При общем бесправии внизу и произволе наверху робкие люди не пускали в оборот своих сбережений: крестьяне и рядовые промышленные люди прятали их в землю от помещиков, от податных и таможенных сборщиков, а дворяне по ходячему тогда между ними правилу стричь своих крестьян догола, как овец, не желая колоть глаза другим столь благоприобретаемыми избытками, запирали свое золото в ларцы или, кто поумнее, отправляли его в лондонские, венецианские и амстердамские банки. Так свидетельствуют современники Петра, прибавляя, что сам князь Меншиков держал в Лондоне на вкладе не один миллион».[20]

Как пить дать, купил бы Алексашка «Челси», но не повезло ему – футбол еще не родился.

А вот отечественная промышленность, и тяжелая, и легкая, рождалась как раз при Петре. Металлургия для тогдашней эконо-

[19] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. 105
[20] Там же, с.с. 108, 109

мики – что-то вроде нынешних нанотехнологий. «Птенцы гнезда Петрова», выкормыши аграрной страны, похоже, побаивались неизвестного производства – не то что «друзья Путина», готовые возглавить хоть индустрию по вызову духов предков. Каждый из нынешних министров заседает чуть ли не в десяти советах директоров разных корпораций, «управляет» госпакетами акций, получает за представительство немалые деньги во всех десяти местах.

Собственно, олигархи, то есть люди, имеющие и политическую, и экономическую власть, выращивались Петром одновременно с созданием русской промышленности. Отечественное предпринимательство возникло не как плод частной инициативы, а в виде служения государю. И получило от него льготы и монопольное положение на рынке.

Владимир Путин прильнул к истокам и воссоздал экономические реалии петровской поры с тщательностью квалифицированного реставратора.

«В сегодняшней России две стороны и две страны. Одна – это сторона власти… На этой стороне сегодня государственная власть, которая запугивает и терроризирует другую страну, страну граждан…

Та страна – это корпоративистская страна, страна, в которой государственная власть оказалась в руках корпорации, отнимающей и уничтожающей экономические и политические свободы российских граждан.

Главное правило этой корпорации – отсутствие единых правил. Принципы корпоративизма – избирательность, неравенство, селективность, дискриминация. То, что позволено одним, не позволено другим. Одной компании выставляются максимально возможные и невозможные налоговые претензии, другая получает невероятные льготы. В одном случае продажа части акций компании иностранцам запрещается, в другом увод практически всей компании приветствуется и поддерживается всей мощью государства. В одних случаях иностранные граждане не могут работать в российских компаниях по так называемым соображениям национальной безопасности, в других они торжественно приглашаются и назначаются на высокие посты. Одним покупателям цены устанавливаются на одном уровне, другим – в разы выше. Неравные условия ведения бизнеса, неравные условия жизни, экономическая и политическая дискриминация возводятся в абсолютный принцип. Идеология корпорации – это «своизм» или «нашизм». Это идеология предоставления льгот, кредитов, субсидий, полномочий, власти – своим. Это государственное лоббирование «наших». Это предоставление всех видов ресурсов Российского государства и всей страны членам корпорации. «Своизм» – это идеология защиты «наших» не потому, что они правы, а потому, что они свои.

Ударными орудиями корпоративистского государства выступают государственные компании. В чем суть госкорпоративизма, убедительно продемонстрировала зимняя газовая война с Украиной. До 31 декабря прошлого года газ в Украину поставлялся по цене ниже 50 долларов за тысячу кубометров. Теперь – за 95 долларов. Нам говорят, что Россия выиграла. При этом не упоминают как минимум три важных факта. Первое. Прежняя субсидированная цена была установлена самими российскими властями всего лишь за год до этого, тогда, когда европейские цены уже перевалили за 200 долларов. Во-вторых, субсидированная цена была установлена на 5-летний срок, на срок ожидавшегося премьерства украинского члена той же самой корпорации. Нам поясняют: субсидировать индийских бизнесменов нельзя. А украинских членов корпорации, значит, можно? В-третьих, и это самое главное. До 31 декабря прошлого года газ в Украину поставляла российская компания «Газпром», платившая с этих поставок налоги в российский бюджет. С 1 января этого года газ в Украину поставляется зарегистрированной в швейцарском кантоне Цуг замечательной компанией «Росукрэнерго». Очевидно, родственницей другой замечательной компании под названием «Байкалфинансгруп». Налогов с операции в более чем четыре миллиарда долларов швейцарская компания «Росукрэнерго» в российский бюджет не платит. И не будет платить. Что от этой сделки выиграла корпорация – понятно. А что Россия?

Если кто и занимается сегодня продажей родины, то это тот, в чьей собственности родина оказалась. Приватизацию денежных потоков от не принадлежащих ей активов изобрела не корпорация. Это правда. Но именно ее члены блестяще освоили главный принцип госкорпоративизма – приватизация прибылей и национализация убытков. Вначале он отрабатывался в РАО «ЕЭС», затем в «Росспиртпроме», затем в «Газпроме», в «АвтоВАЗе», в «Роснефти»…

Корпорация нашла идеальный способ присвоения собственности, принадлежащей всем российским гражданам. Этот способ – государственные компании с некоторым частным присутствием. Это создание своего рода закрытой сферы и зоны. Зоны, неподконтрольной ни государству, ни частным инвесторам…

Как же назвать это удивительное новое явление – процесс одновременной и национализации частной собственности, и приватизации государственной? Процесс, в котором частная собственность становится вроде бы государственной, но ни гражданам, ни даже представляющему их интересы государству не достающаяся, а достающаяся менеджерам государственных компаний и представителям государственного аппарата, тихо или со скрежетом зубовным делящим достающиеся им миллиардные активы. Название этому явлению подсказывает термин, так приглянувшийся самой корпорации – государс-

твенно-частное партнерство. Или сокращенно – ГЧП. Иными словами, это ГЧПизация российской экономики, политики, общества. Для прикрытия своей экономической деятельности корпорация уничтожает естественные формы политической жизни, ликвидирует структуры общества, нацеленные на идентификацию, формулирование, защиту людьми своих гражданских прав и политических интересов».[21]

Петр Великий тащил своих «птенцов» в олигархи, имея целью все-таки развитие страны. Сегодня можно оценивать его кадровую политику как угодно – тогда она ему казалась правильной, служащей общей пользе. Купечество стонало и хирело от неравенства на рынке, но царь оставил после себя 233 фабрики и завода, по сути, страна при нем обрела промышленность.

Воспроизведя государственный протекционизм в отношении избранного круга «друзей», Владимир Путин назначает в олигархи «своих», сдается, только ради их собственной пользы. Разглядеть общественный интерес в такой политике весьма затруднительно, исключая, может быть, стабильность. Стабильность выморочных правил игры.

«Друзья» Путина будто бы клоны далеких предков – петровских «птенцов». Соответственно, и нравы в их среде отдают атмосферой начала совсем другого века.

«Птенцы» и «друзья»

Еще во времена президентства Владимира Владимировича мы с отцов по телевизору смотрели новостную программу. Путин пришел на заседание правительства и там вежливо выговаривал министру Зурабову за его чудовищные недоработки. Уподобившись герою «Нашей Раши», я решил прокомментировать происходящее на экране.

– Чего он чикается? Давно надо гнать взашей этого ворюгу. Делает бизнес на стариках да больных, и сидит, чего-то еще рассуждает.

Отец на мою тираду отреагировал гениальной фразой:

– Он их воспитывает.

Мое сознание моментально прояснилось. Я сразу понял: социологические агентства не врут. В то время, когда рейтинги государственных институтов стелются ниже плинтуса, столбик доверия Путину нерушимо теряется в облаках. В восприятии миллионов и миллионов Владимир Владимирович правильный вожак бездарного, вороватого, циничного окружения, вынужденного с трудом, через силу, скрепя сердце подчиняться главе государства, внимать его нотаци-

[21] А. Илларионов «Август 2006. Победа ГЧП», «Новая газета», 2006 г., № 57

ям и даже иногда вроде бы что-то хорошее делать. Да, перемены происходят медленно и непонятно, куда ведут, но Путин-то чем виноват. Он старается, всего себя отдает, однако за каждым не уследишь.

И потом, ничто так не красит мужчину, как верность в дружбе. Особенно по контрасту с окружающим миром. Сегодня и стопудовый кореш, и близкий родственник запросто могут устроить подлянку. В жизни появилось много соблазнов, а люди слабы. Но только не Владимир Путин. Он до сих пор идет по жизни, неся в сердце святые заветы подростковой дворовой компании: наш всегда правее не нашего. Неважно, кто начал драку, определиться легко – бей незнакомца.

«Он (Путин – прим. О. Б.) всегда опирается на друзей, именно поэтому они для него так важны»[22]. «Смешно, конечно, было бы думать, что со стороны близких друзей существует принципиальное влияние на позицию Президента, но он никогда их не выкидывает, он хочет быть уверенным в том, что у них есть кусок хлеба»[23]. «…он (Греф – прим. О. Б.) чувствует не только колоссальную ответственность перед страной, но и желание не подвести Путина, к которому относится как к учителю и близкому другу. Такое отношение вообще характерно для команды Путина… Оказавшись на самом верху власти, многие из них не выдержали испытания деньгами и славой, но их все равно объединяет нечеловеческая преданность вождю – нечеловеческая преданность Путину.

Хорошо ли это?.. Ведь что такое эта преданность? Это как у боксера клинч: они настолько близко пытаются к Путину подойти, чтобы у него не осталось возможности вернуть их на дистанцию удара. А многие из них заслуживают удара. Многие предали его хорошее отношение и стали не просто обогащаться, а устраивать из страны откровенную кормушку. Прикрываясь борьбой с олигархами, они вытворяют такие фортели, что можно только диву даваться. И Президент это позволяет. Возможно, потому, что Владимир Владимирович всегда испытывал уважение к отчаянной смелости. Умение не сдавать своих ему очень импонирует в людях»[24].

И мне импонирует, и еще тысячам, миллионам людей в нашей стране. Но сентенции Владимира Соловьева вызывают некоторые вопросы. Предают ли друзья президента, выкидывая «фортели», раз он их «позволяет» выкидывать? И что это за род «отчаянной смелости» – наживаться на стариках или внаглую отбирать предприятия у законных владельцев? А «нечеловеческая преданность», это как? Получается, слепая, животная, типа собачьей? Так даже не всякий во-

---

[22] В. Соловьев «Путин», М., 2008 г., с. 108
[23] Там же, с. 109
[24] Там же, с.с. 112, 113

жак стаи может рассчитывать на безоговорочное раболепство ближних, не говоря уж о мальчишеской дворовой компании, где и лидер не избавлен от подшучивания и розыгрышей.

Если перефразировать известное выражение, можно заметить: что в России хорошо, то в Германии – смерть. Допустим, вы замечательно проводите дома с женой время в постели. Все вокруг говорят, какой вы отличный семьянин, как чудесно умеете любить. Чтобы упрочить сложившуюся репутацию, вы устанавливаете кровать в служебном кабинете и начинаете осчастливливать коллег женского пола. Послужит ли подобная практика росту достижений трудового коллектива и вашего личного вклада в производственный процесс? А если кровать установит руководитель вашей компании в своем офисе в Москве?

Люди с незапамятных времен заметили разницу: что морально и в высшей степени похвально в быту, то отвлекает или становится непреодолимым препятствием во время выполнения трудовых обязанностей. И выработали гласные и негласные правила поведения на рабочем месте. Продвижение по служебной лестнице и материальное поощрение сотрудников из человеческой симпатии или по причине нечеловеческой личной преданности тех начальству никогда не считалось сильной стороной руководителя – и всегда вызывало явный или тайный ропот в коллективе. Что в быту «дружба», то на работе «круговая порука» или протекция, чаще всего незаслуженная.

Что же заставило Владимира Путина выбрать именно такую модель поведения на высшем государственном посту? Никак опять пример любимого им государя?

«В интересе служебной дисциплины Петр прибегал к отеческому негласному способу исправления досадивших ему сановников: отколотив дубинкой наедине в своей токарной мастерской князя Меншикова или ему подобного дельца, он звал его на обед, как ни в чем не бывало»[25]. «Беспримерно обогащенный Петром, этот темного происхождения человек стал виртуозом хищений. Петр усовещал любимца, бивал дубинкой, грозил, и все напрасно. Меншиков окружил себя шайкой чиновных хищников, обогащавшихся и обогащавших своего патрона на счет казны… Меншикова спасали от жестокой расправы давняя дружба Петра и неизменная заступница Екатерина, ему же и обязанная своей карьерой»[26]. Ничуть не удивлюсь, если со временем откроется: ночами перед заседаниями правительства Путин отрабатывал на Зурабове приемы дзюдо в засекреченном спортзале. Зато бывший министр и после отставки без куска хлеба с лосо-

[25] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с.с. 161, 162
[26] Там же, с. 180

севой икрой не остался – сейчас вот посол на Украине. Бывших «друзей» Путина не бывает.

Поразительна иллюзия национальных лидеров, что Петра Алексеевича, что Владимира Владимировича, будто зная всю подноготную людей из «ближнего круга», они их контролируют, держат на крючке. На самом деле, «избранные», убедившись в своей незаменимости, стремительно наглеют и манкируют даже прямыми указаниями патронов.

Благодаря фильму В. Петрова «Петр Первый», кинодилогии С. Герасимова, длящейся не одно десятилетие возвышающей мифологизации царя-плотника (Сталин тоже видел в его правлении начало собственных славных дел и в некотором роде ему наследовал), мы легко вызываем в сознании привычный образ: громадный государь, лучше на фоне развевающихся знамен, как гаркнет какой-нибудь указ, и тут же затрепещут земля и небо, не говоря уж об его подданных, и даже задней мыслишки не возникает, что кто-то посмеет ослушаться этого горлана-человечищу. Ан были люди в тогдашние времена, ничего их не брало.

«Непослушание чиновников предписаниям высшего начальства и даже царским указам стало при Петре настоящей язвой управления, превосходившей даже смелость старых московских дьяков, которые, бывало, на 15-м указе непременно послать подъячего по делу стойко помечали: «И по тому его великого государя указу подъячий не послан». Не помогали ни штрафы, ни угрозы лишить чина и «весьма отставить», ни даже сослать на каторгу».[27]

Если при Петре страна управлялась плохо, то при Путине не управлялась совсем. Ни одну из многочисленных язв общества – от антигиппократовской медицины до постоянно снижающегося уровня образования, от пыток в милицейских застенках до произвола судей, от попсовизации культуры до чудовищного разрыва в доходах между кучкой богатых и массой бедных и т.д. и т.п. – за время его президентства государство не заживило и заживить не могло. Окончательно обленившаяся в «тучные» годы бюрократия представляет из себя армию людей, алчно блюдущих собственные интересы, используя при этом все преимущества госслужбы. Визуально-виртуальное информационное пространство позволяет единственному субъекту власти, президенту, создавать у людей иллюзию своего контроля над всеми процессами и опекунства над всем населением, а тому, в свою очередь, без труда верить, что так оно и есть. Вот какой милый диалог с Путиным воспроизводит в своей книге Владимир Соловьев:

[27] Там же, с. 162

«Я говорил ему, что в России граница – это особая тема, что на таможне работать невозможно.

– А почему? – спросил Путин.

Я рассказал ему о том, как работали с контрафактом, как контрафакт продавали, через какие структуры.

– И вообще, – говорю, – бизнес в нашей стране связан с судебной системой.

Он говорит:

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы же знаете, – отвечаю, – сколько у нас стоит судебная структура?

– А сколько? – поинтересовался Президент.

Я назвал цифры оплаты в первой инстанции. Путин замечает:

– Похоже! А судье?

Я ответил.

– Похоже! – говорит Президент. – А еще выше?

– Слушайте, – говорю, – выше всех находитесь вы!

– Интересно, а со мной как?

– С вами, – отвечаю, – очень просто. Все адвокаты делятся на две категории – те, которые знают, кому надо занести деньги, и те, которые знают ваших друзей.

– Так! И как дальше?

– У тех, которые знают ваших друзей, начинается позвоночное право, то есть телефонный звонок. Это дорого!

– Сколько?

– Ну, от миллиона.

– Ну да, похоже.

С этого момента Путин стал слушать очень внимательно, понимая, что я четко знаю, о чем говорю».[28]

Больше всего в этом диалоге не то чтобы поражает, а неприятно царапает смиренность главы государства. Все знает, все понимает и продолжает делать вид, что в насквозь коррумпированной среде управляет страной, как будто это возможно.

Его громоподобного предка «ближний круг» тоже ставил в угол, как ширму.

«Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он (Петр – прим. О. Б.) вышел из себя и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что, если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру: «Разве, ваше величество,

[28] В. Соловьев «Путин», М., 2008 г., с.с. 110, 112

хотите остаться императором один, без подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся и не издал указа».[29] На что более или менее хватало царя и президента, так это разруливать непонятки в кругу «птенцов» и «друзей» – примерно такая же роль достается «авторитетам» в блатной среде. Выражение «команда Путина» страдает искажением подлинного содержания взаимоотношений в «ближнем круге». Под «командой» мы понимаем небольшой коллектив, где каждый его член нацелен на достижение общей цели и может в соответствии с мушкетерским принципом «один за всех, и все – за одного» в трудной ситуации рассчитывать на поддержку любого из своих товарищей. Окружение что Петра, что Путина вертикально ориентировалось на своих вожаков и рассматривало идущего рядом как конкурента в борьбе за кусок из властных рук.

«В Сенате шли ожесточенные раздоры и разыгрывались непристойные сцены: обер-прокурор Скорняков-Писарев был в непримиримой вражде со своим принципалом генерал-прокурором Ягужинским, подканцлер барон Шафиров с канцлером графом Головкиным, родовитые сенаторы, природные князья Голицын и Долгорукий с неродовитым, но светлейшим жалованным князем Меншиковым, и все со своими личными и партийными дрязгами обращались к царю. Сенаторские совещания порой превращались в брань; один другого называл вором. Или собрались сановники у генерал-прокурора праздновать взятие Дербента в 1722 г. Обер-прокурор Сената, успевший уже дважды подраться с прокурором Юстиц-коллегии, едва не подрался с подканцлером, и потом оба, донося друг на друга царю и царице, извинялись – один тем, что был зело шумен (пьян), а другой тем, что был еще шумнее»[30].

«Никого не интересует, правдой или неправдой является изложенный материал, всех волнует, кто его заказал, кто против кого воюет. И это совершенно омерзительно – друзья Путина не дружат между собой. Вряд ли можно назвать дружественными отношения между Золотовым, Сечиным и Сурковым… Отсутствие такого рода контакта крайне опасно для страны. Идет постоянная борьба на более низком уровне из-за того, кто будет назначен и на какую должность. Посмотрели – вот, кто-то из наших людей – и тут же назначают. Как только заболевает кто-то из высших кремлевских покровителей, проходит ряд назначений. Эта лихорадка крайне опасна, даже губительна».[31]

Лихорадка – только следствие. Губительна для страны сама петровская модель управления государством.

---

[29] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. 180
[30] Там же, с.с. 179, 180
[31] В. Соловьев «Путин», М., 2008 г., с.с. 160, 161

Цена крохи

Заканчивая разговор о демонтаже Путиным выборной системы, Владимир Рыжков восклицает: «Поразительно, как быстро восстановлена советская бюрократическая монополия на власть, хоть и в новой, мутировавшей форме».[32] Ну, вот, сразу – «советская». А при царях и царицах, пришедших после Петра, «монополия на власть» неужто принадлежала государям и государыням? Или, может, дворянам, а то и вовсе, прости господи, благодарному народу?

Василий Ключевский еще в самом начале XX века проницательно подметил: «Наконец я кончил обзор реформ в управлении… В этой отрасли своей деятельности Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок; но это не были случайные, скоропроходящие явления. Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз сознавался в своих ошибках. Надобно внимательно выяснить, откуда пошли приемы и привычки управления, преследующие русскую жизнь после Петра на протяжении чуть не двух столетий и не оправдываемые условиями, какими они были вынуждены при Петре».[33]

Минуло еще одно столетие, а это замечание великого историка актуальней глубокомысленного, но бессвязного лепета нынешних интеллектуалов и свежее майской сирени. На протяжении трех веков страна жила и продолжает жить в «Петровской Руси». Реставрационные усилия Владимира Путина – возврат подзаплутавшего Отечества на хоженый туда-сюда путь, не осложненный «мутациями», так сказать, исконно петровский. Правда, второй президент и его «друзья» не летели по нему, подобно Петру, с очами, полными огня, а ползли, стараясь держаться поближе к землице и сокрытым в ней богатствам.

Весь в боях, в походах, в ремеслах и, что греха таить, в загулах, Петр отрывочно обращался к проблемам государственного управления. Реформы в этой области отличали «частичность, незаметность цельного плана, зависимость от изменчивых требований текущей минуты».[34] Только незадолго до смерти первый русский император всерьез взялся размышлять над устройством управления. Мудрить не стал, действовал, как привык: зачем что-то придумывать, если заграница

[32] В. Рыжков «Партия: конец игры», «Новая газета», 2006 г., № 88
[33] В. Ключевский С. с., т. IV, М., 1989 г., с. 174
[34] Там же, с.134

давно все придумала. Бери чужие чертежи и строй ко…, ой, извините, не корабль, а государство. Камералист Фик и барон фон Люберас навезли шведских регламентов, и работа закипела. Устроили коллегии, что-то вроде нынешних отраслевых министерств. Губернии поделили на провинции, те, в свою очередь, на, прости господи, дистрикты. Выстроили, одним словом, вертикаль власти. Но в самом ее низу случился судьбоносный и, смею утверждать, трагический для всего дальнейшего существования страны отступ от шведских регламентов. «Сенат не решился пересадить на русскую административную почву мелкую земскую единицу, какой был шведский церковный приход со своим фохтом и выборными крестьянами для суда и предварительного судебного дознания, потому что «в уездах из крестьян умных людей нет».[35] В. Ключевский по этому поводу иронизирует: «Сенаторы не находили в селе того специфического, им только по штату присвоенного ума, который так хорошо понимали тогдашние прибыльщики из крепостных и так прямо характеризовал крестьянин Посошков, написав, что русские правители «русского человека ни во что ставят и во всяких делах за кроху умирают», а пропажу тысячи рублей ни во что поставляют».[36]Так и ведется: спер булочку – посадят обязательно, украл миллиардов десять не наших денег – уважаемый человек. Что остается историку Ключевскому – только иронизировать. Не плакать же, в самом деле.

Дары на растопыренных пальцах

Что собой по смыслу представляет петровская модель управления государством, которую вот уже три столетия практикует Россия. По сути, это – примитивнейшая система подчинения всего и вся одному лицу, будь то царь, генсек или президент. Это феодальная вотчина на размер страны.

Размер в данном случае имеет огромное значение. Трудолюбивый феодал может регулярно объезжать свои владения, знакомиться с ходом дел, вносить коррективы, менять управленцев и т.д., иными словами, непосредственно руководить хозяйством. Такого удовольствия напрочь лишены единовластные российские правители. Домосед Сталин был рачительней и честнее любивших поколесить по родным просторам Ельцина и особенно Путина, поскольку сознавал: всякие попытки «ручного» управления такой страной – пустая трата времени и сил. Демонстрации близости к народу производил в ответ на народные демонстрации, с трибуны мавзолея, помахивая ручкой и привечая детишек. Редкость проявления монстром челове-

[35] Там же, с. 167
[36] Там же, с.с. 167, 168

ческих качеств делала их сродни милости божьей и способствовала повальной любви населения к вождю.

«Возможны разные варианты будущего России, от политического возрождения до распада. Однако общее направление развития носит авторитарный характер, хотя и не в такой крайней степени, которая была характерна для СССР. Среди способствующих этому курсу факторов отметим склонность президента Путина к иерархическому типу руководства; поддержку этого курса среди населения в качестве противодействия беспорядку и общественному распаду, свойственным переходному постсоветскому периоду; способность правящей элиты сохранять власть из-за отсутствия эффективной национальной оппозиции, в результате чего эта элита подотчетна только сама себе; перемещение основных источников налоговых поступлений из регионов в центр. Эта тенденция к централизации будет негативно сказываться на эффективности руководства. Эффективное управление практически невозможно при такой централизации в столь крупной и неоднородной стране, как Россия, испытывающей нехватку компетентных и дисциплинированных чиновников».[37]

Американские разведчики, верные защитники демократии ААО, демонстрируют ряд наивностей, обычно не свойственных людям их профессии. Для начала замечу, что нет никакого переходного периода от советских к западным ценностям. Ни так называемая «элита», ни различные слои общества, за исключением жалкой кучки «одурманенных буржуазной пропагандой» интеллектуалов, не собираются перенимать приемы и методы демократии ААО, стойко ассоциирующиеся в их сознании с сумасшедшими 90-ми годами. И политика Путина – не «тенденция к централизации», а возврат к национальным управленческим традициям.

Пусть американская разведка цепенеет от недоумения, как может горстка людей, собранных в одном месте, «эффективно руководить» такой «крупной и разнообразной страной». Но разве горстка, подотчетная сама себе, как справедливо подметили заокеанские наблюдатели, стремится к эффективности? Разве эффективность – цель ее деятельности? Еще чего. В горстку сбиваются далеко не полоумные люди. Они кожей ощущают враждебную и стихийную мощь этих безразмерных пространств. Попробуешь, по-вольтерьянски манерничая, приоткрыть заслонку – тут же обдаст жаром пугачевщины.

Сметанная Петром на живую нитку управленческая система оказалась куда долговечней построенных им со знанием дела и великим усердием кораблей, поскольку удовлетворяла главную потребность всякой последующей элитной горстки – в обильной мзде

[37] «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы национального разведывательного Совета США», Екб., 2002 г., с. 96

со сказочно богатой и бесконечной кладовой. Более никто подобно медному всаднику не стремился поднимать оседланную Россию на дыбы. Усидеть бы на плетущейся рысцой громадной, но худой лошади – вот и вся забота. Для решения этой задачи необходимо придерживаться ряда правил.

Даже отдаленно знакомым с наукой психологией людям, вроде меня, известно: один человек способен управлять – контролировать исполнение своих распоряжений, регулярно требовать определенных действий, «заглядывать в душу» – двенадцатью-пятнадцатью себе подобными. Особо трудолюбивые и наделенные развитой интуицией – двадцатью. Но не больше. Совсем не случайно в самом маленьком армейском подразделении – отделении – от 11 до 13 человек. Сделаете, допустим, по 25 – и потеряете управляемость войсками.

Посему будучи российским царем, генсеком или президентом выберите из «жадно толпящихся у трона» десяток людей попреданней, приблизьте их, поставьте в зависимость от ваших подачек, внушите им смесь уважения и страха. С ними может быть хлопотно, они отнимут уйму времени, но без этого «кольца Сатурна», без «ближнего круга» вы окажетесь беззащитней голого младенца на сорокаградусном морозе. Прямолинейный Павел I пренебрег этим правилом – печальный исход всем известен.

Вы с вашей камарильей не останетесь на хлебе с водой – тем и ценна петровская система. Вам доставят все, что душе угодно, без кровавых военных экспедиций, без утомительных переговоров с поставщиками и тяжких раздумий над устроением хозяйственной жизни в подведомственных несметных землях. Гениальная находка Петра, может быть, самим им и неоцененная – передача бюрократии, находившейся при сословной демократии на втором плане, основных инструментов власти. Она все дробит и всех объединяет и даже на растопыренных пальцах приносит своему покровителю больше, чем тот может употребить за свою в любом случае такую короткую жизнь. В отношениях с бюрократией единоличным начальникам также необходимо придерживаться ряда правил. Приходится, в частности, делиться с ней значительным куском собственного божественного или партийного ореола. Восклицая: «Государство – это я», подразумевать: я плюс армия верных столоначальников. Привыкать, что ни одно из ваших грозных распоряжений в точности не будет реализовано, и смиренно надеяться: кое-где порой все-таки оно частично исполнится. Понимать: государевы слуги имеют право жить лучше остального народа и, давая им словесную острастку, довольствоваться тем, что приносят в клюве.

Впрочем, от последнего правила в XX веке случилось отступление. Находясь в международной блокаде, Россия при Сталине не имела

возможности получать барыши от внешней торговли. Видимо, потери от хватательных рефлексов госмашины вождь посчитал сверхнормативными. Применив испытанный принцип провокаторов «пусть каждый боится каждого», Сталин разбил бюрократию на три взаимосвязанные, но все-таки достаточно самостоятельные ветви, условно говоря, «репрессивную», «партийную» и «хозяйственную». Первую составили сотрудники НКВД – КГБ, натренированные выполнять команду «фас». Ко второй можно отнести освобожденных работников партийных и комсомольских комитетов, а также приданных им в помощь правоохранителей (милиция, прокуратура). В третьей оказались служащие советских органов, отраслевых министерств, разных там ЖЭКов, санэпидемстанций и т.д. Все боялись всех и брали взятки только в порыве душевного смятения, создавая лишь очаговые проявления коррупции, которые гасились просто и незаметно. Да и кто бы понес дары? Население было по уши загружено работой, замордовано, ослеплено ретрансляцией «великих задач», бедно, как церковная мышь. Прикорм бюрократия получала из рук хозяина. Спецпайки, санатории, квартиры – все это в нищей стране воспринималось как роскошь.

При «развитом социализме» «репрессивная» ветвь превратилась в составную часть «партийной», благосостояние народа увеличилось, и коррупция зацвела пышным цветом. Пойманные за руку легко перепархивали с одной «ветви» на другую – начала работать цеховая солидарность. И хотя тогда казалось, что уровень коррупции недопустимо высок, до ягодок еще было далеко. Взаимный пригляд двух «ветвей» продолжал работать.

Реванш за все шедшие свыше ограничения уже единая бюрократия начала брать с конца XX века. Мощь и быстрота ее возвышения, опирающегося на утробные петровские (читай – «национальные») традиции, впечатляет. Поставлена на место и частично интегрирована разгулявшаяся было уголовная братва. Ходят на цепочке по жердочке осчастливленные Ельциным ребята, бывшие еще десяток лет назад олигархами, а теперь именуемые так скорее по привычке. Прозвище пристанет – не отвяжешься. По лености и сытости бюрократия потрошит только крупную рыбу, не обращая внимания на пескарей и подлещиков. Притом объем коррупционных средств не поддается даже приблизительному учету (а какой в данном случае может быть учет? Только приблизительный). По ощущениям, такой величины совокупной взятки за имитацию «сильного государства» не получала ни одна бюрократия ни одной в мире страны во всю историю человечества, и, возможно, никогда уже не получит. Потому что кризис на дворе – системный не только для глобального рынка, но еще в большей степени для доморощенной «суверенной демократии». Оба слова в названии

не понять какого общественного строя содержательно лживы. Насчет «демократии» даже говорить не хочется, пусть об этом призраке рассуждают те, кому примнилось, – «единороссы» и их вождь. А суверенность отвалилась, как хвост-атавизм, сразу после свертывания глобального рынка. Стало пронзительно ясно: все показное благополучие покоилось на устойчивом спросе на углеводороды мировым хозяйством. Внутренний рынок в структурном отношении не только не приобрел разнообразия, но в этом смысле даже деградировал. Вот потихоньку «суверенно» и погружается в лужу с тоннами не оприходованной нефти на плечах.

Танец молотка

Бюрократическая машина всегда едет в одну сторону. Это аппарат, настроенный только на закручивание гаек. Даже если по окрику сверху он вынужден прекратить ввинчивание, откручивать обратно обществу в целом, отдельным активистам и группам придется самостоятельно, миллиметр за миллиметром. Причем, механические щупальца всегда наготове: чуть забывает о гайке Главный Начальник, чуть ослабевают усилия отвинчивающих, глядь, а резьба опять целиком утонула в железе.

По своему первоначальному предназначению, если оно существовало, бюрократия призвана регулировать отношения внутри общества в соответствии с законами, но она всегда старается присвоить и установочные функции, убивая, к примеру, рожденной в ее недрах инструкцией смысл и дух правового акта, который собралась «проводить в жизнь». Она пытается поставить на учет любые отношения внутри общества, любое движение, не говоря уж об инициативе, сделать зависимым от своей отмашки. Потому, наверно, и называют ее машиной – причем, взбесившейся, неуправляемой, – что она продолжает тупо плодить условности и условия, не понимая – интуитивно выбранная ею цель недостижима. Жившим в Советском Союзе казалось: большего бумагооборота, чем в социалистической империи, невозможно получить в принципе. Ничего подобного. Путинская бюрократия, опираясь на прогрессирующую множительную технику, превзошла советскую предшественницу в разы. Даже заявления о приеме на работу, на очередной отпуск, на отгулы теперь люди пишут не от руки, а заполняют определенную форму – целый лист убористого печатного текста. Мне всегда казалось и кажется до сих пор, что нет ничего более юридически надежного, чем документ, составленный работником собственноручно, хотя бы в силу индивидуальности почерка каждого человека. Бухгалтерия нашей небольшой редакции ежемесячно развозит и рассылает стопу документации толще обоих томов «Войны и мира». Я понимаю, что на крупных предприятиях не-

обходимо держать целый цех, отвечающий за отчетность. Ясно также, причем не только мне, ясно всем, что прочитать Эвересты бумаг, даже приспособив каким-то образом под процесс познания компьютер, сотрудники государственных органов физически не могут. Они только отмечают, отчиталась та или иная организация или нет. Если не успела в установленный срок, тут и наступает бюрократическое счастье: извольте-ка штрафчик заплатить.

Путинская бюрократия родила ряд одновременно уморительных, чудовищных и горьких перлов, достойных отдельного упоминания в истории человечества. Чего стоит требование комиссий по инвалидности к их безногим-безруким подопечным ежегодно справкой подтверждать наличие заболевания, иными словами, приносить бумажку, где указано: за год потерянные конечности не отросли. Понадобились десятки, если не сотни, публикаций в различных изданиях, чтобы монструозная бюрократия отступила от установленного ею порядка.

Настоящей находкой для нее стала всенародная «борьба с терроризмом». Бюрократия почему-то решила, что у бомбистов нет никакой возможности получить святую для каждого жителя страны книжицу – паспорт. И запустила мелкоячеистый невод неслыханных размеров для ловли злоумышленников. С некоторых пор при отправке денежного перевода вы обязаны предъявить паспорт и написать данные вашего главного документа на обороте бланка, не предвидевшего такого поворота в бюрократических мозгах и не несущего на себе соответствующей графы. Заметьте, с вас требуют подтверждения подданичества не при получении купюр, а при отправке ваших же кровных. Если вы богаты, но безмандатны, забывчивы или, не дай бог, рассеянны, то подневольная почта откажет вам в услуге, за которую, между прочим, берет весьма приличные деньги. И не важно, хотите ли вы послать 100 рублей на опохмелку вчера отъехавшему приятелю или перевести значительную сумму за навороченный тренажер для похудания – паспорт понадобится по-всякому.

Начитавшись и насмотревшись, смею предположить: видать, террористы приспособились оплачивать гексоген посредством мелких, как порошок, почтовых переводов десятков и сотен покупателей десяткам и сотням хранителей смертельного вещества. И все же не возьму в толк, чем мой паспорт поможет в разоблачении неслыханного коварства злоумышленников – не хватает оперативной сметки.

Многие жители нашей страны успели капитально подзабыть, а молодежь даже и не знает, что каких-то пятнадцать лет назад вы могли приобрести железнодорожный билет абсолютно свободно, только заплатив деньги. Но грянула Первая чеченская, и бюрократия патриотично решила отсечь террористов от пользования стальными магис-

тралями. Метод напрашивался сам собой: как мы уже знаем, паспорт для бомбистов – недостижимая мечта. Значит, следует обязать всех пассажиров на всех этапах пользования стратегически важной железнодорожной сетью предъявлять основной документ: при покупке билета, при посадке в вагон и во время следования состава. На последнем отрезке при отсутствии заветной книжицы у кого-либо рвать стоп-кран и высаживать нарушителя в чистом поле (не сочтите за фантазию – свидетельствую как очевидец. В охранительном рвением нашим людям не откажешь – придурковатые нормы и правила блюдут свято).

Как при внедренных строгостях террористам удалось добраться до Нижнего Новгорода и Волгодонска, до Дубровки и Беслана – ума не приложу.

Зато сколь значительно за время всеобщей паспортизации железнодорожных пассажирских перевозок преобразился сам проездной документ. Помнится, прежде билет представлял из себя невзрачный кусочек картона, уже спичечного коробка. После посадки проводница изымала вашу крохотульку, засовывала в кармашек такой специальной ячеистой сумки и возвращала перед высадкой. Представляете, во всю поездку вы были с правовой токи зрения абсолютно беззащитны. В любой момент проводница могла воскликнуть: «Да я в глаза не видела вашего билета», выкинуть вас на ближайшей станции и определить на освободившееся место посеребрившего ей ручку левака. Правда, ни одного такого случая не припоминаю, но факт остается фактом: все держалось на зыбком основании – взаимном доверии работника и клиента.

Теперь вам выдают в кассе целых два билета, а если покупаете заранее – то и три. Третий – по сути, квитанция о комиссионном сборе. Но и двух достаточно, чтобы оценить тонкий вкус и размах руководства РЖД. Билеты со степенями защиты, как деньги, с переливающимися, словно на еврокупюрах, полосками. Песня! Теперь один билет вы отдаете проводнице, а другой во все продолжение дороги остается при вас. И можно бы поблагодарить железнодорожную бюрократию за неимоверно возросшую правовую защищенность пассажиров, если бы клиентов время от времени не выкидывали из вагонов вместе с красивыми билетами, Прошмыгнут такие граждане мимо потерявшей бдительность проводницы, а потом, когда состав тронется, оказывается, что паспорта-то у них нет – вот и приходится работницам самой железной на свете дороги рвать стоп-кран. Получается, вместе с ростом полиграфических затрат ж/д-бюрократия подняла уровень формализма в отношениях между служащими и пассажирами, а доверия друг к другу они испытывают много меньше, чем когда в ходе поездки обменивались картонными билетами. Теперь попробуем

представить, как собранные сведения о паспортных данных работают на поимку хотя бы одного террориста. Замечу сразу: только при покупке билета параметры Главного Документа улавливаются компьютером. Тут происходит сверка с базой данных на разыскиваемых преступников. Один мой знакомый дважды попал впросак. Сначала вывез что-то с родного завода, и хотя о ту пору, в начале 90-х, тащили почти все, попался именно он. Сбежал от суда на Енисей, отсиживался в глухомани два года, а потом приспичило ему куда-то поехать, при покупке билета предъявил свой паспорт. Ну, его и взяли у вагона под белы рученьки. Если весь маховик контроля рассчитан на то, чтобы не гоняться по тайге за простодырыми – тогда конечно. Но мы же о террористах. Что еще заготовлено для их поимки? Ни одна из проводниц в пользовании ноутбуком, тем более, подключенным к какой-либо сети, замечена не была, и, следовательно, проверки при входе в вагон и внутри него в борьбе с терроризмом ничем помочь не могут и служат единственно дрессировке клиентов с целью повышения общего уровня их дисциплины. Сведения из компьютеров кассиров должны концентрироваться на локальных серверах, а затем на Суперсервере, установленном в управлении РЖД или в ФСБ. Объем данных об обитателях всех поездов, стучащих по стране, колоссален, к тому же информация постоянно обновляется, стало быть, вам придется заказать Супермашину в Японии или использовать в качестве сервера конфигурацию из нескольких компьютеров, оснастив их быстродействующей поисковой программой. Далее предстоит определиться, что, собственно, вы собираетесь искать, иными словами, предоставить электронным мозгам паспортные данные злодея. Вопрос первый и главный: если имеются сведения о Важнейшей книжице террориста, включая его домашний адрес и семейное положение, то зачем ждать, когда он запутается в непроходимой сети железнодорожного контроля, а не взять его тепленького, прямо со сна? Вопрос второй, попутный: почему за 13 лет действия системы, при которой миллионам пассажиров продают услугу только при условии подтверждения ими своего гражданства, ни РЖД, ни ФСБ не сообщили общественности о задержании хотя бы одного бомбиста благодаря ограничению доступа людей к пользованию стальными магистралями.

Ответ: не там проверяем паспорта. Второй президент четко указал, где засели террористы и где их следует мочить. Введение паспортного контроля при входе в платные и бесплатные общественные туалеты понизит уровень тревоги в стране, даст толчок ряду побочных положительных явлений в виде роста занятости населения (проверяльщики у дверей), подъема уровня сервиса (компьютеризация

заведений). Чур меня! Запросто могут послушать. И что тогда делать, оказавшись без паспорта?

Профессиональная болезнь бюрократии – мания преследования подчиненных ей граждан. Приведенные мною примеры бессмысленных действий, влекущих за собой огромные материальные и временные затраты, создающих в обществе атмосферу недоверия, что способствует его дезинтеграции, далеко не единичны. Их десятки, если не сотни и тысячи. С некоторыми, весьма колоритными, можно познакомиться в материалах рубрики «Энциклопедия бюрократического идиотизма» в «Новой газете».

Бюрократические регламенты – отражение иллюзии Главного Начальника, что он все контролирует, все знает и всем руководит. За эти грезы и за работу по концентрации ресурсов в центре, где они и распределяются, чиновники получают индульгенцию на произвол и делегированное Первым Лицом право напрямую действовать от его имени или опосредованно – ссылаясь на интересы государства, то есть существующей в стране управленческой системы. Вот пример из газеты: некий предприниматель обидел милицейского полковника. Вскоре в его фирму заявились – нет, не ОМОН, не спецназ и даже не сержанты из ППС, – а представители налоговой инспекции, санэпидемстанции и пожарные с проверками. У чиновников есть четкое ощущение, что в каком бы ведомстве они ни служили, все принадлежат к одному клану – под прикрытием высокопарных слов безнаказанно сосущему любое живое. Региональные начальники поголовно копируют формы центрального правления с тем же «ближним кругом», зачастую состоящим из родственников, и так же получающим преференции в хозяйственной жизни.

Бюрократия по своей природе лишена творческого начала, гибкости и ситуационной сообразительности – обязательных для качественного управления черт. И в системе, где она наделена, кроме исполнительных, еще и установочными (создание инструкций, подзаконных актов, собственных распоряжений) функциями, чиновничья смесь страха и высокомерия рождает самые причудливые способы поддержания порядка.

Заставьте молоток без ручки самостоятельно забивать гвоздь, и он начнет такое выделывать, что вы тут же загнетесь если не от смеха, то от испуга.

Ниже, буквально через главу, я представлю систему управления, где бюрократия обретет подобающее ей место. Всех, собирающихся кривить губы на мои предложения, мол, это «невыполнимо», «слишком идеалистично, чтобы стать реальностью», попрошу: оглянитесь вокруг, задумайтесь на секунду, – с какой легкостью воплощаем мы фантазии безумцев, в каком абсурдистском, идиотском спектакле иг-

раем роли марионеток. Причем, марионетки все: Главный Начальник, его копии на местах, мужик, пьющий вечерами в гараже…

Царство ритуалов

Главный Начальник, конечно, понимает, что бюрократический давеж непереносим для населения, если не облагорожен неким высоким смыслом. Верховное правление при петровской системе сводится к производству пропагандистских ценностей и показательных актов, обозначающих «конкретные дела».

В дореволюционную пору такой надстроечной мифологемой выступала с виду нехитрая формула – «служение царю и Отечеству». Содержательную глубину ей придавал общепризнанный факт: государь – помазанник Божий. Для поддержания столь обязывающего статуса большое значение придавалось атрибутике и ритуалам, во многом позаимствованными у церкви. Золоченые палаты, размером и убранством превосходящие все известные храмы, посох, как у патриарха, корона, трон, поклоны, шикарные выезды, разламывание хлебов в сиротопитомных домах, военные парады и так далее.

Иногда возникала необходимость в уточнении или, скорее, расширении мифологемы. И тогда являлся граф С. Уваров и провозглашал: «Православие, самодержавие, народность». «Ее автор проводил в жизнь мысль о превосходстве православной и самодержавной России над «гибнущим Западом». Взгляды С.С. Уварова вдалбливали идею национальной исключительности и императорского превосходства России»[38]

Большевики-атеисты, казалось бы, должны были отказаться от всех сакральных подпорок своей власти. Но не удержались, оставили себе и золоченые палаты, и выезды автомобильных кортежей, а военные парады даже расширили за счет демонстраций трудящихся. Мифологем теоретики коммунизма за время подпольных сидений наплодили уйму, бери любую – и ставь на службу системе, от «Да здравствует, мировая революция» до «Вперед, к победе коммунизма». И мечтательно замирали рабы государства от розовых мечт о временах, когда от каждого возьмут всего лишь по способностям, а дадут по потребностям, т.е. все, что захочешь.

Но прекрасные миражи растворились в свете «нового мышления» М. Горбачева. Ельцин продержался почти два срока под лозунгом «рыночной реформы». Вышедшему из суровой кэгэбэшной шинели Путину никак не давалась все возвышающая хрень, а с разных сторон неслось: «Придумайте национальную идею. Сформулируйте, а не то мы погибнем». Владимир Владимирович еле выдавил из себя «ста-

[38] «Россия и мир» Лекции под ред. Л. Мартюшова, М. Попова, Екб., 1999 г., с. 78

бильность», и лучше выдумать не мог. Передряги достали всех, от коммунистов до апологетов «чикагской школы», от олигархов до бомжей. «Суверенную демократию» нарисовали позже президентские аппаратчики – она больше для внешнего потребления, чтобы топить в дискуссиях недовольных «западников».

Вот, собственно, и весь краткий обзор достижений первых лиц петровской управленческой системы на протяжении трех столетий.

Другой разговор, что вопреки общественному устройству, истово веря во властные мифологемы или используя их как прикрытие, деятельным и мыслящим людям иногда удавалось воплотить в жизнь свои задумки. Настоящая история России – история жертвенности. Но в начале третьего тысячелетия почти пересох и этот источник развития, поскольку какой же жизненный подвиг возможен во славу «стабильности».

Глобалист Витте

Почему сколоченная наспех и приспособленная к сиюминутным интересам Петра I управленческая система оказалась столь долговечной? Более того, некоторые идеологи полагают, что в такой огромной стране, как Россия, она – единственно возможная. На руках у них целых два козыря: оба отступления от петровской модели обернулись национальной катастрофой.

Но так рассуждать может только поверхностный наблюдатель. Единоличные правители допускали отход от комфортной для них системы вынужденно, когда она в процессе своей эволюции деградировала до совершенной беспомощности. Образчики западной демократии высаживались на российскую почву, как десант спасателей, но не удерживали плацдарм, либо сметенные переворотом, либо низведенные поборниками управленческой старины до декорации. Они оказывались последней формой власти перед распадом или существовали одновременно с глубокой дезинтеграцией общества, и потому все шишки народного гнева летели в демократию ААО. Я не питаю к ней никаких добрых чувств, но и делать эту в панике заимствованную систему ответчицей за чужую вину не собираюсь.

Александр III прихлопнул все многообещающие новации в управлении, введенные его предшественником, вернувшись к классическому петровскому образцу, но имея под державной рукой уже не покоящуюся на патриархальных устоях крепостническую деревню, а взбаламученную переменами. Вместо тонкой регулировки ситуации земскими учреждениями, на местах опять воцарилась бюрократия. Она всей тяжестью обрушилась на крестьянство, поскольку не нефть, а зерно было тогда главным экспортным товаром. Вдобавок Александр III и наследовавший ему Николай II бросились семимиль-

ными шагами догонять Запад. «Гигантские заимствования российского правительства на парижском и других финансовых рынках имели самое прямое отношение к прибылям западных предпринимателей. Государственный долг рос, поскольку нужно было оплачивать огромные правительственные заказы, привлекавшие иностранный капитал. Одновременно нужно было, не сокращая государственных заказов, поддерживать «крепкий рубль». Правительству приходилось усиливать финансовый пресс, заставляя население оплачивать развитие. Крестьянство действительно субсидировало строившуюся на западные деньги промышленность, но не столько при покупке товаров, сколько при оплате податей в казну. Поскольку этих денег все равно не хватало, нужны были новые кредиты. В итоге России приходилось расплачиваться дважды – выплачивая дивиденды иностранным инвесторам и погашая государственные долги, из которых были выплачены эти прибыли.

Еще современники заметили, что политика привлечения иностранного капитала, проводимая Витте, оборачивалась разорением деревни, которая, в конечном счете, должна была обеспечить средства и для выплаты международного долга, и для строительства железных дорог. Один из петербургских бюрократов ехидно заметил: «Министр финансов (граф С. Витте – прим. О. Б.) – лихой наездник, но конь не выкормлен и замучен – это просто крестьянская лошадка, правда, очень выносливая, но как ее ни шпорить и ни гнать кнутом, быстроты кровной лошади она достигнуть не может». Стремление «пришпорить» и «подогнать» крестьянскую лошадку породило напряженность, которая, постепенно накапливаясь, создавала предпосылки для социального взрыва. Экономические успехи 1895–90 годов готовили политические потрясения 1905 года»[39]

«Многочисленные промышленные ведомства создавали собственные предприятия во всех сферах экономики. «Казенные» заводы давали значительную часть общего объема производства. Ни одно государство Европы в конце XIX – начале XX века не имело такого количества официальных учреждений, регулировавших хозяйственную жизнь. Всевозможные комиссии, канцелярии, министерства, комитеты, палаты, советы и т.д. играли ключевую роль в решении буквально любых вопросов. В свою очередь, предприниматели и их организации тесно сотрудничали с этими ведомствами, участвовали в их работе. «Правительство является в России одним из главных потребителей, – констатировало Министерство торговли и промышленности в 1911 году, – и судьба многих отраслей промышленности находится у нас в значительной зависимости от казенных заказов».[40]

[39] Б. Кагарлицкий «Периферийная империя», М., 2003 г., с.с. 368,369
[40] Там же, с. 373

Петр Великий мог бы позавидовать венценосцам конца XIX – начала XX веков: никому из «ближнего круга» не надо навязывать предприятия, охотников хоть отбавляй. Получить от правительства подряд на железнодорожное строительство вообще почиталось за счастье. Рядовой предприниматель в один миг превращался в весьма состоятельного человека. Да-да, «пилили» взятые в долг государством у иностранцев средства почем зря и «откатывали» по полной программе.

А политико-экономический междусобойчик в верхах, где близость к власти – это, в прямом смысле слова, капитал, не затихал со времен Петра, но был особенно оживлен на порубежье веков, предыдущего и совсем недавнего, кажется, закончившегося.

Граф С. Витте, вообще, предшествовал глобалистам в их финансовых играх и в рискованности натуры. Искусственно «надув» рубль, он на этот виртуальный крючок вылавливал крупные займы на Парижской бирже. К сожалению для графа, недостаточная в ту пору степень развития мировой финансовой системы не позволяла ему забыть о реальном производстве и продавать и перепродавать разные там фьючерсы и деривативы. Как следствие, шла в рост стремительно, точно бамбук, отечественная промышленность, а благодарные потомки еще не раз поклонятся графу за Транссиб.

Когда вам говорят, что вот эта страна прогрессирует невиданными темпами, что индекс ее развития зашкаливает за все мыслимые отметки – знайте, там разрыв между богатыми и бедными увеличивается с каждым кругом, эксплуатация одних другими ужесточается и в блеске реклам ручьем текут невидимые миру слезы.

Вот символ постиндустриального развития, успеха, невероятного прогресса – китайский Шэньчжэнь.

«История не помнит абсолютных аналогов развитию Шэньчжэня. Разве что Чикаго, город на Среднем Западе, где за пятьдесят лет количество жителей достигло миллионной отметки. Шэньчжэню для этого понадобилось лишь десять лет, а еще через четверть века он стал городом с семимиллионным населением, занимающим четвертое место в Китае по уровню экономического развития. Показатель объема выпускаемой здесь продукции на душу населения один из самых высоких в стране».[41] «…молодые китайцы, достигшие своего совершеннолетия в период бурного экономического развития Шэньчжэня, считают его символом всемогущества. В Шэньчжэне могли сбыться все мечты рядового переселенца о достойной работе, собственном бизнесе и счастливой семейной жизни».[42] «Благодаря деньгам, поступающим в регион вследствие стремительного роста шэньчжэньской

[41] Т. Фишмен «Китай Inc», М., 2007 г., с. 131
[42] Там же, с. 133

промышленности, городские проспекты превратились в нагромождение пятизвездочных отелей, роскошных бутиков, сияющих разноцветными огнями ресторанов, мало чем отличающихся от версальских, и местных представительств Porsche. Здесь по тротуарам прогуливаются мужчины, держа в руках итальянские барсетки, и женщины в обтягивающих юбках от Lous Vuitton с подчеркнутыми с помощью макияжа или пластической операции глазами».[43] «В 2002 году по официальным данным в Шэньчжэне средняя месячная заплата работающих женщин, среди которых много несовершеннолетних, составила 72 доллара. Большинство из них живут в общежитиях, как и городские рабочие. Согласно переписи населения 2000 года в общежитиях города и его окрестностей проживало четыре миллиона человек… вынуждены ютиться в крошечных комнатках по восемь – двенадцать человек. Общежитские корпуса – это целый город с населением в несколько десятков тысяч рабочих, обслуживающих одну компанию. После сигнала, возвещающего о начале рабочей смены или перерыве на обед, возле заводских строений, словно в час пик в метро, начинается толкотня. В среднем рабочая неделя составляет 70 часов, и половина шэньчжэньских рабочих трудится семь дней в неделю… Многие девушки увольняются с работы, когда понимают, что всю их фактически нищенскую зарплату съедают расходы, и что так они никогда и ничего в жизни не добьются… Девушки, покинувшие производственную сферу, нередко оказываются в городских караоке-клубах».[44] «В октябре 2003 года в Чжухае, родственном по духу Шэньчжэню, китайская полиция провела облаву в двух первоклассных гостиницах, где, как заявили власти, в течение трех дней продолжалась оргия, устроенная местными сутенерами. Ее участниками оказались 400 японских мужчин…»[45]

Но вернемся в Российскую империю начала XX века.

«Трамвай и конка – самое выгодное и самое прибыльное коммерческое предприятие. Вот почему иностранные капиталисты, как хищные вороны, стаями налетают на каждый город, где только поднимается вопрос об устройстве конки или трамвая…» – сетовал харьковский обыватель в 1908 году. Бельгийская трамвайная концессия, по его подсчетам, и в Харькове, и в Кременчуге, и в других местах обогатила иностранцев, «оставив город таким же грязным, темным и неблагоустроенным, каким он был раньше».

Разоблачив своекорыстие иностранных инвесторов, вывозящих прибыль из страны, автор цитируемого памфлета призывал родной город начать строить и эксплуатировать трамвай, а доходы от не-

[43] Там же, с. 137
[44] Там же, с. 143
[45] Там же, с. 144

го «тратить на свое благоустройство». Это самоочевидное решение, казалось ему, затруднено лишь недостатком предприимчивости и сообразительности сограждан, на каждом шагу упускающих очевидную выгоду.

На самом деле, однако, неспособность русских предпринимателей и чиновников обойтись без помощи иностранцев имела куда более глубокие причины.

В отличие от харьковского обывателя,… большинство экономистов того времени не видели никакой проблемы в притоке иностранных капиталов».[46]

Да какие проблемы, кроме растущего год от года госдолга? Разве последнее обстоятельство сдерживало США в строительстве глобального рынка, тем более, если доллар – единственная мера денег, как «твердый», «золотой» российский рубль на рубеже предыдущих столетий?

Зачем бюрократической системе предприимчивые и сообразительные сограждане, ведь они, окрепнув, захотят в существующей власти что-нибудь да подправить. Обязательно захотят. А грязные города? Ничего, потерпят, не баре.

«Парадоксальным образом (отчего же «парадоксальным»? – прим. О. Б.), харьковский обыватель выявил суть вопроса лучше многих столичных профессоров, – заключает Борис Кагарлицкий. – Проблема иностранных инвестиций в том, что за них нужно платить. Там, где есть ввоз капитала, должен быть и вывоз прибыли. Сверхприбыли, получаемые в России, обслуживали процесс накопления капитала во Франции и других западных странах. В условиях, когда дивиденды достигали 40% в России при средней доходности капитала во Франции чуть более двух процентов, нетрудно догадаться, что параллельно индустриальному развитию происходило широкомасштабное перераспределение ресурсов от более бедной страны в пользу более богатой.

… «Двойная эксплуатация» производителя и потребителя, может быть, и делала ситуацию более «благоприятной» для иностранного предпринимателя, но не могла не сдерживать развитие внутреннего рынка со всеми вытекающими отсюда последствиями». Как удавалось поддерживать завышенные цены на протяжении почти двух десятилетий при бурном росте промышленности? Страна развивалась, но внешнеполитическая и внутренняя социальная напряженность росли быстрее, чем национальная экономика».[47]

Так же, как глобальная финансовая куролесица закручивается вокруг неких безусловных ценностей, «рубинового колье», по образ-

---

[46] Б. Кагарлицкий «Периферийная империя», М., 2003 г., с. 366

[47] Там же, с.с. 367, 368

ному выражению Михаила Хазина, зыбкая конструкция нарождающегося российского капитализма удерживалась от обрушения технологически отсталой, испытывающей гнет власти и «свободного» рынка, неправильно с буржуазной точки зрения устроенной, имеющей в основании своей жизнестойкости единственный козырь – высокую самоорганизацию – крестьянской общиной. Российское правительство настолько «вросло в рынок», что фактически превратилось в хозяйствующий субъект. «Огромные средства, выкачивавшиеся из русского народного хозяйства, оседали на счетах петербургского правительства в Париже и Берлине. Затем часть этих же средств реинвестировалась в отечественную экономику, но уже в виде иностранных кредитов и вложений».[48] (Все, как завелось при Петре, все, как сейчас. «Волшебные» манипуляции с деньгами очень точно характеризуют суть российских властителей на протяжении трех столетий – они владычествуют над народом как иностранные оккупанты, колонизаторы, баи – прим. О. Б.) Между тем, крестьянская община оставалась чуть ли не единственным аккуратным плательщиком в казну. «Государство, заинтересованное в исправной уплате налогов, способствовало сохранению сельской общины, связывавшей крестьян «круговой порукой», своего рода принудительной солидарностью. Деревня сохраняла патриархальный уклад. Сотни тысяч людей, не имевших возможности прокормиться сельским хозяйством, нанимались рабочими на заводы, но зачастую сохраняли связь с деревенской общиной, что сказывалось еще даже в 1917–1918 годах. Многие, даже живя в городе, возвращались в деревню на сезонные работы. Благодаря этому в периоды промышленных кризисов Россия почти не знала безработицы – люди, потеряв место, уходили в деревню».[49] Иными словами, община являлась еще и социальным регулятором, «родной пристанью» во взбаламученной стране.

Американист Столыпин

И тут на авансцену вышел Петр Столыпин, бюрократ с навязчивой идей, упрямый и беспощадный, что выделило его из серой массы коллег. Он вознамерился ликвидировать общину и встроить сельское хозяйство в капиталистическую систему. Столыпин мог пойти по «прусскому» пути, предусматривающему крупные помещичьи владения, в которых трудятся, как рабочие на заводе, наемные крестьяне. Минусы такого развития легко просматривались. Во-первых, чтобы получить массу «свободных» батраков, необходимо было лишить поголовно всех крестьян даже тех «кошачьих» наделов, коих они удостоились при выходе из крепостного положения,

[48] Там же, с.с. 373, 374
[49] Там же, с. 330

что грозило восстанием и, вообще, означало бы разворот на 360 градусов в государственной политике. Во-вторых, отягощать буквально всех помещиков, привыкших получать деньги и труд практически безо всяких усилий, чрезвычайными хлопотами сельского капиталиста классово представлялось неправильным и могло до крайности сократить дни пребывания реформатора в должности.

Столыпин выбрал «американскую» модель, решив развести на родных просторах фермеров, работающих исключительно на себя. Он, конечно, понимал, что не всякий крестьянин, оставшись один на один с жестоким миром, где правит бал конкуренция, сохранит свой кусок земли. Зато тот, кто купит у него надел, станет сильнее и, главное, ориентированней на товарное производство. А покупать наделы есть кому. Столыпин разглядел в деревне авангардный капиталистический элемент – кулаков, «полевых Гобсеков», сколотивших капитал на ростовщичестве. Те ссужали соседям в долг деньги, зерно, инвентарь, брали в аренду помещичьи земли, резали их на мелкие участки и по тройной цене передавали в пользование крестьянам.

Предстояло показать им, что заниматься производством выгодней. Не будем забывать: зерно в тогдашней России – это примерно как нефть в нынешней, к тому же внешняя конъюнктура благоприятствовала Столыпину. Он предоставил крестьянам право свободного выхода из общины, выделял единоличникам госкредиты, поощрял ссудами их переезд в Сибирь, недовольных – вешал, и довел ситуацию в деревне до точки кипения.

Там образовалась взрывчатая смесь многоукладности. Помещики сохранили свои владения и властные привилегии, разбогатевшие стремительно кулаки ощущали, что баре не дают им развернуться в полную силу. Общины во многих местах сохранились, но входящие в них крестьяне испытывали смятение от резко изменившихся правил игры. Мелкоземельные единоличники раздумывали, то ли продолжать выживать, еле сводя концы с концами, то ли продать свои жалкие «десятины». И все больше становилось абсолютно свободных, безземельных, перебивавшихся подработками, слонявшихся чаще без дела, озлобленных и нищих. Город не мог переварить всей этой неприкаянной массы, промышленность не создала такого количества мест.

«Если раньше можно было говорить о противостоянии крестьян и землевладельцев, то теперь крестьяне по-прежнему ненавидели помещика, но уже не чувствовали солидарности между собой»,[50] – констатирует Борис Кагарлицкий.

[50] Там же, с. 393

По сути, революция началась еще до Первой мировой войны, но носила «рассеянный», «очаговый» характер: поджоги, акты массового неповиновения, бунты. Постепенно она захватывала города. «Кризис «столыпинской модели» сказался уже в 1914 году, когда после нескольких лет устойчивого экономического роста обстановка «неожиданно» обострилась, а на улицах вновь появились баррикады. Многим тогда в Петербурге война с Австро-Венгрией и Германией казалась не такой уж плохой новостью. И, во всяком случае, лучшим (если не единственным) средством предотвратить надвигающуюся революцию».[51]

«К началу 1915 года, когда реформа под влиянием начавшейся войны окончательно захлебнулась, свои наделы продало 30% вышедших из общины мужиков».[52] «Столыпинская реформа закончилась серьезным расслоением деревни и возникновением массы бедняков, которые, получив в руки оружие, стали в 1917 году массовой опорой не только большевистской партии, но и более радикальных сил русской революции».[53] (интересно, какие силы радикальней большевиков обнаружил в отечественной истории Б. Кагарлицкий? – прим. О. Б.)

Полагать, что наличие Госдумы, ограниченной в правах и представлявшей из себя скорее политический клуб в системе управления, построенной по петровскому образцу, и есть причина катастрофы – бред массовидного сознания. Да, после февраля 1917 года думцам пришлось заполнять собой образовавшийся вакуум власти на месте саморазрушившейся централизованной модели, формировать Временное правительство, но взнуздать вставшую на дыбы не по их вине страну они по природе своей не могли. Тут требовались укротители, не жалеющие отнюдь не хлопушечных патронов.

Александр II предчувствовал, что отказ России от крепостничества, ломающий веками складывавшиеся правила и понятия, меняющий ценностные ориентиры, чреват грандиозными потрясениями. Чтобы уберечься от них, требуется совсем другая система управления, замещающая прежние связи между людьми новыми. Государь был убит в тот день, когда ехал подписывать Указ о создании особого законосовещательного органа из представителей земств, городских дум, дворянских собраний. Образно выражаясь, выстрел террориста и стал настоящим залпом «Авроры». Александр III вывел из системы управления земства. Николай II вместе со своими предприимчивыми министрами разрушил крестьянскую общину, пусть не совершенный, но последний элемент самоорганизации общества. И бюрократическая система рухнула, чтобы воскреснуть при Сталине в совершенно

[51] Там же, с. 394
[52] Там же, с. 392
[53] Там же, с. 393

зверском виде. Но теперь у нее нет даже векового запаса прочности. Она воспроизводит кризис самой себя через все более короткие промежутки времени.

Подземная «золотая рыбка»

В 60-х годах прошлого века бюрократия поймала «золотую рыбку». Та плавала под землей. За нефть и газ в 70-е годы буржуи платили хорошо, и выбравшиеся из-под сталинской системы взаимного контроля, но ограниченные в своих возможностях идеологией и «общенародным» характером собственности чиновники предались доступному тогда гедонизму, наплюнув, по большому счету, на все дела, кроме любимой игры в мелкую регламентацию. Страна пила напропалую. «В плановой системе царила бюрократическая энтропия – эффективность инвестиций неуклонно снижалась. Соответственно, проекты становились все более дорогими, требовалось вкладывать все больше средств, а отдача неизменно выходила хуже запланированной. В то время как западные страны готовились к очередной «реконструкции» – прыжку в эру информационных технологий, советская страна все больше ориентировалась на производство сырья для традиционной индустрии».[54] Качали нефть и газ на Запад, а потом посчитали и прослезились. «Если в 1970 году отрицательное сальдо торгового баланса с развитыми капиталистическими странами, по официальным данным, составляло 0,36 млн. руб., то в 1976–3 млн. руб».[55]

Собственные промышленность и сельское хозяйство не могли целиком удовлетворить скромные потребности советских людей. Импортировали продовольствие, ширпотреб, машины и оборудование. Пошли в ход «компенсационные сделки» – это когда трубы и другое оснащение для нефте- и газопроводов западные страны отдавали СССР в счет будущих поставок сырья по этим магистралям. Пропаганда называла такие договора взаимовыгодными. В чем выгода Запада – понятно: он получал солидный рынок сбыта своей продукции. Наша спорна: отдаем углеводороды даром, потому что далеко лежат.

Валюты для импорта стало не хватать. Залезли в долги. По нынешним временам они кажутся совершенно пустяковыми. В 1981 году внешний долг составлял 12,4 млрд. долларов. Но и доллар тогда был другой, куда весомей нынешнего, и маза с ценами на нефть и газ закончилась. Долги решили отдать, напуганные польской «Солидарностью». Сократили внутреннее потребление и внутренние инвестиции. К 1984 году осталось висеть только 4,2 млрд. долларов, но отечественная экономика вошла в ступор. «Стратегия «экспорт-

---

[54] Там же, с. 478
[55] Там же, с. 480

ной компенсации», лежавшая в основе брежневской политики «стабильности» (какое родное слово – прим. О.Б.), обернулась не только отсрочкой кризиса, но и накоплением проблем. В тот момент, когда кризис все равно разразился, проблемы были уже настолько остры, что справиться с ними привычными методами система не могла. Перемены наступили не как результат доброй воли начальства, в головах которого внезапно произошло «просветление» (как казалось многим интеллектуалам и даже диссидентам), но как неизбежный итог предшествующей политики, направленной на то, чтобы не допустить никаких перемен».[56]

Голая и прелестная

Именно импотенция «петровской модели» управления в советском исполнении стала причиной национальной катастрофы 90-х годов («Промышленное производство и валовый внутренний продукт сократились более, чем наполовину. Это существенно превзошло потери, понесенные экономикой России в результате Первой мировой войны и революции и даже ущерба, нанесенного Второй мировой войной»[57]), а не пресловутая «демократизация». Хотя хождение в Россию демократии ААО, подобно химическому анализу, выявило у нее некоторые закамуфлированные массированной пропагандой черты. Дело в том, что по своему вечному стремлению к идеалу и по постигшей Отечество бедности, мы в 1991–93 годах, может быть даже до 1996-го, практиковали эту систему в той первородной ее наготе, какой она давно не демонстрирует нигде в мире. Выборы обходились кандидатам дешево, иногда можно было вообще не вкладываться. Партии какие душе угодно, а не хочешь ни к кому причаливать, избирайся так – «мажоритарно». «Пиаровские» технологии, ни «черная», ни «белая», еще не успели родиться, слава богу, и на выбор влияла только агитация, более или менее пламенная. Голоса считали честно, с парламентской трибуны чихвостили президента и исполнительную власть почем зря, во время дебатов по законопроектам иногда сходились в рукопашной – в общем, чистейшей прелести чистейший образец. А на выходе – ноль. Крокодилы плодятся, но не ловятся, а кокос, соответственно, не растет. Эксперимент показал: если в стране нет протестантов с их строгими, но правильными ценностями, то система производит пшик (недаром демократия ААО существует в большинстве государств, но работает только в англо-саксонском мире, да с некоторыми оговорками в Японии, Южной Корее и на Тайване). Еще стало ясно, что если в ней отсутствует местное самоуправление, то мы имеем дело с той же «вертикалью», ослож-

[56] Там же, с. 483
[57] Там же, с. 490

ненной дорогостоящими процедурами. Обаме «исторический выбор американского народа» обошелся в миллиард долларов. Коль погорел на избирательном фонде, и не он один. Но там траты, может, и оправданы. Все-таки система не провисает внизу и протестантов навалом. А у нас когда Путин принудил демократию ААО к харакири, народ даже не поморщился. Другой разговор, что ничего, кроме очередного возврата к «петровской модели», второй президент предложить нации не смог. В последней своей реинкарнации несчастное, но жизнестойкое изобретение великого самодержца просуществовало восемь лет. Нынешний обвал открывает впереди такие бездны, что страшно заглядывать.

Просверленные головы

Владимир Путин уже в ранге премьер-министра доковылявший до России кризис (напомню, ипотека в США рухнула еще в декабре 2007 г.) встретил по-борцовски бодро, типа «ну-ну, давай, иди сюда». Взошел на трибуну, похвалил себя за провидческий дар, мол, недаром мы наполняли Стабфонд и золотовалютные резервы, несмотря на упреки со всех сторон, вот сейчас пришло время распечатать кубышку. И правда, народ снимает деньги со счетов, многие банки, в том числе Сбер, руководимый «нечеловечески преданным» второму президенту Грефом, вводят графики выполнения своих обязательств перед клиентами, а некоторые бедолаги, подвергшиеся атаке, безличной по форме – в виде распространения через Интернет убойной дезы, а, по сути, чем-то приглянувшиеся рейдерам, выдерживают настоящую осаду и вообще отказываются возвращать людям наличку. Они молят коллег о межбанковском кредите, но те плотно сидят на сундуках, помня заповедь о своей рубашке. Вдобавок ведь все практически в долларово-миллиардных долгах перед западными кредиторами, нажитых в «тучные» годы.

Самое интересное, что у банковской системы в целом с избытком хватало средств, чтобы удовлетворить требования вкладчиков, тем более, паника носила не всеобщий, а, так сказать, очаговый характер. Директор департамента стратегического анализа ФБК (что такое ФБК, убей меня, не знаю, может быть, какая-нибудь федеральная банковская комиссия, или там комитет? – прим. О. Б.) Игорь Николаев в «Новой газете» утверждает: «Если посмотреть на сведения об остатках средств на корреспондентских счетах – самый явный показатель, говорящий о том, были ли у нас проблемы с ликвидностью или нет, – можно заметить, что с апреля остатки средств устойчиво росли».[58]

[58] А. Овян «Обнальное падение рубля», «Новая газета», 2009 г., № 14

То есть так: затор в расчетах с вкладчиками возник не из-за нехватки нала, а по причине недоверия банкиров друг к другу. Тут бы и выйти на авансцену Центробанку, выступить посредником, придумать какую-нибудь схему – финансисты на них большие мастаки – и восстановить кровоток в подведомственной системе.

Но Путин же ни о чем об этом не знал (или знал и решил под сурдинку порадеть родным человечкам?). На авансцену вышел он, весь в белом: «Спокуха, ребята! А то вам неизвестно, что я за друзей в огонь и в воду». И столько в этом порыве было человеколюбия, что лично у меня слеза на глазу повисла. И, главное, слова не разошлись с делом. Путин обрушил на банки золотой дождь.

«На беззалоговых аукционах сроком на год Центральный банк предоставил 1,909 трлн рублей более чем ста банкам. Из средств госкорпораций на депозиты в банках было размещено 430 млрд рублей. На пополнение капиталов банков было выделено 950 млрд рублей субординированных кредитов. Из них 500 млрд рублей достались Сбербанку и 450 млрд Внешэкономбанку сроком до 2020 года по ставке 7 % годовых. ВЭБ, в свою очередь, передал 200 млрд ВТБ, 25 млрд – Россельхозбанку, а из остальных 225 млрд пока одобрены кредиты для трех банков на 17 млрд рублей. К тому же Центробанк выделял ВЭБу $50 млрд золотовалютных резервов под 7 % годовых на рефинансирование иностранных кредитов российских компаний и банков. Заявки тогда поступили от 35 корпоративных заемщиков и 20 банков. И несмотря на то, что с самого начала $50 млрд должно было вообще не хватить на всех, подавших заявки, к настоящему моменту ВЭБ распределил только $11 млрд по ставке 8 % до 2019 года. Что ВЭБ намерен делать с остальными $39 млрд, неизвестно, но, по словам первого вице-премьера Игоря Шувалова, они пойдут на другие антикризисные меры».[59]

Иными словами, государство отвалило банковской системе, и без того, как выясняется, не страдавшей от нехватки средств, столько денег, что сыто отрыгивающие финансисты даже не прикоснулись к десерту в виде 39 миллиардов «зеленых».

«В принципе посчитать, сколько примерно может потерять государство на выбранной им стратегии борьбы с кризисом можно уже сейчас. Если исходить из курса доллара на момент выдачи ВЭБу 450 млрд рублей, то при переводе в валюту банки получили $17 млрд, и если они вернут их уже в этом году, то из расчета объявленной министром экономического развития Эльвирой Набиуллиной среднегодовой стоимости доллара 35 рублей (а она, скорее всего, окажется выше) сумма их долга составит уже $12,85 млрд и в итоге государс-

[59] Там же

тво недосчитается практически $5 млрд золотовалютных резервов. Все это показывает ясную картину перекачки части международных резервов страны в банковский сектор фактически на условиях благотворительности, а не на рыночных, как о том заявляли руководители государства».[60]

Давайте посчитаем иначе, может быть, станет понятней. Во время или как раз накануне «плавной девальвации» рубля государство берет из Фонда национального благосостояния (бывшего Стабилизационного) энное количество миллиардов долларов и переводит их в отечественную валюту – получается 450 миллиардов «родных» денег. Все они поступают на счет «Внешэкономбанка» в качестве кредита под 7,1 % годовых. Часть средств ВЭБ переводит другим государственным и частным банкам, часть оставляет у себя. Финансисты превращают рубли обратно в доллары (американской валюты получается 17 миллиардов) – и отдыхают. Девальвация же! Деньги работают сами по себе, вместо человека, лучше человека. Буквально за месяц у банков при неизменном количестве долларов возникает столько подразумеваемых рублей, коими предстоит возвращать кредит, что хватит не только рассчитаться с государством, но еще и останется «лишняя» отечественная валюта. В результате в час расплаты не все полученные доллары придется конвертировать в рубли, 5 миллиардов «зеленых» никуда не уйдут с банковских счетов. Фантастическая маржа!

Иначе говоря, государство вместо того, чтобы поплевывать в потолок, наблюдая за ростом резервного фонда в рублевом выражении в результате плавной, но быстрой девальвации рубля, предпринимает усилия, дабы удовольствие от изменений на валютном рынке получило не оно, а банковская система (напомню, не испытывавшая к началу кризиса недостатка в средствах). «Кровоток» в финансовой сфере не только не восстановился, напротив, сосуды забились тоннами денег.

«…правительство … рассуждая о рекапитализации банковской системы,… подразумевает под этим нечто совсем иное, нежели привыкли экономисты и бизнесмены. Последние под оздоровлением подразумевают ситуацию, когда банки, решив тем или иным образом проблему плохих долгов, могут вернуться к нормальной коммерческой деятельности по кредитованию своих контрагентов. Правительство же склонно скорее видеть в банках эдакие кассовые центры, через которые оно будет спасать экономику, перекачивая деньги в производство и которые поэтому необходимо максимально ограничить в самостоятельности».[61]

---

60 Там же

61 К, Рогов «В спасательной петле», «Новая газета», 2009 г., № 44

Иначе говоря, банки ждут, когда мировая финансовая ситуация качнется в положительную сторону, а правительство, отвалив им денег, требует, чтобы финучреждения давали кредиты реальному сектору. Технически кабинету министров было бы проще, честное слово, организовать расчетно-кассовые центры, допустим, в казначействе. Но тогда надо иметь базу данных на получателей не знаю чего – ссуд, субсидий или кредитов. Хотя казначейство кредитовать не имеет права, да и вообще, вся эта недолга при нынешнем их статусе – не по части государственного финучреждения.

Иными словами, правительство выделило банкам сумасшедшие деньги, не проработав управленческие вопросы.

«…голову упорно сверлит вопрос: а за какие такие красивые глазки в помощь крупному бизнесу выделили аж 50 миллиардов долларов? Нет, вы хорошенько подумайте: кучке олигархов дадено в 50 раз больше, чем безработным всей страны».[62]

Не одна Ольга Китова ходит с просверленной головой. Миллионам ее сограждан во вдруг образовавшиеся отверстия залетают нехорошие мысли. Даже Егор Гайдар удивляется в интервью «Новой»: «…зачем надо было раздавать столько денег российским корпорациям? Это вопрос, на который ответа не знаю».[63] Да, не приходилось, видно, Егору Тимуровичу всучивать стольник ментам, вызволяя друзей, вот и трудно ему понять логику Владимира Владимировича?

Отверстия расширяются, когда рядовой россиянин попристальней начинает вглядываться в еще одну антикризисную меру – «список Путина». Поражает широта дружеского жеста премьер-министра в отношении корпораций и предприятий, по уши увязших в долгах западным кредиторам.

«Одной из самых громких новаций антикризисной политики правительства стало утверждение перечня из 295 системообразующих организаций, имеющих стратегическое значение для экономики страны. Правительство декларирует, что «главная задача работы с такими компаниями – поддержание их устойчивости, используя не только кредитные инструменты, но и другие меры, такие, как государственные гарантии, субсидирование процентных ставок, реструктуризация налоговой задолженности, государственный заказ, таможенно-тарифная политика». А если перечисленные меры уйдут в песок, «при необходимости будут минимизироваться негативные социально-экономические последствия от прекращения деятельности таких пред-

[62] О. Китова «И это все о нем…», «Деловой вторник», 2008 г., № 23

[63] А. Липский, А. Полухин «Егор Гайдар: «Зачем надо было раздавать столько денег корпорациям?», «Новая газета», 2009 г., № 20

приятий». Будем надеяться, что до национализации убытков и залетных ОМОНов дело не дойдет».[64]

«Основным, а в ряде случаев единственным, собственником компаний является государство – ему и отвечать за «шалости» чемпионов в «тучные» годы.

Взять для примера «Газпром». По прогнозам компании, средняя цена экспорта газа в дальнее зарубежье, куда направляется около 70% всех экспортных поставок, в 2009 г. снизится с $409 до $280 за 1 тысячу кубометров. Совокупная экспортная выручка «Газпрома» (с учетом поставок в страны бывшего СССР) планируется максимум в $62,5 млрд, при этом долг корпорации составляет приблизительно ту же величину. И все бы ничего, если бы не политические инвестиционные проекты компании, газопроводы «Северный поток» и «Южный поток» стоимостью соответственно свыше $7 млрд и до $24 млрд, да 40% негазифицированных населенных пунктов внутри страны.

Как тут не помочь горемыке? И правительство помогает как может – снижает ставки экспортных пошлин, в результате чего бюджет потеряет около $4 млрд, проводит «плавную» девальвацию, благодаря которой на каждый 1% снижения курса рубля к бивалютной корзине «Газпром» получает свыше 15 млрд рублей дополнительного дохода, привлекает зарубежных партнеров, пытаясь вымарать из умов потенциальных инвесторов воспоминания о Ковыкте, Харьяге и «Сахалине-2».[65]

«Если госкомпании и госкорпорации, металлургические и добывающие предприятия, аграриев и строителей по разным признакам можно отнести к системообразующим и стратегическим организациям, то как в «список Путина» попали торговые сети – до сих пор непонятно. Вроде и просроченной кредиторской задолженности у них нет, и темпы прироста выручки солидные. Из семи заявленных ритейлеров лишь один, ОАО «Магнит», принадлежит российским физическим и юридическим лицам, остальные (за исключением ОАО «Лента», страновую принадлежность собственников которого обнаружить не удалось) – офшоры.

ОАО «Седьмой континент» на 74,8% принадлежит кипрской Pakwa Investments Ltd. ОАО «Дикси Групп» – на 51,0% опять же кипрской Dixy Holding Ltd. Владельцами ОАО «Группа компаний «Виктория» являются снова кипрские Mercia Investments Ltd (37,4%) и Chantrey Holdings Ltd (26,0%). ОАО «Торговый дом «Копейка» на 48,2% принадлежит кипрской Efkarpos Enterprises Ltd, на 50% – трем компаниям с Британских Виргинских островов… Естественно,

---

[64] Н. Кричевский «География ВВП», «Новая газета», 2009 г., № 18

[65] Там же

во всех примерах контролирующими акционерами офшоров являются российские граждане…»[66]

Ну, разве не оккупанты? Ровно тем же – вывозом прибылей из завоеванной страны – всегда занимались и занимаются колонизаторы. Но они хотя бы отправляют средства в метрополию, в США, Англию, Германию, Францию и т.д., обеспечивая процветание родины. Родина нашей верхушки – офшоры, какое бы гражданство ни значилось в паспортах захватчиков.

Профессор Никита Кричевский заключает: «Вот такой «список Путина» – либо это госкомпании и госкорпорации, либо офшоры, либо банкроты. Эффективных предприятий, производящих конкурентоспособную продукцию, в списке почти нет. Зато в правительстве есть желание оказывать всевозможную протекционистскую, экономическую, социальную поддержку тем, кто больше всего виноват в усугубляющемся российском кризисе».[67]

Ему вторит Анна Овян. Говоря о госкредите ВЭБу в 450 млрд. рублей (17 млрд. долларов, о нем уже рассказывалось выше), она пишет: «Кстати, эта сумма составляет без малого половину всей задолженности россиян по ипотеке. То есть ее хватило бы на рефинансирование кредитов даже в том случае, если каждый второй заемщик оказался бы несостоятельным. Притом, что государство не потеряло бы эту сумму на валютном рынке, а выгодно инвестировало бы ее, получив в залог большие объемы недвижимости. Или можно было бы в 30 раз увеличить объем финансовой поддержки малого бизнеса, что существенно помогло бы в борьбе с безработицей».[68]

Ну, голубушка, эк вы хватили! Разве можно от петровской системы ожидать точечной, кропотливой работы по спасению заемщиков. Вы ведь вряд ли представите, чтобы Николай Валуев станцевал в Большом? Что же требовать от бюрократов изысканных па в виде участия и реальной помощи.

Цепная вертикаль

Болтающаяся в воздухе вертикаль умеет властвовать, так сказать, пить из населения кровь, пока та струится в народных жилах. Но управлять процессами ни в «сытые» годы, ни уж тем более в кризисные моменты она решительно не способна. Это как вы себе представляете: чиновники, выходит, должны пригласить в свои кабинеты для человеческой (!) беседы всех задолжавших банкам, вникнуть в ситуацию каждого и каждому предложить выход: перекредитование, структуризация, погашение части или даже всего

66 Там же
67 Там же
68 А. Овян «Обнальное падение рубля», «Новая газета», 2009 г., № 14

долга за счет бюджетных средств. Да столоначальники же с непривычки рехнутся! Хотя, конечно, и людям вернули бы уверенность в будущем дне, и ипотеку, глядишь, восстановили, и тогда, может, опять бы ожило строительство… Но что напрасно грезить? Петровская структура власти совершенно не заточена на полезный для общества результат. За что бы ни бралась, какую бы сама себе задачу ни ставила – провал гарантирован. Больше всего на слуху монетизация льгот, ужасно организованная и безобразно исполненная, вызвавшая волнения в обществе. А перепись населения? Выделенные на нее миллионы улетели в трубу. Утверждаю на том хотя бы основании, что меня никакой переписчик не опрашивал. Надеюсь, все же сосчитали по домовой книге. Или нет? Числюсь я или не числюсь среди граждан России? Зато чиновники от статистики заранее наштамповали разные ордена, медали и значки за успешно проведенную компанию – красивые, ничем не плоше государственных наград. Не успели данные собрать, как повесили на себя. Мой сын подрабатывал переписчиком, ему тоже дали замечательный, большой значок, я бы сказал – знак, а деньги заплатили совсем какие-то смешные. А еще до сих пор существует такая байда, как национальные проекты (мощно назвали – что могут, то могут). Реализация одного из них,«Здоровье», – непосредственно отразилось на нашей семье.

Мои родители живут на окраине города Кунгура Пермского края. Они были приписаны к поликлинике, принадлежащей РЖД и расположенной буквально в метрах трехстах от их дома, хотя на железной дороге никогда не работали. Городская администрация каким-то образом договорилась с уважаемым ведомством, чтобы то взяло на себя медицинское обслуживание всех жителей близлежащего района. Поликлиника аккуратная, врачи знакомые, наблюдают пациентов годами.

И тут грянул нацпроект «Здоровье», как и все родственные ему программы с приставкой «нац» при оказании поддержки страдающий дурной избирательностью. Муниципальным больницам деньги дали, а ведомственным – нет. Железнодорожники резонно решили: с этого момента обслуживаем только своих. Моих родителей прикрепили к городской поликлинике. До нее надо добираться пять остановок на автобусе, в их возрасте – нешуточное испытание. Название нацпроекта по отношению к ним звучит издевательски. Надо заметить, железная дорога от обиды кинулась тогда массово закрывать свои больницы. А некоторые из них, расположенные в относительно небольших пристанционных поселках, были единственными медучреждениями на сто километров вокруг. Местные в рев. Большинство больниц все же оставили, но сокращение персонала везде провели существенное. Единороссовская пропаганда реализацию нацпроектов

ставила в главную заслугу Дмитрию Медведеву во время компании по выборам президента.

Простая с виду и сулящая сверхдоходы затея: строительство игровых зон. Полный провал. Рулетки крутятся где попало. Деньги на Олимпиаду в Сочи оседают, похоже, на черноморском дне. Путин и Медведев меняют ответственных за подготовку ко всемирному спортивному форуму, как перчатки. Наручные пары не выдерживают распальцовки – рвутся. Похоже, в системе не осталось ни одного честного и грамотного чиновника, и с таким трудом добытая Олимпиада повисла камнем над прибоем. Если она и состоится, то по предварительным расчетам выйдет баснословно дорогой, в разы превосходящей по стоимости своих предшественниц.

Сейчас журналисты и ученые пытаются анализировать антикризисные меры правительства: насколько они эффективны, последовательны, как они соотносятся друг с другом и т.д.

«Мы боремся с кризисом очень дорого и хаотично. Это яркий пример бессистемности. Системность же, в моем понимании, предполагает, что для выработки схем по борьбе с кризисом надо определить принципы».[69]

На самом деле качество принимаемых наверху решений не имеет никакого практического значения. Петровская система при реализации искажает законы таким образом, что правильные превращаются в бесполезные и даже вредные, плохие – в чудовищные или, напротив, терпимые, поскольку бюрократия пропускает их мимо глаз и ушей.

Вот Анна Овян ратует за поддержку малого и среднего бизнеса. Конечно, конечно! Не дураки же сидят в Кремле. Они получше нас с вами знают, что малый и средний – спасение от безработицы и последняя лесина для тонущей в болоте экономики. Безусловно, надо было его развивать в годы удачной конъюнктуры, да руки не доходили – и так все шло как по маслу. А сейчас, в кризис, обязательно дадим денег, мы же понимаем. На поддержку малого и среднего бизнеса Минэкономразвития выделяет 10,5 млрд. рублей, Внешэкономбанк и Российский банк развития – 30 миллиардов. Мало того, отменили статью в законе «О милиции», в соответствии с которой люди в погонах во внепроцессуальном порядке отнимали у «меченой» фирмы все, что заблагорассудится: от компьютеров с забитыми в них данными до стульев и горшков с цветами (если, к примеру, супруга сержанта разводит у себя дома насаждения). Запрещены внеплановые вторжения государственных и муниципальных чиновников с разного рода проверками. Сертификацию продукции заменили на декларирование соответствия. Заметьте, все эти меры направлены не на стимулиро-

[69] Там же

вание малого и среднего бизнеса, а представляют из себя попытку высвободить отдельных «бескрышных» предпринимателей из медвежьих объятий бюрократии. Может быть, предусмотренные правительством средства дадут толчок к расширению численности экономически инициативных граждан и резкому увеличению производимых ими товаров услуг?

Сначала о 10 с половиной миллиардах от Минэкономразвития. Их собираются направить на развитие инфраструктуры предпринимательства. За многообещающей формулировкой, оказывается, скрывается информационная и юридическая поддержка неолигархического бизнеса. То есть на эти деньги хотят сообщить предпринимателям о радостных для них изменениях в законах, а когда те начнут судиться с чиновниками, обеспечивать им юридическую поддержку специальных бюро.

По ходу дела решил прикинуть, на что бы я потратил такие деньжищи, если бы правительство ни с того ни с сего поставило передо мной означенные цели.

Перво-наперво издаю брошюру, где расписаны все изменения в законах с подробными комментариями и списком юридических бюро, куда можно обратиться за консультацией и поддержкой в суде. Книжицу можно напечатать даже в 6 цветов, все равно себестоимость каждой вряд ли превысит 100 рублей – обложка мягкая, страниц получается немного, ну, от силы 100-120. Тиража в 5 миллионов должно хватить, даже, наверное, останется. Издание обойдется Минэкономразвития в 500 миллионов рублей. Затем курьеры правительственной связи вручают брошюры бесплатно, но под роспись всем директорам, президентам, председателям всех фирм и фирмочек страны. Читать руководители умеют, особенно если текст направило правительство, а которые буквы не разбирают, то у тех папа – областной министр или, на худой конец, зав. отделом в администрации, у них и без законов все зашибись. Но и им приятно – Москва не забывает. Услуга по доставке обойдется миллионов в 10.

Теперь юридические бюро. Создаю в каждом субъекте федерации – общим числом примерно 90. Каждому кладу годовой бюджет миллионов в 20. На 5 юристов, считаю, за глаза, по 4 «лимона» на брата. Даже этот избалованный народец, думаю, будет доволен. На все юрбюро таким образом уйдет 180-200 миллионов рублей. Считаю, поставленную передо мной задачу – решил. Расходы составили 710 миллионов рублей. Да, надо еще организаторам бюро заплатить за работу, снять в аренду помещения для юристов. А, раззудись плечо – кину еще миллионов девяносто, тогда общие траты составят 800 «лимонов». Ну-с, остается еще 9 миллиардов 700 миллионов. Могу позволить себе особнячок на Багамах.

Кому кризис, а кому мать родна. Ужо попилят «белые воротнички» министерские миллиарды, ужо похрумкают. Может, прямо в министерстве, не отходя, так сказать, от кассы.

Теперь о 30 миллиардах от банков.

«Скорее, это просто желание показать, что к сфере малого бизнеса государство не равнодушно. Потребности малого бизнеса даже в сфере микрофинансирования – много миллиардов долларов. Это как пожар: горит большой дом, и струей тут ничего не затушишь. Сумма не может покрыть имеющийся спрос, она – только заявка на участие в проблемах этой сферы, – объясняет генеральный директор НИСИПП Владимир Буев. – 10,5 млрд пойдут на развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства, 30 млрд – на кредиты, которые удастся получить менее чем одному проценту малых предприятий».

Нецелевым путем использовать эти средства вряд ли удастся: их распределение происходит под контролем Минэкономразвития и на условиях софинансирования самими регионами, которые добавляют 50–70% от суммы. А вот нерациональное их использование вполне вероятно, и это связано с самой сутью системы распределения средств. «Если грамотно распорядиться этими деньгами, то эффект от их использования может быть умножен как минимум на пять. Но их сложно раздать именно как кредиты, а не как безвозмездные субсидии», – утверждает Владислав Корочкин. Владимир Буев с ним согласен: «Банк – коммерческая структура, а потому в условиях кризиса готов поддерживать только те предприятия, которые крепко стоят на ногах. Начинающие и слабые так и останутся без средств».

В целом, по единодушному мнению экспертов, ни одно малое предприятие прямой финансовой поддержки от государства не получило и не получит (фирмы, связанные с друзьями-родственниками-партнерами, – не в счет)».[70]

Если уж в «тучные» для верхушки годы она отправляла малый и средний бизнес на периферию своего сознания, то в кризис при нынешней управленческой системе миллиарды в лучшем случае уйдут на временное латание дыр, и никакого расцвета предпринимательства ждать не приходится. С таким же успехом можно сжигать банкноты на улице, пытаясь нагреть зимний воздух.

«Ни один из тех, кто замещал в последние пятнадцать лет высшие государственные должности, будь то пост президента, премьера или их помощников и заместителей, не забыл упомянуть в числе первоочередных задач поддержку малого бизнеса. Последним (по хронологии) высказался Владимир Путин, на прошлой неделе поддержав-

[70] А. Полухин, З. Бурская «ЧП для бюрократов», «Новая газета», 2009 г., №22

ший инициативу о введении годичного моратория на проверки малого бизнеса. Инициатива, сама по себе, безусловно, полезная и правильная, может в очередной раз раствориться в щелочной бюрократической среде, которая без труда поглощала и не такие императивы. Дело в том, что реальное устройство нашего государства мало имеет общего с мифом о вертикали. Скорее действует феодальное правило «вассал моего вассала не мой вассал», дополненное чисто русской технологией «кормления». Иначе говоря, местные чиновники считают себя единственной легитимной властью на вверенной им территории по принципу «закон нам не указ». Поступают они так, естественно, не по причине природной порочности, а потому, что на этой же территории обитают в качестве экономических субъектов их родственники, друзья и просто партнеры. Создание наиболее благоприятных условий для их бизнеса имеет следствием проблемы для всех, кто составляет им конкуренцию – не со зла, по инерции».[71]

Авторы отказывают «вертикали» в вертикальности. Можно, конечно, отыскать в ней сходства с феодализмом, но ничуть не больше, чем различий. При «вертикали», например, внутри страны все-таки происходит свободное движение товаров и капитала. А «родимые» пятна, вроде системы «кормления» – как раз органически присущи «петровской модели».

Скорее, «вертикаль» напоминает висящую на стене цепь. Самое верхнее звено, посаженное на гвоздь, большое, следующее, пониже, меньше, потом еще меньше, и еще… Последнее – маленькое колечко, но по форме точно такое же, как и все остальные. Везде «ближний» круг, все друг с другом взаимосвязаны, все повторяют друг друга даже в деталях.

«…как показывает практика, нет ничего страшнее, чем муниципальный чиновник-контролер: на государственного служащего распространяются нормы о государственной и гражданской службе, из-за чего к нему приковано пристальное внимание, муниципальный – сам по себе. Муниципальный чиновник – самый страшный».[72]

Маленькое звено страшней всего, потому что ближе. Висит прямо над немытым полом.

После сна

Многим, наверно, запомнилась эта телепередача. Владимир Путин сидит в Уссурийской тайге с заряженным «сонной» пулей ружьем, а тигр все мимо не пробегает. Самое время задушевно порассуждать о положении дел в стране и мире. Тем более, что кризис только-только вторгся в родные пределы. И Владимир Владимирович

[71] Там же
[72] Там же

неспешно делится своими убеждениями и до того располагает к себе, что, боюсь, смысл сказанного улавливает разве что каждый десятый телезритель. Между тем, в исповеди премьер-министра огромного государства проступает такое своеобразие мировосприятия, что становится страшно за нас, зависимых от подобного взгляда на ситуацию в стране и на планете в целом. Когда цены на нефть уже катятся кубарем вниз, Владимир Владимирович проникновенно внушает сидящим у экранов: они, то есть Запад, без наших углеводородов все равно обойтись не смогут. Да, сейчас спрос упал, но он непременно восстановится, надо просто переждать трудный период, не допустить резкого спада в экономике.

Слушал, помнится, и не понимал: то ли премьер вкатывает населению очередную дозу снотворного, то ли сам фанатично уверовал в собственные пропагандистские химеры.

Например, в Россию как «энергетическую державу». Это вдохновенное клише, по сути, означало –– мы не только сознаем свое место сырьевого придатка глобальной экономики, но и гордимся таким положением. Пусть другие тачают и сеют, а мы будем им аккуратно подбрасывать бензин и соляру. Точнее, даже не так – просто сырую нефть. Что хотят, то пусть из нее и делают. Неохота нам мараться с переработкой.

«Энергетическая держава» – это консервация однобокой экономики страны. В начале XXI века в структуре российского экспорта высокотехнологичная продукция составляла 1 % – видимо, за этим единственным процентом кроются некоторые виды вооружений, разработанные в фундаментальном смысле еще в советское время. Кризис поставил под сомнение или даже опроверг многие безапелляционные рыночные мантры. Но некоторые аксиомы он сделал еще непреложней, в частности, известную по начальному курсу экономики: при любом спаде деловой активности, и уж тем паче во время кризиса, в первую очередь страдают страны – сырьевые придатки. Они болеют сильней, и даже когда намечается подъем, возвращаются к жизни позже непридатков. Тому есть объяснение: у «сырьезависимых», как правило, отсутствует иммунитет в виде более-менее развитого внутреннего рынка.

Поскольку, как нам сообщил Владимир Соловьев, В. В. Путин сделал большие успехи в постижении экономических законов, то об особенностях ситуации внутри «энергетических держав» во время кризисов он хотя бы теоретически осведомлен. В самом деле, если из десяти печей глобальный рынок погасил три, то и дровишек ему надо минимум на четверть меньше, и цены на поленья упадут непременно.

Вообще, нет более зыбких держав, чем энергетические. Рим перед распадом по сравнению с ними – образец устойчивости. Дело даже не в том, что закончатся нефть и газ. Тут как раз можно успокоиться. Все меньше сторонников старой теории о происхождении нефти в результате разложения под землей органических останков – древней растительности и доисторических животных. Она и сразу-то выглядела, как бы поделикатней выразиться, недостаточно научной. По новым представлениям, нефть возникает в результате неких процессов (химических или физических?) на стыке земной коры и магмического ядра. Значит, и нефть, и газ будут существовать до тех пор, пока Земля имеет нынешнюю структуру. В самом деле, в Баку качают «черное золото» больше века, а оно все не заканчивается. Самотлор должен, по ранешним расчетам, давно иссякнуть, а добыча, пусть и не в прежних объемах, продолжается до сих пор. Понятно, если вы начнете из колодца качать воду насосом, источник быстро обмелеет. Но подождите месяц-другой, и он опять наполнится водой. Я уж не говорю о резервах, таящихся в совершенствовании технологии добычи. Ведь сейчас мы оставляем в продуктивных пластах от 40 до 60 процентов сырья.

Повторю, опасность для «энергетической державы» исходит не от конечности сырьевых запасов. Ее несет сама логика постиндустриального развития. Барак Обама, в отличие от Буша-младшего, не связан видимыми обязательствами с американским нефтяным лобби. Это ли обстоятельство или вопиющая неотложность проблемы, подвигли нового президента США поиск и применение альтернативных источников энергии поставить на первое место в перечне антикризисных мер и выделить на названные разработки колоссальные средства. Из опыта постиндустриального развития известно: от постановки задачи до годного результата проходит не более 7 лет. А если еще существует политическая воля, по сути, госзаказ…

Только кризис помешал концерну «Дженерал Моторс» запустить в серию электромобиль «Форд». Значит, инженерам удалось приблизить проблемные показатели экологически чистой машины, вроде дальности пробега после заправки и максимальной скорости, к параметрам ее бензиновых собратьев. Иными словами, мы уже занесли ногу над порогом, за которым человечество ожидает избавление от пут дорогой энергии, требующей огромных трудозатрат и громоздкой, грязной инфраструктуры.

Ученые вот еще говорят, что созданные из наночастиц устройства величиной меньше спичечного коробка способны аккумулировать столько солнечной энергии, сколько Братская ГЭС вырабатывает за год. Какие еще оглушительные сюрпризы они преподнесут вождям «энергетической державы»?

Если мы срочно не переключим собственные мозги, то уже в ближайшее время окажемся на мировых выселках со всеми своими нескудеющими недрами, с тысячами километров каждый день морально устаревающих труб, с едким дымом Отечества и запахом, запахом…

Где-то в конце февраля или начале марта 2009 года на телеэкранах возникла другая картинка: премьер сидит на стульчике посреди окруживших его горняков Кузбасса. Ощущение такое, что сибиряки собрались обсуждать поведение нехорошего мальчика – пиарщики, сдается, слишком «одетсадили» визуальный образ «близости к народу». Премьер подавлен, его даже жалко. Рубль слабеет, безработица растет, финансовые резервы тают, фондовый рынок превратился в фантом. «Не мы виноваты в этом кризисе», – говорит Владимир Владимирович. Вся мировая экономика в таком состоянии, что поделаешь. А источник бед – Америка. И спорить с премьером бессмысленно, он безусловно прав.

Смущает один нюанс. Столько было патриотической трескотни, рассуждений о самости России, о независимой от «центров влияния» политике родного государства, и отчего тогда человек на стульчике посреди кружка слушателей сейчас демонстрирует абсолютную, вассальную подчиненность и себя, и оказавшейся под его началом страны от процессов, идущих за границами Отечества. Сдается, каждое утро он с трепетом спрашивает о цене на нефть на мировых биржах – собственно, в этих циферках содержится ответ на вопрос о жизни или смерти его режима, его «ближнего круга», и может быть даже – вообще страны.

Никакого влияния ни на что, одна унизительная беспомощность перед нервной игрой взбесившихся рыночных сил.

А ведь совсем недавно казалось: еще немного, и Однополярье смирится с тем, что не американские, английские, немецкие или гибридные западно-азиатские корпорации будут напрямую окучивать одну восьмую часть суши, а он, Владимир Путин, и его «друзья». Что с ними, наконец, начнут разговаривать как с равными, ведь они столь же богаты и могущественны, как и сливки «золотого миллиарда». И тут такой облом.

– Когда закончится кризис? – интересуются горняки.

Премьер отвечает в том смысле, что идущие процессы просчитать невозможно, никто не знает, где дно, где покрышка, и ему тоже, стало быть, неизвестны сроки окончания всей этой мороки.

Вообще, после таких заявлений в приличных государствах принято писать прошение об отставке. В самом деле, не цунами же пронеслось над страной, не метеорит, подобный Тунгусскому, поразил родные просторы, и даже не засуха или всеобщее наводнение.

Не стихия причина беды. Кризис – следствие человеческих действий (или бездействия), он вполне рукотворен, и, стало быть, поддается диагнозу и «лечению» разумными существами. Эту мысль высказал и наш зиц-президент Д. Медведев после саммита «двадцатки» в Лондоне. Но он, как известно, человек подневольный, просто «друг». А «национальный лидер», похоже, надеется на Барака Обаму. Надо день продержаться да ночь простоять, пока американский президент восстанавливает глобальный рынок. Как только вернет его на место, мы опять в шоколаде, в Эдеме зеленых нефтедолларов и золотого дождя.

В конце марта, однако, Владимир Путин опять сидел на другом уже стуле в Тольятти, по новомодной традиции окруженный автомобилестроителями. Он привез ВАЗу миллиарды рублей и выглядел господином, напоминал теперь не нашкодившего школьника, а психолога, проводящего сеанс терапии среди пациентов с неожиданно проступившими вследствие жизненных обстоятельств из-под налета пудры извилистыми мозгами. Рубль перестал падать, выпрямился и даже чуток подрос. Вялые биржи, безработица, ограниченный сбыт страшат уже меньше – человек ко всему привыкает. Главное, цена на нефть подросла, уже подбирается к отметке 50 долларов за баррель. И, похоже, то и дело проскальзывающая в голове мысль – «А вдруг пронесло?» – чрезвычайно бодрит национального лидера.

Владимир Владимирович шутит, иронизирует, а мне грустно. На какой висюльке все держится – настроение премьера, благополучие людей, целостность страны, наконец.

Кризис сделал явным убогость существующей в нашем обществе управленческой системы. Мы повязаны ее несовершенствами по рукам и ногам. Мы – бревно, болтающееся бессильно по воле волн.

Даже если бы глобальный рынок не рухнул еще в течение нескольких лет, «петровская модель» неизбежно поставила бы страну на край бездны, как уже не раз случалось в отечественной истории. Строго говоря, мировой кризис только вывел общество из состояния благодушия, перемены же напрашивались и раньше. Собственно, положение дел именно в «тучные годы» и заставило меня взяться за перо, и тревожило всех мыслящих людей. И спасибо кризису не скажу, поскольку в его нервической атмосфере сложнее продуманно, с чувством, с толком, с расстановкой осуществлять назревшую реформу управления.

Единственное кризисное преимущество – возросшая возможность быть услышанным. Врастающие в общество потребления, как и положено жующим, глухи и немы.

Подчеркну двумя чертами: перемонтировка системы управления – антикризисная мера только отчасти. Ее содержание гораздо шире. Через новые управленческие механизмы мы получаем рычаги для создания развитого внутреннего рынка, возможного, как известно, лишь в тех государствах, где подавляющее большинство граждан – состоятельные люди. Именно они обеспечивают устойчивый спрос. Вдобавок работающий внутренний рынок гарантирует не иллюзорную, а реальную стабильность в обществе и безопасность страны.

И, наконец, самое главное. Через радикальный пересмотр управленческой системы мы сможем изменить философию цивилизационного развития. Вместо накопления кучкой людей огромных, но на поверку оказывающихся зачастую виртуальными, богатств, к обеспечению всего населения качественными медициной и образованием, комфортной средой обитания. Перераспределение общественного достояния в пользу развития личности диктуется настоятельной необходимостью: научно-технический прогресс, как известно, несет не только блага, но и не виданные прежде опасности и проблемы. Потребуется огромное интеллектуальное напряжение всего общества для регулировки результатов научного поиска, выработки норм поведения в меняющейся среде (например, ученые уверенно заявляют, что в ближайшее время значительно продлят жизнь людей. Комплекс возникающих при этом проблем потребует всеобъемлющего осмысления).

Оглянемся на пройденный человечеством путь, попробуем отыскать необходимые детали для постройки эффективной управленческой системы.

Глава III

ВАРИАЦИИ НА АНТИЧНЫЕ ТЕМЫ

Гнёт удовольствий

Иосиф Бродский в своей Нобелевской речи заметил: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно».[1] Собственно, в этой формуле заключен весь пафос интеллектуальных поисков второй половины XX столетия. «Властители дум» в недавно ушедшем веке брезгливо отворачивались даже от ни к чему не обязывающих замечаний по поводу общественного устройства, почитая сие занятие делом низким, убивающим в них художников. Они апеллировали непосредственно к человеку, его сознанию и подсознанию, почему-то полагая, что людская природа быстрей поддается совершенствованию, чем существующие формы власти.

Вместо утопий производились на свет антиутопии. При всей фантасмагоричности даже самые известные из них, вроде «1984» Оруэлла или «Мы» Замятина, представляли из себя рафинированное, головное, «чистенькое» отражение существующих в реальности грубых, пышащих адским жаром античеловеческих режимов, похожих на мясницкие. Причем, выплеск низменных, животных инстинктов прикрывался в окружающей жизни такой оглушительной трескотней о всеобщем благе и счастье, что сами эти понятия сделались для «властителей дум» совершенно нестерпимыми. Они даже подозревали: не явилась ли ужасная реальность в некотором роде результатом неустанных поисков их предшественников из XVШ и XIX веков на ниве общественного развития.

Просветители набросали столько увесистых камней в дремавший до их прихода омут жизненного устройства, что расходящиеся по воде круги напоминали не рябь, а бьющиеся друг об друга волны. Какого русского литератора X1X века ни возьми, все они имели суждения о существующих порядках и с полным напряжением своих мыслительных и художественных способностей пробивались к источнику всеобщего блага. Не только «политические» писатели Герцен и Чернышевский, но и утонченный Гоголь, например, не чурался низких, по представлениям потомков, материй. «Ревизор» и «Мертвые души» по сию пору остаются самым точным и беспощадным диагнозом недугов «петровской управленческой модели». А лиричный, задушевный певец изысканной любви И.С. Тургенев? Разве что в своих в высшей степени гармоничных повестях «Вешние воды» и «Ася» он в точности отвечает читательским представлениям о себе. Между тем, все романы Ивана Сергеевича, если вглядеться, суть политико-философские трактаты, приправленные любовной линией, иногда не одной.

---

[1] «Сочинения Иосифа Бродского», т. 1., СПб., 1992 г., с. 9

Помнится, «Дым» я впервые прочел в перестройку и поразился его пугающей современности. Казалось, Иван Сергеевич ходил со мной по одним улицам, видел тех же людей, что и я, слушал моими ушами. Все-все – типажи, характер дискуссий, сам воздух – совпадали один в один. То, что его герои передвигаются в конных экипажах, а не на машинах, воспринималось стилистическим изыском, не более того.

И как-то сразу обрела плоть параллель между Александром II и Горбачевым. Начинатели реформ буквально в несколько лет превратились в абсолютно нежеланных для широких общественных слоев руководителей. Причиной виделось даже не то, что они затеяли большую игру или вели не туда, а постоянные колебания и утомительные для каравана остановки.

Безусловно, насыщенная работа «властителей дум» в Х1Х веке не могла не оставить после себя ярких прозрений и провидческих предсказаний. Роман Достоевского «Бесы» актуален сегодня чуть ли не в сотни раз больше, чем в момент своего появления. Мне, правда, гораздо любопытнее террористов показался эпизодический персонаж по фамилии Шигалев, может быть, ввиду общности наших с ним занятий. «Длинноухий Шигалев с мрачным и угрюмым видом медленно поднялся с своего места и меланхолически положил толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на стол».[2] Он всю свою энергию посвятил «…на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее…»[3]

Участники собрания в доме Виргинских относятся к автору тетради с некоторым небрежением. Петр Верховенский тут же запускает термин «шигалевщина», отстраняясь тем самым от изложенной системы взглядов, тем не менее и он сам, и хромой учитель, и другие присутствующие рукопись читали и по ходу разговора то и дело к ней возвращаются. Однако отказывают Шигалеву в десяти вечерах для подробного разъяснения его теории. Федор Михайлович некоторым образом стесняется своих пророчеств (а они принадлежат, конечно же, ему, а не длинноухому персонажу), насмешничает над собственными видениями и не берет для полного изложения вопроса о будущем социальном устройстве запрашиваемых Шигалевым вечеров. Впрочем, и то, что выплеснулось на страницы романа, куда ясней, допустим, предсказаний Нострадамуса, а уж точность пророчества просто поразительна.

«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными де-

[2] Ф. Достоевский «Бесы», М., 1990 г., с. 393
[3] Там же, с. 394

вятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать».[4]

Толкователи «Бесов» полагают, что Шигалев создал прообраз социалистического общества. А как иначе? Сам он якшается с революционным сбродом, вообще, входит в «пятерку» террориста Верховенского, что иное он мог сконструировать в своем воображении? Если принять эту версию, то никакой Шигалев не пророк – так, один из многих прожектеров, причем, не самый среди них вдохновенный и изобретательный.

Спроецируем, допустим, выведенное им устройство общества на сталинский Советский Союз. Несхожести режут глаз. Истовых коммунистов и вертухаев набирается поболее «десятой доли», но назвать их «свободными личностями» язык не поворачивается – такие же, в сущности, рабы хозяина. И право распоряжаться «стадом» у каждого из них отнюдь не безгранично, а регламентируется вождем. Даже если допустить, что девять десятых почитают свое существование за «земной рай», то не их субъективный взгляд – критерий истины, а наша сторонняя оценка. Мы же смеем уверенно заявлять: ничто не может быть дальше от рая, земного или небесного, чем обмен собственных трудовых навыков на право жить. И уж тем более такое положение не согласуется с небрежным шигалевским «хотя, впрочем, и будут работать». Обладай он понюшкой провидческого дара, непременно предписал бы «стаду» лошадиные дозы труда.

Претензии к Шигалеву, а стало быть, к Достоевскому, снимаются тем, что они и не ставили своей задачей создать макет некого «справедливого общества». Более того, Шигалев решительно отмежевывается и от социалистов-утопистов, и от конструкторов демократии ААО: «…я пришел к убеждению, что все созидатели социальных систем, с древнейших времен до нашего 187… года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия – все это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого». И что слонялся Шигалев с тетрадкой по сомнительным сборищам, ничего не доказывает – не в Академиях же обивать пороги. Там его обязательно сочли бы за сумасшедшего проходимца.

Теперь, очистив шигалевскую матрицу от поздних толкований, приложим ее к глобальной системе в предкризисный 2008 или 2007 год, когда та находилась на пике своего расцвета. Мы полу-

[4] Там же, с. 396

чим поразительный эффект – почти стопроцентное совпадение, даже в величине «долей».

Элитные 10 процентов, верхушка из финансовых управленцев, политиков, воротил шоу-бизнеса, руководителей транснациональных корпораций и топ-специалистов из многих сфер человеческой деятельности, безусловно, свободные люди в той мере, в какой может быть свободен человек. Обладая эксклюзивными знаниями и доступом к властным рычагам во всех областях, они в соответствии со своими интересами манипулируют девятью десятыми «золотого миллиарда», обладают «безграничным правом» над «стадом». Деспоты ли они? Еще какие. В отношениях друг с другом они могут создавать локальные иерархии, но в целом их единство держится на осознании причастности к кругу «вершителей судеб», и как «свободные люди» они могут испытывать временное ситуационное давление, например, от падения или роста котировок на бирже, но только не постоянный контроль вертикально устроенной системы. Они действуют, скорее, на основе сговора, чем включенности в жесткую структуру.

Их деспотия опосредована, завуалирована пропагандой свобод, прогресса, прав личности, и потому представляется мягкой, даже нежной. Предполагается, что по закону «разумного эгоизма», продвигая свои интересы, они делают хорошо и всем остальным.

Кризис прорвал драпировку, и попавшее под свет мурло «свободных людей» оказалось пострашней облика «чужих» из фантастического фильма. Их цинизм, небрежение интересами «стада», уверенность в собственной незаменимости сразили американских интеллектуалов наповал.

Реальность разрешила самую большую загадку шигалевского устройства: как девять десятых могут очутиться в земном раю? Ведь ими безгранично повелевают, они «потеряли личность». И, поди ж ты, катаются как сыр в масле. А вот так! Загружай по полной центр удовольствий в головах порабощенных, и они будут счастливы. «Секс, наркотики, рок-н-ролл», тряпки, тачки, виллы, самолеты, деликатесы, бассейны, тренажеры – на, стадо, пользуйся. Ты купишь то, что мы скажем, ты займешься тем, чем мы решим (похуданием, жеванием жвачки, питьем пива и пр.). Все достижения НТР пойдут на новые раздражители центров удовольствий. Ты можешь месяцами дрейфовать в иллюзорных мирах, переключаясь с ТВ на видик и обратно. Всепланетная информационная система еще расширила возможности получения кайфа. Более 80 процентов совокупной мощности всех компьютеров расходуется пользователями электронных игр.

Деспотия «свободных людей» напоминает власть умелой и коварной женщины над партнером: даря неслыханное наслаждение, она вьет из него веревки.

Шигалеву и, смею предположить, Достоевскому, тоже виделось нечно дьявольское в таком общественном устройстве. Длинноухий персонаж растерянно бормочет: «Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».[5] «Безграничным», по другому – глобальным. Дрейф демократии ААО от системы, гарантирующей права и свободы личности, к камуфляжному покрывалу над «ласковой» деспотией предсказан с устрашающей прозорливостью.

При этом Шигалев настолько уверен в объективности своих «данных» и неотразимости своей логики, что заявляет: «Да, я приходил к отчаянию; тем не менее все, что изложено в моей книге, – незаменимо, и другого выхода нет; никто ничего не выдумает».[6]

Не знаю, прочел ли «Бесов» Уинстон Черчилль, вполне возможно, ведь и сам баловался прозой, но за его знаменитой формулой «Демократия – очень плохая система, но ничего лучше человечество не придумало» торчат длинные уши Шигалева.

Отцы и ребёнок

Своим парадоксом знаменитый британец примерно на полвека затормозил поиск новых технологий общественного устройства. Раз лучше ничего на современном временном отрезке не существует, то и не надо ломать голову над очевидными недостатками демократии англо- американского образца (ААО). А что система все-таки плохая, то мир вообще не совершенен, идеального ничего не бывает и т.д. и т.п.

На пропаганду демократии ААО работает огромное количество щедро финансируемых институтов. Несмотря на вариативность самой системы (от конституционной монархии до парламентской республики), пиарщики Запада и их искренние апологеты на европейском Востоке сумели возвести в ранг абсолютных ценностей некоторые присущие названному общественному устройству характеристики, вроде прямых равных выборов или принципа разделения властей. Порой создается впечатление, что где-то на Капитолийском холме существует засекреченная лаборатория, наподобие гуманитарной Палаты мер и весов, где с помощью существующей в единственном экземпляре линейки хмурые обладатели высшего знания определяют, может ли тот или иной политический режим считаться демократическим.

Сама умышленность западного общественного устройства как бы забывается. Тут пиарщики демократии ААО и российские историки, накрепко затвердившие марксистско-ленинское видение

---

[5] Там же, с 395

[6] Там же, с. 395

развития человеческих сообществ, неожиданно сходятся. Они дружно полагают, что эта изумительно разумная система явилась миру как божий дар в ответ на требования рынка о свободном движении товаров, людей и услуг, что она наиболее точно отвечает запросам комфортного существования. Иными словами, в результате многовековых борений в западных странах граждане так удачно расселись по общественным ячейкам, что теперь нет препятствий для стремительного умножения материальных благ. В представлении огромной массы историков-пропагандистов, что с правого, что с левого фланга, развитие общественных систем идет, как и прогресс производительных сил, от низшего к высшему, от косного к разумному, от яйца, так сказать, к курице. Рисуется некая лестница в небо, начавшаяся с вырубленной в камне ступени и венчаемая комфортным скоростным лифтом. Для коммунистов лифт, понятное дело, – коммунизм, или, на худой конец, – социализм, для западных демократов, без всякого сомнения, – победившая во всех уголках Земного шара (если у шара есть уголки) демократия ААО.

Самое простое в нашем разговоре – доказать низменное, человеческое происхождение самой совершенной общественной системы, лишить ее флера надмирной неизбежности, развеять миф о ее происхождении как результате прорыва экономически ущемленных общественных групп к рыночным свободам. Надо только извлечь из тьмы исторических учебников имена авторов. Да, у демократии ААО – не один родитель (что в физиологическом смысле естественно). Родителей так много, что вряд ли у них могло получиться живое создание, совершенное в силу природного происхождения. Авторы, лучшие умы эпохи Просвещения, на интеллектуальном междусобойчике конструировали механическую куклу, подгоняя деталь к детали. Сначала договорились, что основой системы (скажем – туловищем) должен служить общественный договор. Граждане поручают государству оборонять их, издавать законы, разбирать споры, наказывать преступников, сообщаться с другими государствами. За это они платят в казну налоги. Государство, со своей стороны, не лезет в личную жизнь и экономическую деятельность граждан. Опасаясь бесцеремонной волосатой государевой лапы, француз Ш. Монтескье и англичанин Дж. Локк вырастили три ветви власти (как бы три руки) – законодательную, исполнительную и судебную. Дабы ни одна из них не налилась всесокрушающей силой, 55 «отцов-основателей» США установили для «ветвей» одинаковые размеры и наделили их способностью ударять друг по другу в случае чего – так возникла система «сдержек и противовесов» (своеобразно понятая и воплощенная впоследствии президентом Ельциным).

Что касается парламента, еще одной «священной коровы» демократии ААО, то его формообразующие начала теряются во тьме веков. Наверное, даже в доисторические времена члены племени, мыкая и изъясняясь жестами, советовались друг с другом, договаривались о совместной деятельности. При любом короле или царе в той или иной форме существовал совещательный орган. Новизна парламента как части системы демократии ААО в том, что он избирается, и избирается всеми гражданами, независимо от пола и достатка. Впрочем, как раз эта особенность законодательной власти представляет из себя позднее наслоение на прекраснодушном просветительском проекте – она утвердилась окончательно только во второй половине XX века.

Авторы демократии ААО вовсе не ставили своей целью дать дорогу буржуазным отношениям. Их помыслы были куда благородней и возвышенней. Они думали над обеспечением естественных прав человека: на жизнь, на свободу, на… Насчет третьего права между ними приключился спор. Дж. Локк включил в триаду (сакральное все-таки число) право на частную собственность. Француз Ж. – Ж. Руссо впоследствии оспорил англичанина, полагая, что в несправедливом распределении собственности и есть источник всех общественных зол. Автору американской «Декларации независимости» Томасу Джефферсону удалось оторваться от грешной земли и записать – «стремление к счастью». Если вдуматься, звучит не более абстрактно, чем «свобода».

Вот такими категориями мыслили люди. А вы – «рынок, товарно-денежные отношения…» Да плевали они на них!

Вадим Штепа в книге «Rutопия» справедливо, на мой взгляд, полагает, что сами по себе Соединенные Штаты – воплощенная утопия Томаса Мора. Он соотносит цитаты из «Утопии» с фактами американской истории, и остается только всплеснуть руками: «Как по писаному». К труду Вадима Штепы я еще не раз вернусь, а пока скажем себе: демократия ААО – не естественно сформировавшаяся по ходу исторического развития модель общественного устройства, а человеческая придумка. В смысле естественности она не идет ни в какое сравнение с деспотией, реализующей в государственных формах природное право силы. Это не значит, что демократия ААО хуже деспотии. Напротив, она являет собой превосходство человеческого разума над животным людским началом. Она внедрила в массовое сознание принципы гуманизма и за одно это заслуживает величайшей исторической оценки. Но объявлять демократию ААО последней станцией на путях человеческой мысли, как это делают толпы либеральных пропагандистов, по меньшей мере недальновидно.

Конечно, само внедрение в жизнь головной системы практически в полном объеме похоже на чудо. Как правило, жизненные обстоятельства корежат изначальный замысел уже на ранней стадии, выворачивая утопию наизнанку, превращая ее в антиутопию (подробно и хорошо об этом опять же у Вадима Штепы). «Отцам-основателям» США счастливым образом удалось почти без потерь перенести теоретические посылы в повседневную практику. Но один долгоиграющий наглый вирус, казавшийся поначалу нестрашным, все же завелся по ходу прививки.

В Конституции Соединенных Штатов нет ни слова о политических партиях. «Отцы-основатели» справедливо определяли эти образования как «группу людей, организованную для того, чтобы обеспечить собственную выгоду за счет общества». Но очень скоро им пришлось признать, что партии позволяют привлечь к политике широкие слои населения и в то же время удерживать «чернь» под контролем элит. Иными словами, само идеальное государственное устройство подразумевало существование этих корыстных организованных групп. Остается добавить, что демократическая система, исключающая партии из общественной жизни, должна быть по определению признана более совершенной, чем та, что реализована в Соединенных Штатах.

Обманчивый ВВП

Пропагандисты западных ценностей, как и историки советской выучки, напрямую увязывают экономическую успешность той или иной страны с ее общественным устройством. Хотите стать богатыми, вводите у себя демократию ААО. Без демократии ААО вам никогда не достичь изобилия и т.д. и т.п. Полная чушь. Между общественным устройством и экономическим развитием нет никакой связи – и примеров тому в истории тьма-тьмущая.

В XVIII веке Англия – признанный мировой экономический лидер. Что там у нее с общественным устройством? Да, есть парламент (он, впрочем, существовал и в Средние века), есть партии вигов и тори, есть право у победивших на выборах в парламент формировать правительство. Но в 1717 году из 5 миллионов подданных Британской короны только 250 тысяч участвуют в политической жизни. Для избирателей и кандидатов в депутаты введен высокий имущественный ценз. Вдобавок короли, в особенности Георг III, – отнюдь не бутафорские фигуры, они постоянно вмешиваются в принятие важнейших государственных решений. Согласитесь, все эти особенности функционирования государственной системы вряд ли соответствуют принципам демократии ААО, однако Англия – страна с самой динамично развивающейся экономикой. Уже на излете своего могущества,

в конце X1X века, британцы, наконец, либерализуют избирательное законодательство.

Но это так, цветочки, а ягодка – Германия X1X века с ее «прусской системой», столь же непохожей на демократию ААО, как европейский футбол на американский. Тем не менее, к концу столетия немцы в экономическом смысле совсем немного отстают от Штатов. Но те творят свою историю на идеальной площадке, удаленном от всех мировых проблем континенте, а Германия – в центре Европы, среди нескончаемой череды революций и реставраций.

Да что далеко ходить за примером? Промышленный переворот в России начинается в период абсолютного царствования далеко не самого либерального и просвещенного монарха – Александра III.

Строго говоря, экономике глубоко все равно, кто даст необходимые для развития рынка свободы – всенародно избранный парламент или кровавый диктатор. Англия выкачивает соки из колоний, Германия в 1810 году отменяет крепостное право, вводит протекционистские тарифы и основывает Таможенный союз, Россия также, пусть медленно, избавляется от крепостничества – вот что толкает экономическое развитие, а не само по себе общественное устройство.

Кстати, Д. Травин и О. Маргания в двухтомнике «Европейская модернизация» на основе анализа практики уже XX века приходят и к вовсе удивительному заключению: перевод мобилизационных моделей экономики к рынку лучше удается тоталитарным режимам.

Замечу, что отчужденность доныне существовавших общественных систем от экономики отнюдь не кажется мне достоинством. Безусловно, требуется такая модель, которая бы положительно влияла на все проявления человеческого общежития.

Зайдем с другого конца. Во многих странах Латинской Америки, в Турции, Индонезии, Пакистане, на Филиппинах, в африканских государствах на протяжении значительных временных отрезков в точности копировалась демократия ААО с той или иной содержательной глубиной, что не привело к созданию там устойчивого, динамичного хозяйства. Между тем, формально коммунистический Китай или монархические ОАЭ демонстрируют высочайшие темпы экономического развития.

Другое дело, что фальшива и другая увязка: мол, чем динамичней хозяйство страны, тем она более развита. Оценка ведется, в основном, по производимому в государстве внутреннему валовому продукту (ВВП): либо просто берется его общий объем, либо он делится на душу населения. Оба показателя могут что-то сказать о количестве заводов, банков и денег в стране, но ничего – об уровне жизни. К примеру, Роман Абрамович в течение года сконцентрировал в своих руках ВВП на 10 миллиардов долларов, а 1000 его сограждан толь-

ко на 40000 «зеленых». Но ничего, статистика поднимет их подушевую долю ВВП до олигархических размеров. Просто сложит 10 млрд. и 40 тыс. долларов и поделит на 1001 – и мы получили пустую, ни о чем не говорящую цифру.

Гораздо точней другой показатель: количество граждан в стране, обеспеченных ниже установленной ООН черты бедности – 1,08 доллара в день на человека. И тогда мы легко докажем математически то, что ощущается эмпирически: при всех фантастических экономических достижениях Китая, он менее развит, чем Россия. При общей бедности населения, у нас не абсолютная нищета. Ниже ооновской черты живут в худшем случае несколько тысяч человек, в Китае – сотни миллионов. Наше нынешнее государство пусть и ведет атаку на социальные гарантии населения, но вынуждено сохранять многие стандарты, принятые еще в советское время. Огромный разрыв в уровне жизни не означает, что ровно во столько раз наше общественное управление совершенней китайского. Перенаселенность азиатского гиганта в решающей степени влияет на все показатели и обрушивает любую логику. Но в сопоставимых по размерам и количеству жителей странах размер группы, живущей ниже официальной черты бедности, довольно точно отражает уровень развития общества в целом. В конце концов, заводы, банки, деньги – только средства. Цель – благосостояние населения, а не только узких олигархических групп. Уровень развития страны в первую и главную очередь зависит от качества государственного управления.

Испытательный стенд истории

В Греции все есть. Особенно – в Древней Греции. Эта цивилизация просуществовала примерно тысячу лет, но более подробные сведения сохранились о последних в ее истории 600-550 годах – с IX века до н. э. по IV. На относительно небольшой территории за более или менее исследованный отрезок времени были проиграны последующие мировые сюжеты, опробованы все общественные устройства, обозначены направления поиска во всех науках и видах искусств. Тысячи островов в Эгейском, Ионическом и Критском морях, гористая материковая часть, превращавшая отдельные изолированные области – номы – в подобие островов, способствовали образованию сотен самостоятельных городов-государств – полисов. «Можно сказать, что каждый ном представляет собой поперечный разрез Греции, включая нагорье, низину и побережье… То же справедливо и для таких островов, как, например, Кефаллиния, Крит или Родос. В каждом номе и на многих островах зачастую есть несколько небольших равнин, каждая окружена собственными нагорьями и низинами. Каждый ном

или остров, или даже более мелкие области в их границах, самодостаточны в смысле производства продуктов первой необходимости».[7]

В результате количество древнегреческих государств колебалось примерно в тех же пределах, что сегодня существует на всей планете.

Собственно, ничего фундаментально нового в смысле общественного устройства человечество с тех пор не придумало. Древнегреческие государства, как и сегодняшние, можно подразделить на четыре основных вида: монархия, тирания, олигархия и демократия. Внутри каждого вида существуют вариации управленческих схем: монархия может напоминать тиранию, а демократия включать в себя элементы олигархии, или, скажу аккуратней, аристократизма, что не кажется мне недостатком системы народовластия, а, пожалуй, напротив, достоинством.

Бронзовый бык тирании

К VII в. до н. э. монархии, как и в нынешнем западном мире, практически утратили свое влияние. Николас Хаммонд замечает: «… функции спартанских царей (а их умещалось на одном троне двое – прим. О. Б.) были сходны с обязанностями Британской короны».[8]

То есть они не имели практической роли в управлении страной, а поддерживали дух традиционализма. При разрушении родоплеменной, сословной структуры общества монархия сходит на нет сама собой.

Не то тирания. В периоды кризисов олигархии и демократии всегда находится то ли харизматичный, то ли ловкий выскочка, прибирающий всю власть к своим рукам. Благополучие граждан зависит теперь от личных качеств Главного Начальника. После реформ Солона Афины благодаря сваре партий провалились в тиранию. Правда, с диктатором им повезло. Писистрат, а потом его сыновья, были вменяемыми людьми, как никак аристократы. «Простому народу Писистрат покровительствовал… Бедные при нем получали сельскохозяйственные займы, соблюдались права членов гильдий, всем гражданам обеспечивалась полная занятость. Строившиеся на общественный счет дороги, храмы, водопроводы и так далее способствовали блеску режима».[9] «Благодаря правлению Писистрата Афинское государство стало выдающимся, мирным и процветающим…

«Будучи тиранами, – писал Фукидид, – сыновья Писистрата отличались в высшей степени достохвальным поведением и трезвой

[7] Н. Хаммонд «История Древней Греции», М., 2003 г., с.с. 15, 16
[8] Там же, с. 157
[9] Там же, с. 200

политикой; они украшали город, успешно воевали и исполняли религиозные обряды».[10] Николас Хаммонд замечает: «Эта похвала носит не абсолютный, а исключительно относительный характер по сравнению с другими тиранами».[11] И в самом деле, уже тогда хватало захвативших власть мерзопакостных психопатов. Имя «Фаларида из Акраганта как жестокого тирана стало нарицательным. На празднике Темосфорий он убил виднейших граждан, захватил с помощью наемников акрополь и разоружил народ; он успешно воевал с сиканцами и финикийцами, а в собственном государстве подавлял оппозицию методами террора. Во времена Пиндара еще сохранялась память о знаменитом бронзовом быке, в котором Фаларид заживо жарил своих жертв».[12]

А. И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию?» со ссылкой на Платона и Аристотеля говорит не о четырех, а о трех формах общественного устройства: «Это, в нормальном ряду: монархия, власть одного; аристократия, власть лучших или для лучших целей; и политейя, власть народа в малом государстве – полисе, осуществляемая в общем интересе (мы теперь говорим – демократия). Они же (Платон и Аристотель – прим. О. Б.) предупредили о формах деградации каждого из этих видов, соответственно: в тиранию; в олигархию; в демократию, власть толпы (мы теперь говорим – в охлократию). Все три формы могут быть хороши, если они правят для общественного блага, – и все три искажаются, когда преследуют частные интересы».[13]

Действительно, «tyrannis» – всего лишь лидийская вариация выражения «monarchia», что означает «единоличная власть». Но мне представляется: по мере использования названных форм в человеческом общежитии они все больше отдалялись друг от друга, приобретая собственные видовые черты, вернее, тирания по ходу дела все меньше напоминала монархию. Недаром само это слово приобрело ярко выраженный оценочный характер, сегодня оно переводится скорее как «крайне жестокая единоличная власть».

Монархия практически везде имеет религиозную основу. Верховный единоличный правитель – «посланник небес». Случается, правда, «сверху» присылают черт-те кого, а помазанник Божий оборачивается Иоанном Грозным, и тогда благообразная монархия неотличима от тирании. Но чем ближе к нашим временам, тем реже зверское нутро проступает у обладателей короны. Они все больше ощущают

[10] Там же, с. 201
[11] Там же, с. 201
[12] Там же, с.с. 167, 168
[13] А. Солженицын «Как нам обустроить Россию?» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 391

себя носителями «вечных», традиционных ценностей. Нынешние «декоративные» монархи вообще образец нравственности и служения отечеству для своих «подданных». Отсутствие реальной власти необыкновенно их украшает.

Кстати, о власти. При монархическом правлении, как известно, она передается по наследству и крайне редко уходит из семьи. Тираны, в особенности современные, эгоистичны и подозрительны. Им что родня, что не родня – противны все. Самые страшные тирании XX века – Сталина, Мао Цзэдуна, Трухильо – заканчивались с уходом Главных Начальников из жизни.

Жестокие правители справедливо не обнаруживали в своем окружении достойных наследников – гении зла, к счастью, рождаются не каждый день. А если бы и отыскали равных себе, будьте уверены, постарались избавиться от них в первую очередь.

Хочется тихонечко возразить Александру Исаевичу и по поводу того, что все формы государственного устройства хороши если они служат общественному благу, а не частным интересам. Такое представление на основе анализа истории, наверное, можно считать справедливым вплоть до 50-х годов прошлого века. С изобретением смертоносных для планеты видов оружия зависимость от прихотей и фобий единоличного правителя непозволительна. В мозгах отдельно взятого человека понятие об общественном благе может принять столь своеобразную конфигурацию, что оценить его новаторство окажется некому. Конечно, и «коллективный разум», и массовое сознание не гарантированы от заскоков, но все-таки в них, особенно в первом, хотя бы теоретически предусмотрены «тормозные колодки».

Вдобавок те формы, в которых обычно реализуется единоличное правление, противопоказаны «информационному обществу». Даже стремясь к общественному благу, тиран истратит все силы на поддержание собственной власти. Косная форма исключает развитие содержания.

Впрочем, уже в Элладе тиранию не жаловали. «…в Дельфах (в религиозном центре Древней Греции – прим. О.Б.) племя тиранов заклеймили как язву на политическом теле».[14] Даже если единоличные правители способствовали расцвету полисов, при них происходила резкая поляризация общества. Противники режима, искатели свободы, вынуждены были уходить в подполье и там нагуливали крысиные идеи радикального свойства. Срывы в тиранию напоминали периоды солнечного затмения, влекущие массовое помутнение разума.

Возврат к олигархии или демократии после неограниченной власти Главного Начальника обычно происходит болезненно. «В

---

[14] Н. Хаммонд «История Древней Греции», М., 2003 г., с. 165

Милете после свержения жестокого тирана Фрасибула в течение двух поколений, вероятно около 580-520 гг., государство раздирала гражданская война».[15]

Даже если внутренние противоречия не достигают такой крайней формы выражения, раздрай – прежде всего мировоззренческий, на длительный период тормозит развитие общества. Тут ничего объяснять не надо. Россия до сих пор поражена постсталинским синдромом, и когда он выветрится окончательно, одному Богу известно.

Аристократы с одного двора

Монархия и тирания для руководства страной используют одну и ту же управленческую схему, с большим или меньшим влиянием бюрократии. «Петровская модель» – характерное воплощение такой системы. Аристократия, а в особенности вырастающая из нее олигархия, для отправления своих властных функций применяет как «открытые» управленческие формы, где их главенствующее место читается без труда, так и приспосабливает под свои нужды строго централизованные и демократические по внешним проявлениям схемы.

Происхождение такого общественного устройства – реакция на распад монархий. «Как правило, крушение царской власти происходило не насильственным путем, а в результате концентрации власти в руках следующего слоя – аристократии в лице родовых вождей, составлявших царский совет и царский двор».[16]

Управленческая схема, очищенная от возможных вариаций, при открытой форме аристократии выглядит так: «Центральным органом аристократического правления в полисах являлся совет (boule или geroisia); его члены, избиравшиеся по достижении зрелого возраста, который, например, в Спарте составлял 60 лет, а в Халкиде – 50, пожизненно сохраняли свою должность и были ни перед кем не подотчетны… Должностные лица как исполнительный орган совета находились под его жестким контролем. Скажем, в некоторых государствах высшие должности могли занимать лишь представители определенных семей; в других совет имел право проверки (dorimasia) и мог отклонить выставленную кандидатуру. Срок нахождения в должности обычно ограничивался одним годом, после чего поведение должностного лица рассматривалось советом. Во многих случаях исполнительная власть была разделена между несколькими должностными лицами, которые составляли коллегию, принимавшую решение большинством голосов».[17] «Хотя политическое лидерство и исполнитель-

[15] Там же, с. 168
[16] Там же, с. 158
[17] Там же, с.с. 158, 159

ная власть находились в руках аристократии, нам неизвестны случаи, чтобы народное собрание лишалось своих прав. Собрание, вероятно, могло лишь выражать свое мнение по важнейшим вопросам, касающимся внешних сношений, колониальной политики, землевладения и так далее, и избирать кандидатов, выдвинутых правящим классом».[18] «Нельзя отрицать того, что аристократы ревностно служили своим государствам. Именно им следует приписать великие достижения архаического периода: создание полисов, расцвет греческого искусства и колониальную экспансию».[19]

Последнее замечание Николаса Хаммонда – очень важно в понимании эффективности или, напротив, слабости такого вида правления. Если при тирании и демократии качество власти во многом определяют управленческие схемы, то при аристократии, и особенно при олигархии, самочувствие общества в решающей степени зависит от направления усилий главенствующей группы – насколько она ответственна, патриотична не в квасном, а в первородном смысле этого слова.

Узость и широта олигархии

Ослабление родовых связей вело к изменениям в «личном составе элиты». «Многие государства с аристократическим правлением реформировали свои институты мирным путем… запрещалось членство в высшем государственном органе по праву рождения: теперь условиями для этого были богатство или военная служба. Такие реформы превратили аристократию в олигархию, если нам нужен формальный термин, чтобы избегать наименований типа «аристократическая олигархия» или «плутократическая олигархия».[20] В наше время пропуском в «высший класс» служит также публичная клятва верности определенной идеологии, иными словами, членство в правящей партии.

Исследователи еще используют термин «узкая олигархия». Это когда внутри правящей касты совершенно исчезают элементы демократии (понимаю, что равнять олигархов с народов – нелепость, но скудость понятийного аппарата не оставляет мне выбора), и власть захватывает небольшая группа лиц. Как правило, она переходит на строго централизованную систему управления, присущую тирании. «…правление узкой олигархической прослойки не было ограничено ни законами, ни гражданским собранием (ну, прямо про нынешнюю Россию – прим. О. Б.). Подобная олигархия (dinasteia) находилась у власти в Фивах, а также в Ларисе, Фарсале и Кранноне, где

[18] Там же, с. 160
[19] Там же, с. 160
[20] Там же, с. 161

богатство было сосредоточено в руках немногочисленных семей высшей знати».[21]

Стремление выскочек, в прошлом мелких коммунистических деятелей, превратить свой режим в «династию», а себя – в знать, четко прослеживается в консервации общественной жизни сегодняшним правящим в России дуэтом. В Госдуме в абсолютном большинстве заседают миллионеры, в Совете Федерации – миллиардеры. Долларовые.

С известными допущениями примером «узкой олигархии» в СССР был краткий период «развитого социализма». Не столько Брежнев проводил жесткую единовластную политику, сколько группы влияния в Политбюро старались использовать Леонида Ильича в своих интересах. Уже тогда на съездах и пленумах заговорили о развитии «внутрипартийной демократии», в перестройку заклинания о ней превратились в общее место, но слова так и остались словами: КПСС не сумела превратиться в управленческую структуру просто олигархии, а оставалась выражением ее «узкого варианта». Тем не менее, при всей организационной немощи «развитой социализм» выглядит куда гуманней сталинской тирании.

Олигархия с пользой для себя применяет не только централизованную систему управления, но и демократическую. Мало кто решится возражать, что в странах «золотого миллиарда», может быть за исключением скандинавских государств, Дании, Швейцарии и некоторых других, у власти находится класс крупных богачей. Сама «стоимость» президентских кресел и мест в парламентах служит пропускным цензом в когорту избранных.

Правда, благодаря особенностям демократической системы правильней вести речь о правлении олигархии в широком смысле, а не выделенного из нее узкого круга счастливцев.

Без правящей элиты, как и без бюрократии, государство, увы, невозможно. Но как укротить олигархическую вольницу, мимикрирующую в зависимости от сиюминутных условий? Размышляя над возможными преобразованиями, одной из главных задач я себе поставил: создать такую управленческую схему, чтобы пропуском в правящую элиту служили не размер личного состояния, не военная карьера и не принадлежность к «нужной» партии, а подтвержденная конкретными делами преданность интересам всего общества.

Антиглобалист Солон

Первому шагу в переходе аристократического правления в Афинах к демократии, обозначенному реформами

[21] Там же, с. 161

Солона, предшествовали обстоятельства, поразительно напоминавшие те, что сложились в мировой экономике накануне нынешнего кризиса. Секретарь с особыми полномочиями оглашать законы Драконт (именно от его имени, а не от мифологического персонажа с перепончатыми крыльями пошло выражение «драконовские законы») установил кабальную зависимость, как сейчас выражаются, «реального сектора экономики» от ростовщиков. Поскольку земля, принадлежавшая членам родов, была неотчуждаемой, они, беря в долг, отдавали в залог все выращенное на их участке. Если не удавалось вовремя расплатиться по займу, ростовщик вкатывал не надел неудачливого заемщика залоговый камень. С этого момента владелец считался прикрепленным к собственной земле на неопределенный срок и обязан был отдавать афинским Гобсекам шестую часть урожая. Члены гильдий под гарантию обеспечения кредита закладывали собственность и семью В случае несостоятельности они и сами, вместе с женой и детьми, превращались в рабов, многих из них финансисты продавали за пределы Афин. Знакомый, не правда ли, беспредел со стороны держателей капиталов, просто выраженный в антично ясной форме. Когда бы ростовщики догадались одалживать деньги друг другу под залог заложенных залоговых камней, то они с пугающей близостью подошли бы к современной глобальной финансовой системе. Николас Хаммонд замечает: «Возможности, которые предоставляли появление мобильного капитала, коммерческая экспансия и внутриполитическая борьба, побуждали людей к ростовщичеству и обогащению за счет как членов родов, так и членов гильдий».[22] Иными словами, только деньги обрели вес, и у обладателей «лишних» монет тут же возник искус с их помощью влегкую наварить капитал, а слабое, раздираемое противоречиями государство не мешало осуществлению корыстных замыслов, напротив, при старании, по всей видимости, ударного драконтовского лобби защищало и поощряло новоявленных «хозяев жизни».

Архонт (что-то вроде министра) – эпоним Солон, назначенный арбитром с неограниченными законодательными полномочиями, в отличие от лидеров нынешних государств, совершенно не интересовался сохранением сложившейся уродливой финансовой системы. Задумав реформы, он не собирался возмещать ростовщикам потери за счет государственных ресурсов. На что и использовал возможности казны, так на выкуп бывших афинских граждан из рабства в чужих землях. Тех, которых не вывезли, восстановил в правах.

Солон поступил просто, как и подобает мудрецу, – отменил все прошлые и текущие долги. Некоторые ростовщики разорились, но отнюдь не поголовно. Новые долговые законы запрещали обращать несо-

[22] Там же, с. 175

стоятельных граждан в шестичастников и рабов, утверждая тем самым принцип личной неприкосновенности. Заемщики больше не делились на членов родов и гильдий, реформатор уравнял их в правах.

Сам Солон так оправдывал свои шаги: «Если доведется мне предстать перед судом времени, свидетельствовать в мою защиту будет черная Земля, Верховная мать олимпийский богов, с чьей груди я снял закладные камни, расставленные тут и там; доселе бывшая рабой, ныне она свободна. Я вернул в Афины, на богоданную родину, многих людей, проданных за границу, – и иных, бежавших от бремени долга, которые уже забыли аттический язык, а прочих я здесь, в Аттике, освободил от позорного рабства, в котором они жили в вечном страхе перед хозяевами».[23]

Аннулированные контракты и наплыв репатриантов, бывших рабов, вели к спаду в экономике. Солон ему противодействовал с помощью протекционистских мер. Сегодня под ними чаще всего понимают ограничение импорта, Солон же запретил экспорт всех товаров и продуктов, кроме производившегося в избытке оливкового масла. Располагай древнегреческая экономика сегодняшними технологическими возможностями, реформатор тоже, будьте уверены, регулировал бы ввоз, а не вывоз. Поучителен сам вектор его усилий.

Но главное, что осуществил Солон: реформу системы управления государством. Собственно, перед ним стояла та же задача, что сегодня высится перед нами: устранить возможность финансовых нуворишей, или любой другой корыстной группы, использовать всю полноту власти сугубо в своих интересах. Одновременно механизм государственных институций должен противодействовать тотальному экономическому диктату узкой группы богачей. К моменту начала преобразований «… ежегодный доход бедного фета был приблизительно в 60 раз меньше дохода пятисотмедимника». Не потому ли в Афинах то и дело вспыхивали волнения. Южане – что поделаешь. В сегодняшней России разрыв между доходами богатых и бедных не поддается статучету, поскольку у первых пребывает в густой и раскидистой «тени», но можно предположить: он составляет не 60, а все 160 раз. И ничего, не волнуемся.

До реформ Солона кандидатам на выборные должности требовались «знатность и богатство», влиятельный архонт оставил только «богатство». На самом деле это был не менее решительный шаг, чем отмена долгов. Родоплеменные связи, как известно, чрезвычайно крепки, а кланы, основанные на кровном единстве, представляли из себя «государства в государстве». Солон не уничтожил, но подорвал их влияние, безусловно, поспособствовав объединению афинс-

---

[23] Там же, с. 175

кого общества. Он разделил всех граждан на 4 класса в зависимости от степени их богатства, по сути, ввел сословия. Для трех высших установил налог в соотношении 6:3:1. Четвертый освободил от податей в казну, но и выборные должности занимать представители этого класса права не получили.

Наряду с существовавшим Ареопагом (в нем заседали архонты-отставники по возрасту), Солон образовал Совет четырехсот. Каждая из четырех фил (большие родоплеменные союзы, имевшие привязку к определенной территории, поскольку составлявшие их основу аристократы имели землю в «вечной» собственности) выбирала в Совет по 100 своих представителей пожизненно. Именно этот орган готовил повестку дня для народного собрания, причем, по каждому пункту выносил рекомендации, иначе говоря, «подсказывал» простым гражданам, как надо голосовать. Народное собрание не имело права само задаться каким-нибудь вопросом. Если бы ему вдруг вздумалось принять революционное решение, Ареопаг мог его запросто отменить.

Зато Солон учредил Гелиею. Впервые представители народа, избранные по жребию, становились судьями и присяжными. Они рассматривали апелляции, в том числе на решения архонтов, а потом отняли у Ареопага право проверки руководителей исполнительной власти после ухода тех с должности (вот бы у наших министров так-то изучать оставленные ими «следы», может, поменьше бы придумывали разных ЕГЭ и монетизаций).

«Взаимоотношения обоих советов (Ареопага и Совета четырехсот – прим. О. Б.) и народного собрания описываются фразой, взятой, видимо, из стихотворений Солона: «Государственный корабль, снабженный двумя якорями, не так сильно качает на волнах, отчего и люди на нем ведут себя не столь беспокойно».[24]

Вдобавок реформатор предоставил широкие возможности получения гражданства иностранцам-торговцам и ремесленникам, а также изгнанникам. Афины превратились в «землю обетованную» для энергичных, предприимчивых профессионалов из других греческих полисов. В XX веке схожим конкурентным преимуществом, основанном на расширении свобод, обзавелись Соединенные Штаты.

Впрочем, устояться новое государственное устройство не успело. Солон, провернув огромную работу, объявил, что его законы обязательны в течение ста лет, и уехал из Афин. В его отсутствие продолжились внутренние разборки, приведшие к переходу власти в руки просвещенного тирана Писистрата.

---

[24] Там же, с. 179

Пропорции Клисфена

Вернул Афины к солоновским принципам уже в конце IV века до н. э. Клисфен. Он еще с большим усердием, чем его предшественник, развил атаку на родоплеменные связи. Клисфен изменил избирательную систему, опираясь, что характерно, на низовые управленческие звенья. Демы, объединения граждан, равные по численности примерно английским церковным приходам, существовали и до начала реформ, но не везде. К тому же они не были включены в государственную систему управления и образовывались в результате, как сейчас бы сказали, общественных инициатив. Клисфен внедрил их повсеместно: создал новые, раздробил слишком крупные. Одновременно происходила перерегистрация граждан. Все жители дема получали одинаковые права. В списках больше не указывалось, кем они были раньше: членами родов или членами гильдий.

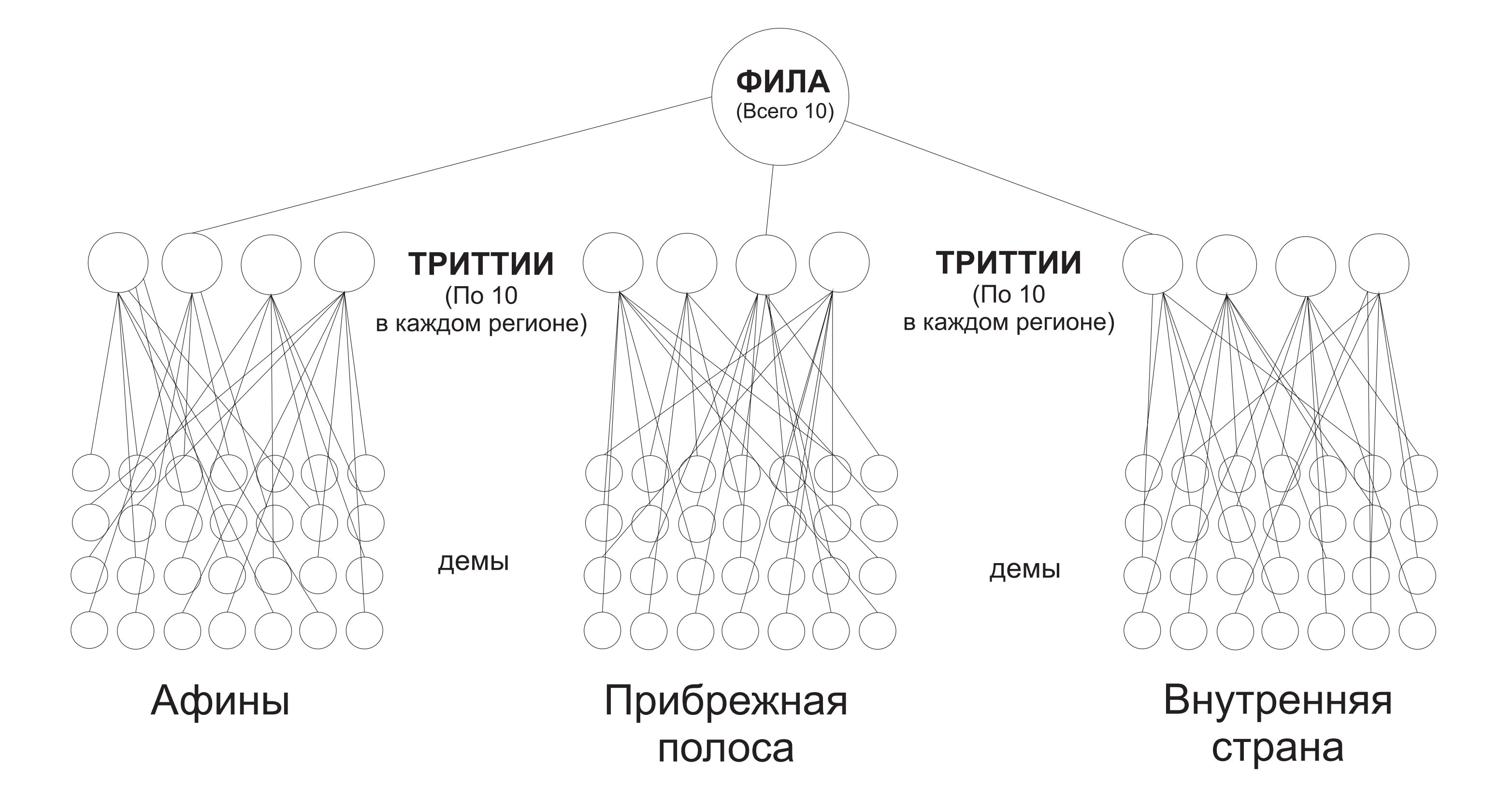
Клисфен наделил демы финансовыми, избирательными и религиозными функциями. В частности, каждая из этих низовых единиц имела народное собрание и своего руководителя-демарха.

Затем Клисфен попытался лишить родовые объединения землевладельцев контроля над значительными территориями. Созданную им хитрую управленческую структуру вы, может быть, лучше поймете, познакомившись с ней в изложении Николаса Хаммонда: «Клисфен разделил Аттику на три региона – Афины с прилегающей территорией (asty), прибрежную полосу, заканчивающуюся у Суниона (paralia), и внутреннюю страну (mesogeion) – примерно с одинаковым числом жителей в каждой».[25] «Затем Клисфен объединил демы каждого региона в десять триттий таким образом, что демы одной триттии в большинстве случаев не имели общих границ; в итоге триттия теперь являлась группой несмежных демов, а не единой земельной территорией, как раньше. Далее Клисфен жребием выбрал по одной триттии из каждого региона и объединил три триттии («трети») в одну единицу, филу (phyle)».[26] Уф-ф! Коварны аристократы, но куда им до изощренного ума Клисфена.

Для наглядности приведу схему образования фил, правда, весьма приблизительную (рисовать кружочками все 170 демов нет никаких сил, да и вряд ли необходимо).

Клисфен сохранил имущественный ценз при занятии выборных должностей. Вместо солоновского Совета четырехсот у него получился Совет пятисот. Каждый дем выдвигал определенное число кандидатов в него, зависевшее от количества избирателей. Затем на уровне филы из всех претендентов жребием отбирали 50 депутатов.

[25] Там же, с. 206
[26] Там же, с. 208

Схема управления фил в Афинах времён Клисфена
ФИЛА
(Всего 10)
ТРИТТИИ
(По 10
в каждом регионе)
ТРИТТИИ
(По 10
в каждом регионе)
демы
демы
Афины
Прибрежная
полоса
Внутренняя
страна

Представители фил в Совете образовывали комитеты, их получалось 10, и они заседали десятую часть года, ежедневно с помощью жребия назначая себе нового председателя. Граждане привыкали к административной работе, близко к сердцу принимали государственные дела.

«Для беспристрастного наблюдателя клисфеновская реформа представляется весьма сбалансированной, наделившей Ареопаг, высших должностных лиц, совет и народное собрание властью, пропорциональной опыту различных классов государства после длительного периода тирании. Заслуги Клисфена сопоставимы с заслугами Солона – он объединил классы благодаря справедливому распределению власти и создал истинно единое государство, требующее ответственного сотрудничества от каждого гражданина».[27]

К сожалению, в России при выходе из тирании не обнаружилось своего Клисфена. Структурирование управления в низовых звеньях до сих пор пребывает в полном небрежении.

Прожорливая демократия

Клисфеновский баланс сил нарушили двое молодых людей – Эфиальт и Перикл. Первый из них, блестящий оратор и способный законодатель, видимо, и выстроивший новую систему власти, был убит в возрасте слегка за тридцать. Перикл, сын Ксантиппа, видного афинского аристократа, слыл человеком неподкупным, ярким в речах и успешным в делах. А дел самого разнообразного свойства за свою бурную жизнь он переделал несчетное множество, под стать мифологическим героям. Практическая реализация общей их с Эфиальтом задумки полностью легла на его плечи.

Начали друзья с атаки на отдельных членов Ареопага, обвиняя тех перед Гелиеей в коррупции и злоупотреблении властью. Аргументацию по некоторым делам народный суд признавал основательной, и виновные несли наказание. Друзья сеяли в умах афинян сомнения: так ли безгрешны, умны, озабочены интересами государства входящие в Ареопаг «избранные»? И по логической цепочке: имеет ли право собрание таких граждан занимать главенствующее положение в системе власти? Спустя примерно три года Эфиальту и Периклу удалось провести демократическую реформу. По ней Ареопаг лишался надзорных и дискреционных полномочий, иными словами, всех политических прав, существенно были урезаны и его судебные функции. Отобранное распределили между Советом пятисот, народным собранием и Гелиеей. Имущественный ценз был сохранен только для занятия некоторых должностей, связанных с финансами. Теперь даже фет (рабочий) мог войти в Совет пятисот.

[27] Там же, с. 210

Крах Ареопага Николас Хаммонд объясняет следующим образом: «С 487 г. архонты назначались не прямыми выборами, а посредством жребия; двадцать лет спустя большинство экс-архонтов в Ареопаге попали туда именно благодаря этой процедуре, и, соответственно, они имели меньше влияния, чем их предшественники».[28] Конечно, для англичанина Хаммонда, питомца демократии ААО, забвение прямых выборов – очевидная ересь, ведущая к непоправимым последствиям. Возможно, применительно к Ареопагу он и прав: олигархам действительно имело смысл строже подходить к отбору «несменяемых» из своих рядов, тем более, прямые выборы фактически являлись непосредственными, поскольку многие друг друга знали или ориентировались на сложившиеся годами репутации. Но и в Афинах во времена Солона, Клисфена, Перикла, и в других древнегреческих полисах жребий, по всей видимости, не считали ущербной методикой. Сама по себе процедура чаще всего носила религиозный окрас. Отбирал из выбранных (!) голос пифии, а ему диктовали имя Боги. Что может быть надежней? Но поскольку такая методика устраивала, значит, существенного вреда от нее в своих земных делах древние греки не видели. И мне, в принципе, понятно, почему.

Двадцать лет я вхожу в руководство маленького предприятия, небольшой редакции, и основываясь на этом скромном опыте, замечу: при подборе кадров легко провести предварительный отсев. Вот этот пишет сухо, с грамотешкой не дружит, хоть и имеет диплом о высшем образовании, да и нагловат – сразу говорю «до свиданья». Потом остается три претендента на одно место, и тут заканчиваются объективные критерии. Да, этот чуть энергичнее, но зато та, похоже, вдумчивей. Собственно, теперь хотелось бы знать одно: несколько старательным окажется принятый. Честное слово, голос пифии сейчас бы не помешал. Ведь уже сколько раз полагался на личную приязнь, на отзывы коллег, на шестое чувство – и был жестоко разочарован уже в первый месяц. А тот, что случайно забрел в контору во времена редакционного безденежья, оказывался ценнейшим кадром. Убежден: пока сотрудник не приступит к выполнению своих обязанностей, вы никогда до конца не определите степень пользы или вреда, что он способен приносить предприятию.

А теперь представьте: стоят три кандидата, и голос пифии произносит: «Петров». Да этот счастливчик в лепешку разобьется, только чтобы Богов не подвести, оправдать доверие.

Руководители предприятий имеют возможность исправить свою не то чтобы ошибку, а непредсказуемые последствия принятого решения. Можно уволить сотрудника как не выдержавшего испыта-

[28] Там же, с. 310

тельный срок. Редким работникам удается в течение первых месяцев нахождения в должности маскировать свою сущность, хотя попадаются и такие.

Пропагандисты демократии ААО наделяют выборы сакральным смыслом. Мне, однако, представляется, что без столь же четко прописанной процедуры отзыва, вся система управления обретает склонность крениться и ржаветь, поскольку в ней накапливаются некомпетентность, пофигизм, чванство и прочий балласт.

Думается, нигде ни до, ни после власть народа не была выражена так полно, в столь ясных организационных формах, как в Афинах времен Перикла. По сути, граждане полиса управляли сами собой, и общественные борения напоминали внутренние разборки отдельно взятого человека. Аристотель утверждал, что реформы Перикла вскружили народу голову, льстя ему, как тирану. Власть добровольно устанавливала для себя самоограничения. К примеру, народное собрание обязалось соблюдать принцип уважения к существующим законам.

Преобразования случились в ту пору, когда шло формирование первого Афинского союза. Он был основан во время войны с персами в рамках общегреческого союза в противовес такому же объединению, возглавляемому Спартой. Управлялся двумя палатами – Афинским государством и Союзным советом, куда первоначально входили представители добровольно присоединившихся государств, в основном, ионийских. Объединение носило поначалу только военный характер. Афины выступали в нем гегемоном, осуществляли командование совместными силами. Входившие в союз государства вносили вклад – «форос» – в виде денег или кораблей. Постепенно Афины прибрали власть внутри объединения к своим рукам, и древнегреческое словечко уже приобрело другой смысл, близкий к значению «дань».

Дальнейшее расширение союза происходило в основном силовыми методами, за счет давления или откровенного захвата других государств.

Весь процесс можно назвать предтечей одновременно англо-французской колонизации XIX – начала XX века и американской глобализации. Со временем сопротивление недовольных подавлялось все более жестоко. История острова-государства Милоса вошла в анналы как пример античного геноцида. В 415 году до н. э. после осады афиняне захватили остров, казнили всех мужчин, женщин и детей превратили в рабов. Вспомним, что в ходе одной из последних колониальных войн, с бурами, англичане придумали концентрационные лагеря.

Другие мотивы масштабной экспансии подхватила уже эпоха глобализации. Практически во всех захваченных государствах насильно устанавливалась демократия, точнее, ее муляж.

«В Эритрах комиссары (афинские – прим. О. Б.) и командир гарнизона (афинского – прим. О. Б.) жребием избирали членов совета на первый год новой эпохи, а в дальнейшем советники, покидавшие свою должность, назначали себе преемников. Там, а также в Колофоне правление получило название демократического. Советники давали клятву, за нарушение которой полагалась казнь советника и его сыновей, хранить верность эритрейской, афинской и союзных им демократиям, не восставать против демократических Афин и их союзников…»[29] Вполне современная картинка, согласитесь: военные базы США, «тихие американцы», диктующие национальным элитам, как им следует себя вести.

А вот экспансия корпораций на античный лад. «… важную роль играли афиняне, поселенные на стратегически важных позициях в Эгейском море».[30] «При основании поселений Афины забирали лучшие земли, делили их на участки (kleroi) и раздавали поселенцам, которые становились клерухами (kleroukhos)… Многие из тех, чью землю конфисковали, лишались источников существования; в стране, бедной плодородными землями, им оставалось умереть от голода или эмигрировать».[31] В данном примере перекличка с современностью, конечно, не так отчетлива и проявляется в том смысле, что иностранные корпорации стараются контролировать самые лакомые куски национальных экономик.

Зато в финансовой сфере американцы, похоже, конспектировали за афинянами. «Между 450-447 гг. Афины объявили обязательным использование афинской серебряной монеты и афинских мер и весов по всей империи. Всю местную серебряную монету следовало изъять из обращения и переплавить; после этого чеканились афинские монеты, а небольшую разницу в обмене должны были оплачивать из своего кармана те, чьи деньги изымались. Монетные дворы союзников были закрыты, на чем выиграл афинский монетный двор».[32] Сейчас местные фабрики дензнаков работают, но меру и вес их продукции определяет доллар – мировая резервная валюта.

К середине V века до н. э. Афинский союз уже превратился в империю. Во многом, если не прежде всего, благодаря Периклу. Он преследовал цели, унаследованные сегодняшним западным миром: субсидирование демократии и содержание вооруженных сил. «Все население Аттики в 431 г. можно оценить приблизительно в 400 тысяч человек, в том числе 168 тысяч афинян, 30 тысяч постоянно живущих иностранцев, 2 тысячи временно проживающих иностранцев

---

[29] Там же, с. 328
[30] Там же, с. 328
[31] Там же, с. 329
[32] Там же, с. 329

и 200 тысяч рабов. По-видимому, около 42 тысяч афинян принадлежали к двум высшим классам, 100 тысяч – к среднему классу и 64 тысячи – к низшему классу. Богатство государства и деятельность иностранцев и рабов позволяли гражданам и в мирное, и в военное время посвящать большую часть своего времени государственным делам без особого ущерба для производительности и торгового процветания Афин».[33]

На пике своего развития империя объединяла около 300 государств. Все они платили дань, и Афины могли позволить себе многое. «Восемь месяцев в году жалованье получали команды 60 трирем – около 10 тысяч гребцов, а также 700 афинских должностных лиц и заморские гарнизоны. В Афинах на жалованье состояли 6 тысяч выборных судей, 500 советников, 550 стражников, 700 должностных лиц и постоянная армия из лучников, кавалерии и морских пехотинцев».[34] «Афинские феты и зевгиты имели возможность приобрести хорошие земли за морем как клерухи, а военную амуницию предоставляло им государство».[35] «…афинские граждане не платили прямых налогов государству…»[36]

Перикл ограничил возможности получения гражданства. Сын афинянина и неафинянки больше не имел такого права. Собственно, Перикл и есть, строго говоря, родоначальник идеологии «золотого миллиарда» (применительно к Афинам можно сказать «стошестидесятитысячника»). В США и Западной Европы существуют строгие ограничения на получение гражданства, поскольку этот статус представляет из себя серьезный капитал. Тысячи отчаявшихся африканцев месяцами, а иногда – годами, перебиваются кое-как в прибрежных районах Марокко и Алжира в ожидании оказии, чтобы нелегально переплыть в Европу. Туда, где рай земной. Таков есть и всегда будет вес качественного общественного устройства. Хорошо бы, правда, он не прирастал за счет превращения бедных иноземцев в нищих, а угнетенных в рабов.

Афинский гражданин, особенно обладавший капиталом, и значит, неограниченным количеством свободного времени, даже не будучи никуда избранным, мог целыми днями участвовать в государственных делах. Кроме главного, работали народные собрания при каждом деме и каждой филе. При принятии особо важных решений был установлен нижний предел явки в общегосударственном органе – не менее 6000 человек. Это уже толпа, и чтобы ее убедить, оппонентам приходилось демонстрировать незаурядное ораторское искусство. Часто

[33] Там же, с. 353
[34] Там же, с. 350
[35] Там же, с 350
[36] Там же, с. 350

побеждал не тот, кто прав по существу, а ярче аргументировавший свою позицию.

«…народ на массовых собраниях не только определял политику, но и подвергал испытанию всех должностных лиц, и политик без ораторского искусства не обладал средствами, чтобы убеждать в своей правоте и избежать осуждения».[37] Когда цена речеговоренья столь высока, то оно неизбежно, во-первых, приобретает черты профессионализма, и во-вторых, выходит на рынок услуг.

На ловца и зверь бежит. Школа софистов хоть и выражала себя в ораторском искусстве, но не сводилась к нему. Помимо тонких языковых изысканий (а изучались порядок слов, формальное расположение аргументов, принципы рассуждения, значения смысла и т.д.) последователи Горгия, Тисия, Протагора, Гиппия, Коракса, Исократа и других основателей школы вслед за своими учителями занимались философией, математикой, астрономией, музыкой и т.д., сочетали красноречие и мудрость. Рынок политических услуг потребовал от пришедших на него софистов вульгаризации рассуждений, но отточенный инструментарий бил в цель безошибочно.

«Ораторы занимались тем, что убеждали народное собрание или суд принять их точку зрения. Самыми беззастенчивыми среди них были софисты от политики, способные доказать, что черное – это белое, и продававшие свои таланты любому покровителю…»[38]

Знакомое племя пиарщиков – вредоносных обитателей всех демократий. Нынешние много уступают древнегреческим в фундаментальных знаниях, и компенсируют их отсутствие современными техническими возможностями. Самые продвинутые владеют приемами манипуляции массовым сознанием. Поскольку при прямых и равных выборах абсолютное большинство избирателей лично не знакомо с кандидатами, пиарщики лепят из этих конкретных людей необходимые им образы – ангелоподобные или монструозные. Именно сценаристы компаний внушают людям, что от выбора в день «ч» «зависит все», в результате общество недооценивает жизненно необходимую для него эффективную систему отзыва. В глобальном смысле пиарщики формируют виртуальные миры, не имеющие ничего общего с реальными, и расширяют последние за счет примеси плутовства. Именно придумки оказываются в центре общественного внимания и отвлекают на себя колоссальное количество энергии, времени, средств. В своей управленческой схеме одной из главных задач я себе ставил – исключить какое-либо воздействие платных манипуляторов на государственные дела.

[37] Там же, с. 446
[38] Там же, с. 561

Биполярный заряд

Расхожая до недавнего времени сценка: в автобусе, в трамвае, на лавочке, в очереди пожилые люди обсуждают между собой какую-нибудь ситуацию, и в запале один из собеседников бросает: «Расстрелял бы их, честное слово!»

Теперь представьте, что гневливый гражданин получает возможность не только молоть языком, но решать наряду с себе подобными, кого казнить, а кого миловать. Живи он в Афинах, выплеск его эмоций непосредственно влиял бы на кадровую политику в государстве.

«Народ с подозрением смотрел на высших должностных лиц, и многие из них были казнены, изгнаны или оштрафованы Гелиеей. Народ не знал к ним милости. Каллистрат, обвиненный в измене за то, что «не дал народу наилучший совет», в 361 г. бежал, спасаясь от смерти. Около 355 г. он вернулся как проситель к Алтарю двенадцати богов, но его казнили… Заниматься политикой становилось крайне опасно любому высокому должностному лицу и даже советнику. Негласный принцип «народ никогда не ошибается» означал, что его политика не может быть ошибочной и за любую неудачу ответственна исполнительная власть».[39] Редкий афинский полководец, независимо от его побед или поражений на поле брани, избежал остракизма (изгнания из страны). «… смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою» – это и про них.

Между тем, в V и IV веках до н. э. Афины воевали практически беспрерывно. Мирные периоды не превышали 15 лет, да и тогда проводились многочисленные карательные экспедиции – империю надобно держать в узде. Интересно, что инициаторами войн чаще всего выступали низшие классы афинского гражданского общества, и Периклу приходилось, не всегда успешно, сдерживать их боевой пыл. И хотя именно в мирные периоды Афины необыкновенно расцветали, у бедных была своя, шкурническая, логика. «Так как в военное время феты ничего не платили, а, наоборот, получали плату как гребцы на флоте, война не приносила им никаких убытков; в случае же воссоздания империи они могли оказаться в классе гоплитов, став клерухами. И поскольку феты обычно составляли большинство при демократии, неудивительно, что они столь часто выступали за войну и старались превратить Афинский союз в империю. В 415 г. «огромная толпа и солдаты рассчитывали получить жалованье сейчас и приобрести власть, которая обеспечила бы их доходами навсегда». В 393 г. Аристофан так описывал атмосферу накануне новой авантюры: «Построим флот!»

---

[39] Там же, с.с. 560, 561

(воскликнул оратор); бедные проголосовали «за», богачи и земледельцы – «нет».[40]

Последние тоже руководствовались своими материальными интересами. «В военное время… Три верхних класса должны были платить налог на капитал (eisphora) и служить в армии; самые богатые также выплачивали крупные суммы как триерархи, всадники, в качестве предоплаты налогов и т.д.»[41] И гибли, кстати, чаще, чем весельники. Вот она, настоящая, а не дутая власть народа. Состоятельные классы в моменты испытаний несут на себе основную поклажу. После Афин богатые нигде и никогда больше не взваливали на собственные плечи столь тяжкого бремени. Не оттого ли массовое сознание наполнено иллюзией, будто народная власть по определению справедливей, ответственней, милосердней, чем господство богатых, родовитых, пронырливых. И даже гильотины Великой французской революции не поколебали этого мифа. Между тем, необходимо признать: в реальности правящий народ, ведомый горлопанами, еще более, чем разумная элита, склонен руководствоваться своими сиюминутными интересами в противовес стратегическим целям всего общества. «…во время войны… деньги кончались так же быстро, как накапливались во время мира»,[42] – констатирует Николас Хаммонд. Зато платили, феты получали жалованье.

Но вот чего у Афинской демократии не отнять и что особенно ценно для России: поразительная эффективность бюрократии. Этот опыт достоин большой цитаты. «Демократическая система превосходно годилась для своего предназначения – обеспечить верховенство закона в государстве и верховенство Афин над подчиненными государствами. Благодаря долгому опыту работа демократического правительства была упрощена и усовершенствована. 500 советников, сменявшихся ежегодно и назначавшихся жребием, вели огромное количество дел: подготовка вопросов для рассмотрения в народном собрании; проверка, руководство и предварительная ревизия итогов деятельности всех высших должностных лиц; управление государственными финансами, зданиями, верфями, всеми военными и морскими учреждениями и проведение праздников; отбор граждан на неоплачиваемые должности; назначение и сбор дани, а в военное время – предварительные решения по неотложным вопросам стратегии и дипломатии… 1400 магистратов в самих Афинах и за пределами Аттики, в большинстве своем сменяющиеся ежегодно и назначаемые жребием, выполняли административные обязанности в самых различных областях… 6 тысяч гелиастов, отбиравшихся жребием и не-

[40] Там же, с. 560
[41] Там же, с. 559
[42] Там же, с.с. 559, 560

редко заседавших в суде целый год, разбирали разнообразные дела как афинян, так и союзников. Таким образом, граждане получали опыт государственного управления и судопроизводства – ничего подобного мы не найдем ни в древнем, ни в современном государстве. Более того, этот опыт распространялся во всех классах гражданского сообщества благодаря использованию жребия, ротации должностей и отсутствию имущественных цензов на все должности, кроме нескольких высших магистратур.

Именно этот накопленный опыт позволял народному собранию осуществлять компетентный контроль над всеми государственными органами и дома, и в заморских территориях, во время войны и во время мира… Члены народного собрания обычно занимали должности советников, гелиастов или магистратов и служили в заморских территориях магистратами, солдатами или моряками. Они были хорошо осведомлены о состоянии дел и знали своих вождей. Доказательством их политической прозорливости был уровень мощи и процветания, которого достигли Афины к 431 г.»[43] Вот пример, когда власть – не закрытая корпорация барствующих чиновников, а открытое сообщество эффективных, по нынешнему говоря, менеджеров. Именно такая остро необходима сегодняшней России. Она может произрасти только из участия и энергии населения. Нивелировать «эффект толпы», ее стадный эгоизм, жестокость, импульсивность, но выпростать из-под спуда народные созидательные порывы, склонность к справедливости, порядку – и мы получим мощный, ни с чем не сравнимый источник развития.

Антично чистая Русь

В декабре 1569 года опричное войско выступает в поход на Новгород. Тысячи людей были убиты уже по дороге, в Твери, Клину и Вышнем Волочке. Убиты они были только потому, что авангарду Григория Зюзина было приказано убивать впереди войска все живое: новгородцев надлежало застать врасплох.

К Новгороду войска приблизились в начале января. Авангард, опередивший царя на несколько дней, заботливо опечатал казну церквей и монастырей, богатые лавки и дома. Вскоре в город вступил Иоанн, встреченный по существующему протоколу местным епископом. Иоанн отказался подходить к кресту…, но не побрезговал пиром, приготовленным в епископском дворце. Наевшись и отдохнув с дороги, царь издал погромный клич: «Гойда!» Опричники поскакали с мест и кинулись убивать. Историки до сих пор спорят о числе погибших новгородцев. Приведем лишь одну безусловную цифру:

---

[43] Там же, с. 354

погром продолжался шесть недель. Кромешники раздирали лошадьми мужчин и женщин, насиловали девушек, спускали под лед грудных младенцев… Один только опричник Генрих Штаден похвалялся, что воротился в Москву с 22 возами добра. Если такова добыча рядового кромешника, сколько же получил Иоанн?

Особенно прицельно грабили богатые новгородские храмы. Дабы священники и монахи не могли чего-либо утаить, их ставили «на правеж» – били палками до признаний об утаенном. Почти всех забили до смерти».[44]

«Иван Грозный со своим полутатарским войском окружил Новгород и шесть недель методично грабил и убивал всех подряд. Костомаров так описывает картины этого садизма (хотя де Саду такое и не снилось): «пытали, мучили, жгли и убивали, жен и детей бросали с моста в Волхов. Приближенные царя ездили в лодках и копьями или рогатинами подхватывали выплывавших людей и снова бросали их в воду. Обагрились воды Волхова кровью мучеников, и протекшие с тех пор столетия не очистили их. Народное предание до сих пор считает красноватый оттенок воды в Волхове у Новгорода следствием лютых казней Ивана Грозного.

Это был настоящий акт геноцида, направленный против своих же соплеменников и единоверцев. Тогда погибло не менее 60 тысяч человек, многие новгородцы были насильственно переселены в Московию и лишены всяких гражданских прав, а их дома заняли холопы московского царя»[45]

«Вершиной безумия становится учиненный царем разгром Великого Новгорода в январе 1570 года. Сначала царем и опричниками была вырезана почти вся местная элита, включая женщин и детей. Не избежало расправы и духовенство. Затем в городе начался настоящий погром. По словам известного историка Р.Г. Скрынникова, опричники «произвели форменное нападение на город. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенных для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь

[44] Е. Чудинова «Роковая фигура русской истории», ж. «Эксперт», 2008 г., № 1
[45] В. Штепа «Rutопия», Екб., 2004 г., № 1

велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода»[46]

Вот так сумасшедший сатана, Иван Грозный, одним махом закончил «собирание русских земель», за что некоторые деятели РПЦ хотят сегодня причислить его к лику святых, а благодарные потомки посредством телефонных звонков вводят в число 20 соискателей на звание «Имя России», дурацкого, но показательного телепроекта.

«Петербургский историк Руслан Скрынников в книге «Трагедия Новгорода» утверждает: «Экспроприация всех новгородских домовладений доказывала, что речь идет не об объединении с Москвой, а о жестоком завоевании, сопровождавшемся разрушением всего традиционного строя общества. Насилие над Новгородом заложило фундамент будущей империи России, стало поворотным пунктом в развитии ее политической культуры. Демократические тенденции потерпели крушение, уступив место самодержавным». Вместо сетевой, многополярной структуры княжеств Москва установила небывалое прежде жесткое деление на «центр» и «провинцию»… Раньше на Руси вообще не было такого римско-имперского понятия, как «провинция». Каждый город – Новгород, Киев, Тверь, Рязань и т.д. – был культурно уникальным и политически самостоятельным. Но на их «провинциализации» московская политика не остановилась – … превратила их вообще в колонии. Если метрополии западных империй жили за счет заморских, чужеземных, инородных колоний, то Москва и здесь пошла «самобытным» путем, превратив в свои (и татарские) колонии все славянские города и земли».[47] Последнее обстоятельство сегодня прослеживается явственней, чем когда-либо в российской истории.

Державная Москва еще не раз будет выжигать память о Великом Новгороде каленым словом, окружать молчанием, изничтожать едкой насмешкой порядки «Русских Афин». Даже самые известные наши историки В. Ключевский и С. Соловьев напирают на изъяны в вечевом правлении, практически не обнаруживая в нем достоинств.

«Алексей Широпаев… развенчивает укоренившуюся… пропаганду: «Православно-монархические и советско-державные историки пытаются представить Новгородскую республику как шаткое, склочное и эгоистичное образование, короче, как сплошной бардак. Однако этот бардак, породивший жемчужины русской и вообще европейской культуры, просуществовал как минимум шесть веков. Для сравнения укажем, что вся история московского самодержавия, если считать от Ивана III до Петра Великого, составляет чуть более двух столетий,

---

[46] Б. Кагарлицкий «Периферийная империя», М., 2003 г., с. 151
[47] В. Штепа «Rutопия», Екб., 2004 г., с. 246

полных и смут, и мятежей. Даже если добавить к ним два петербургских столетия…, получается, в общем, четыре века».[48]

«Новгород, в отличие от Киева, не говоря уже о Москве, обладал развитой гражданской демократией. И этим, в сущности, повторял устройство эллинских полисов и скандинавских тингов (о последних ничего дополнительно я сообщить не могу – не знаю – прим. О.Б.). Суверенная Новгородская республика являлась не каким-то «отклонением» от магистрального развития Русского государства, как это пытаются представить московские евразийцы, но хранителем наиболее чистых русских – и шире – североевропейских и античных традиций…

Интересно, что вплоть до начала XVI (!) века на европейских картах столицей Руси обозначалась не Москва, а Новгород. Альмаро Кампонезе, представлявший итальянское посольство на Руси, называл Новгород «знаменитейшим из всех северных городов, даже более обширным, чем Рим».[49]

«…Киев и Новгород, бесспорно, принадлежали к числу самых блестящих городов тогдашней Европы. Не только по своим размерам, но и по уровню благоустройства. В Новгороде имелись деревянные мостовые, что резко отличало его от большинства западных городов. По свидетельству археологов, древнейшие уличные настилы датированы 953 годом, самые поздние – серединой XV века».[50]

Те же археологи, опираясь на последние находки, утверждают: даже новгородские женщины знали счет и письмо.

За вечевой завесой

Система власти в Великом Новгороде очень напоминала афинскую времен Клисфена. В самом низу, там, где у греков располагались демы, у русских находились улицы. «… каждая со своим выборным улицким старостой составляла… особый местный мир, пользовавшийся самоуправлением».[51] Улицы складывались в сотни. «В военное время это был рекрутский округ, в мирное – полицейский».[52] Каждая сотня выбирала сотского, имела свое вече и также осуществляла функции самоуправления. Две сотни образовывали городской конец. Концов насчитывалось пять. Руководили каждым из них кончанский староста вместе с кончанской управой, коллегией знатных обывателей. Они представляли из себя исполнительную власть, а распорядительным органом выступало кончанс-

---

48 Там же, с.с. 249, 250
49 Там же, с. 244
50 Б. Кагарлицкий «Периферийная империя», М., 2003 г., с. 65
51 В. Ключевский С.с., т. 2, 1988 г., с. 63
52 Там же, с. 63

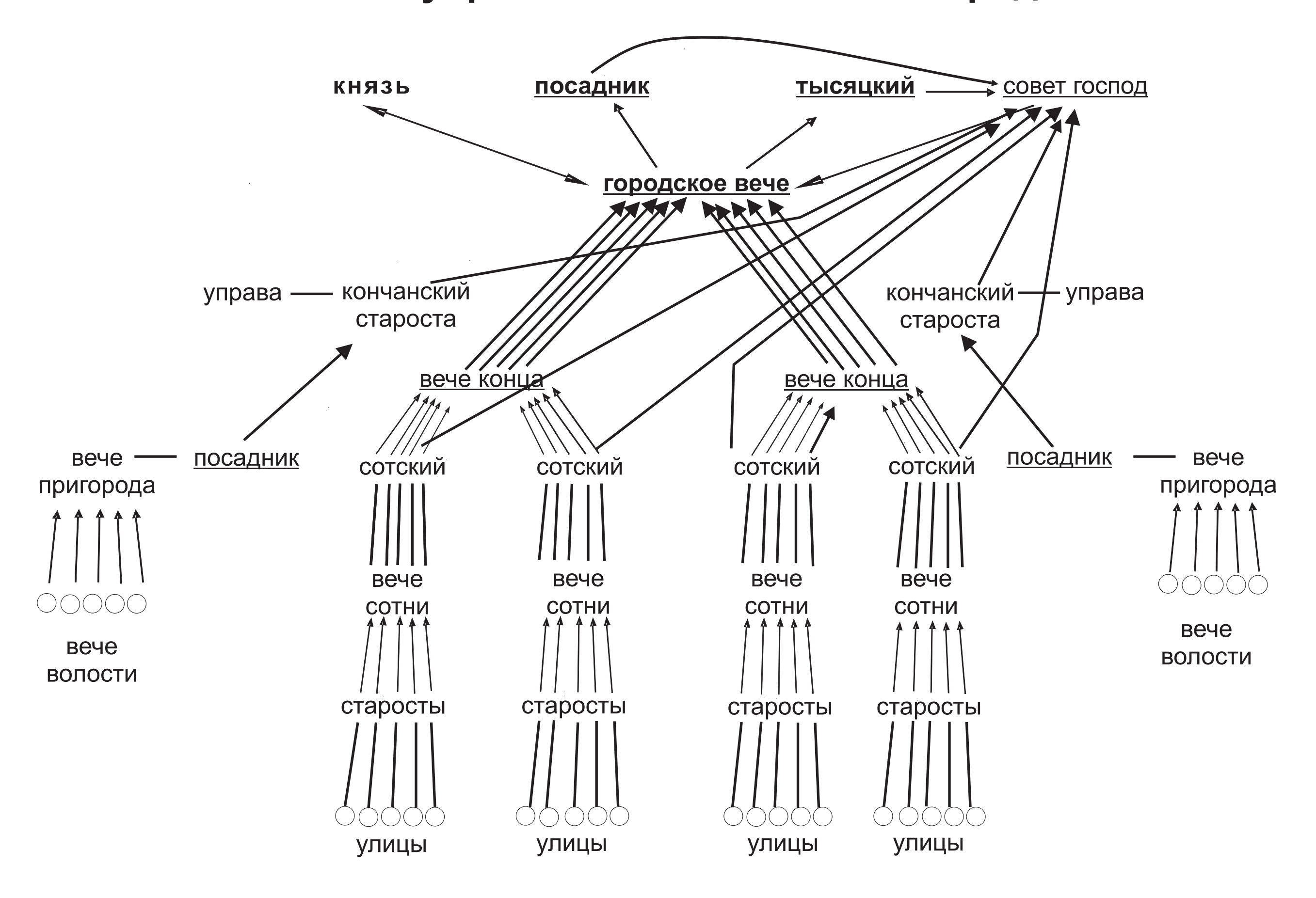
кое вече. На городские концы падало управление обширными землями св. Софии. Территория Новгородской республики была огромна. Достаточно сказать, что на Севере она достигала Белого моря, а на Востоке – Югры, нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Вся Новгородская земля делилась на пять частей, пятин, они «в виде расширяющихся радиальных полос бежали в разные стороны»[53] от главного города. Пятины бились на пригороды, а те – на волости. В них были свои вече. Правда, пригородным сходом руководил посадник, присылаемый из Новгорода. Своего административного центра пятины не имели. Пригороды объединял выход непосредственно на городские концы Новгорода. Союз концов и представлял из себя общину республиканской, или, можно сказать, русской столицы.

В городском вече мог участвовать всякий новгородец и жители пригородов с жалобой или по приглашению. Это собрание выбирало гражданского правителя Новгорода посадника, и военного – тысяцкого, а также договаривалось с князем, бывшим высшей правительственной и судебной фигурой, осуществлявшей, однако, свои полномочия обязательно вместе с посадником. В развитой новгородской управленческой системе князь видится довеском, с трудом приспособляемым для общих нужд. Он и жил за городской чертой, в своем поместье на Городище. Не всякий князь, несмотря на материальные блага, сносил свое стесненное положение. Ключевский пишет: «Один князь в XII веке сказал другому, позванному править на Волхове: «Не хлопочи о Новгороде, пусть управляются сами, как умеют, и ищут себе князя, где хотят».[54] В 1196 году князья дали республике свободу «…где им любо, ту собе князя поимают», берут князя из какой им угодно княжеской линии».[55] Что же совсем не отказывались от приглашения? Строго следовали старине, традиции: как же без князя, раз он был еще при отцах и дедах. Народное сознание вообще отличается консерватизмом, на новые ворота смотрит подобно быку.

Гораздо более важной институцией, чем князь или даже городское вече, в системе власти представляется Совет господ. Председательствовал в нем владыка, в его палатах и собирался. Отчасти он напоминал афинский Ареопаг. Наряду со степенными, в сей момент правящими, посадником, тысяцким, кончанскими старостами и сотскими, в нем заседали старые, бывшие посадники и тысяцкие. Все вместе они именовались боярами. По роду своей деятельности Господа напоминала сословный клисфеновский Совет пятисот. Вече, как и афинское народное собрание, в сущности – толпа. «По

[53] Там же, с. 54
[54] Там же, с. 58
[55] Там же, с. 58

Схема управления Великого Новгорода

характеру своему вече не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, а тем менее возбуждать их, иметь законодательный почин; оно могло только отвечать на поставленный вопрос, отвечать простым «да» или «нет». Нужно было особое учреждение, которое предварительно разрабатывало бы законодательные вопросы и предлагало вечу готовые проекты законов или решений. Таким подготовительным и распорядительным учреждением был новгородский «совет господ».[56]

Городская элита представляла из себя достаточно узкий круг, насчитывала всего несколько семей. «Усвоив себе звание бояр на княжеской службе, местная правительственная знать удержала его и после, когда стала получать свои правительственные полномочия не от князя, а от местного веча».[57] Именно из этого круга новгородцы выбирали высших должностных лиц. Василий Ключевский рассказывает, что в XIII веке 15 человек становились посадниками, причем десять из них принадлежали всего к двум боярским семействам – Михалки Степанича и Мирошки Нездинича. Можно предположить, что знать удержала свое верховное положение, опираясь опять же на присущую народным массам приверженность традициям, старине. С незапамятных времен повелось, что посадника и тысяцкого выбирали из бояр, пусть и дальше так будет. Негласные правила в различных сообществах исполняются зачастую гораздо четче, чем официальные, и гораздо жестче оглашенных влияют на жизнь людей. Например, заведшаяся в Советской Армии в 60-х года прошлого века дедовщина перекинулась и на Российскую, и примерно за сорок лет своего существования подорвала боеспособность и той, и другой никак не меньше, чем вполовину. Все эти теневые системы отношений можно разрушить одним способом – не создавать вокруг них зону молчания, а вытаскивать на свет божий, обсуждать, наказывать беспредельщиков, иными словами, официально признавать проблему.

Негласные правила не обязательно плохи – именно они помогают соблюдать многие моральные нормы. Вот и новгородцы, скорее всего, не видели ничего предосудительного, что доверяют город исключительно боярам, ведь именно они представлялись им самыми достойными гражданами, хранителями старины. Между тем, элитные семейства накапливали богатства, становились крупнейшими землевладельцами, ростовщиками, и при выработке решений свои имущественные интересы нередко ставили вперед общественных, чем вызывали учащавшееся недовольство жителей города. Но негласная выборная норма оставалась неколебимой.

---

[56] Там же, с. 68
[57] Там же, с. 74

Стул на восьми ножках

Искателям язв новгородского правления, от В. Ключевского до Б. Кагарлицкого, повседневная жизнь русской столицы представляется излишне анархичной, безалаберной, громкоголосой, даже хаотичной. «Можно было бы предполагать, что больший политический простор позволял новгородскому вечу сложиться в более выработанные формы. Однако в рассказах древней новгородской летописи вече благодаря этому простору является только более шумным и произвольным, чем где-либо».[58] Но не превалируют ли в такой оценке уважаемого Василия Осиповича читательские впечатления от разбора старых книг над объективизмом историка? Подобные сомнения навевают некоторые факты, предоставленные самим В. О. Ключевским. Вот он говорит: «С татарского нашествия до вступления Ивана III на великокняжеский стол в местной летописи описано более 20 смут».[59] За какой же промежуток времени произошло 20 волнений? Татарское нашествие обозначено в истории 1240 годом, восшествие Ивана III – 1462. Одно из описанных Ключевским волнений продолжалось 4 дня, пока враждующие стороны ни примирил владыка. Надо полагать, Василий Осипович выбрал характерный пример. Примем по максимуму, что каждая из смут продолжалась неделю (хотя некоторые, полагаю, длились 1, 2 дня). Не знаю, сколько будет «более 20», ну, допустим, 22. Подобьем итог нашим арифметическим изысканиям: за 220 лет только 5 с половиной месяцев новгородцы били друг другу морды на вече, Торговая и Софийская сторона сходились в массовой драке на волховском мосту, бедные жгли дома богатых, и наоборот. Покажите мне в истории более спокойную страну! В тех же Афинах подвергшиеся остракизму богачи то и дело собирали отряды наемников и устраивали осаду родного города. Вдобавок внешние враги досаждали. А Великий Новгород не подвергся татаро-монгольскому нападению, ордынцы ушли на Запад топить в крови Венгрию и ломать рога немецким рыцарям. Южные русские князья тоже на Волхов не совались, разбирались между собой, пока «собирательница» Москва не нагуляла силушку на объедках с татарского стола. От притязаний Литвы, от тевтонских рыцарей со временем Новгород взялся защищать его «младший брат» – Псков. Да и как бы город на Волхове превратился в крупнейший торговый центр, кто бы в него поехал, если бы местные жители целыми днями носились друг за другом с расквашенными носами?

Но, может быть, не все смуты нашли отражение в летописях? Это вряд ли. Каждая усобица взрывала ход повседневной жизни, ста-

[58] Там же, с. 64
[59] Там же, с. 83

новилась пусть страшным, тревожным, неприятным, но ярким событием, обсуждавшимся потом годами. И летописцы, переполненные впечатлениями, не жалели страниц под их описание. «Древняя новгородская летопись, сухая и тусклая по изложению, не скупится на краски и описание «усобных ратей» в родном городе и наглядно изображает, как разыгрывалась на площади внутренняя нескладица новгородской политической жизни»,[60] – сообщает В. О. Ключевский. Благодаря такому наполнению старых рукописей исключительные, из ряда вон выходящие события воспринимаются в качестве основного содержания новгородской жизни. Странно, что В. Ключевский, опытнейший исследователь, попался на эту невольную уловку. Может быть, просто сам хотел попасться, чтобы сохранить стройность исторической концепции, где Новгород – не столица Руси, а рядовое княжество с придурочной вольницей, естественным образом приструненное прогрессивной Москвой, вроде собачьей головы у опричных седел.

Если вернуться к формальным терминам, то систему власти в Великом Новгороде можно определить как ограниченную узкую аристократию, по аналогии, допустим, с ограниченной монархией. На самом деле управлял республикой Совет господ, состоящий из бояр. Но, как и в клисфеновских Афинах, демократическая составляющая в Новгороде очень велика, причем, там, где она наиболее эффективна – в местных мирах улицы и сотни. Видимо, люди неплохо взаимодействовали друг с другом, раз Новгород считался самым благоустроенным городом в Европе. Жизнь человека в основном протекает в своем доме, на своей улице, в своем районе. Если ему приятно находиться в этой среде, то большая политика отступает на периферию сознания. Вдобавок успешно действующие местные миры становятся устойчивой, как стул на восьми ножках, опорой любой управленческой системы, допускающей, а еще лучше – стимулирующей их существование.

Опыт взаимодействия друг с другом людям пригождался и в трудовых отношениях. Кроме холопов и смердов, завелась в новгородских землях еще одна категория крестьян – земцы. «Этого класса мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях».[61]

Земцы же сами владели землей и сами на ней трудились. Типа фермеров. Причем прибегали к разнообразным формам кооперации. «Чаще всего своеземцы сидят гнездами, землевладельческими товариществами, связанными родством или договором… Встречаем одно

[60] Там же, с. 85
[61] Там же, с. 77

имение, в котором пашни было всего 84 десятины и которое принадлежало 13 совладельцам».[62]

Отвычка от войн

Нам, привыкшим жить в милитаризованной стране, грозящей всем сторонам света танками и ракетами, почти невозможно представить, что Русь начиналась как на редкость мирное государство, и в таком виде осталась, пожалуй, самым успешным в отечественной истории образованием. От прародительниц Афин новгородцы переняли почти все, кроме агрессивности. Мягкость, даже добродушие их политики поражает. Запросили псковичи самостоятельности – неприятно, конечно, посерчал Господин Великий Новгород, но ведь отпустил, не доводя до войны. Вятка потребовала автономии – не возражал. Но никто не рвал пуповину совсем, поддерживая со столицей самые тесные деловые и духовные связи. Это Афинам приходилось насильно навязывать демократию в завоеванных полисах. Десятки городов, в том числе Псков и Вятка, дотошно воспроизводили у себя новгородское вечевое устройство, делая отступ лишь в деталях. Получается, находили его лучшим из всех существующих. Более того, вечевая демократия существовала в русских западных княжествах, среди них – в Киевском, оказавшихся под властью литовско-польского союза. Потеряв пригороды, теснимая сословным устройством, насаждавшимся властью, испытанная управленческая система стояла там до последнего, и только в середине XV века была заменена в городах магдебургским правом. Новгород никого не «собирал», потому что от него никто не бежал. Он «держал пространство» за счет высокого авторитета применяемых им общественных технологий.

Говоря о причинах ухода республики с исторической сцены в широком смысле, Борис Кагарлицкий приводит рискованное сравнение: «Новгород XIV-XV века похож на Венецию XVI века. Он все еще богатеет, но перспектив торговой экспансии у него нет. Он развивается «лицом к морю» и «спиной к стране». Расцвет искусства, строительство новых храмов и теремов скрывают упадок государства. Именно потому новгородцы становятся «изнеженными». Не татарское иго, а упадок средиземноморской торговли сыграл роковую роль в истории России. Причины упадка Новгорода и Венеции не просто схожи, а едины».[63]

Весь этот перл полон логических нестыковок и туманных допущений. Нет ни одного доказательства упадка новгородской государственности. Те, что приведены Кагарлицким, из разряда авторских фантазий. «…показательно, что в XV веке, когда Москва покончила

62 Там же, с 78
63 Б. Кагарлицкий «Периферийная империя», М., 2004 г., с. 117

с демократическими свободами новгородцев, большинство граждан города не слишком сопротивлялось».[64] Большинство – не большинство, слишком – не слишком, а 40 тысяч жителей столицы в 1471 году вышли в поле сражаться за республику, за Русь против татарской «шестерки» Москвы. Другой разговор, что были жестоко биты и, получается, сегодня их можно не замечать.

И как умудрились новгородцы изнежиться, строя храмы и терема при государственном развале?

Параллели с Венецией вообще забавны. Итальянский город пострадал от смещения торговых путей на европейский Северо-Запад в XVI веке, а Новгород, по Кагарлицкому, от того же самого, но столетием раньше. Если пути начали свой дрейф в XV веке, то отчего Венеция еще десятки лет купалась в роскоши?

Может быть, Новгород и становился лицом к морю, да все равно того было не видать. А уж повернуться спиной к стране, то есть к самому себе, и вовсе затруднительно. Я вот попробовал – не получается.

Похоже, автор спешит по укорененной московской привычке побыстрее отделаться от Новгорода как от досадного «неформата», чтобы скорей перейти к изложению своей исторической концепции, емко сформулированной в названии его книги – «Периферийная империя».

Хотя трудно отрицать, что некоторая «изнеженность» у правителей и простых граждан республики наблюдалась, но, как ей и положено, не по причине мнимого государственного упадка, а от некоторой безмятежности существования.

Начиная с XIV века, кроме небольших стычек на западных границах, Новгород в военном деле вообще не упражнялся и растерял навык. Роковая, смертельная, но такая симпатичная неосмотрительность. Южные «волчары» наказали за нее по полной программе. «В походе 1456 г. 200 москвичей под Русой наголову разбили 5 тысяч новгородских конных ратников, совсем не умевших биться оным строем».[65]

Влияние новгородских начал на российское самодержавное устройство в виде полномочной боярской думы и Земских соборов прослеживается вплоть до правления Петра 1. Об этом вкратце упомянуто во второй главе, и развивать тему я не буду.

Угол в памяти потомков

Даже в разгар благополучного «развитого социализма» время от времени жители Кунгура в разговорах друг с другом в сердцах бросали: «Что купцы построили, тем до сих пор и пользу-

[64] Там же, с. 116
[65] В. Ключевский С. с., т. 2., М., 1988 г., с. 96

емся». По молодости лет я не задумывался над содержанием сетований, но в памяти они отложились.

А тут задался вопросом: «Почему расчетливые капиталисты не жалели тысяч весомых, еще царских рублей на социальные объекты города, в то время, как официальная власть пальцем о палец не ударяла? Что за такая муха благотворительности их укусила?»

Стал смотреть, когда многочисленные учреждения в новых зданиях начали действовать? Первое на Урале техническое училище (сейчас в этом доме расположен автотранспортный колледж) и механические мастерские при нем (позже на их базе создан машзавод, выпускавший турбобуры; сейчас еще работает, но со скрипом) – дар Губкина – в 1877 году. Примерно в то же время приют для мальчиков (ныне – школа №2), Елизаветинская рукодельная школа (педучилище). В 1881 году – Зыряновская богадельня (городская больница, в народе именуемая «Красной»). Все сооружения каменные, прочные, «на века», запоминающиеся по архитектуре. Обратите внимание на направление, выбранное для вложений – в основном в детей, в образование, в будущее. Возведены здания буквально в какие-то десять лет. Ни до, ни после местная знать не баловала кунгуряков столь многочисленными и щедрыми подарками.

Мне стало все ясно: благотворительный порыв – результат введения земств. Их краткий возврат после отмены крепостного права стал чуть ли не единственным «лучом света» в те триста с лишним лет, что Россия практикует «петровскую модель» общественного устройства.

Указом Александра II от 1 января 1864 года было введено «Положение о губерниях и земских учреждениях». «Согласно этому положению в уездах и губерниях страны создавались выборные органы местного самоуправления – земства. В их задачу входило руководство хозяйственными делами: строительство и содержание местных дорог, школ, больниц, богаделен, организация продовольственной помощи населению в неурожайные годы, агрономические услуги, сбор статистических сведений и т.д. Для выполнения этих задач земства получили право облагать население специальным налогом.

Распорядительными органами земства были губернские и уездные земские собрания – заседания земских гласных, проходившие раз в год, утверждавшие сметы, земские налоги. Из своей среды они избирали исполнительные органы – земские управы.

Земства были всесловными органами, но выборы в них проводились на основе имущественного ценза. Создавались три избирательных съезда: землевладельцев, независимо от сословий имевших 200–800 десятин земли; городских собственников, владельцев недвижимости; крестьянских представителей, избираемых на волостных

сходах. Такая система обеспечивала преобладание в земствах помещиков. В 1865–1867 гг. дворяне составляли 42 % губернских депутатов».[66] Добавлю – председателями собраний как правило становились предводители местного дворянства.

«На аналогичных принципах в 1870 г. была проведена городская реформа. Городские думы и управы занимались вопросами благоустройства, ведали школами, больницами, благотворительными учреждениями. Выборы в городские думы проводились по трем избирательным съездам (мелких, крупных и средних налогоплательщиков). Рабочие, не платившие налогов, в выборах не участвовали. Подавляющее большинство населения городов (в Москве и Петербурге 95 %) не имело избирательных прав. Дума избирала из своей среды исполнительный орган – городскую управу и городского голову».[67]

Теперь попробуем представить ход мыслей купца Иванова, ставшего депутатом земского собрания: «Смотри-ка, Петрова с Сидоровым не выбрали, а меня – будьте любезны. Кузнецов вчера с уважением, раскланялся». Потом Иванов проходит еще и в управу, в ней вообще только три человека – председатель да два члена. «Надо как-то оправдать, – думает он. – Эх, времени мало, всего три года (на такой срок избирались собрания и управы), пока налоги соберутся, пока то-се. Нет, надо заявиться по-крупному. А построю-ка я школу на свои деньги». И раскланивается с Ивановым уже не только Кузнецов, но и всегда надменный Галкин, и заносчивая Марфа Поликарповна. И глядя на ивановское торжество, другой купец, Николаев, объявляет, что и он жалует свои деньги на строительство – допустим, больницы.

Благотворительность становится престижной. Благодаря ей можно поднять свой авторитет среди «братьев по классу», купцов, промышленников, помещиков, а это тоже капитал, причем, не только моральный. С уважаемым человеком и сделку приятно заключать, лучик от его ореола падает и на тебя. В общем, на основе земств начала формироваться ответственная элита, столь непохожая на нынешнюю, мечтающую об одном – «сесть на бюджет», пощипать государственные деньги.

Кто бы их помнил, этих богачей, со всеми их балами, тучными обедами, роскошными каретами и особняками, не предоставь им история возможность послужить общественному благу. Получается, вкладывались они одновременно в жутко дефицитную вещь – арендовали угол в коротюсенькой памяти потомков. Примерно год назад в Кунгуре купцу Губкину открыли памятник.

---

[66] «Россия и мир» Курс лекций под ред. Л. Мартюшова, М. Попова, Екб., 1999 г., с. 109
[67] Там же. с. 110

Эффективность мечтаний

Александр Солженицын в работе «Как нам обустроить Россию?» замечает: «С конца прошлого века росла и проделала немалый путь еще одна форма его (самоуправления – прим. О. Б.) – земство, к сожалению, только уездное и губернское, без корня волостного земства и без обвершения всероссийским».[68]

В нашей истории существуют забытые большинством роковые точки, мистические стыки, кажущиеся сцеплением случайностей, не позволяющие однако стране прервать бессмысленное хождение бюрократическими кругами.

1 марта 1881 года Александр II ехал обсуждать проект реформы политической системы, подготовленный министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым. Документ предусматривал создание при царе особого законосовещательного органа, включающего представителей земств, городских дум, дворянских собраний. Государь склонялся к тому, чтобы подписать бумаги. Земства, и шире – самоуправленческие элементы в обществе, должны были получить «всероссийское обвершение». Но на пути следования царской кареты вырос бомбист Гриневицкий. Убил Александра II он, конечно же, ради спасения народа.

Земства с самого начала имели ограниченную распорядительную власть. Губернатор мог приостановить любое постановление самоуправленческих органов. Александр III использовал давление государственной вертикали на полную катушку. В 1889 году он ввел институт земских участковых начальников. Каждый уезд разделили на участки. Назначенные министром внутренних дел начальники, обычно из местных помещиков, получили право смещать и ставить должностных лиц крестьянской администрации, штрафовать и арестовывать крестьян. В 1890 г. вышло новое постановление о губернских и уездных земских учреждениях. Теперь волостные и сельские сходы выбирали не представителей в земства, а только кандидатов на эти места. Из них губернатор, подобно пифии в Афинах, только, сдается, с меньшим упованием на Бога и с большим – на весьма приземленные соображения, назначал гласных. Дворяне получили дополнительные льготы: для них имущественный ценз был понижен, для остальных – повышен. В истории эти шаги получили название «земской констрреформы».

Но разбуженные, идущие из глубин народной жизни, силы не унимались. Во время коронации Николая II земские деятели предъявили царю ряд требований. Новоиспеченный государь ответил не-

[68] А. Солженицын «Как нам обустроить Россию?» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004г., с.404

медленно, назвав в своей речи предложения земцев «бессмысленными мечтаниями».

«В 1899 С. Ю. Витте ложно-доказательным рассуждением, что самодержавие якобы несовместимо с широким местным самоуправлением, удержал Николая Второго от расширения прав земств. (Вскоре вослед Л. Тихомиров, народоволец, ставший монархистом, опроверг это рассуждение, но не был услышан)».[69]

Почти лишенные источников финансирования, на одних здоровых основаниях земства дотянули до 1917 года, до революции. Большевистская власть как истинно и единственно народная, конечно же, похоронила самоуправление и постаралась не оставить о нем никаких воспоминаний. И нынешняя верхушка наращивает слои забвения. Со смертью Александра Исаевича Солженицына эта задача видится какой-то совсем легкой. Я, например, был поражен, что в том же пресловутом телепроекте «Имя России» при обсуждении в студии деяний Александра II ни один из выступавших (а высказывались все, кто сидел в экране) о земствах даже не упомянул!

Между тем, самоуправленческие структуры при скромном финансировании, сжатые вертикалью, как тисками, обрубленные снизу и сверху продемонстрировали фантастическую эффективность. «Россия покрылась сетью земских школ, больниц. Уже к 1880 году на селе было открыто 12 тыс. земских школ, что составляло половину всех школ в стране».[70] В какие-то пятнадцать лет сделан ошеломительный рывок в образовании. Затоптав земства, «петровская модель» управления пришла к 1917 году с населением, в котором грамотных было меньше 20 процентов. С какой легкостью пиарщик Ленин с помощью простых и угоднических лозунгов стащил в бездну темные массы!

Земские врачи вошли в каждую деревенскую избу, героически, жертвуя собой, противостояли эпидемиям. Их повседневное одушевление резко контрастирует с атмосферой в сегодняшней системе здравоохранения, несущей отметины даже некоторой озверелости по отношению к больным. «Есть в Рихтере и Аверинцеве земских врачей черты», – написал поэт Андрей Вознесенский, видя последних как образец человеческой породы. Их усилия дали поразительный результат. Мы склонны романтизировать и даже поэтизировать проступающий сквозь историческую дымку мир дворянских усадеб. Пушкин в Михайловском, Бедная Лиза… Но в первой половине Х1Х века только половина родившихся в России доживала до 17 лет. Земские врачи полностью переворачивают ситуацию. «В конце Х1Х – начале ХХ в. в. темпы роста численности населения России были выше, чем в любой другой период ее истории. Если в 1858 г. численность населения

[69] Там же, с. 408
[70] «Россия и мир». Курс лекций под ред. Л. Мартюшова, М. Попова, Екб., 1999 г., с. 109

составляла 74 млн. человек, то в 1897 г. уже 129 млн., а в 1916 г. – 151 млн. – во многом это результат создания системы доступного медицинского обслуживания сельского населения, резкого сокращения детской смертности».[71] Если бы земства не обеспечили, грубо говоря, запаса людей, то «петровской модели» просто некого было бы бросать в топку революций, коллективизаций, гонений, войн, перестроек. Игралась бы сама с собой. До какой унылости надо довести нацию, до какой ничтожной эффективности всю систему здравоохранения, чтобы при современных медицинских технологиях народ стремительно вымирал, не смотря на разрекламированный «материнский капитал».

История не терпит сослагательного наклонения, кто бы спорил. Но никто не может запретить немного пофантазировать. Допустим, Гриневицкий промахнулся (с террористами такое случалось – и нередко), самоуправленческая власть получила доступ к царскому уху. Мальчики и девочки «со взором горящим» выбираются, пусть не все, из подполья, поскольку появился канал, позволяющий влиять на самодержца. Держимордовская вертикаль мягчеет, больше обращается к народным нуждам и меньше ввязывается в кровавые авантюры, например, не лезет в европейские разборки, предоставляя южным славянам право самим расхлебывать месиво войны, раз уж им так невтерпеж убивать эрцгерцогов. Столыпину не приходится спешно ломать через колено сельские общины, поскольку к тому времени они эволюционно доросли под направляющим воздействием самоуправления до крупных товарных предприятий, использующих различные формы кооперации, известные еще новгородским земцам. Проходит 1917 год, и ничего не случается, поскольку Парвусу и немецкому правительству нет никакого резона бросать свои деньги на организацию бунта в стабильной и мирной стране, они же не безголовые транжиры. Ленин, как и хотел, перебирается из Швейцарии в Соединенные Штаты доживать свои сроки пламенным, но постепенно затухающим революционером. Чертов Гриневицкий!

«В дымке золота, как пыльца»

Бегло оглядев прошедшие времена, особенно прошумевшие над Россией, необходимо признать: народу на отведенных ему просторах жилось гораздо лучше, когда он имел возможность воздействовать на власть и проявлять созидательную инициативу. Именно он, а не верховные правители, довел страну до самых больших на планете размеров и не дал ей окончательно пропасть, несмот-

[71] Там же, с. 109

ря на то и дело плутавших в трех соснах и попадавших в капканы обстоятельств вождей.

Александр Солженицын в разных аудиториях, но всегда с большим чувством говорил о выходе из Смутного времени. «…когда у нас перемежались самозванцы, бояре сбежали – кто к самозванцам, кто к полякам, царей не осталось, поляки пришли, заняли Москву, Россия была абсолютно обезглавлена и по ней шел хаос и разбой, – в России нашлись оздоровляющие, самоспасительные силы. В это время отдельные поселки, отдельные маленькие городишки стали слать гонцов друг к другу, сносились, объединялись, начали создавать движение спасения России, создали ополчение, нашли для него деньги, нашли полководца… И освободили Россию, и установили настоящее крепкое государство. Мы сделали это сами. В это время и первые цари наши – Михаил Федорович, Алексей Михайлович – о-о-о, как они считались с Земскими соборами. Земские соборы влияли, влияли решительно на всю государственную политику. И когда Земский собор предлагал решение – часто единогласное – царь не имел права его не принять. Просто принимал, и все. А если было два-три мнения…, то царь выбирал из них и аргументировал, почему он выбрал это, а не другое решение. Вот такова была наша Россия».[72]

Три четверти нынешней территории страны, все земли, лежащие за Уралом, подвели под царскую руку казаки, воспитанные в традициях самоуправления, поморы, новгородцы, устюжане, выходцы из земель, не знавших крепостного права. Они пускались в поход за счастьем, на поиск града Китежа и Беловодья, олицетворявших земной рай. Поражаешься, читая, допустим, жизнеописание Семена Дежнева, как первопроходцы меряли тысячи километров, от Якутска до Яны, от Индигирки до Колымы, переваливая неслабые Анюйский, Верхоянский, Джугджурский хребты, обкладывая ясаком в пользу царя местные народы, успевая использовать для плавания на кочах краткие дни, когда суровые моря освобождались ото льда. Даже при сегодняшнем снаряжении побродить в тех местах охотников находится немного, гораздо меньше, чем в XVII веке. Несмотря на стычки с аборигенами, русские служилые люди в целом ладили с тамошним населением, видимо, северные народы находили в пришельцах с запада свойственный и им дух свободы. Кабы не короткорукость царей, непонятно, где бы сейчас прошли российские границы на востоке и юге. Вольные люди на службе у государя освоили Аляску, добрались до Калифорнии. «Поморы и казаки охотно женились на индианках, алеутках, гавайках, и в результате возникал некий совершенно новый народ, с особым менталитетом. В отличии от Южной Америки, где

[72] А. Солженицын «Встреча в Саратовском университете» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004-г., с 570

колонизация сопровождалась жестким насаждением испанских и португальских канонов религии, языка и поведения, здесь, на Севере, происходила настоящая транскультурация. Также и в отличие от ордынского нашествия на Русь, превратившего ее в тоталитарную Московию, на Аляске утверждался уникальный синтез новгородского и индейского свободолюбия».[73] Русских мореплавателей заносило в такие дали, что даже трудно представить. «Иван Окунцов приводит факты, не менее поразительные, чем высадка новгородцев на Аляске. Жюль Верн и Стивенсон «отдыхают»: «При дальних плаваниях в Тихом океане течением и ветрами русских мореплавателей заносило даже на экватор. Однажды они попали в Новую Зеландию, на востоке от Австралии. В то время на русском судне находился один монах, потерявший надежду на благополучный исход плавания. Монах ночью сбежал с судна на остров, где взял в свои руки власть и объявил себя королем Новой Зеландии. На острове был поднят русский флаг. Затем монах-король обратился к Петру Великому с просьбой о помощи и о принятии всех маорийцев – жителей Новой Зеландии – в русское подданство. Но помощь из Петербурга почему-то не была оказана… [74]

Где марийцы, там и маорийцы. Не будь Петр, как всегда, занят войной со шведами за скучные болотистые земли и прими королевский подарок, входила бы в сегодняшнюю Россию отдаленная, но прекрасная Новозеландская область, чудом избежавшая столь несчастной участи.

Посланцы правителя Аляски Александра Баранова так понравились королю Гавайских островов Тамеамеа, что тот подарил русскому царю остров. Вадим Штепа цитирует камчатский журнал «Северная Пацифика»: «Под шум прибоя на острове Канаи строилась русская крепость – форт Святой Елизаветы. Отечественные корабли, прибывающие в крепость, встречали уже не полуголые дикари, а люди, одетые кто в шляпу и набедренную повязку, кто в матросский бушлат, кто в башмаки… На Аляску шли корабли, груженные гавайской солью, сандаловым деревом, тропическими плодами, кофе, сахаром… Дети местных вождей учились в Санкт-Петербурге, изучали не только русский язык, но и обучались точным наукам… Под зелеными пальмами коралловых островов не один год развевался русский флаг».[75] Быть бы сегодня Гавайям не всеамериканским, а всероссийским курортом, кабы не полорукая бюрократическая вертикаль, то и дело ронявшая драгоценные дары. Ужо бы порезвилась на просторе крупнейшая в мире частная яхта – Романа Абрамовича.

---

[73] В. Штепа «Rutопия», Екб., 2004 г., с 271
[74] Там же, с 276
[75] Там же, с.с. 277, 278

«За годы своего правления этот великий, но, увы, почти неизвестный в России деятель (речь идет об Александре Баранове – прим. О. Б.) фактически превратил всю северную часть Тихого океана в «русское озеро», построив на американском берегу новую цивилизацию, равную половине Европейской России и развитую гораздо выше тогдашней Сибири. Аляскинский Ново-Архангельск (город явно назван поморами)… при нем был первым портом (!) на севере Тихого океана, оставив далеко позади себя испанский Сан-Франциско. Причем это был не только экономический и военный, но и культурный центр: в его библиотеке хранилось несколько тысяч книг – количество, весьма внушительное по тем временам…»[76] «Они (русские цари – прим. О. Б.), как обычно, были озабочены укреплением своей «вертикали власти», в которую никак не вписывалась эта утопия на тихоокеанских просторах… Для их централистского мышления это пространство было не более, чем «самой дальней провинцией», к тому же опасно «оторванной» от метрополии. Поэтому с середины X1X века в российских околовластных кругах начинают бродить идеи о продаже Аляски».[77] «Деньги за Аляску так и не попали к вельможным «продавцам». Оговоренная сумма в 7,2 млн. долларов была выплачена золотом, которое везли из Нью-Йорка в Санкт-Петербург. Однако в Балтийском море судно затонуло…

Русскую Америку отпели в мюзикле «Юнона и Авось»:

Принесите карты открытий
В дымке золота, как пыльца.
И, облив самогоном, сожгите
У надменных дверей дворца!»[78]

Бюрократическая вертикаль пустила прахом многолетние героические усилия людей, вырвавшихся из-под ее неусыпной опеки. Осталась одна из самых красочных и романтических страниц в нашей истории. Не могу удержаться еще от одной цитаты. Уж больно хорош случай, вбирающий в себя десяток смыслов. «…пример…приводит Кирилл Чистов в книге «Русская народная утопия», цитируя полицейскую сводку почти двухвековой давности: «В 1807 году приехал из Томской губернии поселянин Бобылев и донес министерству (внутренних дел), что он проведал о живущих на море в Беловодьи старообрядцах…числом до 500 тысяч или более, дани никому не платящих. Бобылев изъявил готовность сходить в Беловодье и исполнить то, что будет приказано. Министерство выдало ему 150 рублей и велело явиться к сибирскому генерал-губернатору, которому писано

[76] Там же, с. 274
[77] Там же, с. 278
[78] Там же, с. 279

об этом, но Бобылев не явился и исчез совершенно неизвестно куда и нигде потом не отыскан».[79]

Просто рабы и рабы гламура

Если заставить людей исполнять рожденные ею законы вертикали не удается, или удается выборочно и местами, то транслировать вниз моральные императивы получается замечательно. За триста лет, за пять поколений народ привык равняться на вождей, подражать им часто с рвением, недоступным оригиналу. Сотрудница заводской многотиражки из города Полевского, что в сорока километрах от Екатеринбурга, рассказала: менеджеры предприятия, главные специалисты, конкретные ребята, начали называть рабочих рабами, за глаза и в глаза, ну, сократили словечко для удобства. Заходят, допустим, в цех и говорят типа: «Эй, раб, подойди ко мне». И тот подходит, и разговаривает, и не увольняется – деньги ведь платят. Так только, между собой, иногда поворчат рабы. Журналистка рассказывала об этих особенностях взаимодействия заводского начальства с персоналом не только коллегам в зале, но и сидевшим на сцене сотруднику администрации президента России и депутату Государственной Думы, тоже России. Президиум отреагировал спокойно, то есть никак. Про себя важные люди из Москва, наверно, подумали: «Надежные кадры подросли в регионах». Главное, замечу, много откровенней вас.

Александр Солженицын в интервью НТВ в ноябре 1999 года возмущался: «Олигархия – это 150-200 человек наверху, которые все вместе и решают судьбу страны… Так вот, они в полном безумии ведут страну, не понимая того, что они делают. Наши законы толкают страну на распад, мы сумели распорядиться национальным достоянием так, что государство в общем ничего не получило. Спустили все национальное достояние ворам, каким-то паразитам, которые не думали производство налаживать, а думали только схватить, высосать еще последнее и бросить».[80] «Когда я говорю 150-200 человек, я имею в виду всех мало-мальски занимающих видные места хоть в законодательной, хоть в исполнительной власти, которые влияют на те или иные направления нашей судьбы. А остальной народ вообще не влияет, просто вообще не влияет ни на свою сегодняшнюю жизнь, ни на свою историческую судьбу. В этом смысле у нас – олигархия (мне кажется вдобавок, узкая олигархия – прим. О. Б.). И в этом смысле и видные думцы, и видные губернаторы, то есть просто все губернаторы, можно сказать, и видные члены президентского аппарата и пра-

[79] Там же, с. 260

[80] А. Солженицын «Из интервью телекомпании НТВ» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 650

вительства – они все входят в олигархию, потому что они разделяют ответственность… А то, что у нас сейчас власть сосредоточилась – позорным, недопустимым образом – в ничтожной кучке, да еще скрытых, закулисных людей, это остро болезненное положение».[81]

Болезненное, да, но еще и тупиковое. Не затянись на целых десять лет сезон нефтедолларовых дождей, страшно подумать, что бы было и с «кучкой», и со всеми нами.

Говоря о 150–200 олигархах, Александр Исаевич, конечно же, брал на глазок, просто потому, что не будучи допущенным в закулисье, не мог вывести точную цифру. За десять лет этот круг претерпел изменения (многие губернаторы, став назначенцами, утратили влияние, зато добавились, например, руководители госкорпораций), но вряд ли расширился. Вокруг главных хватателей, задающих правила игры, жирует обслуга: политические, финансовые, силовые топ-менеджеры, юристы, медийщики, шоумены и т.д. Размер этой группы тоже очень богатых, довольных собой и страной людей, можно прикинуть разве что с вертолета.

«Летал я как-то на американском вертолете над МКАД и считал только те особняки, которые тянули на миллион баксов. Таких оказалось девяносто тысяч. Поскольку серая статистика уверяет, что в Москве проживают семьдесят пять тысяч долларовых миллионеров, то кто же выстроил остальные пятнадцать тысяч? Чиновник мне подмигнул – помимо серой статистики есть ведь еще и черная… Тот мир был потусторонним, а по сю сторону Кольцевой дымила Капотня, и не очень чтобы благоухали бывшие ассенизационные поля Марьино, и из многострадального Нового Косина человеческая каша вползала в столицу ранним утром, когда еще спит и чиновный люд, и олигархический».[82]

Раз в Москве 90 тысяч долларовых миллионеров, то в Питере, наверно, тысяч 20 – и населением уступает Северная Пальмира, и финансовые насосы у нее не такие мощные, чай, не столица. В остальной России если 80 тысяч наберется, то хорошо. В общем, по максимуму, 200 тысяч, а то и меньше, 0,138 % от населения страны. Вот, собственно, ради благополучия этих граждан, таких же, извините, двуногих и смертных, как все мы, грабастающих так, что не знают, куда распихать, зараженных клептоманией в последней стадии и шизофренической жадностью, вот ради них несутся нефть и газ по трубам в далекие дали, летят самолеты, стучат товарняки, падают кедры, недоедают дети, если, конечно, они – не их дети.

«Новая картинка из быта высшего (Господи, ведь это уже всерьез произносят!) света. На глаза мне попалось описание празднества,

---

[81] Там же, с. 651

[82] В. Хилтунен «Жужжат будильники на «Ролексах», «Деловой вторник», 2007 г., № 3

которое закатил в честь супруги известный единоросс … Александр Буйнов. Кстати, никогда не могу понять: подобные хроники – с перечислением ВИП-гостей и их пассий, туалетов, бриллиантовых и иных подношений – плод ли завистливого восхищения или полускрытого сарказма по поводу хамско-плебейского разгула? От последнего подозрения трудно отделаться: вот хотя бы и данный праздник, постаравшийся всех переплюнуть экзотикой в виде верблюдов, пантеры, слонихи, тигрицы, слишком уж отдает хлыновщиной. Понятно, имею в виду одичавшего от свалившегося богатства безобразника Хлынова из «Горячего сердца» с его фейерверками и дорожками, поливаемыми шампанским».[83]

С таких высот и спускаются в общество современные моральные постулаты: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» «У кого нет миллиарда (понятно, долларов), тот лох (в оригинальном изложении последнее слово прозвучало еще круче и нецензурно)».

Гламурная часть обслуги целыми сутками тусуется в телевизоре, и вся страна на нее смотрит. Так крестьянские дети в позапрошлом веке припадали к окнам барской усадьбы, когда внутри шел праздник. Но тогда праздник был редок, а у нас – каждый день. Если Басков развелся, а Лера Кудрявцева поцеловалась с Сергеем Лазаревым, то страну бросает сначала в холод, а потом в жар.

Радостная смесь шуткования с попсой вкупе с «мылом» о неземных чувствах и благородных силовиках скрашивает мерзости повседневного существования и смягчает нравы. Но одновременно напоминает размахивание куском сочного окорока перед носом не евшего трое суток.

На большинство женщин как существ более эмоциональных и восприимчивых эта провокативная мешанина действует неотразимо: эх, урвать бы хоть кусочек «красивой жизни», думает лучшая половина населения. «Темпы роста прибыли, получаемой в России иностранными издательскими домами, невероятны. Разовый тираж некоторых русских версий западных женских журналов перевалил за миллион экземпляров».[84] У женщин высокая приспособляемость, много терпения – и они, заметьте, лучше адаптируются к уродливой среде, выискивая гламурные фишки, как жемчуг в навозной куче. С невероятной настойчивостью они атаковали мужской шоферский шовинизм, и сейчас их за рулем авто едва ли не столько же, сколько представителей «сильной» половины. Они умудряются одеваться на свои куцые зарплаты если не дорого, то стильно, работают над фигурами, цветом кожи, объемом волос, всей совокупностью своих индивидуальных усилий не дают стране превратиться в скотный двор – и в каждод-

[83] С. Рассадин «В отдельно взятой России», «Новая газета», 2005 г., № 60
[84] Д. Шеваров «Плачь, Ярославна», «Деловой вторник», 2007 г., № 3

невной борьбе становятся жестче характером и манерами. Но когда понимают, что несмотря на ряд бесспорных достижений, нет полного погружения в гламур, устремляются на штурм очередного бастиона с мыслью: «Ну, если не я, так хоть дочка!» И буквально всовывают малышек, например, в детские модельные агентства.

«Сегодня, по оценкам социологов, каждая третья российская школьница в возрасте от 10 до 16 лет хочет стать моделью. Стоимость занятий в школе моделей Москвы и Петербурга доходит до тысячи долларов. …Со справками об окончании школы моделей, как правило, на работу не берут. В этом случае она старается «пробиться»: соглашается на оказание эскорт-услуг или на банальную проституцию, полагая, что это временно. Потом привыкает и начинает считать это нормой профессии. «Психология модели – это психология профессиональной красавицы, – говорит директор центра психологической помощи «Кэт» Людмила Крапухина. – У них ярко выраженная установка VIP-потребителя: они должны бывать в заведениях определенного ценового уровня, носить соответствующие украшения и одежду. Со временем погоня за брэндами может стать главным мотивом поведения, как у наркоманов – поиск наркотиков. Модель – это не работа, а пожизненное состояние души и форма самовыражения. Эти девушки с детских лет готовятся удивлять всех своими формами, а на практике 80 процентов из них вообще не приживаются в модельном бизнесе. Но психология-то остается! Бывшая модель скорее согласится быть элитной проституткой в эскорт-услугах, чем торговать мебелью или джинсами».[85]

30 процентов детского порно на мировом рынке – из России (тут мы чуть ли не самая «развитая» держава, не то что в экономике).

«В 90 процентах случаев, когда несовершеннолетняя девочка пытается сделать карьеру модели, она имеет поддержку своей семьи – как моральную, так и материальную, – говорит психолог-консультант центра «Гласс» Анна Александрова. – Для родителей это форма заботы о ребенке – помочь ему состояться в жизни. Наше общество так устроено, что попасть на телеэкран или на подиум считается признаком состоявшейся личности».[86]

Слава Тарощина, анализируя фильм «Груз 200», замечает:

«Мать главного героя, мента Журова (даже не маньяка, а представителя иной, внечеловеческой общности), неотрывно смотрит телевизор. В соседней комнате – чистый Апокалипсис: трупы, насильники, грязь и морок. А мать, потягивая водку, не в силах отвести глаз от ящика, где радостно голосят «Песняры» и мучительно пытается говорить угасающий генсек Черненко. Атмосфера вселенского равно-

---

[85] Д. Терентьев «Про уродов и детей», «Совершенно секретно», 2006 г., № 11
[86] Там же

душия на фоне вечно включенного телевизора, неутомимо производящего счастье то в виде «Песняров» с Черненко, то в виде Димы Билана с двумя президентами, – лучшая из возможных метафор не только советской, но и постсоветской цивилизации».[87]

Метафору разворачивает в пространное рассуждение Директор института групповой и семейной психологии и психотерапии Леонид Кроль:

«Что такое хорошо и что такое плохо – никто сегодня этого уже не знает. Да и не хотят знать. Мне кажется, что наблюдается уменьшение реальной жизни. Когда был подъем материализма – исчезла материя, так примерно говорил Пастернак. Есть виртуальная реальность – и есть реальность гламура. Люди не из телевизора и не с подиума как бы не существуют…

Есть реальность богатства, но это тоже виртуальная вещь, поскольку сегодня каждый политик должен быть одновременно и предпринимателем, чтобы был капитал на всякий случай. Нет разделения – если ты имеешь, имей все: будь гламурным персонажем светской хроники, политиком, будь купцом, связывающим одно с другим, будь предпринимателем и будь рантье. Эти люди стараются жить так, чтобы ничего не отдавать другому. Это – еще одна цепь некой виртуализации общества.

И, наконец, третья часть общества – это люди, в которых говорит какая-то надежда, но и эта часть не менее виртуальна. Здесь рефрен: «пускай живут дети». Или «доживем до пенсии», «будем пить водку...» и так далее – то есть уход из реальности еще куда-то…

Вопрос: кто же остался? Да никого нет. Депрессивное марево, в котором плывут некие облака-призывы. Нацпроекты, оторванные от реальности. Программа «Время» беспрерывно говорит нам о том, как все налаживается. Чем это отличается от 80-х? Там тоже беспрерывно все налаживалось… Производились некие жесты, которые имитировали нам виртуальный эквивалент какой-то реальности. Никто даже и не ждал, что эти жесты будут подкреплены реальными действиями. Никто и не ждет. Люди ушли в норки…».[88]

Что же там, в норках, происходит? Дети и мужчины зачастую отказываются пробиваться в телеэкран, в богатую тусовку, вообще, участвовать в этих играх с мошенническими правилами.

«Смерть в возрасте до восемнадцати – 10% от всей статистики отечественного суицида. 76% самоубийц – мужчины от 22 до 60 лет. Показатели детской и мужской смертности вывели Россию на первое место в «черном рейтинге» планеты, а общим количеством жертв су-

---

[87] С. Тарощина «От Хиддинка до Балабанова», «Новая газета», 2008 г., № 25

[88] Г. Мурсалиева «Нами правят люди из подворотни. Остальные прячутся по норам», «Новая газета», 2007 г., № 10

ицида она сравнима только с Литвой. Ежегодно 200-300 тысяч россиян, дойдя до точки, пытаются свести счеты с жизнью, 60 тысяч из них погибают…

…во время прошлогодней интернет-конференции президента с россиянами написал Путину житель Удмуртии Дмитрий Порнев. «Может, и резко было, но честно, – вспоминает Дмитрий. – Высказался: «Зачем пугаешь народ террористами, если страна вымирает от суицида и нищеты, а не от рук боевиков?»». У меня батя весной повесился. Гонял на заработки в Москву, чтобы выучить нас с сестрой. Суетился, пока совсем не вымотался. А в бабкиной деревне под Ижевском давятся по несколько человек в год.

…Опытные психиатры связывают причины современного суицида в России еще и с изменившимися требованиями к жизни в целом. Как показывают собеседования в отделениях реанимации, самоубийцы-неудачники многого ждут от окружающих и в угоду чужим желаниям нещадно ломают себя. Как никогда, хотят быть востребованными. По схожей причине, говорят специалисты, в России распространен пассивный суицид – отказ от еды, наркомания, алкоголизм. Стремления к смерти как такового нет, но все – от образа жизни до условий, в которые ставит себя человек, – ведет к саморазрушению».[89]

Вот и произнесено ключевое слово, код ко всем превращениям морали в аморальность – невостребованность. Ведь каждый внутри понимает, что он может быть полезен обществу, потому как гвоздь забивает двумя ударами или может рассказать другим о Гегеле и Фейербахе. Но твои навыки никому не нужны, и на что тебе жить – никого не интересует.

Избыточные лагерники

Сдается, лидеров сырьевых вертикальных государств нет-нет да посещает гнилая мыслишка, точнее, такое бизнес-соображение: а зачем мне в стране столько народу? Толку от него никакого, только одни затраты на содержание неблагодарных миллионов. Всего и надо-то тысяч пятьсот нефтяников и газовиков, ну, еще армия, чтобы месторождения чужаки не забрали. А 145 миллионов много, избыточно много – столько хлопот, такие убытки. Отмахиваются, поди, лидеры от людоедской мысли, отмахиваются, а совсем отделаться не могут. Потому что она логично вытекает из той модели государства и экономики, которую вожди взращивают денно и нощно. Но вот нарисовался кризис, углеводороды дешевеют, и Дмитрий Медведев на совещании в Кремле говорит примерно так: развитые страны бросают миллиарды долларов на разработку альтернативных источни-

[89] А. Бессарабова «Если не мальчик, то муж?», «Новая газета», 2007 г., № 6

ков энергии, чтобы только не покупать у нас нефть и газ. Отставать нельзя, надо тоже заниматься этой проблемой.

Представляете, да, не мы им будем продавать энергоносители, а они, может быть, нам уступят по сумасшедшей цене свои технологии извлечения тепла и света, допустим, из водорода. И чтобы не отстать, мало указаний и даже больших денег. Нужна другая страна, чем та, что есть, другое настроение у населяющих ее людей.

Писательница Светлана Алексиевич рассказывает:

«На московском вокзале слышала, как разговаривали две старушки. «Бедный Абрамович! Столько денег из-за кризиса потерял! Миллиарды!» – «Но мы-то с тобой выживем!»

И – выживут же! Нет опыта счастья. Просто – жизни. А опыт выживания – гениальный. Но лагерный опыт выживания, как писал Шаламов, нужен только нам самим. Он нужен только в лагере. Его некому передать. Прежние люди кончаются, начинаются другие.

Там же, в Вологде, где с точки зрения какого-нибудь голландца или француза, везде святая и непонятная русская бедность, я увидела забытые русские (советские) лица. О Медведеве и Путине никто не говорит, как будто их и нет.

Там мне напомнили поговорку 90-х: пусть совсем не платят, дали бы только сделать. Иррациональное отношение к государству.

Попробовать остановить сейчас любого немца и рассказать ему об этом… Реакция на нас с вами будет как на пациентов из психбольницы. А мы ведь так живем!».[90]

Конечно, и в лагере можно создать «шарашку», блестящие ученые еще остались. И вдруг они даже адаптируют альтернативные источники энергии для массового потребления одновременно с давно разогнавшимися американцами, но паразитировать на новых технологиях нашей «элите» не удастся. Запад же не покупает у России атомные бомбы. Зачем? Своих навалом. Ситуация изменилась раз и навсегда. Сколько бы российская верхушка ностальгически ни обращалась мысленным взором к «тучным» для нее годам, время беззаботной стрижки купюр больше не вернется. Неизбежно придется запускать самый надежный источник энергии – участие населения в делах страны. И чем дольше наши правители будут уворачиваться от этой неизбежности, тем верней мы приблизимся к полосе потрясений и бедствий.

Режимная забегаловка

Самое интересное, что наиболее активная и молодая часть населения тоже ностальгирует и, кажется, ждет, когда, на-

[90] С. Золовкин «Светлана Алексиевич: «Пишу для притихшей России», «Новая газета», 2009 г., № 55

конец, пронесутся темные тучи и станет опять, как недавно. За «нормальные» деньги можно было бить баклуши в офисах, охранять все на свете, не имея за душой профессии, перебиваться «халтурками», брать кредиты, тусоваться в ночных клубах или, на худой конец, у супермаркетов – в общем, оттягиваться так, будто тебя поощрили за производство полезного продукта, не производя ничего и толком ни в чем не разбираясь. Кадровая дисквалификация опять-таки порождена вертикально-сырьевым характером системы.

Собственно, вот это ожидание возврата и сдерживает протестные настроения. Да еще страх – скрепляющий раствор «вертикали».

Поэт Глеб Шульпяков констатирует:

«Страх вообще пронизывает всю российскую провинцию. Страх сказать, сделать что-то лишнее. Отклониться от нормы. Потому что иначе уволят, растопчут. Накажут. Отнимут. Этим страхом пропитано все, от режимного объекта до забегаловки. Вот что действительно угнетает».[91]

Илья Кригер попробовал побеседовать с рядовой обитательницей депрессивного Новодвинска, но получилось не очень:

«Местные жители тихи и сосредоточенны. Гуляя днем по городу, я встретил на бульваре бабулю в темных очках, толкающую коляску с младенцем. Рядом семенил мальчик лет восьми.

– Я хотел бы поговорить с вами о жизни.

Бабуля отрезала:

– Я не разговариваю с журналистами.

Думаю: надоели.

– А все-таки? О жизни.

– Я не разговариваю с журналистами!

Мальчик, выслушав, объявил:

– Дядя, понимаете ли, у нас нет денег. Ни копеечки!

Юный джентльмен, кажется, принял меня за попрошайку».[92]

Но сидящим на вершине «вертикали» ошибочно тешить себя иллюзией всеобщей покорности: самые опасные – самые зашуганные. Армейские «деды» перед собственным концом хорошо если успевают подумать: зря мы этого чмошника-салагу отправили на пост с автоматом.

Неизбежный выход в общественные свободы может, как в начале 90-х, привести к столпотворению в дверях с битьем рож и отъемом друг у друга поклажи.

---

[91] И. Шлионская «Прошлое брошено на произвол судьбы как ничейное», «Новая газета»., 2009 г., № 61

[92] И. Кригер «Бумага терпит», «Новая газета», 2009 г., № 89

Чтобы избежать хаоса, необходимо иметь представление, как и куда выходить. Такой план, собственно, я и собираюсь предложить.

Скептики, а их полно, готовы отмахиваться: «С этим народом каши не сваришь. Он деградировал окончательно и бесповоротно». Ну, что это за нация, если она вымещает свои неудачи на детях. Только по официальной милицейской статистике в 2008 году против детей совершено 175 тысяч преступлений, чаще всего издеваются над ними в семье, самые близкие люди, точнее, нелюди. Представьте себе эти толпы жестоких пакостников, находящих отдушину в унижении безответных. Они любые свободы обратят в ненаказуемость порока, что мы имели несчастье наблюдать в годы перестройки и «реформ». Но как раз для противостояния этой дикой массе (а она, увы, сохраняет себя в любом обществе) и необходим четкий план действий.

В каждом из нас намешаны добро и зло, наивность и коварство, показное и сущностное, трудолюбие и лень, мягкость и жестокость, ответственность и пофигизм, вождизм и ведомость, восприимчивость и непонятливость и т.д. – и вытаскиваем мы из себя ровно те качества, какие востребованы системой ценностей, главенствующей вокруг. Если вы едете по стране на товарняке с трехуровневыми нарами и ведете себя так, будто оказались в мягком вагоне, то очень скоро окажетесь голодным и холодным, без спального места. И напротив, в мягком использовать прихваты завсегдатая «скотовозки» себе дороже – высадят на ближайшей станции. Ну, мягкий еще долго будет в наших мечтах – пересесть бы для начала в обыкновенный плацкартный.

Мобильные домоседы

Необходимость замены управленческой системы в России осознает всякий, кто непредвзято и бесплатно смотрит на вещи. В принципе, в научных кругах существует набор предложений, достаточно, впрочем, скудный, хотя не возьму на себя смелость утверждать, что охватил картину теоретического творчества в означенной области целиком – сами понимаете, объять необъятное невозможно.

Ученые изыскания, между тем, циркулируют в замкнутой системе «цехового» оборота, вдалеке от нуждающихся в их благотворном воздействии общественных отношений. Наука входит в контакт с массовым сознанием через телевизионные шоу, где со времен «Взгляда» установилось правило: ведущий не столько помогает выступающему полностью раскрыть тему, сколько старается ограничить «словесный поток», то и дело перерывая говорящего. Содержание приносится в жертву динамизму. Круг «аналитиков» не меняется вот уже два де-

сятилетия, все те же Мигранян – Никонов – Кургинян. Они не столько рассуждают о сущностных вещах, сколько трактуют сиюминутные перипетии в политике и экономике. Все так же орет, выкатив глаза, вчера за либералов, сегодня за «Единую Россию», адвокат Макаров, орет столь оглашенно, будто окружающие сбежались в студию лишь за тем, чтобы стащить последнюю золотую печатку с его пухлого пальца. Серьезно воспринимать этот балаган невозможно – мы и не будем.

Впрочем, письменные труды, не добирающиеся до умов и сердец современников, зачастую оплаченные группами влияния, партиями или государством, тоже не отличаются особенным биением мысли, хотя прорыв к настоящим ценностям нет-нет да происходит, в отличие от «исканий» в телеформате. В сумбурной статье М. Москаленко и В. Леднева «Альтернативные пути современной России (журнал «Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН». 2006 г., № 3) авторы попытались дать беглый обзор проектов вывода страны из кризиса, наработанных нашей политической элитой за время комфортабельных борений. Собственно, стремление оппозиции, и левой, и правой, одно: взобраться на вершину вертикали, посидеть там, чтобы все вокруг преобразилось сообразно их целям. Поскольку коммунисты и либералы (СПС, «Правое дело») уже возносились на властные высоты, и мы знаем результаты верховенства тех и других, то всякие посулы из их уст напоминают прихваты лисы, так и не насытившейся сыром. «Яблоко» обещает установить порядки, при которых «государство не ворует, не врет, не насилует и не идет в услужение бандитам». Хорошо бы, конечно, только вот с чего вдруг маньяк станет добряком, если структура его «личности» остается прежней. О замене «генетического кода» управленческой системы фруктовая партия ничего не говорит.

Жириновский увлеченно тасует кубики, составляющие вертикаль. «В России демократическая формула правления не годится, парламент не нужен». И только я, допустим, собираюсь с ним согласиться насчет представительного форума, как оказывается, что в структуре органов власти лидер ЛДПР предусматривает оставить Государственную Думу, видимо, находя, что в сегодняшнем виде она так далеко отстоит от парламента, принятого, например, в демократии ААО, что не помешает «сильной власти». Несокрушимая логика всегда была основным достоинством Владимира Вольфовича.

«Единая Россия», понятное дело, довольна сегодняшней конфигурацией власти и оперирует лозунгами. Национал-большевик Лимонов мечтает о русской империи «от Владивостока до Гибралтара». Его коллега, тоже писатель, Проханов так широко свои замыслы не разбрасывает. Его «Пятая империя» утверждается сначала в границах ны-

нешней России, а уж потом… Как водится, потом – суп с котом. Клуб «2015» среди возможных сценариев развития событий назвал худшим «вплоть до полного исчезновения России с политической карты мира!.. – если Россия решит восстановить свой статус сверхдержавы, опираясь на военную мощь и противопоставляя себя развитым странам. Это снова жесткая централизация ресурсов и «железный занавес».[93] Ну, правда, господа писатели, не поднять уже больше народу ваших великодержавных грез. «Я бы сказал так: человеческий капитал, вообще человек в России находится под большой угрозой. Я думаю, что остались считанные годы до точки невозврата».[94] Апокалиптический взгляд Евгения Гонтмахера мне лично кажется излишне угрюмым касательно людей, но недостаточно пессимистичным относительно судеб Родины. Нынешняя активная часть населения здорово отличается от той, что существовала в 90-х годах прошлого века. Тогда люди действия выживали и, по советской неприхотливости, схватились кто за баулы, кто за кастеты – и заваливали отечественные просторы шмотками и трупами. Теперешние активные куда больше индивидуалисты, чем требуется даже в самом свободном из рыночных обществ, злые и расчетливые. Они знают, что пули летают как туда, так и обратно, а таскавших непомерные грузы, наверно, тошнит от одного взгляда на полосатые сумки. Они попробовали толику буржуазных радостей, для них расстаться сегодня с лишним гораздо больней, чем с необходимым – вчера. Молодежь больше не ставит себе целью попасть в бандиты или проститутки, нынешняя мода скучна – ни тебе малиновых пиджаков, ни красных колготок в крупную сетку – и прагматична: все хотят делать карьеру и лучше на госслужбе – именно там юноши и девушки разглядели возможность полудармового и крупного вознаграждения. Поскольку нынешний сырьевой режим оставляет массы людей без более или менее внятных занятий, активная часть начнет поиск, скорее всего, не под скудным солнцем Отечества. «Обратите внимание, Европа вводит так называемую голубую карту. Это фактически приглашение гастарбайтерам переехать туда и временно работать. А после «голубой» карты, если ты нормально работаешь, тебе через год, два, три могут дать вид на жительство. Но ведь эта «голубая» карта – она и для нас. И многие люди, особенно молодые, возьмут и уедут».[95] Запросто. И не только молодые, но и тридцатилетние, и сорокалетние. Несмотря даже на корневую, оседлую ментальность нации. Не перебиваться же до конца своих дней с рубля бабушки-пенсионерки до рубля за нерегулярную халтурку. «Голубое» рассея-

[93] М. Москаленко, В. Леднев «Альтернативные пути современной России», «Наука. Общество. Человек». Вестник Уральского отделения РАН, 2006 г., № 3

[94] Е. Гонтмахер «Нужно научить страну работать», «Новая газета», 2009 г., № 66

[95] Там же

ние может оказаться в разы масштабней послереволюционной волны эмиграции. Человеческий капитал утекает туда же, куда все последние годы стремительно сбегал просто капитал. Европе, видимо, мало турок, арабов, украинцев, прибалтов, молдован… Процесс, впрочем, идет уже сейчас. «Новая газета» приводит впечатление «Бывшего купчины» со своего форума в Интернете: «Тут решили по поводу круглой даты организовать встречу выпускников школы. Порылись по всяким «Одноклассникам». Я до сих пор в шоке – полкласса уехало. Натурально. Как-то я такого не ждал».[96]

Пока линяют больше образованные. Настоящий исход может начаться, когда за куском хлеба, в кухарки и дворники отправятся рядовые граждане.

Вообще-то президент Медведев за мобильную нацию. Он в кризис выбирается не только на форумы мировых лидеров, но и в народную гущу. Приезжает, допустим, в оказавшийся вдруг депрессивным моногород и осторожно, интеллигентно интересуется: «А вы не думаете, что можно ведь переехать туда, где будут востребованы ваши навыки?» Люди молча смотрят на главу государства, переваривают странный вопрос. Судя по их сосредоточенным лицам, пытаются осмыслить бездонную глубину президентских слов. Наверно, про себя думают: «Куда переехать? Разве где-то есть для меня работа? Может, сейчас скажет – где. Надежное ли место? Вдруг и там предприятие на ладан дышит. Если в областном центре, вообще тогда нереально: продам трехкомнатную, а денег хватит хорошо на однокомнатную. Как мы в ней впятером уместимся? Нет, нереально. Да и покупатели, что ли, есть? Не больно-то продашь». Пока пробегают в голове торопливо мысли, молчат люди. И невдомек им, что несет президента не по непроходимой глупости, а от большой, можно сказать, фундаментальной образованности.

Элвин Тоффлер еще в «Шоке будущего» вполне технократично решил, что не человек должен приспособить под свои потребности новые технологии, а косный гомо сапиенс изменить свою личность так, чтобы соответствовать вызовам постиндустриального общества.

Американский футуролог обосновал выработку у людей определенных качеств, ведущих к успеху в информационно насыщенной среде, а его апологеты на основе этого перечня создали что-то вроде морального (или аморального, точнее, внеморального) кодекса строителя наиновейшего капитализма. Над чем особенно рекомендовали потрудиться, так это над повышением собственной мобильности. «… в современной рыночной экономике (даже несмотря на прекращение массовых миграций) человек может наилучшим образом использовать

[96] «Новая газета», 2009 г., № 31

свои способности лишь тогда, когда достаточно легко перемещается в то место, где ему готовы предложить подходящую работу. Так уже давно построена жизнь в США. А теперь и в Европе, благодаря формированию Евросоюза, гражданин даже самой малой страны становится все более и более мобильным.

Сын может теперь жить в иной стране, иметь иную профессию, исповедовать иную религию и принадлежать к иной социальной группе. (Так и хочется дать такому сыну ремня – прим. О. Б.). Мобильность стала образом жизни (во как! – прим. О. Б.), а не просто неким неприятным отклонением от сложившихся традиций».[97] Теперь понятно, почему наш продвинутый президент выдает такие странные сентенции: это он проверяет, готово ли население в соответствии с требованиями модернизированного (когда? кем?) общества носиться по стране и зарубежью в поисках работы.

Чувствуется, ни Травин с Марганией, ни Дмитрий Анатольевич с евонными советниками давно в книжки не заглядывали, а живут прогрессивными представлениями двадцатилетней давности. Столь любимые ими технологии коварно изменились, и списанные с парохода современности оседлые традиционалисты оказались неожиданно в первых рядах модернизаторов. В своей пулитцероносной саге «Плоский мир» Томас Фридман убедительно показал, что с рождением всемирной паутины миллионы людей не то что не носятся по миру в поисках работы, а даже не ходят на службу. Сидят дома, будучи в штате крупнейших корпораций. Компьютер обеспечивает их контактами на любом континенте и полным набором необходимых для работы исходных данных. Фирмам тоже удобно: не надо содержать большие служебные помещения.

Как Дмитрий Медведев, позиционирующий себя заядлым интернетчиком, умудрился не заметить столь очевидных вещей, а разъезжает по стране с писаной торбой отживших догм, пугая ими людей, для меня загадка. Мало того, тезис о повышении мобильности населения успели вписать в какие-то антикризисные государственные документы. Нет, Дон-Кихот по сравнению с нашей властью выглядит законченным рационалистом: ветряные-то мельницы были настоящими.

Время образованцев

Целые научные коллективы имитируют поиск выхода из тупика. Вот сотрудники Института национальной стратегии, справедливо обеспокоенные немощью двуединого правления, разразились докладом «Выбор России: катастрофа или революция свер-

---

[97] Д. Травин, О. Маргания «Европейская модернизация», М., СПб., 2004 г., кн. 1, с. 43

ху». В самом названии сквозит ностальгическая нота. Помните, была такая либеральная партия «Выбор России» с невнятной и короткой историей. Зачем, спрашивается, ученые потревожили благополучно почившие останки?

Похоже, под шумок борьбы за интересы «либерала» Дмитрия Медведева, никак, кстати, им самим не обозначенные, задумали они вернуть страну в хаос и разруху девяностых. Президент, согласно докладу, становится – так прямо и пишут – надпартийным некоронованным монархом. Но ведь был уже такой. Я даже фамилию могу подсказать и имя. Его часто называли еще «царь Борис». Ну, вспомнили или нет?

И хотя президент Ельцин на нехватку полномочий не жаловался, стратеги решили сделать из главы государства вообще живое воплощение Бога. Запретить его критиковать, поставить над законом и разделением властей. И под просвещенной лапой монарха восстановить институты демократии ААО в российском варианте со всем их бардаком, бессилием и беспринципностью.

Оборони нас, господи, от подобных «Институтов», набитых «специалистами», играющими над бездной в салочки с прошлым и будущим.

Уже упоминавшиеся М. Москаленко и В. Леднев в своей статье «Альтернативные пути современной России» транслируют тревожную аналогию В. Соловья: «Режим В. В. Путина – кратковременная передышка, частичная ремиссия перед вступлением страны в новый, гораздо более страшный и разрушительный виток Смуты. Эпоху путинского правления можно сравнить, пожалуй, с промежутком между первой и второй русскими революциями».[98]

Перед лицом такой угрозы авторы с необычайной резвостью проскакивают мимо спасательной шлюпки к бредовым проектам нашей «политической элиты» во всем их удручающем однообразии. Хлопоты Солженицына о контроле за бюрократией, о возрождении местного самоуправления авторы с маниакальным стремлением «образованцев» всех залепить ярлыками называют радением о «славянофильской модели». В чем «славянофильство» проявляется? В том, что Александр Исаевич говорит о земствах, а не, прости господи, муниципалитетах? Вдобавок М. Москаленко и В. Леднев записывают Солженицына в «историческое прошедшее», живо напомнив о тех впечатлениях, что остались у меня после выступления писателя в Государственной Думе, случившемся 28 октября 1994 года…

Чувствовалось тогда, что Александр Исаевич придает чрезвычайное значение возможности сказать с главной в государстве трибуны

[98] М. Москаленко, В. Леднев «Альтернативные пути современной России», «Наука. Общество. Человек». Вестник Уральского отделения РАН, 2006 г., № 3

о судьбоносных для страны вещах, донести до народных избранников плоды своих долгих размышлений и неустанных трудов. Он был необычайно собран, образно выражаясь, звенел, как струна. Постарался художественно обставить свой выход к депутатам, для чего облачился в военный френч, какой носили в Великую Отечественную (ход, кстати, оказался ошибочным: потрафил депутатам, сбежавшимся поглазеть на него, как на ожившего динозавра. Черт бы с ними, но отдалился визуально и от миллионов людей у телеэкранов).

Все началось сообразно моменту, торжественно и значительно. Четкая, вдохновенная речь оратора, внимающий ему, битком набитый зал. Но чем дольше продолжалось действо, тем неотвратимей менялась обстановка. Нет, Александра Исаевича не захлопывали, как Сахарова, его с каждой минутой слушали все меньше. Народные избранники остались бы весьма довольны, выйди мировая знаменитость на сцену, скажи что-нибудь такое лучезарно-американское, типа «Привет, парни! Надеюсь, дела у вас идут хорошо». Тут бы все захлопали, заорали, заподнимали большие пальцы, и выступающий через пару минут довольный обретенной взаимной приязнью удалился бы туда, откуда пришел. А грузить нас прошлогодним снегом не надо! Мы сами знаем, что нам делать и как. Времени совсем нет, пол-страны еще не оприходовано, лежат ничейные заводы, леса, поля и реки. Бумаги не подписаны, нужные люди не обаяны, а враги не дремлют. И забегали избранники по залу, зашуршали документами, заговорили все громче и громче. Ну, откуда у прохиндеев взяться культурешке? Голос Солженицына уже едва пробивался через гул временщиков. Позорное получилось зрелище и печальное. Хотелось крикнуть в пустоту: зачем, Александр Исаевич, рассказывать волкам, как спасти овец?

Писатель, видимо, сильно переживал, что не сумел достучаться до куцых мозгов и ледяных сердец думцев. В интервью «Аргументам и фактам» в январе 1995 года он пытается вслух разрешить, как ему кажется, парадокс: «С провинцией я нашел теплую дружбу. Сколько было ярких встреч, сколько у нас было страстных и сердечных разговоров. Я ощутил себя вместе с Россией. И первый раз это чувство было нарушено в Государственной Думе. Я говорил перед ними, и не чувствовал, что это мои соотечественники. Странные люди, чужие».[99]

Именно – чужие. Нынешняя структура управления сажает за рычаги монстров. Это система по извлечению из человеческой массы «чужих». Другим ходы во власть заказаны самой природой отбора.

Прошло двенадцать лет, и вот молодой ученый Москаленко и его матерый коллега Леднев пытаются еще при жизни последнего

[99] А. Солженицын «Желтое колесо» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 532

«властителя дум», всерьез, неконъюнктурно работавшего над переустройством общественных отношений, превратить его в подобие музейного экспоната, интересного разве что историкам. Ладно бы только эти двое, их тьмы и тьмы, цитатчиков и верхохватов, сыпящих мудреными словесными оборотами и «современными подходами», от которых за версту несет застарелой вонью охранительства. Они еще не раз «красными» и «желтыми» колесами проедутся по трудам Солженицына, чтобы растереть их в порошок, чтоб даже воспоминаний не осталось. Очень уж мешают кататься по кругу на телеге «петровской модели».

Мне же представляется, что система взглядов Александра Исаевича находится на самом острие актуального поиска. За ответом же на вопрос, а что за общество, собственно, хотелось бы получить, по пустынности современного ученого пространства, придется обратиться вообще к предшественникам Солженицына, пассажирам «философского парохода».

Прекрасный лик государства

Высланные Лениным в 1922 году из России Николай Лосский и Иван Ильин принадлежали к первой волне религиозных философов. Полный перевод Библии на русский появился только во второй половине Х1Х века, к началу следующего столетия вызрела в ученой среде огромная потребность поверки христианством извивов нашего исторического пути. В разговоре об общественном устройстве теософский налет мне представляется элементом лишним и даже вредным. Отделение церкви от государства – одно из выдающихся достижений цивилизации, гораздо более важное, чем самостоятельность ветвей власти. У каждого из двух институтов своя область ведения. Как показывает исторический опыт и современная практика, попытки регулировать тонкие материи, например, веру и неверие, с помощью грубых инструментов – государства или земного суда – приводят к торжеству мракобесия и тоталитаризма (примеров пруд пруди: от папской инквизиции до нынешнего Ирана).

Тем не менее, изгнанные философы обращались и к проблемам общественной организации. Если потерпеть их вечно поднятый к небу взгляд, то можно обнаружить глубокие замечания по поводу, допустим, целеполагания существования государства. «Имея в виду ценность личности и идеал ее развития, можно установить правильное отношение между человеческою личностью и обществом, в частности государством. Возрастание в добре может быть только свободным, поэтому государство должно предоставить человеку формальную свободу…, поскольку эта свобода не вторгается в область деятельности других лиц и не разрушает общественного целого. Кроме этой отри-

цательной задачи, перед государством стоит положительная задача – обеспечивать человеческой личности духовные и материальные средства для поднятия ее материальной свободы, то есть для возрастания ее творческой активности, осуществляющей добро, красоту и обретение истины».[100] Спрямляя и огрубляя, поясняю мысль Н. Лосского: дав человеку формальные свободы, государство должно следить, чтобы тот не ошалел от вольницы, не оттоптал ноги женщинам и детям, не заставил ряд деревень и сел ходить строем в определенное время, не наделал прочих глупостей, ограничивающих свободу других граждан или даже всего общества. А законопослушным и спокойным государство обязано предоставить возможность заработать на жизнь, не кладя каждый день язык на плечо, и тогда у гомо сапиенсов в процессе труда или в нерабочее время появится возможность творить, быть добрыми, делать красиво и искать истину. Согласитесь, Лосский возглагает на государство гораздо больше обязанностей, чем просто служить орудием подавления богатыми бедных, на чем настаивали марксисты и чем существующая, допустим, сегодня в России система только и занимается. Но как должно выглядеть государство, выступающее гарантом свобод и благополучия граждан. Доказав преимущество для благих деяний демократии над абсолютной монархией, Лосский замечает: «По словам И. А. Ильина, демократия хороша лишь постольку и тогда, когда она осуществляет аристократию, то есть отбор в ряды верховной власти лиц, наиболее духовно одаренных для государственной деятельности».[101] Собственно, до Ильина названное предназначение демократии открыл и воплотил в Афинах Клисфен, но раз уж Иван Александрович упомянут, то обратимся напрямую к его работам.

«Понимать государство как формальную систему насилия, как организацию безнравственного притеснения слабых сильными и тому подобное – значит или обнаруживать полное отсутствие здорового правосознания, или же сознательно вводить в заблуждение темных людей… настоящее здоровое государство есть светлое и благое начало в истории человечества, и насаждение здорового государственного правосознания поможет вывести человечество на пути духовного обновления…

Каждый нищий в стране есть не просто неудачливый бедняк, но живая язва народной и государственной жизни. Каждый безграмотный есть всенародная опасность. Каждый противообщественный эксплуататор есть всенародный вредитель. Каждый ростовщик требует государственного обуздания. Каждое попранное право есть пробел или разрыв в общей сети правопорядка и т.п. И все это не пустые

[100] Н. Лосский «Органичное строение общества и демократия» в сб. «Литература русского зарубежья», т. I, М., 1990 г., с 328

[101] Там же, с. 329

слова; ибо одна из основных аксиом государственности гласит: «один за всех, все за одного». Народ есть живое единство, связанное тысячей живых нитей и пребывающее в непрерывном духовном и хозяйственном обмене; он подобен живому организму, где все находится в связи со всем и все питается от всего остального… Народ, который не умеет или не хочет беречь и укреплять общие основы своего бытия, будет сурово наказан; первое же социальное землетрясение даст ему хороший урок, и можно только желать, чтобы этот урок пришел не слишком поздно.

…государство не призвано опускаться до частного интереса отдельного человека; но оно призвано возводить каждый духовно-верный и справедливый интерес отдельного гражданина в интерес всего народа и всего государства».[102]

Иван Ильин разработал некоторые элементы механики организации правильного государства, особенно в части выборов. «Выборы не должны быть «тоталитарными». Всякий занесенный в списки имеет право воспользоваться своим правом голоса и не воспользоваться им. Но выборы не должны быть и партийными: никаких партийных программ, плакатов, никакой агитации быть не должно. Выделение лучших должно быть произведено самим народом, совершенно свободно и без всяких партийных «обещаний», нажимов, подсказываний и иных фокусов. России необходимы не партийные заговорщики, не партийные штукари и перевертни, а люди реальной жизни и чести. Свобода голосования должна быть гарантирована его тайною.

Выборы должны происходить не на основании партийных предложений и рекомендаций, а по принципу личной известности и уважаемости. Для этого необходимо избирание по участкам или малым округам. При таком порядке будет избрано минимум столько лиц, сколько будет всего избирательных участков (по одному на участок) или же вдвое, втрое и вчетверо больше. Это означает, что в первой стадии будет избираться не члены Государственной Дума, а выборщики, и притом выборщики выборщиков.

Это означает, что желательны отнюдь не прямые выборы, а многостепенные, где на каждой «ступени» возможен спокойный, трезвый, деловой отбор людей, со все более серьезным и глубоким осознанием цели и смысла избирания… Примерно говоря: села выбирают волостных выборщиков, волостные выбирают уездных, уездные губернских, губернские членов Государственной Думы; в городах – малые избирательные участки посылают своих выборщиков в городской округ, окружные в главное городское собрание, которое и выбирает членов Государственной Думы».[103]

[102] И. Ильин Из книги «Путь духовного обновления», ж. «Новый мир», 1991 г., № 10
[103] И. Ильин Из книги «Наши задачи», ж. «Новый мир», 1991 г., № 10

А. Солженицын солидаризовался с Ильиным в отрицании партий и в предпочтении непосредственных выборов прямым, с Лосским – в возможности корпоративного, профессионального представительства в органах власти. А близкую к идеальной «демократию малых пространств» он обнаружил не где-нибудь, а на… Западе.

Домашние чудеса

В беседе с Витторио Страдой Александр Исаевич сказал: «Практической организацией жизни на Западе – я восхищался. Многое я бы хотел оттуда перенять, начиная с действенного местного самоуправления. Мы вот сегодня погибаем потому, что у нас не допущено местное самоуправление, задавлено, нет его. (Местное самоуправление, которое было в России до революции и которое Ленин объявил пятым колесом, он сказал: «Земство – это пятое колесо». Так вот нам бы его вернуть, самоуправление, чтобы народ мог проснуться и сам что-то делать, а не верхние чиновники, которые нам спускают распоряжения)».[104]

Александр Исаевич, собственно, раскрывает секрет западного благополучия. Всякий из россиян, кто оказывается хоть на время в странах «золотого миллиарда», видит продуманность мелочей, чистоту и благоустройство внешней среды, а главное, ощущает кожей атмосферу предрасположенности людей друг к другу. В те немногие дни, что я провел на настоящем Западе, у меня возникало чувство спокойствия и свободы. Большинство россиян уверены, – им внушают это политики и СМИ – что высокий уровень тамошней жизни идет от развитой демократии ААО и большого количества денег у государства. Повторю: в начале 90-х мы с величайшей тщательностью воспроизвели выборные процедуры и структуру госвласти в соответствии с западными рецептами – и получили экономический хаос и бандитизм. «Нет опыта! Демократия – вещь дорогая, в нищей стране она не приживается», – тут же поставили диагноз аналитики. Хорошо. Наше государство сделалось богатым, просто чертовски богатым. Изменилась ли общественная жизнь? Да. Стала еще невыносимей.

В первой главе я постарался показать, что западные «вертикали» очень не многим отличаются от нашей. Так же стоят на страже интересов богачей, предаются опасным для человечества играм, пытаются все контролировать (возьмите хотя бы позорный ввод в паспорта биометрических данных) и демонстрируют гнетущее бессилие при разрешении действительно важных и острых проблем. Но если наша вертикаль прицеплена к вершине Спасской башни и, болтаясь в воздухе, годится разве что для обезьяньих прыжков, то тамошние

[104] А. Солженицын «Беседа с Витторио Страда», в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 664

покоятся на прочно укорененных самоуправленческих основаниях. Не вырастают из них, а именно покоятся, как декорации на обширных подмостках.

«Дело в том, что 80, если не 85 процентов жизни простого человека текут только на местном уровне. Это не удивительно. Сегодня посмотрите, в Соединенных Штатах или в Швейцарии – так и есть: 80–85 % всех вопросов решаются на месте местными людьми, местным самоуправлением, не ожидая никаких указаний из Вашингтона».[105]

В разное время двое моих однокурсников, вернувшись из-за границы, делились впечатлениями об увиденном. Один из них, Сергей Витальевич Соловьев (отчество написал, чтобы вы поняли – это не тот, не тот, а этот. Сергеи Соловьевы представляют собой ответвление в человечьем роду, все в чем-нибудь отличились и известны кто в узких, кто в широких кругах. Различают их по отчествам).

Кинорежиссер-документалист, прозаик и поэт побывал в Америке, причем жил во Флориде в доме тамошнего пенсионера, то есть нанес визит с погружением. Второй, Владимир Олешко, зав. кафедрой печати факультета журналистики Уральского госуниверситета, доктор наук, посетил Швецию, страну, известную своими самоуправленческими традициями. Ну и я – напомню, дело было в разное время – набросился на каждого по отдельности с расспросами об устройстве местной жизни, соответственно, в США и оплоте скандинавского социализма, чем ввел моих собеседников в ступор. «Знал бы, что тебе это интересно, порасспрашивал бы, а так…» Не сомневаюсь, вывернули бы хозяев наизнанку. Просто задачи не стояло. При этом, вспоминая, оба однокурсника явственно – глаза пульсируют, руки замирают – перебирали сигналы из недавнего прошлого. Я расшифровал их медитацию, думаю, близко к истине: находясь там, они ощущали вокруг себя некую организующую силу, но она оставалась невидимой, неслышимой, словно фантомной.

Однако, совсем без улова я, конечно, не остался. Олешко сообщил, что по всей Швеции у дорог стоят таблички: «Коммуна такая-то». «Существует межевание земель», – тут же перевел про себя нехитрое наблюдение в родную моему собеседнику ученую ипостась. Другие полезные впечатления оказались близки нашим общим профессиональным интересам. Тут-то оба однокурсника были на коне, каждый на своем, каждый на справном. «Представляешь, у них на городском телевидении выделена специальная студия. Самое современное оборудование, все специалисты – оператор, звукорежиссер, монтажер, ну, все! – рассказывал Соловьев. – И любой житель города может прийти

---

[105] А. Солженицын «Речь в Государственной Думе». в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 509

в эту студию и бесплатно сделать передачу про что хочет. В программе под «самоделки» отведено твердое время».

– А если нет желающих? Чем время забивают?

– Не знаю, – признался Соловьев, – Наверно, ставят концерт по заявкам.

«Любой житель коммуны может сказать: я хочу выпускать газету, – это уже Олешко. – Пишет заявку, и его два года финансируют в надежде, что к третьему издание покажет рентабельность. Представляешь, да?»

Я себе такого чуда тогда не смог вообразить, а сегодня оно и вовсе кажется ирреальным. Но ведь не одним журналистам, наверно, подобная лафа. Соберись американец или швед выращивать кормовой рапс, поднимать ветровую энергетику или разводить настурции, тамошняя власть, похоже, встанет рядом.

Изрядно удивив заграничными порядками, однокурсники замолчали. Нечего им больше сообщить о тамошнем самоуправлении.

– И, что, местные сами о нем ничего не рассказывали?

– Нет.

Ну, правильно, что они будут отягощать иностранцев своими, считай, «домашними» делами. С гостями надо о всем известном, о чем телевизор трещит целыми сутками – о партиях, о выборах в парламент, об общечеловеческом еще, о глобальном.

Для западного человека дела коммуны или общины – такая же рутинная обыденность, как завтрак, как чистка зубов. «Право на местное самоуправление в США традиционно рассматривалось в качестве естественного права, неотъемлимо присущего местным сообществам. Да и само становление американской федерации происходило снизу вверх, путем постепенного объединения различных местных сообществ. Так, штат Делавэр был образован в свое время тремя графствами, а штаты Род-Айленд и Коннектикут – таунами (низовыми единицами местного самоуправления). Не случайно некоторые американские политологи склонны рассматривать штаты в качестве своеобразных «квазифедераций местных сообществ».[106]

Подушка для единства

Расхожее представление, господствующее во взглядах и российских правителей, и нашей интеллектуальной элиты, и всего населения – без сильного центра страна мгновенно развалится. И никого не беспокоит отсутствие какого бы то ни было управления на нижних этажах общества. Между тем, американские спецслужбы (см. главу 2) удивляет другое: как такая огромная страна до сих

[106] А. Черкасов «Местное самоуправление в механизме федеративного государства (на примере США и Российской Федерации)», http://www.Kazanfed.ru

пор не рассыпалась при полном параличе местной власти. Держимся только за счет скрепов общего культурного и языкового пространства, традиций да боязни начальственного кулака. Жить так можно (человек ко всему привыкает), развиваться – нет. Все ресурсы уходят на преодоление законов функционирования больших систем.

Интернет-предприниматель Мирослав Сарбаев заметил по поводу своих профессиональных забот: «Отличие торрента в том, что его нельзя убить. Обмен файлами происходит так же, от клиента к клиенту, при этом у напстера была центральная система (типа политической «вертикали» – прим. О. Б.), которая держала информацию о том, что у кого есть (власть в России, «держит» не всю информацию, а выборочно и несистемно – прим. О. Б.), и если ее выключить, напстер прекращал существование. (страна исчезает – прим. О. Б.). Торрент-трекеров – много, система крайне децентрализована, и поэтому гораздо более непотомляема…»[107] Западные общества сохраняют централизацию, но за счет широкого самоуправления тоже почти «неубиваемы».

Поэт Юрий Беликов в феврале 2009 года, в разгар мирового кризиса, когда в Отечестве эпидемически стремительно распространялись экономическая депрессия и уныние, решил узнать, как чувствуют себя его заграничные знакомые. Беда-то всепланетная, поди, тоже страдают. Но сначала он встретил на улице однокурсницу. «Первое, что она спросила:

– Ну, как кризис?

Не дожидаясь, пока во мне вызреет нечто остроумно-небанальное, поведала:

– Недавно звонила своим знакомым в Штаты. Они говорят: «Это у вас – кризис, у нас же небольшие проблемы, с которыми мы боремся. А у вас цены повышаются».

…По электронной почте из Стокгольма пришел такой ответ: «На качестве жизни основной массы жителей Швеции кризис пока не отражается. Есть некоторое подорожание считаного числа продуктов – мяса, риса, помидоров, яблок, баклажанов. Но это – все. А что касается, допустим, электроники, то она, наоборот, даже стала дешевле. Однако есть потерявшие работу. Это, в первую очередь, те, кто был занят на предприятиях, интегрированных в мировую экономику. Скажем, на заводах «Вольво». Но в Швеции правительство очень серьезно заботится о том, чтобы потерявшие работу не остались без источника существования. Создаются специальные рабочие места, улучшается информация по свободным рабочим местам, чтобы люди быстрее могли трудоустроиться…»

[107] Е. Васенина «Мирослав Сарбаев, интернет-предприниматель», «Новая газета», 2009 г., № 76

А вот отклик из Иерусалима: «Для Израиля кризис – это больше психология, потому что банковская система у нас очень жесткая, и она не допустила таких провалов, как в Америке. Я работаю учителем. У меня зарплата даже чуть повысилась, плюс идут постоянные месячные отчисления, в которые я вкладываю четверть – например, 100 единиц, а государство три четвертых, то есть 300. В год накапливается где-то 5000. Принят закон о страховочной сетке для пенсий. То есть будущие пенсионеры могут не опасаться за отсутствие пенсионных выплат в дальнейшем. Так что, в принципе, нашей семье с невысокими запросами ничего не угрожает. В магазинах все есть. И в моем окружении какой-то кризисной паники я не вижу…»[108]

Когда тамошние «вертикали» прокалываются, то очаг поражения локален (заводы «Вольво»), а 80 % дел, за которые отвечает местная власть, продолжают делаться, связи не разрываются, защищенность людей сохраняется. «Глобальные проблемы», конечно, бьют по экономике той или иной страны, но в самой системе управления предусмотрены подушки безопасности, механизмы восстановления и регенерации сил роста. Зависимость же сегодняшней России от мировой конъюнктуры практически стопроцентная.

«Центростремительная система хороша только для отъема ресурсов и концентрации их на небольшом круге задач – будь то война (главным образом), сопутствующий ей атом или космос. С обратной задачей комплексного улучшения территории она справляться не умеет. В лучшем случае способна обеспечить отдельные проекты типа строительства дорог, доменных печей и каналов. Субъективные запросы разных территорий, разных групп людей и личностей быстрее и эффективнее удовлетворяет частная инициатива. И локальные центры самостоятельного развития. То бишь города, если они развиваются в собственных интересах, а не в интересах выдачи Центру одного стратегически заданного ресурса «любой ценой». Тогда это не города, а дополнительные спальные цеха в придачу к основному производству. Окружающую территорию они не поднимают, а грабят, насильственно изымая население и отравляя окрестности отбросами».[109]

Законные нелепицы

Так и вижу, как отглаженный «единоросс» чуть ли не с кулаками бросается защищать все сразу – «петровскую модель», «план Путина», свое счастливое настоящее: «Как можно говорить, что у нас нет самоуправления. Ему посвящен целый раздел в Конституции России. В американском Основном законе, между прочим, о нем не сказано ни словечка». Так и есть. В США права и обя-

[108] Ю. Беликов «Особенности национального кризиса», «На смену!», 2009 г., № 4
[109] Д. Орешкин «РФ. Идеология пространства», «Новая газета», 2007 г., № 62

занности местных сообществ зафиксированы только в законодательствах штатов.

В случае с нашим самоуправлением, как и во многих других, в стране создана мощная правовая база пустоты, абсолютного нуля, фикции. Я не собираюсь подробно анализировать то, чего нет. Только несколько замечаний.

С большим интересом прочтя Закон под номером 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления», принятый 6 октября 2003 года и подписанный тогда еще президентом В. Путиным, я был приятно удивлен количеством имеющихся у меня прав. Муниципальные чиновники и депутаты должны просто трепетать, увидев гражданина Балезина О. В. или, допустим, Петрова И. С. Мы можем их запросто отозвать, потребовать любого отчета, инициировать общественные слушания, внеочередное собрание, перекроить границы муниципалета, слить, например, два сельских поселения или, напротив, разделить одно на два, прихлопнуть на фиг вообще всю самоуправленческую камарилью, объявив ей вотум недоверия. Правда, мне всякий раз придется сколачивать группу единомышленников, мой личный голос «тоньше писка» и в расчет не берется. Значит, забудь про работу, забудь про семью, отдай всего себя гражданскому служению. На что чаще всего сетуют пропагандисты демократии ААО? Что нет у нас гражданского общества – будь оно неладно. Но выбор тут небольшой – либо я становлюсь профессиональным гражданином, положив зубы на полку, либо добываю пропитание, наплевав на свои безграничные права.

К непонятному огорчению сытых радетелей за гражданское общество, все люди поголовно предпочитают вторую линию поведения. Главную физиологическую потребность – в еде – не в силах победить ни один, даже самый благожелательный с виду, законодательный акт. Если он потребует от человека жертвенности при реализации им своих прав, значит, такой закон лукав. Он никогда не будет работать в значительной своей части. Когда же нарушается заложенная в каждом законе система сдержек и противовесов, то правовой акт начинает представлять общественную опасность, поскольку открывает легитимные пути для злоупотреблений одной из сторон, что мы и наблюдаем в нашей повседневной жизни.

У 131-го Закона четыре патологии: вместо непосредственных выборов прямые и равные; куцее финансовое обеспечение и отсутствие стимулов у самоуправленческой власти его увеличивать своими силами; предоставление местным органам статуса не только административного, но и хозяйствующего субъекта с регистрацией юридического лица и, наконец, запутанная структура, чувствую, так и остающаяся загадкой для рядовых граждан. Раньше они понимали: вот это

село, вот это сельсовет, тут район, райцентр, город или поселок, потом область, дальше – страна. Теперь наберитесь терпения и прочтите список существующих муниципальных образований: сельское поселение, городское поселение, поселение (просто), муниципальный район, городской округ, внутригородская территория, города федерального значения (Москва и С. – Петербург), муниципальное образование (просто) и, наконец, только вслушайтесь, межселенная территория. Поселения могут входить в муниципальный район, а могут болтаться независимо – как любезные граждане пожелают. Вот кто точно в него никогда не пролезет, так это городской округ. Я, кстати, до знакомства с Законом удивлялся: почему некое образование называется муниципальным городским округом, не имея на своей территории ни одного города. А это такой высокомерный пофигизм недоучек: они спокойно ставят зет на место игрека и говорят: «Да нормально». Роль города по Закону 131 может выполнять поселок. Что тут такого? Да ничего, кроме бардака в жизни и хаоса в головах. Договорились называть ласточку стрижом, это наше дело – и никто нам не указ.

Есть не только вредные, но и смешные придумки. Вот все населенные пункты сельского поселения должны находиться от административного центра не дальше, чем на расстоянии пешеходной доступности в течение рабочего дня. Допустим, мы с соседкой Анной Петровной вышли с утречка. Она такая шустрая, как почесала – только я ее юбку и видел. Конечно, дошла до центра за 8 часов с перерывом на обед у обочины. А я так и не добрался, заночевал в другой, нецентральной, деревне у кума. Теперь имею полное право бороться за уменьшение размеров нашего сельского поселения. Заметьте, ходили мы с Анной Петровной в рабочий день, в нерабочий же не считается.

Как относиться к подобным экзерсисам – дело ваше. Можете посчитать их результатом особого, извилистого устройства бюрократического ума. Но нельзя, по-моему, исключать коварного замысла госвласти. Ничто не мешало ей наложить местное самоуправление на существовавшее (и существующее, как я понимаю, для государственных органов до сих пор) административно-территориальное деление. Но ведь власть людей, не ровен час, могла заработать, благодаря давно установившимся связям внутри структурных единиц. Надо внести сумятицу, нагородить огородов, пропахать чересполосицу (границы самоуправленческих образований во многих местах до сих пор до конца не определены), чтобы все запутались и так запутанные и ходили. Допускаю даже, что работавшие над Законом бюрократы не лишены тяги к иронии, причем, издевательской. Посмотрите, какие аналогии они заложили в сами названия «самоуправленческих» образований.

«Есть еще одно важное обстоятельство, которое явно недооценил наш законодатель. Говорят: как яхту назовешь, так она и поплывет, и доля правды в этом есть. Узаконение неуклюжих понятий «сельское поселение» и «городское поселение» есть ошибка. В России на поселение ссылали! Ни один нормальный человек не может понять, что такое сельское поселение, в которое входят десятки деревень, включая те, где жителей от нуля до трех! Возрождение понятия «сельская волость» поставило бы все на свои места! Обозначение «городское поселение» воспринимается жителями множества городов, часто древних и славных, как прямое унижение. Как оскорбление. Городское поселение Выборг! Городское поселение Углич! Городское поселение Александров! Очевидна необходимость восстановить в правах великое слово: город».[110]

Ну, ссылки-то успели забыться. А вот поселения «химиков» еще свежи в памяти. Теперь понятно, к кому приравняли разработчики Закона весь родной народ. К зэкам, находящимся на пути к исправлению. И то вперед.

Какая знакомая ситуация: сначала наворотив разных нелепиц, потом из последних сил пафосно бороться за восстановление прежних начал. Что такого великого в слове «город»? Ничего. Просто оно точное и короткое, в отличие от сложно-сочиненных конструкций с иностранным прононсом, предусмотренных 131-м Законом.

Противоестественные монополии

Вот кто не на раз прочитал этот правовой акт и нашел в нем массу возможностей для повышения собственного благосостояния, так это выборные и нанятые работники муниципалитетов. Для меня, например, они так же далеки, как обители Кремля. Но когда в соседнем дворе устанавливают шлагбаум с будкой и начинают собирать деньги со всех владельцев авто, не гарантируя сохранности машин; когда в десяти метрах от рядом стоящего дома возводится новый, и обитатели старого понимают, что вскорости им придется приспосабливаться к жизни «окна в окна»; когда ушлые ребята собираются на «законных» основаниях в тех же десяти метрах, но от другого жилого здания поставить автозаправку, и возмущенным гражданам не удается воспользоваться хотя бы одним из своих самоуправленческих прав – во всех этих случаях за спинами хищных бизнесменов маячит мурло продажного муниципального работника, с чьего разрешения или по чьей указке и творится беспредел. В принципе, все логично. Вы же знаете, кто главный в поселении? Правильно. Пахан. Яхта плывет в полном соответствии со своим названием.

---

110 В. Глазычев «О состоянии местного самоуправления в России», ж. «Отечественные записки», 2006 г., № 5

Одно из самых губительных последствий профанации перво-родно замечательных начал: «самоуправленцы» вкупе с госслужащими распространили монополии на все виды экономической деятельности, даже на те, где они противоестественны. Несколько лет назад я решил наведаться в стеклянный павильон у Южного автовокзала Екатеринбурга, торговавший разным ширпотребом. Знал, что работает заведение до 19–00, время было шесть вечера, и я не боялся, что опоздаю. И правда, павильон сиял, но дверь оказалась закрытой. Через стекла мне все видно. Сидят у прилавка два парня лет по семнадцати, перед ними какие-то бумаги. Пацаны по школьной привычке грызут ручки, видать, складывают два и два, сосредоточенные, как на экзамене. Рядом по-фельдфебельски вытянулась женщина в фирменном платье лет 35-ти, похоже, заведующая. Тут же сгрудилась стайка молоденьких продавщиц с озабоченными лицами. Я постучал, потом еще и еще. Наконец, одна из продавщиц отделилась от коллег, открыла дверь и бросила мне: «Не видите, что ли, табличку «Закрыто». Нас хозяева проверяют». Приготовленные мною возражения («почему проверка в рабочее время?», «я же столько времени добирался») слушать не стала и тут же заперлась снова. Плелся прочь и думал: «Ведь не за хорошую учебу этих беспардонных мальчиков павильоном наградили. Папаша или мамаша, скорее всего, чиновник средней руки (будь крупным, отвалил бы завод или пару бензоколонок) подарил по случаю окончания отпрыском среднего учебного заведения. Пусть тренируется, осваивается во взрослой жизни. Конкуренцию ему пока, конечно, не выдержать. Значит, надо расчистить мальчику поляну, чтобы в радиусе трех кварталов никто такой же фигней не торговал».

Кроме детей, есть еще племянники, дядья и тетки, друзья, любовницы и т.д. Все, как у второго президента, и даже лучше – любовницы плюсом.

Монополизм кланов привел к тому, что та же торговля по качеству обслуживания стремительно возвращается к советским образцам. До знакового крика: «Вас много, а я одна» не позволяет подняться только отсутствие очередей.

Укол сверху

Реалии российского «самоуправления» проистекают из всей системы государственного устройства, из тех правил, что задает тот же Закон № 131 как его часть. Конечно, если играть в хоккей в амуниции для керлинга, используя вместо клюшек швабры лишь на том основании, что «камень» похож на шайбу, то получится знакомая нам абракадабра. Настаиваю: форма, например, конфигура-

ция управления, способна в решающей степени влиять на содержание, то есть на качество работы власти.

«Славянофил» А. И. Солженицын всеми силами стремился приблизить Россию к западным образцам.

«…при огромных просторах нашей страны, при разнообразии населения в ней нам одновременно нужны и сильная центральная власть, с вертикалью власти, и широкая активность народа, но и со своей поднимающейся вертикалью».[111] «Правительственная вертикаль должна остаться, от сильной президентской власти – и вниз, но к низу сужаются компетенции ее, функции ее сужаются. У земства, наоборот, – у земства наиболее широкая компетенция внизу, а выше и до всероссийского уровня компетенции и функции его уменьшаются. И по всей высоте, на всех уровнях, правительство должно контролировать земство, чтобы оно выполняло государственные законы. А земство должно контролировать правительственную линию на открытость и честность ведения дел».[112]

Александр Исаевич много раз повторял эту сентенцию в разном изложении, по сути вдалбливал в головы соотечественников представление о разумной, с его точки зрения, структуре управления. Он знал, что продвигаемая им система не фантазийная придумка, она много лет существует на Западе, и, сдобрив ее для лучшего усвоения отсылкой к земским «корням», чтобы не вызывала отторжения у патриотов, надеялся получить поддержку в самых широких слоях думающей России. Реакция, однако, оказалась вялой. Ну, ладно, бюрократическая вертикаль и выскочки-политики, им всякие стратегии по барабану, лишь бы масть шла сегодня да еще бы завтра, а после хоть трава не расти. Но равнодушными остались и интеллектулы: критиковать не критиковали, но и слов одобрения не нашли. Похоже, посчитали, что Солженицын – слишком идеалист. Что для такой системы управления нужна минимум готовность правительственной вертикали допустить народное представительство, а сделав этот, априори невозможный шаг, еще и установить с ним сотрудничество во благо страны.

Вещь совершенно утопическая для заскорузлой в 300-летнем хамстве бюрократии, однажды постановившей, что «среди крестьян умных людей нет», и не собирающейся пересматривать свои взгляды.

Западные центральные вертикали, видимо, находят удобным отдать устройство повседневной жизни самим людям и заниматься престижными, публичными задачами: геополитикой, обороной, стра-

[111] А. Солженицын «Речь в Государственной Думе» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 508

[112] Там же, с. 510

тегией развития. В первой главе я попытался показать, что парадная власть, даже американская, оглядывающаяся на мнение населения, легко приносит в жертву интересы простых штатовских граждан в угоду транснациональным корпорациям, что она беззастенчиво раздувает расходы на вооруженные силы до непосильных для общества размеров. Пожалуй, небезосновательно Анатолий Волков, доктор, диетолог, утверждает: «Успешных государств сейчас нет вообще».[113]

По сути, центральная вертикаль, идущая сверху, паразитирует на теле общества. На ее вершине всегда оказывается узкая олигархия, поскольку само участие в выборных шоу стоит огромных денег. Соответственно, интересам своей группы она и служит, приписывая себе все общественные достижения. Люди в массе своей считают центральную вертикаль необходимой, поскольку именно она представительствует от их имени на высоком, мировом, уровне, является как бы «лицом» страны. Поскольку формируется властная игла «сверху вниз» при огромном уровне публичности (особенно в Америке, где выборы выглядят как цепь массовых представлений. Но и везде: телевидение, комментарии, оценки, прогнозы, опросы, речи, дебаты), поскольку рождается она у всех на глазах, то и затем, в будничные времена, естественным образом наследует право на софиты и съемки. В постоянном присутствии в поле зрения миллионов людей в решающей степени и заключаются смысл функционирования вертикалей, образованных демократией ААО. Содержание этой громоздкой структуры дорого и бессмысленно – по сути «деньги на ветер». В сущности, она атавизм, дань представлениям массового сознания о «высоком», идущем от царских и королевских выездов, балов, парадов, смотров. Как же, государство – и без всех этих «украшений»? Чем же народ воодушевится, если не будет у него общих, ведущих к «новым вершинам» пастырей?

В принципе, отвлекшись от духовозвышающих зрелищ и обратившись к собственной жизни, мы должны признать: можем спокойно отказаться от противоестественного – сверху вниз – строительства по рецептам демократии ААО малоэффективной и попросту вредной структуры, ставящей интересы горстки богачей впереди насущных для всего общества задач, и нарастить ту, другую, вертикаль, укорененную в народной почве, до главных высот в государстве. Что, не справится она с геополитикой, обороной, стратегиями развития? Справится, и, пожалуй, получше центральной, потому что не станет достигать намеченных в этих областях целей за счет интересов населения.

---

[113] Н. Чернова «Доктор Волков: «То, что сейчас происходит, – это рассыпание пирамид»., «Новая газета»., 2009 г., № 23

Похоже, и А. И. Солженицын видел результатом процесса преобразований в общественной жизни именно такую конфигурацию управления. «Если избрать предлагаемый далее порядок построения институтов свободы снизу, при временном сохранении центральной власти в тех формальных чертах, как она уже существует, – то это займет у нас ряд лет, и еще будет время основательно обсудить здоровые правила государственного построения».[114] Иными словами, парадная вертикаль остается временно, на переходный период, а потом отваливается, как сгоревшая ступень стартующей ракеты.

Правила для игры

Если на Западе растущая снизу власть наличествует в виде просторных подмостков, то у нас нет ничего. Есть только болтающийся в воздухе пресс, давящий любое проявление народной самоорганизации. Эта механическая штуковина, как ей и положено, глуха и безрассудна. Путин и Медведев, по сути, стоя на краю пропасти, говорят о стабильности власти как своем и общественном достижении. Не знаю, что происходит сейчас, а еще в июне 2009-го чиновники из «больших домов» Екатеринбурга со страхом шли на работу: большинство предприятий в городе и области должны были вот-вот встать. Страх внизу и вверху – вот крепежный материал стабильности. Настроение людей примерно такое: кризис надо переждать, благо на «черный день» скопили (а кто не скопил, для того и вовсе ничего не изменилось), Путин – мужик нормальный, пропасть не даст. Нефть же есть, ничего, скоро снова будет на хлеб с маслом. Лопай себе, сидя в иномарке. Хотя Левада-центр провел опрос и определил: 5 процентов готовы участвовать в уличных протестах. Это много больше 7 миллионов человек. У Ленина в начале «великого дела» было в сотни раз меньше «пассионариев».

Но в целом, повторю, настроение такое: трудности временные, надо немного подождать – и вернется время буржуазных радостей. Увы и ах! Похожий на чудо, необычайно длительный период высоких цен на нефть больше не повторится никогда. Да, на какое-то время цены могут снова подскакивать, но ненадолго. Навар от этих подъемов верхушка смолотит полностью, крошки под стол не обронит. А когда появится серьезная альтернатива углеводородам, надежда на шалое благополучие растворится окончательно, «как сон, как утренний туман». Когда слетит с людей налет благодушия, проступят всего два сценария, оба достойные фильма ужасов. Если отыщется пара сумасшедших горлопанов, способных повести народ на бой (сам он не склонен к крайним проявлениям, да и внутренней организации нет – ее

[114] А. Солженицын «Как нам обустроить Россию?», в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 390

можно только привнести извне), то получится «бессмысленная и беспощадная» кровавая баня, которая добьет нацию. Другой не такой страшный, зато противный: нас встроят в глобальный рынок, чтобы тяжести таскать. Наша верхушка пойдет в открытое услужение к американцам, и в Вашингтоне будут решать, что им нужно выкопать и кто этим займется. И станем мы примерно Малайзией, Филиппинами или Камбоджей – уж как повезет. И будет жизнь в Отечестве цикличная: то матросит сверхдержава, то бросает.

Чем раньше хотя бы думающие россияне озаботятся строительством новой управленческой системы в обществе, тем больше надежд на спасение. Говорить, что наш народ не способен к самоорганизации, что он только на барина и надеется, такой, дескать, да сякой – это все от лукавого. Не хуже других. Пусть качество образования упало, но его востребованность в обществе высочайшая. А какую нация проявила пластичность! Сказали либералы: рынку, демократии нужны зубастые индивидуалисты. И пятнадцати лет не прошло – нате, получите! Страна сплошных индивидуалистов, куда там Америке и Европе. Какие правила народу задать, по тем и сыграет.

И к самоорганизации, когда прижмет, вполне способен. Вот в Белоярском районе Свердловской области есть деревня Малиновка – назвали, наверно, так, «малиновки заслышав голосок», потому что лет населенному пункту немного, в 1983 году образован, песня тогда как раз была очень популярна. Комбинат «Ураласбест» организовал здесь свое сельское подсобное хозяйство. Построили коттеджи, народ приехал, стал работать. А как рынок воцарился, сделалось хозяйство комбинату ненужным, и его прикрыли. «…корпуса потихоньку пришли в негодность, все, что можно отломить и увезти, отломили и увезли некие предприимчивые люди: «все равно без дела рушится».[115]

А население, и немалое, 160 человек – осталось Людей же пока еще не продашь. Все безработные. Рейсовый автобус в деревню больше не ходит. Хорошо, что сотовые телефоны уже распространились – связь есть!

«…как выяснилось из беседы с жителями Малиновки, в деревне полное самоуправление, неофициально выбранное по инициативе самих людей. «Должности» совмещаются. Фельдшер, например, заодно с таблетками привозит из Режика письма и газеты. Для сбора коммунальных платежей (они есть!), а заодно и всяких справок в район назначена доброволец-комендант. Продавец Лариса Петровна вручает доставленную фельдшером почту людям у себя в магазине. У себя на дому, кроме занятия хозяйством, воспитания шустрого внука Игоря и вредного кота Террориста, выслушивает жалобы односельчан.

---

[115] М. Вашиадан «Жизнь в Малиновке – не малина», «На смену!», 2006 г., №23

Ведь ее сын – милиционер, один на несколько подобных Малиновке населенных пунктов…

Михаил Ударцев, попросту Миша, – слесарь. Есть в Малиновке трехэтажный дом, который обогревается от котельной. Остальные дома тоже не деревянные избы, а коттеджного типа, на две квартиры. Везде есть канализация. Всеми любимый Миша при водонапорной башне дежурит, воду в дома подает. Он же добровольно взялся следить за порядком на улице, убирает мусор… начальник Режиковской сельской управы Галина Пасеева, к которой постоянно обращаются за помощью и которую уже не раз благодарили за содействие жители Малиновки, считает, что есть у деревни шанс выкарабкаться, главным образом потому, что они (жители – прим. О. Б.) друг за друга держатся, всем, кто «наверху», покоя не дают».[116]

Народ нормальный. С правилами беда. И социализма хватанули, и капитализма, а все жизнь какая-то неустойчивая. Одна власть стабильная.

Вот собственно я и закончил рассказ о том, на что опирался и какие «подводные камни» и ловушки вознамерился миновать, решившись представить вам оптимальную, на мой взгляд, для нашей страны систему управления. Подступаться к ней надо не торопясь, но поспешая. Затяжка кризиса в ядерной державе, занимающей 1/8 часть земной суши, чревата бедствиями не только для нас, но и для всей планеты. Чем мы организованней, сплоченней, разумней, чем тверже опираемся на проверенные людьми моральные нормы, на совесть, доброжелательность, справедливость, тем лучше и «негру преклонных годов», и знойной мулатке на Барбадосе, и нашим старикам и детям, родственникам и друзьям. Мы заблудились в мировоззренческой чащобе, и я надеюсь, показанная мной тропинка позволит выйти в цивилизованный, культурный и ухоженный район.

[116] Там же

Глава IV

ДРУГАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Правильная схема

Для начала необходимо заметить: предлагаемую систему управления я описываю в законченном виде. Иными словами, даю образчик, к которому неплохо бы прийти в результате целенаправленных общественных процессов.

Первым делом формируется Всероссийская избирательная комиссия или реорганизуется нынешняя, непонятно чем занимающаяся между ставшими редкими выборами. Сотрудников этой организации следует переориентировать на другие формы работы. В частности, им предстоит иначе распределить нас, избирателей.

Возьмем город, где я живу, – почти полуторамиллионный Екатеринбург. Административно он делится на 7 районов с населением от 150 до 240 тысяч человек в каждом. Попробуем создать властные структуры в этом мегаполисе на новых основах.

Город бьется не на огромные бесформенные избирательные округа, где отдельно взятый гражданин – только крохотный винтик процесса, не способный ни повлиять на его ход, ни проверить результаты кампании. Самой маленькой избирательной ячейкой становится каждая тысяча жителей города.

В моем 16-этажном доме 128 квартир. В каждой из них в среднем проживает 2 человека, имеющих право голоса, общее число – 256. Возможно, чуть больше или чуть меньше. По соседству находятся еще два шестнадцатиэтажных дома – точные копии моего. Количество избирателей, обитающих в трех зданиях, приближается к тысяче. «Тысяча» – не сакральное число. Избирателей может быть немного больше или немного меньше – отступ от абсолютной точности никак не влияет на качество процесса.

Итак, жители трех соседних домов имеют право избрать из своих рядов (и только из своих!) властного представителя – тысяцкого. Сотрудник губернского отделения Избиркома клеит на двери подъездов объявления, мол, собрание состоится ровно через неделю во столько-то часов. Времени достаточно, чтобы люди смогли прикинуть, кого двинуть в начальство, не пойти ли самим, но мало для развертывания агитации и пропаганды. Чем скромнее предварительная возня, тем точней будет выбор собрания.

В каждом городском районе отыщется зал на 1000 мест или жители соберутся у себя во дворе в погожий, допустим, майский выходной. Нехитрого инвентаря (стол, стулья для президиума, микрофон, урна для голосования) вполне достаточно.

Сотрудник Избиркома начинает процедуру и проводит выборы председателя собрания, секретаря (лучше такого, у которого есть видеозаписывающее устройство или хотя бы диктофон). Дальше ру-

лит председатель. Он проводит с помощью открытого голосования выборы счетной комиссии, человек из двух.

Избиратели сами устанавливают регламент собрания (определяют время для выступления кандидатов, для дебатов, если их решат проводить). Кандидатов могут выдвигать соседи, или те предлагают сами себя. Конечно, собранию неплохо посмотреть на реакцию претендентов, послушать их автобиографию, порасспрашивать о том о сем. Подебатировать, если такая возможность предусмотрена регламентом.

Пришла пора голосовать. Каждый участник собрания подходит к председателю счетной комиссии, показывает документ, удостоверяющий личность. У председателя есть список избирательной тысячи, составленный предварительно Избиркомом. Он по нему сверяется, и если все нормально, выдает подошедшему пустую, но пронумерованную им собственоручно бумажку. Свой почерк председатель всегда узнает, так что лишних бюллетеней в урну не накидаешь. Потом, стало быть, каждый голосующий пишет на бумажку фамилию понравившегося кандидата и реализует посредством просовывания бюллетеня в щель свое конституционное право.

То ли счетная комиссия сама считает голоса и потом докладывает итоги, то ли подсчет будет происходить открыто, при всех – иными словами, один член комиссии достает из перевернутой урны бюллетень, зачитывает вписанную фамилию, а другой делает соответствующую пометку – опять же решает собрание.

Крайне желательно, чтобы каждая «тысяча» выбирала еще и заместителя тысяцкого, поскольку тот может оказаться востребованным на более высоком уровне управления, заболеть, срочно переехать и т.д. Логично регламентом собрания предусмотреть, что заместителем автоматически становится кандидат, занявший второе место по числу отданных за него голосов.

Сколько пришло на собрание, столько и пришло. Ограничитель один: чтобы больше четырех человек. Одного они выберут тысяцким, другого замом – и всей «тысяче» придется год жить с этим выбором. Не нравится «диктатура меньшинства»? А приходите на собрание – и не будет никакой диктатуры.

Победителем на выборах считается тот, кто получил простое большинство голосов. Любой гражданин в течение месяца после окончания собрания вправе лично пересчитать голоса в присутствии работников избирательной комиссии. Бюллетени опечатываются и хранятся в сейфах Избиркома.

Согласитесь, выборные процедуры в таком виде становятся абсолютно прозрачными, исключающими подтасовки, фальсификации и прочие прелести, присущие нынешнему прямому и равному воле-

изъявлению. К тому же они не потребуют сумасшедших денег. Ни тебе избирательных фондов, ни бюджетных отчислений на счета партий, ни головокружительных трат на рекламные кампании. А результат, уверяю вас, не то что не пострадает – напротив, окажется куда более продуктивным, чем мы получаем сейчас. Вес каждого голоса возрастет в разы – это уж точно.

Теперь представим: вот собрались пять человек из тысячи, проводят собрание, все чин чином, а как дошло дело до выдвижения кандидатов, начинают отнекиваться. Никто не хочет.

Что ж, беда небольшая. Уже через год, оставшись без рычагов влияния на управленческие структуры, инертная «тысяча» с неизбежностью осознает: со своим представителем лучше, чем без него. Системе в целом отдельные выборные провалы никак не повредят.

Как не повредит и другая «вольность». Если отдельно взятый гражданин имеет в собственности, допустим, три квартиры в городе и пару-тройку загородных коттеджей, то он вправе участвовать в выборах и быть избранным во всех местах, где расположена его недвижимость. Получают такую возможность и временные квартиросъемщики наряду с квартировладельцами. А что если какой-нибудь оригинал изберется в трех местах тысяцким, а в четвертом – сотником. Ну, такой он неотразимый. Тут Избирком должен гражданину «подрезать крылья» – предложить решить, на каком из постов тот остается, а до остальных тысяч довести информацию: вот по следующей необычной причине тысяцким у вас становится выбранный заместитель.

Итак, в городском районе сформировался корпус тысяцких. Все вместе они составляют Собрание района. Тысяцкие из своих рядов выбирают тайным голосованием главу района и в обязательном порядке – не менее двух его заместителей. Тут устанавливается первый барьер на пути стремящихся вверх по карьерной лестнице. Кандидаты в главы и его заместители обязательно должны иметь высшее образование, поскольку им придется распоряжаться финансами, руководить людьми, вникать в непростые проблемы.

Глава района и его заместители образуют постоянно действующую Администрацию района с подчиненными ей отделами, состоящими из профессиональных управленцев. Какие именно отделы им нужны, Администрации решают сами. Тут важны два момента. Необходимо ввести единую всероссийскую норму: сколько Администрациям можно иметь чиновников исполнительных органов при том или ином количестве подведомственного населения. Может быть, как и выборных, одного на тысячу жителей, или на полторы, или, допустим, на 800. Пусть решает Высший Совет. Выборной власти придется испытывать постоянное давление. Чиновники будут жаловаться: столько работы, не успеваем, нас так мало. Не отступать!

Настоятельно рекомендовать искать резервы в лучшей организации собственного труда. Иначе вместо эффективных менеджеров мы опять получим неповоротливую, прожорливую и огромную толпу чиновников, способную затоптать всякое живое дело. Повторяю, норма – единая для всей страны, ее превышение – серьезный проступок пошедшего на такой шаг главы, способный привести к его отставке.

Второе. Все исполнительные органы в государстве структурируются по одной и той же схеме. В них создаются группы оперативного реагирования и перспективного развития. Первая разгребает «текучку», разбирается с жалобами жителей, разруливает конфликты. Вторая анализирует состояние дел в подведомственной сфере, отслеживает наметившиеся в ней тенденции, намечает ближние и дальние цели и определяет средства их достижения. Повторю, так строятся все исполнительные органы, в том числе отделы Администрации района.

Пошли дальше.

Главы районов образуют Собрание города. Оно из своих рядов выбирает главу города и его заместителя. Применительно к Екатеринбургу, 7 человек определяют двух, переходящих работать на городской уровень. Соответственно, в районных Администрациях, которые они представляют, автоматически происходит сдвижка – первые замы становятся главами.

Руководитель города и его заместитель набирают штат исполнительных органов, то есть тоже создают отделы Администрации.

Вот и вся правильная властная пирамида применительно к Екатеринбургу и другим губернским центрам. Чтобы выстроить такую же фигуру в городах и сельских районах губернии, необходимо провести небольшую административно-территориальную реформу. Поясню на примере опять же Свердловской области.

Большинство городов региона являются районными центрами (Алапаевск, Артемовский, Богданович, Верхняя Салда и т.д.). Но некоторые имеют статус городов областного подчинения и выпадают из создаваемой мною хотя бы в воображении стройной системы (Асбест, Березовский, Ивдель, Карпинск, Качканар и т.д.). Так вот, последние необходимо либо наделить функциями уездных центров, передав в их ведение определенную, четко очерченную территорию с деревнями и поселками, либо включить в состав уже существующих районов: например, Кировград – в Невьянский район, Полевской – в Сысертский и т.д. Важно и здесь воспроизвести трехступенчатую структуру власти, описанную на примере Екатеринбурга.

Теперь попробуем проследить, начиная с самых маленьких населенных пунктов, как формируются органы власти в уездах (предлагаю именно так впредь условно именовать районы области, чтобы

не путать их с районами главных городов регионов). Возьмем деревню, где всего-то 30 человек, имеющих право голоса (или, допустим, 28, 31, 34 – абсолютная точность, повторю, не важна). Каждые «десять» жителей деревни выбирают своего десятника. Трое десятников образуют Собрание деревни. Оно из своих рядов выбирает старосту, желательно с высшим образованием. Вполне может быть, такого в малонаселенном пункте не окажется. Если среди десятников нет имеющих даже среднего образования, то деревня автоматически вместе с принадлежащей ей административно территорией включается в состав более крупного населенного пункта. В деревнях, где имеющих право голосовать не более 30 человек, выбирают сразу старосту, получающего статус десятника или сотника, в зависимости от размеров того села, к которому эта деревня административно присоединяется.

Населенные пункты с числом избирателей менее 300 человек делятся на «десятки», от 300 до 3000 – на «сотни», свыше 3000 – на «тысячи».

В уездных центрах и городах уездного подчинения тысяцкие составляют Собрание города (поселка) и избирают главу города или поселка. Для глав и старост обязательно высшее образование. Все вместе они представляют собой Собрание уезда и по уже описанной схеме выбирают главу уезда.

Глава губернского центра и главы уездов образуют Собрание губернии. Оно избирает губернатора и вице-губернатора. Те, в свою очередь, формируют отделы своей Администрации.

Тут внимательный читатель вправе засомневаться в моем искреннем стремлении не допустить численного роста бюрократии: «Да у тебя же при единой норме на чиновников исполнительной власти, зависящей от количества подведомственного населения, вокруг губернатора сгрудится просто несметная орда перебирателей бумажек. Посуди сам: если можно содержать одного на, допустим, тысячу жителей, а в губернии обитает 4 миллиона человек, то что получается? 4 тысячи «белых воротничков», с ума сойти можно».

Совершенно справедливое и, главное, своевременное замечание. Извините, не додумал. Конечно, нормы остаются едиными, но их необходимо несколько. Та, о которой шла речь – для Администраций первой ступени власти. Другая – для городов с населением свыше 30 тысяч человек (допустим, один сотрудник на 10 или 15 тысяч жителей) и третья – для губерний. Они, впрочем, тоже сильно между собой разнятся. В тех, где население больше 2 миллионов, логично предусмотреть одного чиновника на 100 тысяч жителей, а где меньше, то, допустим, на 50 тысяч. Уже, значит, придется вводить четыре единые нормы. Целая тарификационная сетка. Но что делать.

И, наконец, губернаторы представляют из себя в совокупности Высший Совет. Он избирает из своих рядов президента страны. Главе государства непосредственно подчиняются три министерства – иностранных дел, внешних экономических связей и финансов, а также Служба внешней разведки, контрольно-ревизионное управление. Он, как и нынешний, является Верховным главнокомандующим. Кроме того, руководит собственной Администрацией. В ней создаются отраслевые отделы, организованные так же, как в районах, поселках и уездах, с тем отличием, что группа перспективного развития численно преобладает, поскольку этим центральным структурам придется заниматься в основном аналитикой (в частности, готовить фактические материалы на Высший Совет, если тот рассматривает их «тему») определением главных направлений движения. Непосредственно Высшему Совету подчиняются Следственный комитет и видоизмененный (см. главу V) Конституционный суд.

Резонный вопрос: а кто же будет выполнять законодательные функции? Где парламент? Думаю, можно вполне обойтись без него. И даже лучше, если без него.

Парламент в классическом виде есть собрание по большей части далеких прежде от создания нормативных актов людей, представляющих различные общественные группы. Грубо говоря, смысл работы депутата в том, чтобы протащить через голосование любезные ему и его единомышленникам законы или поправки к законам. Причем так, чтобы коллеги-противники ничего не заметили или хотя бы не могли помешать. При этом лоббисты совершенно равнодушны к тому, как скажутся изменения в нормативной базе на общественной системе в целом. В сегодняшней России депутатский корпус, вообще, отчетливо сознает себя частью коррумпированной, повязанной круговой порукой властвующей корпорации. Посему выпекает один за другим законы, ущемляющие интересы большинства населения. Вся эта подрывная, по сути, деятельность проходит под пиароовским прикрытием противостояния некому «популизму».

Если не парламент, то что? Представляется необходимым создание при президенте трех профессиональных юридических контор. По заказу Высшего Совета эти фирмы разрабатывают проекты того или иного закона, затем знакомят с ними властную вертикаль, вплоть до тысяцких, а через них – всех заинтересованных граждан.

Юридические службы при губернаторах проводят дальнейшую работу. Во-первых, на своих сайтах в защищенной сети, связывающей все органы власти, организуют своеобразное голосование: какой из трех проектов предпочтительней. Во-вторых, собирают пожелания и замечания, устанавливают их частотность. Губернатор приезжает на Высший Совет с готовым мнением. Какой проект получил

поддержку в регионе, за тот и голосует. Процедура занимает считаные минуты. Победившая юридическая контора получает от президента премию, а от своих коллег из регионов – собранный материал с уточнениями, замечаниями и т.д. не только по их законопроекту, но и адресованный разработкам конкурентов. Она все это анализирует, вносит изменения в первоначальный вариант своего законодательного акта. Затем докладывает на Высшем Совете: у такой-то поправки частотность высокая, тем не менее статью мы оставили в прежнем виде потому-то и потому-то, а вот это замечание и вот это принимаем. Губернаторы голосуют. Если большинство «за», то закон начинает действовать с годичным «испытательным сроком». Контора-разработчик и губернаторские юридические службы анализируют практику его применения. Через год с новыми поправками закон ставится на голосование в Высшем Совете. Если проходит, то как бы оказывается принят на постоянную работу. Теперь по меньшей мере лет десять лучше к нему не прикасаться.

Те же юридические конторы при президенте проводят чистку всего законодательного массива: устраняют противоречия, излишнюю регламентацию, убирают неработающие и устаревшие акты. Законы «нового поколения» избавляются от ни к чему не обязывающего трепа, разного рода обоснований и констатации намерений. Они представляют из себя скорее инструкцию: как следует действовать в той или иной ситуации и под какие санкции вы подпадаете, если поступаете иначе, а также обозначают элементы, регулируемые тем или другим уровнем местной власти.

Главы регионов, уездов, городов законы не издают – только приказы и распоряжения, не противоречащие общегосударственной нормативной базе.

Формируется также сеть исследовательских и методических центров, работающих по заказу президентской Администрации. Многие существуют и сейчас, просто следует четко обозначить их статус.

Президент назначает в каждую губернию своих полномочных представителей, имеющих при себе небольшой штат чиновников. Главная задача полпредов: отслеживать соблюдение всеми уровнями власти общероссийского законодательства, наблюдать за открытостью рынков. Кроме того, под их началом находятся местные отделения контрольно-ревизионного управления. КРУ осуществляет проверки только по требованию большинства районных, городских, областных Собраний.

Можно считать: структуры власти сформированы. Еще несколько необходимых уточнений. Тысяцкие, сотники, главы городов, районов, регионов, а также президент могут продлевать свои полно-

мочия сколь угодно раз. Опыт по улучшению общественной жизни, доведенные до автоматизма управленческие навыки – большая ценность. Успокоившихся или же уставших система отринет сама.

Понятно, что избранные граждане оставляют свою прежнюю работу, получают зарплату из бюджета. Если среди них оказались собственники, то требовать от них отказываться от прав на недвижимость или от пакетов акций, наверно, неправильно. Дискриминация получается. Конечно, они непосредственно не управляют своей собственностью (выходят из совета директоров, складывают полномочия президента компании или менеджера) и на время государственной службы передают эти функции доверенным лицам – родственникам, друзьям. Начнут использовать властные полномочия, чтобы потрафить своим структурам? Конечно, опасность большая – пример современной России перед глазами. Вижу только два способа ее уменьшить: ввести уголовную ответственность за должностной протекционизм госслужащего в отношении принадлежащей ему частной собственности и открытость информации о владельцах того или иного бизнеса. Все должны знать: вот эта форма – главы, допустим, района, а вон в том предприятии он имеет приличную долю. Общественный пригляд за такими субъектами рынка будет пристальней. Может быть, со временем обнаружатся не столь жесткие, но более эффективные меры по пресечению этой заразы.

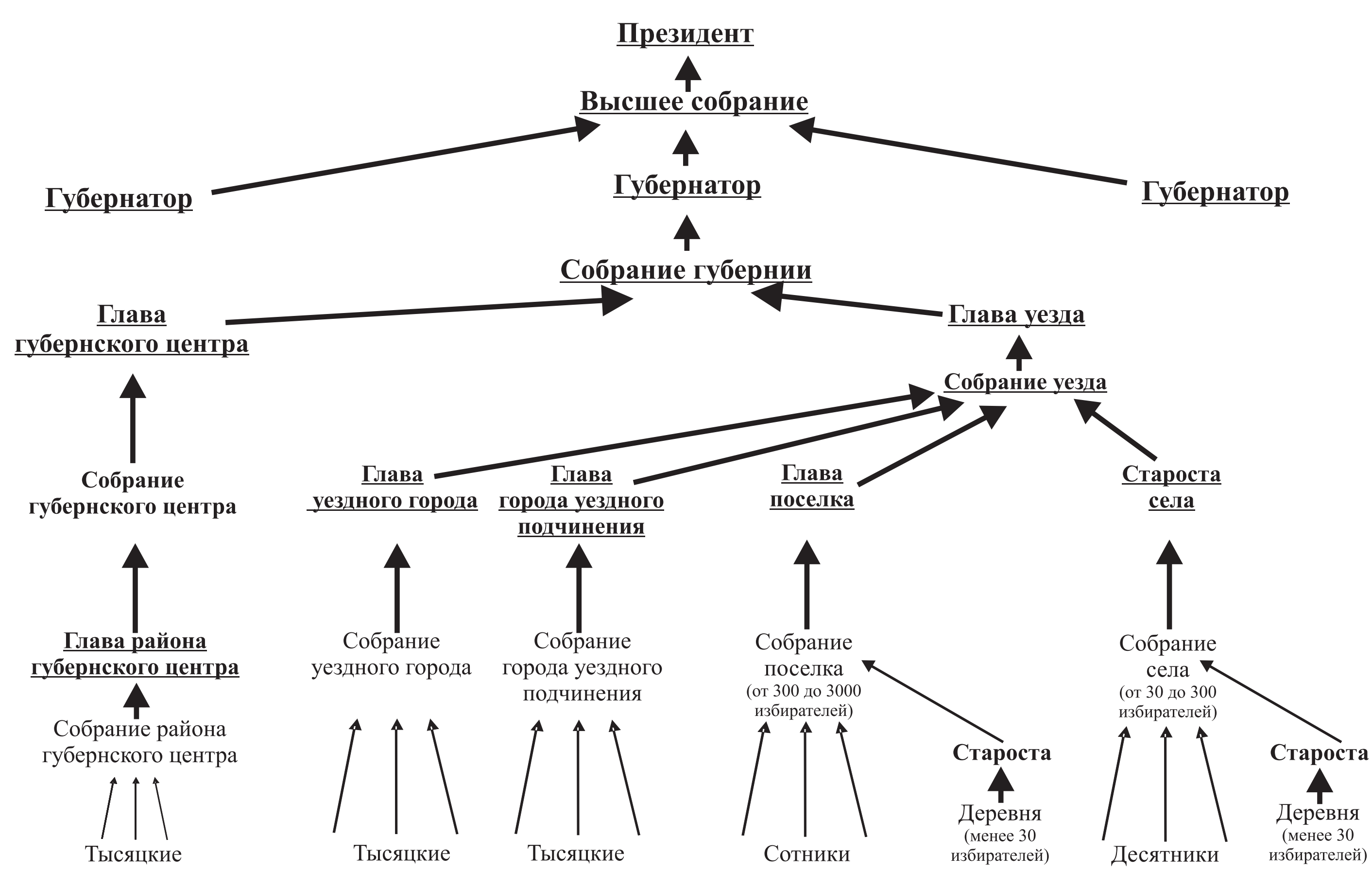
Важнейший элемент предлагаемой системы – несовпадение выборных циклов. Срок полномочий президента, губернаторов, глав – 5 лет. Тысяцкие, сотники, десятники переизбираются ежегодно.

Нетрудно заметить, что сегодня депутаты разных уровней, да еще объединенные партийной дисциплиной, сращиваются между собой и с исполнительной властью – и все вместе представляют из себя монолитный клан, могущественный и неподотчетный обществу. В предлагаемой системе руководителям районов, городов, поселков нет никакого смысла сколачивать тысяцких, сотников, десятников в «команды» с долгосрочными корыстными интересами. Последних завтра не выберут – и все негласные договоренности обратятся в прах. По той же причине тысяцким, десятникам, сотникам предпочтительней все время угождать своим избирателям, чем приносить их интересы в качестве своей доли в в альянс с исполнительной властью.

Теперь получившие выборные должности идут учиться. Избирком организует для них специальные месячные курсы, по сути, инструктаж: какие они имеют права и обязанности, что можно и что нельзя. Вдобавок медицинское освидетельствование позволит отсеять, в основном, психически нездоровых людей.

Схема есть. Теперь посмотрим, что будет, когда она оживет.

Структура выборной власти в предлагаемой системе

Моторчики системы

Приглядевшись к нарисованной схеме, вы вправе воскликнуть: «Так ведь опять вертикаль получилась!» Действительно, что ни выдумывай, а от означенной фигуры, похоже, не уйти. Вот что говорит на сей счет директор Центра политических технологий Борис Макаренко: «…когда либеральные партии на встрече с президентом подняли вопрос, нужна ли вертикаль, президент ответил, что без вертикали государства не бывает. Это правда, другое дело, что внутри вертикали должны быть двусторонне направленные отношения – не только сверху вниз, но и снизу вверх. Вертикаль должна строиться на доверии и компромиссе. Власть и вся страна встали перед выбором: либо начнем реформу управления (не чтобы разрушить вертикаль, а чтобы ее сохранить и сделать действенной), либо премьеру придется мотаться по стране, гася кризисы. Но у второго пути вряд ли есть хороший финал».[1]

Добавлю только одно: отношений снизу вверх внутри вертикали никогда не возникнет, если она все время будет строиться откуда-то с неба, каркающим вороньем, а не вырастать, как все живое, из корней, углубленных в народную почву.

Тут самое время подробней остановиться на ключевых фигурах предлагаемой системы – тысяцких, сотниках, десятниках. Именно через них управленческая схема будет наполняться питательными веществами, духом общего участия, всем необходимым для того, чтобы из головной конструкции превратиться в постоянно набирающую силу, рост, цвет живую субстанцию.

Какие у тысяцких, сотников, десятников обязанности?

Не менее трех дней в неделю они ведут прием выбравших их граждан, анализируют полученную информацию, добиваются решения текущих вопросов и постепенно вырабатывают стратегические задачи, достойные внимания районного собрания, а может быть, городского, губернского или, вообще, Высшего Совета.

Тысяцкие, сотники, десятники создают давление на административные органы, но и сами подвергаются нешуточному прессу со стороны населения. Достаточно сказать, что около 20 процентов жителей нашей страны страдают шизофренией разной степени тяжести. Отделить истинную информацию от нафантазированной, отсортировать значимое от второстепенного, не лезть с открытым забралом на рожон по любому поводу, но и не отсиживаться в окопах – сложное искусство.

Успешно прошедшим такую школу можно смело доверять руководящие посты во всех общественных сферах. Постепенно страна

---

[1] «Из одной точки невозможно рулить всем», «Новая газета», 2009 г., № 65

обзаведется настоящей, а не присвоившей себе высокое звание элитой. В государстве, на производстве, в культуре вообще повысится качественный уровень управления.

В отделах администраций должна быть введена должность контактера, то есть человека, постоянно работающего с представителями первичной власти. Иначе все сотрудники увязнут в бесконечных разговорах и разборках с народными избранниками, им совершенно некогда будет заниматься своей работой. Если в городе или районе 30 или даже 50 тысяцких, то они смогут каждый по отдельности выходить на контактеров. А если 200? Ни один контактер не выдержит такого напора. Тогда Собрание района губернского центра принимает решение: ввести у себя на территории институт уполномоченных тысяцких. Зарплату им устанавливают повыше, чем у коллег, так ведь и обязанностей существенно добавляют. В администрации 12 отделов – значит, и уполномоченных 12. Все тысяцкие района теперь именно им несут информацию, требования, запросы по определенной теме. Например, у одного концентрируются проблемные моменты по здравоохранению, у другого – по спорту и т.д. Наверняка многие сигналы будут повторяться, как точка – тире – точка. Общаясь с контактером, уполномоченный тысяцкий обращает его внимание: «Вот по этому поводу люди особенно волнуются. Надо срочно что-то решать».

Не превратятся ли тысяцкие в ходоков, тщетно бьющихся лбами в запертые бюрократией двери? Вряд ли. У тысяцких достаточно властных полномочий, чтобы заставить крутиться колесики исполнительных органов.

Возьмем простую житейскую ситуацию. На вашей улице не горят три фонаря. Совершенно невозможно ходить, ничего не видно. Вы отправляетесь к тысяцкому, говорите, что неплохо бы восстановить свет. Тот и сам устал спотыкаться. Идет тысяцкий в отдел благоустройства, контактер ему на следующий день отвечает: все выяснил, лампочки у электриков закончились, в четверг купят, в пятницу ввернут. Кстати, формализовать отношения между народными избранниками и сотрудниками администрации не стоит, обмен официальными запросами и ответами лучше устраивать только по существенным поводам. Тем временем на дворе уже суббота, а фонари не горят. Обманули. Нехорошо. Обманут раз, другой, третий, шестой – и у тысяцкого может закончиться терпение. Тогда, господа благоустроители, держитесь. Тысяцкий располагает всеми инструментами, чтобы любого из вас лишить должности, в том числе и прежде всего – заведующего. Опись механизма воздействия изложу ниже.

В то же время сами непосредственные избранники народа – не начальники для людей, которые им доверили управленческие функции. Они не имеют права сколачивать не только какие-либо устойчи-

вые общественные организации из выбравшей их «тысячи» («сотни», «десятки»), но даже временные бригады, например, для добровольно-принудительной уборки мусора. Им нельзя нарушать личный покой граждан, устраивать проверки, пересекать без приглашения порог какой-либо квартиры, кроме собственной. Все эти запреты закрепляет российское законодательство.

«Тысяча», «сотня», «десятка» – не коммуна, не «ячейка» общества, не объединение граждан. Таким образом поделив население, мы добиваемся только двух целей – качественного выборного процесса и более широкого и действенного влияния абсолютно всех заинтересованных людей на органы власти. Это принципиальнейший момент во всей предлагаемой системе. Нам никому не надо объяснять, что строительство, бывает, ведет к разрушению, что самый безобидный предмет, вроде скалки или утюга, становится орудием убийства. Вся распрекрасная система, которую сейчас описываю, способна превратиться в полную свою противоположность – проводника невиданного в истории тоталитаризма и дремучих форм человеческого общежития – только если мы поставим жителей под начало тысяцких, сотников, десятников.

Личные права гражданина священны. Он живет, с кем хочет, работает по любой специальности и где ему нравится, хоть за границей, переезжает с места на место, когда заблагорассудится и т.д. Если тысяцкий сколотил даже кружок кройки и шитья, глава района, губернатор, представитель президента обязаны немедленно начать процедуру отстранения его от должности.

Понятно, что закон не сразу поборет обывательские настроения. Люди будут считать тысяцких, сотников, десятников непосредственными вдохновителями или исполнителями всяких общественно-полезных дел: мы тебя выбрали, давай теперь организуй субботник, постройку корта, угомони пьяного соседа и т.д. Поэтому самым близким к народу представителям власти жизненно необходимо на первых порах всегда иметь при себе Конституцию и тыкать граждан лицами в текст: видишь, самому мне делать это запрещается. Я могу только поспособствовать, чтобы дебоширом занялась милиция, а корт поставила – служба благоустройства. А с субботником давайте сами. Собирайтесь, проводите – никто вам не запрещает. Любые формы самоорганизации – пожалуйста, кроме, конечно, бандитских.

Сколь бы непонятными и даже бесполезными ни казались первоначально обязанности тысяцких, сотников, десятников значительной части населения, всю жизнь ищущей начальственной опеки, эти «рядовые» власти, повторю, основа всей предлагаемой управленческой системы. Они – ее движок, моторчик, производящий новые и новые

импульсы, не дающий руководящим структурам закостенеть и погрузиться в состояние междусобойчика.

Самостояние глав

У глав районов (уездных городов, городов, поселков, сел) в предлагаемой системе самые обширные управленческие функции. Они получают под свое начало четко очерченную территорию, и от того, как пойдет дело в этих «вотчинах», зависит благополучие и всех граждан, и страны в целом.

Посмотрите на сегодняшнюю ситуацию. Чем бы вы ни занялись, существуют объективные критерии оценки вашей деятельности. Для менеджера-производственника – размер прибыли и рост промышленных, торговых объемов, для спортивного тренера – места, занятые его подопечными, для кинорежиссера – количество зрителей и (или) фестивальные призы… И только чиновник редко-редко отвечает за результаты своей работы, а ушлый – никогда. Можно годами давать обещания и не выполнять, направлять материальные потоки по рекам, текущим в личный пруд, забыть о больницах и детсадах, об инвалидах и матерях-одиночках, а потом вбухать миллионы в выборную компанию и пойти на новый круг.

Предлагаемая система отменяет синекуру. Оценка работы глав самых маленьких территориальных единиц теперь обретает объективные критерии: как живется у тебя людям, насколько благополучны подведомственные тебе школы и больницы, музеи и спортплощадки, много ли строишь доступного жилья, наконец, велик ли бюджет в твоем образовании. Ни надеяться на Москву, ни кивать на ее прижимистость и коварство больше не получится. Ты и только ты обеспечиваешь сегодняшний уровень жизни и развитие и своей территории, и губернии, и, в конце концов, всей страны.

Для решения задачи главам районов (уездных городов, городов, поселков, сел) даются все средства. Им напрямую подчиняются налоговая инспекция, милиция, санэпидемстанция и другие службы. Остается постоянно стимулировать деловую активность на подведомственной территории, пополнять местный бюджет и с умом его расходовать.

О принципах такой работы говорил А. И. Солженицын на швейцарском примере. Цитата большая, но она того стоит.

«На городской площади собраны, плотно друг к другу стоят все имеющие право голоса… Голосование – открытое, поднятием рук. Главу своего кантонального правительства, ландамана, переизбрали очень охотно, с явной любовью, – но из предложенных им законопроектов тут же вслед проголосовали против трех: доверяем тебе! Правь нами, – но без этого!

А ландаман Раймонд Брогер в программной речи сказал: «Вот уже больше полутысячелетия наша община не меняет существенно форм, в которых она правит сама собою. Нас ведет убеждение, что свобода связана с нашими обязательствами и нашим самосдерживанием. Не может быть свободы ни у личности, ни у государства без дисциплины и честности. Народ – решающий судья во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И поэтому в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента. …Правительство, продолжал Брогер, не должно спешить за колеблющимся переменчивым народным голосованием, только бы переизбрали вновь, не должно произносить зазывных речей избирателям, но двигаться против течения. Задача правительства: действовать так, как действовало бы разумное народное большинство, если бы знало все во всех деталях, – а это становится все невозможнее при растущих государственных перегрузках. Именно демократическая система как раз и требует сильной руки, которая могла бы государственный руль направлять по ясному курсу».[2]

Соглашаясь с ландаманом Брогером по существу, применительно к предлагаемой системе я бы несколько перефразировал его управленческие установки: не надо слепо и во всех вопросах следовать пожеланиям населения, бежать за народом, «задрав штаны», чтобы только понравиться. Лишь самостоятельный руководитель способен снискать уважение людей. Если, конечно, он во главу угла ставит не личную корысть, а служит обществу.

Стратеги развития

Главы губернских центров (уездов) при предлагаемой системе – больше не полновластные хозяева подведомственных территорий. Им придется совмещать две функции. Главы получат свои зоны хозяйственной ответственности: строительство и содержание дорог городского (уездного) значения, а также подземных и наземных коммуникаций (канализация, тепло-энергоснабжение). Кстати, бюджетные расходы на эти цели могут оказаться небольшими (за теплоснабжение, к примеру, заплатят потребители тепла). Главное – правильно выбрать управляющие компании и грамотно выстроить отношения с ними.

Между прочим, сегодня «откат» за победу в тендере на поставки какой-либо продукции бюджетным организациям, по моим сведениям, составляет 15 %. При этом чиновники естественным образом заинтересованы, чтобы, к примеру, закупаемый ими блокнот стоил

[2] А. Солженицын «Как нам обустроить Россию?» в сб. «На возврате дыхания»., М., 2004 г., с. 403

не 25 рублей, как в магазине (со всеми торговыми накрутками), а 35, ведь рассчитываются они не своими – бюджетными деньгами; сумма же взятки в таком случае значительно возрастает. Примерно те же теневые правила игры существуют при выборе подрядчиков (в строительстве, управляющих компаний в энергетике, транспорте и т. д). В нашей системе риски чиновников-взяточников возрастают многократно, ведь любой бизнесмен может обратиться к своему тысяцкому с высокой степенью надежды на возвращение справедливых соревновательных условий.

Бюджетные деньги губернских городов (уездов) пойдут, в основном, на содержание вузов, научных центров, специализированных клиник, театров, профессиональных спортсменов, статуправления, архитектурного надзора и других служб.

Во-вторых, главы губернских центров (уездов) становятся координаторами крупных проектов общегородского (общеуездного) значения. Например, не имеет смысла в каждом районе строить специализированную общедоступную онкологическую клинику – хватит одной на областной центр или уезд. Глава предлагает руководителям районов (уездных городов, городов, поселков, деревень) на основе долевого участия возвести названный объект. Губернский центр (уезд) финансово обязательно участвует в затее. Это удержит от соблазна львиную долю бюджета районов (уездных городов, городов, поселков, деревень) заполучить на проекты общегородского (общеуездного) значения. Разумно ограничить участие районов (уездных городов, городов, поселков, деревень) в совместных операциях 10–15 процентами их бюджетов.

Поскольку глава губернского центра (уезда) выбран главами районов, является их ставленником, то его так называемую легитимность можно оценить как весьма высокую Он способен эффективно подавлять проявления районного сепаратизма, местечковости. Единство в деятельности всех властных структур губернского центра (уезда) или отсутствие оного – один из основных, если не основной показатель успешности или, напротив, никчемности работы главы.

У губернаторов количество основных функций возрастает до трех. У них тоже есть зона хозяйственной ответственности, требующая бюджетного обеспечения: региональные транспортные сети, учреждения фундаментальной науки, высшая школа. Другая забота – разработка основных направлений развития губернии и объединение усилий всех уровней власти для их решения. Губернаторы призваны сохранять управляемость на всей подведомственной им территории. Предположим, в одном из районов (уездном городе, городе, поселке, деревне) возникла коллизия по отстранению главы от должности, требующая решения Конституционного суда. Для сохранения

управляемости на данной территории губернатор назначает главой кризисного менеджера. В администрации области должен существовать институт таких обученных управленцев. Срок полномочий кризисного менеджера не должен превышать трех месяцев – за это время Конституционный суд обязан вынести то или иное решение.

Типичной может оказаться, особенно на ранней стадии существования предлагаемой системы, ситуация, при которой в районе (уездном городе, городе, поселке, деревне) прошли выборы главы, но тому нечем платить зарплату себе, своей администрации, тысяцким (сотникам, десятникам), медработникам, врачам, пожарникам, милиционерам и другим «железным» бюджетникам. Для таких случаев во всех губерниях образуются стабилизационные фонды. Бюджеты трех уровней – района (уездного города, города, поселка, деревни), областного центра (уезда) и области – отчисляют в них по десять процентов от причитающихся им поступлений. Фонд финансирует только зарплату чиновников и бюджетников. Эти деньги не могут использоваться в качестве кредитов, на строительство, развитие производства и т.д.

Через полгода губернатор смотрит, сумел ли глава района (уездного города, города, поселка, деревни) сократить требования к фонду и возместить часть первоочередных расходов за счет собственного бюджета. Если положительная динамика отсутствует, руководитель региона имеет право требовать от соответствующего Собрания переизбрания главы.

С развитием экономики отчисления в стабилизационный фонд должны сокращаться, и в идеале они не будут превышать 0,1 процента.

Третья губернаторская функция, наиважнейшая – представительская. Напомню, что главы регионов – члены Высшего Совета. Они, одновременно, носители региональных и общегосударственных интересов, именно им совместно предстоит гармонизировать отношения Центра и губерний через законы и повседневную практику. В конце концов, именно губернаторы обеспечивают единство страны.

Предоставив населению право самому позаботиться о себе (отсюда – и «Самоспас») в каждом районе, уездном городе, городе, поселке, селе, предлагаемая система подразумевает, что власть, начиная с уровня губернского центра (уезда) и выше, сосредотачивается на стратегических аспектах развития, стимулируя новые технологи, управленческие практики, качественное образование.

Известно, что «низовые» человеческие сообщества консервативны, привержены традиции и с большим скрипом идут на перемены.

Мой сын часто бывает в одном садовом поселке и все удивляется: зачем каждый день по три-четыре часа огородники таскают

полные ведра, если можно смонтировать систему полива. Включил воду на 10–15 минут – и отдыхай.

У садоводов свои расчеты. Они размышляют: да, неплохо бы оборудовать автоматический полив, но надо найти хороших мастеров, не халтурщиков. А если система сломается, мне ведь самому не разобраться, к тому времени, может, потеряю из виду монтировщиков, трубы будут ржаветь без дела, только мешаться. А как они зиму переживут? Углублены-то в землю едва-едва, если вода в них останется, могут полопаться – да и все. А деньги немалые, считай, половину сезонных доходов с огорода надо разом отдать. Нет, пока поношу ведерком, чай, не переломлюсь. Иван Иванович собирается у себя полив устанавливать. Погляжу, как у него пойдет. Если все нормально, вот тогда…

Побуждать хозяйствующие субъекты к освоению новых технологий становится одной из главных задач вышестоящей власти. А значит, она создает инновационные площадки, опытные участки, постоянно действующие демонстрационные комплексы.

В. Чабанов в своей книге «Экономика XXI века, или Третий путь развития» подробно описывает фондовые механизма хозяйствования. При них «…источником дополнительной прибыли, извлекаемой обществом, являются фундаментальные и прикладные научные исследования, получаемые одним предприятием, которые быстро реализуются всем общественным производством. И это обстоятельство открывает громадные возможности для внедрения крупномасштабных научно-технических проектов, организации взаимовыгодной кооперации всех областей знаний и их потребителей. И в то же время свидетельствует о том, что времена классической частной собственности, базирующейся на принципах экономической независимости и изолированности приоритетов отдельных товаропроизводителей, становятся анахронизмом и уже фактически отмирают.

Фондовые механизмы хозяйствования появились в России в начале XX века по инициативе вологодского купца 1-й гильдии Х. С. Леденцова. Он учредил целый ряд контор, которые оказывали безвозмездную целевую финансовую помощь российским ученым И влияние, которое оказал фонд Леденцова за 15 лет своего существования на российскую науку и на все техническое состояние страны, трудно переоценить.

В самом деле, какое бы имя крупного российского ученого начала века мы бы ни взяли, всегда его становление стимулировалось фондом Леденцова. Так, им обеспечивалось финансирование научных работ К. А. Тимирязева и И. И. Мечникова, М. М. Ковалевского и Н. А. Каблукова, Д. И. Менделеева и В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, Н. Е. Жуковского, И. П. Павлова, П. Н. Лебедева и многих

других научных гигантов».[3] Как это часто случалось в истории, придумали мы, а воспользовались другие. «Уже после 1918 года (с момента закрытия фонда Леденцова в России декретом СНХ, подписанным В. И. Лениным под предлогом «использования в них частного капитала») ФМХ стали сакраментальной и наиболее оберегаемой тайной политико-финансовой элиты передовых стран. В результате публикация о них в мире до настоящего времени весьма ограничена».[4]Чтобы восполнить дефицит информации о ФМХ, В. Чабанов предлагает познакомиться с трудами профессора Ю. Н. Забродоцкого, Президента Ассоциации «Академия нового мышления», хотя и сам дает о них некоторое представление. Описанные технологии больше подходят для всероссийских научных центров, но в более скромном масштабе вполне применимы на уровне губернии.

Позывы к отзыву

Государственная пропаганда всячески нагнетает пафос перед очередным волеизъявлением граждан, разбрасывая лозунги типа: «От вашего выбора зависит судьба страны!» Постепенно подобная риторика перестала задевать население. На выборы президента люди еще ходят, считается, что глава государства действительно опосредованно влияет на жизнь каждого. Тоже преувеличение, но высокая явка – все-таки некоторая защита от прихода на трон психопатов и откровенных мошенников.

Лозунг о судьбоносности актуален, скорее, для кандидатов. Они бросают все свои силы на выборную гонку, знают – победитель потом четыре года спокойно может обналичивать народное доверие.

Люди же сетуют: за кого ни проголосуй, все останется, как прежде. Ну, ладно, сегодня в отсутствии выбора убеждаешься, даже бегло пробежав взглядом по физиономиям на красочных плакатах. Но ведь и раньше, когда, казалось, он был, качество власти оставалось неизбежно удручающим.

Объяснение простое: самый распрекрасный человек, добившись статуса винтика «петровской модели», должен был к ней приспосабливаться, чтобы сохранить себя на политическом поле или элементарно свою жизнь. «С волками жить – по волчьи выть».

Вы уже заметили, что в предлагаемой системе управления выборные процедуры упрощены местами до примитивности. И я не убежден, что тысяцкий, получивший 53 % голосов окажется лучше, чем тот, кого вознесли на высокий пост только трое соседей.

---

[3] В. Чабанов «Экономика XXI века, или Третий путь развития», СПб., 2007 г., с.с. 654, 655

[4] Там же, с. 655

В предлагаемой системе победа на выборах – не венец жизни, не титул, не индульгенция для грехов. Она дает только одно право – начать работать на общество сосредоточенно и имея для этого властные полномочия. Чтобы управленцы между выборами не превращались в недоступных для простых смертных торговцев госсобственностью и бумагами с гербовой печатью система предусматривает развитый институт отзыва.

Тут главное – не переборщить. Если отстранить выбранного от должности станет проще пареной репы, то мы получим не ответственных и сильных, а задерганных, опасливых и, в общем, равнодушных к своим обязанностям управленцев, а властные органы превратятся в любимую мишень интриганов. Нет, получившие посты должны обладать серьезной защитой и одновременно не чувствовать себя парящими над законом, правилами общежития, моральными нормами.

Угроза потерять свой пост может подкрасться к государственному человеку как снизу, так и сверху. Рассмотрим сначала вариации первого толка.

Для отстранения тысяцкого, сотника, десятника избирателями может не быть никакого формального повода. Достаточно простого «не нравится» – не так смотрит, не так разговаривает и, вообще, «противный». Но ваши вкусы должны разделять не менее 25 % входящих в «тысячу», в «сотню», в «десятку». Собрали столько подписей «против», несите в Избирком – там почеркушки проверят, и если подделок нет, соберут внеочередное собрание. Обязаны собрать. Но явка на него для инициаторов становится важной. Она должна составить не менее 50 %. Тогда 75 % голосов можно отрешить тысяцкого (сотника, десятника) от должности.

Собственно, по той же схеме возможен импичмент руководителей на уровне губернского города (уезда) и губернии. Только за отставку должны проголосовать три четверти соответствующего собрания при стопроцентной явке.

А могут граждане добиться отстранения главы района или, например, губернатора? В принципе, да, но процесс потребует от них больших затрат энергии и времени. Для начала надо собрать подписи половины своей «тысячи» с требованием об оставке неугодного руководителя, затем передать результаты акции в Избирком. Теперь тысяцкий обязан провести работу среди коллег, чтобы обеспечить три четверти голосов. Собственно, начинать процедуру «бунтарской» тысяче логично лишь в том случае, когда входящие в нее люди видят, что недовольство главой района приобрело массовый характер. В том же самом следует убедиться, прежде чем попробовать «свалить» губернатора. Порядок здесь такой: граждане регистрируют собранные против него подписи в Избиркоме, и глава губернского города или уезда дол-

жен поставить этот вопрос перед губернским Собранием и получить три четверти голосов. Конечно, избирателям лучше предварительно посоветоваться с главой губернского города или уезда, вместе взвесить шансы на успех предприятия.

И граждане, и тысяцкие могут добиваться отрешения от должности работников исполнительных органов. Причем, при наличии существенных оснований процедура довольно проста. Вы еще помните о трех погасших фонарях? Уже месяц прошел, а света нет как нет. У тысяцкого не просто терпение лопнуло, а накопилось много злости. Он идет к главе района и рассказывает: так, мол, и так, темно и на улице, и в моих глазах. Глава обещает: разберусь лично. Но тысяцкий уже закусил удила, он требует отставки заведующего. Глава знает: если он не отстранит зава, сам попадет под удар. Тысяцкий располагает существенными основаниями, чтобы поставить на Собрании района вопрос об отстранении главы.

В принципе, отставленным собраниями выборным руководителям ничто не мешает возобновить карьеру. Выдвигайся на тысяцкого, сотника или десятника, получай достаточно голосов соседей – и опять милости просим во власть.

Кроме гнева «низов», выборным представителям власти следует посматривать и на «верхи». Президент, губернатор, главы, а также представители президента в регионах могут настаивать на снятии с должности любого руководителя, если только он нарушил Конституцию. Личная неприязнь здесь в качестве аргумента не принимается.

Представим себе: главе района приносят петицию какого-нибудь «Комитета немедленного действия». Он выясняет, что сколотил организацию из своих избирателей тысяцкий Сидоров. Грубейшее нарушение Основного закона. Глава обращается в Конституционный суд с иском о немедленном отстранении Сидорова и о пожизненном запрете тому занимать какие-либо должности как в выборной, так и в исполнительной власти.

То же самое грозит и губернатору, установившему, например, пошлины на вывоз зерна из своего региона. Будьте уверены, президент поступит таким же образом, как в предыдущем примере – глава района.

В живой управленческой системе процедуры отзыва обязательно будут востребованы. Две-три из них дойдут до логического конца – и сразу получат широкое распространение.

Всем сёстрам по серьгам

Власть без денег, как генерал – без армии, водитель – без машины, футболист – без команды, пекарь – без муки и т.д.

Предлагаемая система управления, наделив руководителей районов, уездных городов, городов уездного подчинения, поселков, сел самыми серьезными обязанностями естественным образом предоставляет им возможность распоряжаться значительной частью полученных на территории средств. Дележ бюджетных денег происходит по чрезвычайно простой схеме. Всякая сложность в таких делах вредна: у людей остаются непонятки и, стало быть, нет полного доверия к власти. Они начинают с нею играть в кошки-мышки, тем более, изобилие разного рода нюансов, как мы убеждаемся каждодневно, действительно образует незашиваемые дыры.

Итак, главы районов (уездных городов, городов, поселков, сел) с помощью подчиненной им налоговой инспекции собирают с расположенных на их территории хозяйствующих субъектов платежи в бюджет Поступившие в казну средства распределяются следующим образом: 40% остается в распоряжении Собрания района (уездного города, города, поселка, села), по 20% идет коллегиальным органам губернского города (уезда), губернии и страны.

Придумав такую незамысловатую схему, я долго считал ее своим ноу-хау, пока не наткнулся в Интернете на статью профессора, доктора экономических наук Р. Х. Адукова «Идеология и принципы местного самоуправления в России», опубликованную еще в 2006 году. В ней я прочитал: «Возможна ли для России модель местного самоуправления, которая обеспечит гармоничное сочетание интересов… сторон (государства, населения и бизнеса), а также развитие сельских территорий?

…Одна из таких моделей нами разработана и предложена для экспериментальной проверки в пилотном регионе… При этом всю налоговую массу, формируемую на территории поселения, рекомендуется пропорционально распределять между поселением, районом, регионом и федеральным центром. Расчеты показывают, что для сельских поселений оптимальной является следующая пропорция в распределении налоговой массы по указанным уровням управления: 60%, 20%, 10% и 10%. Для городских поселений, видимо, будет целесообразна иная схема распределения налоговой массы».[5]

Прочитав текст, я себя, конечно, зауважал: мы с институтом независимо друг от друга пришли к одной и той же схеме. Только хорошие идеи носятся в воздухе! О том, сколько процентов бюджета причитается каждому уровню власти, можно дискутировать. Пока я остаюсь на своей позиции. Изменил бы пропорцию только по отношению к налогам, поступающим от добывающих нефть, газ, руды, лес и другие природные ресурсы предприятий. Они делятся по схеме

[5] http://www.adukov.ru

20 % (уездный город, город, поселок, село) 20–20–40 % (центральный бюджет). Если мы будем стимулировать местную власть на поддержку производства сырья, никогда не встанем на инновационный путь развития. Да и траты центрального бюджета остаются значительными: высокотехнологичные армия, медицина, образование, наука, вдобавок дополнительная инфраструктура, требующаяся огромной стране.

Именно такое формирование государственной казны, снизу вверх, принципиально для предлагаемой системы. Иначе права и обязанности глав районов (уездных городов, городов, поселков, сел) останутся пустой декларацией. С помощью денежных рычагов вышестоящие чиновники начнут привычно рулить «младшими братьями», оказывать давление на выборную систему – из слуг опять превратятся в хозяев.

Главы районов (уездных городов, городов, поселков, сел) отчасти превращаются в хозяйственников. Благополучие на подчиненной территории становится критерием оценки их работы и чуть ли не единственным (во всяком случае, чрезвычайно существенным) аргументом в дальнейшем продвижении по государственной иерархической лестнице.

Дотационные чиновники

При нынешней системе власти в России главы администраций слабо заинтересованы в развитии экономики, если заинтересованы вообще. Сбор податей осуществляет Федеральная налоговая служба, и львиная их доля отправляется в Москву. Интерес местных властей не в том, чтобы постоянно расширять налогооблагаемую базу, а в стремлении выцыганить у Центра дополнительные средства на какой-нибудь завиральный проект или на латание дыр, стремительно приближающихся к размерам бездны. И конечно, редкий чиновник отказывает себе в удовольствии половить рыбку в запутанных каналах движения финансовых косяков.

Мне доподлинно известно, что сейчас почти весь оборот «черного» нала, сравнимый с официальным бюджетом государства (это по экспертным оценкам, а по ощущениям – и того больше), существует при попустительстве, попечении и прямой материальной заинтересованности сотрудников налоговых служб. В предлагаемой системе глава района не продержится и до середины срока, если до такой степени распустит подчиненные ему фискальные органы или, паче чаяние, надумает и сам замарать руки в денежных потоках.

Дабы капитально защитить бюджетные средства, меняем структуру и характер деятельности Государственного Казначейства. Его отделения открываются везде, куда стекаются налоги, а также на вышестоящем властном уровне – в губернских городах (уездах),

в губерниях. Налоговые отчисления поступают непосредственно в них, и работники учреждения сразу делят пришедшие средства в озвученной пропорции между уровнями власти и зачисляют с помощью внутренних перечислений в соответствующие бюджеты.

Казначейство получает возможность выдавать кредиты, ссуды, субсидии по распоряжению Собраний или глав. Кроме всего прочего, оно откроет тем самым доступ всем сферам деятельности к деньгам и заставит банки поумерить свои аппетиты.

В каждом бюджете предусматриваются обязательные траты. Это минимальная зарплата тысяцких, сотников, десятников, глав и губернаторов, работников администраций, учителей, врачей, офицеров-милиционеров, специалистов налоговой службы, санэпидемстанций, пожарной охраны и других бюджетников. По нынешней ситуации, она видится в размере примерно от полутора до двух с половиной тысяч долларов в месяц. В таком виде бюджетная «минималка» окажет влияние на оплату труда в стране вообще, заставив бизнес сделать ее достойной, что, в свою очередь, простимулирует внутренний спрос. Если в бюджете не хватает денег, чтобы закрыть обязательные платежи, которые Казначейство осуществляет автоматически, – это повод для вмешательства губернатора. Он либо вводит антикризисное управление, либо распечатывает губернский стабфонд, в общем смотрит, как выбраться из ситуации.

Если с деньгами все более или менее в порядке, Собрание определяет, какие траты производить в первую очередь, какие – во вторую, третью и т.д. Казначейство ежемесячно публикует данные о ситуации, имевшей место в предыдущем. По ним видна картина по всем бюджетам: какие поступления и от кого, какие средства выделены, по чьему распоряжению и кому. Собрания могут оперативно реагировать на ситуацию, увеличивая или уменьшая траты.

Прямо вижу, как обычный в нашей местности скептик кривит губу: «О каких тысячах долларов ты говоришь? Очнись. Сегодняшнюю зарплату тем же учителям платили бы в срок». Очнуться как раз неплохо бы скептику, привыкшему жить в мире искривленных «петровской моделью» представлений.

Вот журналистка Эльвира Горюхина разговаривает с главой Жуланковского муниципального образования Новосибирской области Еленой Рзаевой:

«Полномочий тьма. Финансовых подкреплений мало. Скажем так.

– А налоги? – спрашиваю.

– На месте остается 10% налогов. Все уходит наверх.

Если раньше весь соцкультбыт и ЖКХ держало хозяйство, сейчас это все отошло к местной администрации…

– Значит местность ваша дотационная?
– Да, – говорит Елена, – без дотаций нам не прожить.
– А если налоги останутся на месте? – не унимаюсь я.
– Думаю, сами справились бы.

И чего я выскочила с дурацкой дотационностью? Однажды уже схлопотала по полной программе. Несколько лет назад в небольшом алтайском селе Глушинка глава хозяйства Александр Злобин на примере своего поселения объяснил мне природу нашего социального мироустройства.

– Доноры – это все мы. У нас государство и чиновники дотационные. Мы их дотируем нашими низкими заработками, своим жалким уровнем жизни, на который смиренно согласились».[6]

Нет у Рзаевой на территории ни нефти, ни газа, ни даже свечного заводика. Еле дышащее сельское хозяйство да разные службы при железной дороге, а говорит: «Справились бы». Потому что знает ситуацию изнутри.

Представим себе деревню, где живет человек сто, а избирателей из них – 36. Выбрали власть по-новому, трех десятников, одного из них – главой села. И вот сидит руководитель на завалинке и думает: ну, оставят в наш бюджет 40% налогов, а с кого их собирать. Приехала уже казначейша, государство купило ей дом. В нем и жить будет, и работать. Повезло Волынкину, дорого дом продал, сразу квартиру в городе купил – и уехал со всей семьей. Людку Николаеву уговорил стать налоговичкой, техникум ведь закончила. Пообещал хорошую зарплату когда-нибудь. С чего? Пьют с утра до ночи, спасу нет. На всю деревню три справных мужика, но с них много не возьмешь. Эти перекупщики наезжают каждый день, как оккупанты, цены держат низкие и никого не подпускают. В принципе, конечно, шугануть можно. Васька Воробьев теперь милиционер, пистолет получил, да и так парень не робкого десятка. Но смысл разгонять, многим самим сроду не довезти молоко до города. Нет, подожди, тут надо подумать. Почему бы нашим не возить молоко на завод? А лучше, вообще, здесь паковать – и сразу в магазин.

И идет глава к каждому из трех справных мужиков и говорит: «Чего вы деньги теряете? Давайте создадим предприятие по сбору и доставке молока. Вы станете в нем в равных долях владельцами. Кузьмич хоть и пенсионер давно, но если поговорить, возьмется директорствовать. Женщин наберет, все ж без работы. Зачем деньги перекупщикам отдавать? Да и цены сами себе, по сути, будете устанавливать».

Всяких мини-заводиков, и упаковочных, и по стерилизации, и по пастеризации молока, на Западе производится – море. Только

[6] Э. Горюхина «Президентша и мультики», «Новая газета», 2009 г., №46

вот какой залог внести в договор с банком, чтобы получить кредит? Может, комбайн отремонтировать? Все три десятника в прошлом механизаторы, руки помнят. Сделаем – и пусть пока стоит как банковский залог.

И вот, вроде, все закрутилось, но отдаешь пакет молока магазину по 22 рубля, а тот продает по 36. Ничего себе наценочка.

На очередном Собрании уезда договорился глава села встретиться с главой уездного города после заседания. И предложил: давайте мы откроем у вас фирменный магазин. Городу – налоги и экологически чистая продукция, сельским владельцам предприятия – торговая наценка. Они хотят купить еще мясной мини-завод, им нужны «свободные» средства.

В предлагаемой системе горизонтальные связи превратятся, вообще, в мощный двигатель развития внутреннего рынка. Отправляясь на собрание уезда ли, губернии главы начнут прихватывать с собой целый выводок предпринимателей и других ищущих контактов за пределами своей территории. То есть вокруг Собрания будут постоянно роиться «клубы по интересам», а в них – заключаться сделки, рождаться совместные проекты, происходить обмен опытом.

Можно и дальше фантазировать, чем обернулось продуктивное сидение главы села на завалинке. Но уже читатель смеется: «Ты, как Вера Павловна – никак не досмотришь четвертый сон». А, да ладно! Кому не снятся хорошие сны, тот, считай, уже и не живет.

Прощай, дедушка Ленин

Для внедрения новой системы управления потребуется переходный период на строго определенный срок – на полгода максимум, может, и трех-четырех месяцев хватит. На это время создается рабочая группа – большей частью из географов, историков, юристов. Не надо ее раздувать – человек десять, от силы двенадцать, мобильных и ответственных профессионалов, способных оперативно принимать решения. Во главе – президент страны или исполняющий его обязанности. Он оформляет наработки в Указы. Для организации текущей деятельности группы – секретарь.

Подразумевается: проект новой Конституции уже есть, в течение переходного периода он обсуждается, вносятся поправки. Эта рутинная работа ложится на Всероссийскую избирательную комиссию и ее филиалы в регионах. Рабочая группа решает, каким образом организовать отбор поправок и дополнений, а также провести окончательное голосование по Конституции. Но главное – она определяет новое административно-территориальное деление страны. Положение о нем должно войти составной частью в Основной закон.

Тут перед рабочей группой встанет несколько «проклятых вопросов». Один из них с нелегкой руки Ленина скоро уже столетие торчит у нашей государственности костью в горле. Тезис вождя мирового пролетариата о праве наций на самоопределение ничего в судьбе народов не изменил: кто вошел в царскую или советскую империю, имея до того собственное государство, тот уже вышел. Кто не имел, тот и не имеет, но при любом ослаблении центра не прочь козырнуть возможностью своего отделения, опираясь на закрепленную Лениным за обширными территориями национальную принадлежность. Солженицын писал: «…вся федерация в России есть фальшивое ленинское изобретение. Россия никогда не была федерацией: она никогда не создавалась соединением готовых государственных образований. И сегодняшние республики почти все построены на меньшинстве. Есть известная перепись, последняя, 1989 года. По этой переписи в Татарии – 48,5 % татар, меньше половины. А в Якутии якутов 33 %. А в Башкирии башкир – 22 %. А в Карелии карелов вообще 10 %. Я повторяю: больше двух третей коренное население – только в Чечне, Туве и Чувашии. А в остальных республиках ленинское изобретение обернулось сегодня властью меньшинства».[7]

Почти во всех национально поименованных регионах русским закрыт доступ на высшие посты в местной управленческой иерархии, для них ограничены подходы к «лакомым кускам» бизнеса, например, клан Шаймиева контролирует в Татарстане добычу и переработку нефти. Сложилась парадоксальная и ни в одной другой стране невозможная ситуация. Национально помеченные регионы занимают более половины территории России. Русских в стране 82 %. И вот это абсолютное большинство в собственном государстве фактически поражено в правах более чем на половине входящих в нее земель! Привет от Владимира Ильича.

Сами населяющие Россию народы от того, что название родной нации отображено в административном делении, кроме некоторого чувства гордости (преуменьшать его значение не собираюсь, но и преувеличивать тоже – для обывателей в остальном мире и Украина до сих пор Россия, разве что «газовые войны» последних лет заставят «дальних» иностранцев разделить две страны в своем сознании), ведет только к проблемам. Взять историю с выселением ингушей из Пригородного района Северной Осетии.

Уголовные преступления привели к межнациональным столкновениям. Осетины сказали: «Уезжайте с нашей земли». У них ведь – республика. Так везде и пишут «Северная Осетия». А будь это Владикавказская губерния, то ингуши остались бы жить в тех местах,

[7] А. Солженицын «О Чечне» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 523

где родились и где до них несколько десятилетий обитали их предки. Потому что губерния – общая в общей для всех национальностей стране. История эта не забылась народами-соседями, при любом обострении ситуации вылезет снова, Раздел Чечено-Ингушетии уже ведет к напряжению между двумя ветвями одного, по сути, народа. Национальные «песочницы», особенно на Кавказе, служат отнюдь не для детских игр, хотя имеют в основе тот же ребяческий эгоизм: «Уходите отсюда, здесь только мои машинки ездят». Собственно, похожие проблемы имеют все государства, сохранившие в своем внутреннем устройстве национальные образования. Последний по времени пример – волнения в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая.

Эти распри дестабилизируют обстановку в стране, приводят к нерациональной, пустой трате ресурсов – денег и времени, катком проходятся по людям. И насколько проще жить тем государствам, где нет ни одного региона, несущего в своем названии ту или иную национальную принадлежность. Допустим, в Швейцарии обитают представители трех амбициозных народов, за границами альпийской республики не раз воевавших между собой, – немцы, французы и итальянцы. Но в названии кантонов нет обозначений, какой нации они достались – и десятилетия, да что там, века, разноплеменные швейцарцы безо всякого внутреннего напряжения и с немалыми успехами совместно трудятся на благополучие общего государства. Всем в стране, да и за границей, известно, что этот кантон «немецкий», в нем преобладают немцы, а этот «французский», ну, и на здоровье, нигде документально это не закреплено.

Великая сила Слова – оно и солнце останавливает, и разрушает города. Нанесенные на карту ленинские пометы используют национальные верхушки. Татары, башкиры, чеченцы, чуваши и так далее разделены внутри себя на супербогачей и беспросветно бедных так же, как русские. Привилегированному классу выгодно иметь под своей рукой достаточно внушительную, но контролируемую группу искренне стремящихся к выходу из России – ею можно постоянно шантажировать Москву.

Сами национальные элиты совершенно не стремятся к отделению. Им и так хорошо. Строить собственную государственность – не пуп царапать! Перед лидерами гордых народов Кавказа – примеры Грузии, Армении да и Азербайджана, где президенты живут, как на пороховой бочке, а в первых двух и меняются не по разу за десятилетие. В составе России как хорошо: можно безмятежно править лет двадцать, а то и дольше, получать с боязливых москалей дотации, похожие на дань или на откуп, например, к 1000-летию Казани или на проведение Универсиады. Деньгами, отпущенными на «вос-

становление Чечни», по ощущениям, в два слоя можно выстлать дорогу от Грозного до Кремля.

Предлагаемая система управления, в принципе, снимает обе проблемы: поражения в правах русских и паразитирования национальных элит.

Посмотрим на примере. Возьмем нынешний Татарстан. Допустим, что люди будут первоначально голосовать только за своих соплеменников. В тысяче преобладают татары, выбирают своего. В другой больше русских, голосуют за русского. Таким образом мы добираемся до губернского собрания, где в соответствии с принятым нами условием татар и не татар окажется примерно половина на половину в соответствии с национальным составом населения. У русских больше не может быть обид: они имеют столько же шансов поставить во главе региона своего соплеменника, что и бывшая титульная нация. Татарским «баям» не удастся возродить национальную «узкую» олигархию, да и какой смысл: денежных потоков из центра нет – кататься не на чем. Ориентация при выборах на национальность кандидатов будет присутствовать всегда, но со временем начнет отступать перед их деловыми качествами.

Пострадают ли при новой системе управления национальные культуры, языки, традиции? Наоборот, получат невиданные прежде возможности. В 70 километрах от Челябинска есть райцентр Кунашак. Когда я доехал до него, вышел из автобуса и минут 10 пооглядывался, понял – вот она, настоящая Татария. Лиц другой национальности просто нет, кроме моего. Никто их национальные чувства посредством льгот не умасливал, они же не шаймиевские. Живут и живут. Но предлагаемая система управления позволяет им самовыразиться на полную катушку. Работайте, делайте отчисления в бюджет, а как распорядиться значительной его частью – ваше дело. Стройте мечетей столько, сколько сможете содержать, выпускайте газеты на родном языке, создавайте районное телевидение и радио, вещающие на татарском, празднуйте свои праздники, развивайте национальные ремесла.

Более того, глава района – член губернского Собрания, и значит, может настаивать на создании, например, национальных групп в челябинских вузах, если такая потребность есть. Раз система позволяет снять вопиющие несообразности, так, может быть, ничего не трогать? Москва ведь понимает всю подрывную мощь ленинской мысли, но интересы национальных верхушек старается не задевать, клюет по зернышку. Возвращен в лоно Пермской области самостоятельный Коми-Пермяцкий округ, а два таких же Бурятских – Усть-Ордынский и Агинский – опять стали частью соответственно Иркутской и Читинской. Из этой операции две области вышли уже

краями – Читинская Забайкальским, а Пермская Пермским. Наверно, местным начальникам кажется, что край – это солидней, престижней, круче. В советское время, может, так и было: лимиты снабжения, например, оказывались выше, чем у областей, или другие какие преференции предусматривались.

Но сейчас между областями и краями – никаких различий, одна игра слов, вносящая отвлекающую путаницу. Для предлагаемой управленческой системы равенство и единообразие территориальных единиц не первостепенно, но важно. Никто не должен претендовать на особое положение, тянуть одеяло на себя, рассчитывая на финансовую помощь центра по политическим мотивам. Кроме того, равенство субъектов необходимо для изменений в территориальном устройстве – в основном, востока страны. К тому же национальные образования подобны тикающей мине. Жить с ней в одном доме до поры до времени можно, но, согласитесь, не очень комфортно.

Итак, договариваемся и записываем в Конституцию: Россия делится только на губернии, Северную и рекреационные территории (о них поговорим позже). Адыгею и Карачаево-Черкесию возвращаем в состав, соответственно, Краснодарской и Ставропольской губерний на правах уездов (Майкопского, Тебердинского и Джегутинского). Чечня и Ингушетия снова объединяются, теперь в Терекскую губернию. Предлагаемая система управления могла бы прекрасно работать на Кавказе, будь регион не так взбаламучен: она многими чертами внешне напоминает неофициальную родовую структуру тамошних обществ. Я не буду здесь углубляться в чеченские, а теперь еще и дагестанские, проблемы. Многое будет зависеть от соотношения сил в регионе на момент переходного периода. О том, как действовать при наихудшем развитии событий, существуют дельные рекомендации Солженицына. Замечу лишь: не выбравшись из кавказских разборок, Россия не добьется обновления.

Продолжим. На месте Татарии, Башкирии, Чувашии, Удмуртии, Мордовии, Калмыкии, Карелии, Кабардино-Балкарии создаются Казанская, Уфимская, Чебоксарская, Ижевская, Саранская, Элистинская, Петрозаводская, Нальчикская губернии. Кого еще не упомянул? Да, Мария (Марий Эл). Йошкар-Олинская губерния, пожалуй, звучит замысловато. Может быть, лучше Средне-Волжская? В целом европейская Россия структурирована нормально, во всех регионах можно добиться эффективно работающего управления. Даже в таком большом, как Республика Коми (про слона-то я и забыл, пусть будет Сысольская, или Печорская, губерния) сколько-нибудь значимые населенные пункты находятся либо непосредственно на железной дороге до Воркуты, либо совсем рядом с ней, что облегчает сообщение друг с другом. Из Ненецкого автономного округа лучше образовать

три уезда Архангельской губернии – Нарьян-Марский, Варандейский и Карский.

Три, конечно, мало для такой огромной территории (176,7 тысяч квадратных километров), так ведь и народу там почти нет, по данным 2001 года – только 45 тысяч человек, сейчас, поди, и того меньше. Но много газа и нефти. Территория будет развиваться, инфраструктура тогда улучшится – это близкий к европейской России Север, и потому добыча полезных ископаемых в тамошней тундре с натяжкой, но может быть рентабельна. Лучше бы, конечно, не надо, однако инерционный путь «энергетической сверхдержавы» еще какое-то время продлится.

Закат на востоке

В Западной Сибири корректировок потребуется немного. Раз уж забрались на Тюменский Север, ухлопав тонны денег, и люди как-то обвыклись в этих угрюмых, болотистых местах, уходить оттуда нет резона. Преобразовываем Ямало-Ненецкий автономный округ в Салехардскую губернию, а Ханты-Мансийский – в Обь-Иртышскую, и идем дальше на восток. Идем впервые не как колонизаторы, а как рачительные хозяева, которые так необходимы этой бесподобной в своих мощных природных проявлениях и в полной мере настрадавшейся от нас земле.

«Это не из России китайские промысловики везут фурами отрубленные медвежьи ладошки? Это не у нас весной бьют беременных олених, одну за другой, одну за другой, в каждой – один-два теленка? Бьют с лодок, когда олени переправляются через реки. Бьют, не выходя из машин, в упор, когда они подходят к реке, не в силах поменять вековой маршрут. Это не у нас сейчас, в июле, народившихся оленят режут, как коллективный Ирод младенцев? Чтобы под водку, посолив, тут же съесть печень и сердечко. Это не у нас богатым туристам разрешают стрелять в медвежат из лука или арбалета, после чего подранки идут мстить людям? Это не у нас соболей убивают ядами и ногозахватывающими капканами? Это не у нас браконьерская охота – на краснокнижных животных, в заповедниках, с вертушек – есть стиль начальственной жизни, доблесть и удаль. Это не в России люди, получающие зарплату за защиту флоры и фауны, как правило, и есть главные организаторы начальничьих утех, шестерки, наливающие, наводящие мушку и сдирающие шкуры…

Мартин Хайдеггер писал о существах, смотрящих на мир как на склад сырья, которое якобы только и мечтает о том, когда же люди переработают его в нечто более ценное. Деревья в древесину. Животных в мясо. С той поры, когда философ рассуждал об этом, мы существенно продвинулись вперед. (Кризис, кстати, помог еще эф-

фективнее перерабатывать в нечто более ценное невозобновляемые ресурсы – тех же зверей из Красной книги.) Выведена целая общность людей, которая тупо смотрит на мир как на бесконечный источник того, что можно сожрать или трахнуть. Эти две опции установлены по умолчанию. Мир – это скотный двор, где человек с деньгами всему и всем хозяин. И вправе ни в чем себе не отказывать. И законы пишутся этими людьми под собственные потребности…

Сибирь сегодня имеет очень мало общего с набором мифов о сибирском здоровье, которого мы продолжаем желать друг другу, о тайге, полной зверья и рыбы. Тайга опустела. Пойдешь на охоту или рыбалку – коры нажуешься. И живет-то у нас народу всего ничего, а повыбили зверье. Особенно копытных и боровую дичь. В лесах пусто, как на вокзалах утром первого января.

В почвах Сибири все больше песка, обитателей пустынь и жарких земель: каракуртов, богомолов.

…Таймень, ленок, хариус исчезают. Их замещают незнакомые нам рыбы. Они знакомы китайцам.

…На десятки километров от городов – китайские теплицы. И пустыри. Эти трудолюбивые люди не терпят конкурентов в освоении земель, поэтому там, где появляются, никакой живности, включая амеб, уже не сыскать. В заповедники, где еще теплится прежняя жизнь, китайцев не пускают. Там хозяйничают наши чиновники…»[8]

То есть так: если, глядя на карту, вы думали, что на огромных безлюдных просторах Центральной и Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока природа живет естественной жизнью, то вы, как и я, сильно заблуждались. Там бойня. Проданные, брошенные без пригляда леса, реки и живность методично уничтожают вооруженные бандиты, ведущие бесконечное наступление с применением авиации и вездеходной техники. Иногда природа защищается посредством тумана или горы, и тогда вертолет падает и гибнет несколько зверей.

Это началось не сегодня. Сравните: «Еще менее заботились русские о животных и зверях, составлявших источник сибирского богатства; так, они преследовали соболя с дрекольями и дубинами, били его коромыслами около жилищ, истребляли тысячами и миллионами, но никто не позаботился изучить и описать его нравы. Когда он теперь почти истреблен в Сибири, о нем не сохранилось никакого научного исследования».[9] Если дубинами, дрекольем и коромыслами миллионы положили, то что говорить сегодня, когда из пулемета с вертолета…

---

[8] А. Тарасов «Олени ушли, пришли слизни», «Новая газета», 2009 г., № 77

[9] Н. Ядринцев «Сибирь как колония» в кн., «Страна без границ», Тюмень, 1998 г., с. 125

В Сибири затоплены территории, равные целым государствам. Но такой супер-пупер-современный рыночник, как красноярский губернатор Хлопонин, загоняет на подготовку котлована под будущую Нижнеангарскую ГЭС зэков в нарушение подписанной Россией международной конвенции о запрете использования труда заключенных для извлечения прибыли. То есть работать губернатору некем, но он пищит да лезет. Что, в стране острая нехватка электроэнергии? Да при чем тут страна? Мечтает Хлопонин продавать электричество Китаю, много электричества. Ради такого дела он хоть всю Сибирь затопит. Нацелился перекрыть Нижнюю Тунгуску: практически погубить Угрюм-реку. Восточно-Сибирская нефть уже в залоге у Поднебесной за поставку труб, по которым «черное золото» и потечет в Китай. Между тем, наши трубопрокатные станы либо стоят, либо работают на четверть своих мощностей. Помните, Советский Союз перед смертью тоже баловался «взаимовыгодными контрактами»: трубы в обмен на углеводороды.

БАМ пригодился: по нему составами везут в Китай контрабандный лес. Что с ним делают наши соседи? Разные реечки, досочки, мебель – и потом втридорога сбывают в Японию. А то мы сами не можем – ну, не мебель, это я, конечно, загнул – а доску с пазом, рейку пропитанную, ДСП, и потом, допустим, продать тем же японцам. Получается, не можем. Или так устроено уже все продавшими чиновниками, что производить невыгодно, легче гнать контрабанду.

И об этом когда еще написал Н. Ядринцев: «Как бы ни была богата страна своими естественными продуктами, но если она остановится на том экономическом уровне, чтобы только вывозить их от себя, не перерабатывая их у себя дома, она невольно обречет себя на вечную кабалу и эксплуатацию другими, более сильными в промышленном отношении местностями; она будет в постоянной зависимости от чужих рынков, данницей чужого капитала и в конце концов обеднеет и разорится до последней крайности. Таково именно настоящее положение Сибири».[10]Спустя век, можно не менять ни слова, будто писано сегодня.

Скажем честно: наша страна к востоку от Енисея представляет из себя сырьевую провинцию Китая. Поднебесная практически задарма получает оттуда колоссальные природные ресурсы. Географический центр России находится в районе эвенкийской столицы Туры – получается, половина Отечества экономически принадлежит Китаю. Именно его богатства прирастают Сибирью.

Про один потрясший меня случай вычитал в газете, потом потерянной. Расскажу своими словами. Представьте себе, по пустынной,

[10] Там же, с. 128

заснеженной Еврейской автономной области катит рейсовый автобус. Едет в нем вместе с русскими и разными прочими евреями китаец, владелец порубочных делянок и лесопилок, богатый человек. Вдруг мотор чихнул раз-другой – и автобус встал. Водитель покопался немного и снова устроился за рулем – бесполезно. Минут десять салон молчал, а потом пассажиры со всех сторон набросились на китайца: «Чего сидишь? Замерзнем же все. Звони своим». Китаец позвонил, пришел другой автобус, все в него переселели – и благополучно добрались до места.

Ну, и кто на Дальнем Востоке сила? И что это за общество, когда, находясь в опасности, не знаешь, кому об этом сообщить? В волчьей стае организация в сотню раз лучше.

Зачем Китаю, допустим, бряцать оружием? Он просто вывезет к себе пол-России и в промышленном угаре переработает.

«Разве от культуры мысли, от избытка духовности можно допустить, чтобы 12 миллионов китайцев заселили Восточную Сибирь? Разве можно им отдать в аренду миллион гектаров сибирского леса – ведь там после них, как после саранчи, останется пустыня». [11] – недоумевает писатель Юрий Бондарев.

Антиколонизация

Только с переходом на предлагаемую управленческую схему возможно установить народный надзор за Восточной Сибирью, Забайкальем и Дальним Востоком. Но прежде необходимо привести хоть в какой-то порядок территориальное деление тех мест. Области и края там нарезаны по-колонизаторски небрежно и размашисто. Так поступают, когда собираются не управлять, а грабить.

Сначала некоторые данные, почерпнутые мной из справочного пособия для 6–10 классов средней школы «География в цифрах» (М., 2001 г.). Согласно ему, в 1996 году Камчатка вместе с Корякским автономным округом потеряла 28 процентов населения, Эвенкия – 21,9 %, Якутия – 13,5 %. Но это – что. Из Магаданской области выехало 75,9 % проживавшего там народу (четыре пятых), а с Чукотки вообще 97,8 %. За один год. Видимо, люди решили – выживать все-таки легче не в экстремальных условиях. И хотя оставшиеся на полуострове поработали на демографию, дав 2,6 % естественного прироста, цифры ошеломительные. А. И. Солженицын, видимо, не заметил четвертого региона, где с середины 90-х титульная нация оказалась в большинстве (он, если помните, называл три – Чечня, Чувашия и Тува). Чукотка опять – край чукчей.

[11] З. Гареев «Юрий Бондарев: «Кому молиться о спасении России?», «Труд-7», 2007 г., № 2 – Т./1

Познакомившись со статистикой, очень многие воскликнут: «Какой ужас!» Я к ним присоединяться не буду. Земли Крайнего Севера не приспособлены для массового заселения – слишком суровы и ранимы. Сталину ли, хлебнушему Туруханска, того было не знать. Но, сдается, именно поэтому он с изуверской жестокостью прогнал через бесприютные края миллионы людей. Пропаганда десятилетиями лирично рассказывала о романтике Севера и после смерти мастака палаческих дел. Многие нынешние либералы в приступе мечтательности поглядывают на карты, на непокоренные ГУЛагом и комсомольскими стройками просторы. Тот, кто больше всех кричит: «Давайте осваивать Север!», – жить там, конечно, не собирается. Он хочет послать туда других ради некой призрачной пользы. Не родился еще человек, который бы свел с плюсом бизнес-план любого масштабного северного проекта. Есть только мастера подтасовывать цифры и удивляться, что по ходу дела вылазят все новые и новые траты. Тем, кто уехал – бог в помощь. Нам бы сейчас не осваивать Север, а восстановить в дореволюционном виде, отвадить коренные народы от губительной для них водки, не отрывать детей от родителей на целые месяцы, наладить рынок сбыта продукции оленеводства и охотничьей добычи по справедливым ценам.

Начать необходимо снова с изменения территориального деления. Чукотку, Корякию севернее условной линии Манилы-Хайлино, якутские земли севернее 64-ой параллели и Таймыр объединяем в Северные территории. Существующие там города и поселки получают дополнительный статус факторий. В них размещаются магазины, закупочные площадки для товаров коренных народов, школы, туристические агентства, фирмы по организации охоты и рыбной ловли. Система управления та же, что по всей стране. В подчинении главы находятся малая авиация и, дополнительно к милиции, отряд егерей. Предприятия могут быть только легкой и пищевой промышленности. От добычи полезных ископаемых и развития индустрии на Северной территории отказываемся. Устанавливаем двухступенную систему власти вместо четырехступенной. Северная территория находится под личным патронажем президента. Его представители постоянно находятся в наиболее крупных факториях. Собранные налоги делятся только на две части в пропорции: 80% остается в распоряжении местной власти, 20% поступают в казну центра. Билибино, где существует атомная электростанция (не знаю, работает она сейчас или нет), приравнивается к факториям по структуре управления, хотя их функций не выполняет.

По такой же двухступенной схеме строится система управления в рекреационных территориях. Городов в тех местах, где я предлагаю организовать эти административные единицы, нет. Поселки,

села и деревни, даже маленькие, получают право формировать бюджет. В небольших населенных пунктах местной долей средств распоряжается непосредственно выбранный староста. Поселки, села, деревни не имеют статуса факторий. В каждой такой территории постоянно находится представитель президента. Рекреации, как правило, охватывают горные области, и размещать там серьезные производительные силы нет никакой экономической целесообразности.

Мне видятся такие рекреационные территории: Алтайско-Саянская, включающая весь нынешний Горный Алтай, весь Саян, и Западный, и Восточный. В нее входят часть земель нынешних Красноярского края, Тувы, Иркутской области и Бурятии; Тунгусская (вся Эвенкия); Джугджурская (земли Хабаровского края севернее 55-й параллели).

Внутри рекреационных территорий недурственно бы создать ряд заповедников и национальных парков. В них запрещается охота – где полностью, где – на отдельные виды животных. На оставшихся непокрытыми ими землях стрелять можно только в составе групп, организованных фирмами, зарегистрированными главами местных поселков, сел и деревень и платящими соответственно налоги. Промышленная заготовка древесины в рекреациях, ясен пень, не допускается. Только санитарные рубки ухода. Под их видом, конечно, могут лихие люди врубить бензопилы на полную мощь. Ну, так смотреть надо. Малая авиация, егеря в обязательном порядке должны трудиться во всех рекреационных территориях.

Кроме таких больших защищенных ареалов, прямо-таки напрашивается организация гораздо более густой сети заповедников, заказников, национальных парков. В первую очередь, превращение в заповедные всех прибрежных байкальских земель. Неплохо бы защитить потрясающие места в районе рек Нюкжи и Олекмы. В Сихотэ-Алине всего один заповедник, логично бы создать там еще, по меньшей мере, три – четыре. Все Шантарские острова безусловно и срочно должны быть объявлены заповедными.

Замечу: хотя названные территории занимают весьма внушительную площадь, мы не выводим их из числа используемых для хозяйственных нужд. Они практически не заселены и знамениты другим: травами по плечи, водами кристальной чистоты, съедобным воздухом. Даже если вы задумали там, допустим, добывать золото в промышленных объемах, проект окупится хорошо лет через пятьдесят. И главное, нет никакой острой необходимости туда лезть. И легко, и средне, и малодоступных земель остается достаточно. Рекреационные территории и дополнительные заповедники необходимы, чтобы новая система власти защитила безответные просторы от залетных хищников и бандитствующих начальников на вертолетах (надеюсь, после пере-

хода на предлагаемую управленческую модель им будет не до кровавых развлечений).

Чтобы по-настоящему демократическая власть заработала, плохо структурированные, огромные регионы придется приводить к более или менее охватным размерам. Замечу, число выборных чиновников в предлагаемой системе управления при любом административно-территориальном делении остается примерно одинаковым.

Мои приблизительные наметки такие: Красноярский край. Эвенкия, как мы уже договорились, превращается в Тунгусскую рекреационную территорию. Таймыр, за исключением районов, прилегающих к Норильску, становится частью Северных территорий. Земли вокруг Енисея от Диксона на севере до 64 параллели на юге образуют Норильскую, или Туруханскую, губернию. Хакасия возвращается в состав бывшего края, а теперь Красноярской губернии, в виде нескольких уездов. Граница Красноярской губернии на севере, как вы уже догадались, проходит по 64-й параллели.

Тува (Тыва). Становится Кызыльской губернией. Территории Западного Саяна севернее 52-й параллели и на северо-западе входят в Алтайско-Саянскую рекреационную территорию.

Иркутская область. Восточный Саян на юго-западе региона включается в Алтайско-Саянскую рекреационную территорию. Область, кроме земель вокруг Витима, делится на две губернии, граница между ними проходит по 56-й параллели. Южнее нее – Иркутская губерния, севернее – Илимская, или Братская.

Образуется Витимская губерния. В нее входят земли нынешней Иркутской области, лежащие к востоку от Визирного, якутское Приленье от Витима примерно до Мачи, север нынешней Бурятии с участком БАМа, районы Забайкальского края севернее Среднего Калара.

Бурятия. Область Восточных Саян на западе становится частью Алтайско-Саянской рекреационной территории. Земли севернее Уакита входят в Витимскую губернию. Вся остальная территория отныне – Селенгинская губерния.

Забайкальский край. Отдав земли севернее Среднего Калара Витимской губернии, сам тоже превращается в губернию – Читинскую.

Якутия. Земли севернее 64 параллели входят в состав Северной территории, за исключением района поселка Удачный и земель южнее него. Они теперь – часть новой Вилюйской губернии, чья граница на востоке доходит до Кысыл-Сыра, а на юге обозначена линией Тас – Юрях – Туобуя. На Алданском нагорье образуется Амгинская, или Чульманская, губерния.

Наконец, Якутск становится центром Алданской губернии, чья граница на западе проходит по линии Кысыл-Сыр – Кыллах, а на юге и севере – по 60 и 64 параллелям.

Амурская область делится на две губернии по линии Кузнецово-Дугда. Северная получает название Зейской, или Тындинской, южная – Амурской.

Хабаровский край. Еврейская автономная область входит в Хабаровскую губернию несколькими уездами. Земли севернее Чумикана образуют Джугджурскую рекреационную территорию.

Камчатка. Часть Корякии южнее линии Манилы-Хайлино входит в состав Камчатской губернии.

Уф! Ничего не забыл? Все перечислишь – и язык отвалится. А представляете, каково придется рабочей группе. Надо четко провести все административные границы, а до того посоветоваться с географами, краеведами, местными жителями. На все про все – максимум полгода. Чтобы облегчить ей работу, дальневосточники, забайкальцы, сибиряки уже сейчас могут начинать обсуждение.

Может быть, вам кажется, что вся эта колготня пустая затея автора? Ну, тогда при случае попробуйте из Иркутска добраться до Бодайбо. Хорошо бы, конечно, рвануть по прямой вдоль Байкала, всего-то чуть больше тысячи километров получится. Но дорога с более или менее твердым покрытием есть только до Большого Улуна, дальше – зимник, летом по нему далеко не уедешь. Может, тогда попробовать железной дорогой? Хорошо, сначала отправляемся на запад, до Тайшета, там резко меняем направление и едем уже на восток. Но в Бодайбо нет железной дороги. Поэтому вылазим из вагона в Усть-Куте и плывем по Лене, а потом по Витиму, вверх по течению. Сутки на четвертые – пятые, бог даст, доберемся. Как поется в песне: «Только самолетом можно долететь». О каких внутригубернских вертикальных и горизонтальных связях тут речь. Одна забота у простого труженика, задавленного разными мафиозными группами – настрадовать, извернуться и выжить.

Конечно, с образованием новых губерний дороги не появятся. Но шанс на то, что они все-таки будут проложены, возрастает многократно. Новые центры стянут пространства, по сибирским меркам достаточно компактные, посильные для рационального освоения.

Допустим, в свежеиспеченной Витимской губернии есть магистральные пути: водные – Лена и Витим, и участок БАМа на юге. От Бодайбо до станции Таксимо начали трудное, в горах, строительство автодороги. Не знаю, закончили или нет. Заканчивать надо обязательно. Для новой губернии это – дорога жизни, выход в цивилизацию, в рынок, возможность для любых связей, от экономических до спортивных. Потом естественным образом напрашивается нор-

мальная трасса от Перевоза до Мачи и дальше, вдоль Лены, до Нюи. И еще одна – вдоль Витима, от Мамы до поселка Витим. Все! Дикие прежде пространства стали функциональными. Да, здесь мало людей, но какие возможности. Золото вокруг Бодайбо, в первую голову. В Приленье в свое время неплохо было развито сельское хозяйство. Почему не возродить? Ленские порты получают еще один выход на БАМ, значит, можно просчитывать новые транспортные схемы, сулящие прибыль, оживляющие жизнь и реки, и полумертвой железной дороги. И это только те точки развития, которые я вижу, сидя за своим столом. На месте, конечно, можно разглядеть сотни других. Будьте уверены, уполномоченные народом управленцы используют их настолько, насколько хватит сил. Придется повоевать, допустим, с многочисленными левыми артелями золотодобытчиков. Но через два-три года придет, обязательно придет понимание у жителей этих и всех других мест в России: бюджет не для того, чтобы переправлять деньги в Москву. Он нужен, чтобы дети были умными, старики здоровыми, дорожки асфальтированными, улицы чистыми, квартиры теплыми, а трава зеленой. И пополнять его – дело чести, статусности и самоуважения.

Сеть объединяющих границ

Вот ведь Сибирь – заедешь, не выберешься. Подзадержались мы в ней. Пора возвращаться к делам привычного нам всероссийского масштаба.

Надо, например, наделить города дополнительными территориями, чтобы они имели возможность развиваться, не входя в конфликт с окружающими уездами. К тем центрам, в которых жителей меньше ста тысяч, прирезать от существующих границ по периметру три километра. Если населения в городе от 100 до 300 тысяч – по 5 км. К большим, с числом жителей от 300 тысяч до миллиона – 8 км. Миллионики получают дополнительно вокруг себя от 10 до 15 километров. Цифры, конечно, служат неким средним ориентиром. Если городу «положено» 3 лишних километра, то исходя из особенностей местности где-то логично добавить только 2, а где-то и все 5.

Территорию Москвы необходимо расширить до 3-ей кольцевой дороги (или 4-ой?), в общем, той, что проходит через Ногинск, Бронницы, Звенигород, Софрино. Многочисленные, ракушками прилепившиеся к Белокаменной города (Мытищи, Балашиха, Видное, Жуковский, Лыткарино, Люберцы, Одинцово, Красногорск, Химки, Щербинка, Дедовск, Подольск и т.д.), становятся московскими микрорайонами.

В самих крупных городах заново формируем районы. Каждому из них должен принадлежать кусочек центра, жилые кварталы, про-

мышленные и зеленые зоны, какое-то количество сельскохозяйственных земель. В Москве с включением в ее состав окружающих городов и других населенных пунктов количество жителей достигнет примерно 11 миллионов человек. Значит, мы должны создать 44–45 районов, чтобы в каждом из них обитали не больше 250 тысяч жителей. Делить город на административные единицы по причине его радиальной планировки лучше, как круглый торт, нарезая границы от центра ко краю. Близ Кремля району, может, достанется территория шириной в одну улицу, зато на третьем (или четвертом) кольце он получит не один километр качественного шоссе.

В Питере тоже административные единицы пусть начинаются в центре и разбегаются от него подобно вееру. В вытянутом по-офицерски Волгограде центральные улицы достанутся не всем районам, но остальные составляющие должны в них быть. Проводить границы там просто – от Волги в степь.

Земли для общегосударственных нужд, в основном, для размещения армейских подразделений, изымаются в размере, не превышающем 5 процентов территории уезда. С ними лучше определиться при проведении административно-территориальной реформы, чтобы потом не возникало тяжб. Каждое село, каждая деревня, каждый поселок должны четко знать, какие и в какой части леса, поля и реки им принадлежат. Везде необходимы четкие административные границы. Не для того, чтобы отделяться друг от друга, а чтобы ясно представлять, кто за что отвечает. Никаких бесхозных земель! В той же Сибири в ведении какой-нибудь захудалой деревеньки может оказаться территория величиной с Бельгию. Ну, что ж, такой, значит, у нее крест, такое счастье. И хоть староста деревни не бельгийский король, но обязанности у них примерно одинаковые.

Все эти хлопоты по изменению территориального устройства, не кулуарные, а с открытыми дискуссиями, с голосованиями по спорным моментам, с утверждением решений самим президентом (в переходный период больше некому), важны не только для лучшего структурирования управления, они многих людей заставят оглянуться вокруг себя, вырвут из равнодушия к общественной жизни, дадут понять – есть, есть перспектива. Тогда и выборы начнут ожидаться, как новоселье, и получившие голоса соседей отнесутся к новым для себя обязанностям ответственно и заинтересованно, постараются не подвести. Сейчас, может, важнее всего – изменить атмосферу в стране, запустить механизмы энергетической отдачи самых разных слоев населения.

Аура стен

Созидательная энергия в разы увеличится, если люди почувствуют: они причастны, да нет, они сами осуществляют исторический перелом в судьбе государства. Знаком перемен может послужить давно напрашивающееся решение о строительстве новой столицы России.

Вы, конечно, помните эти телевизионные кадры, их крутят без конца по разным каналам. Владимир Путин, способный полковник в штатском, понятный манерами каждому, входит через огромные золоченые двери в кремлевские палаты, ступает на изукрашенную лестницу, симпатично ежась среди окружающей роскоши, идет чуть-чуть бочком, от смущения слишком размахивая руками. На этом демонстрация обычно обрывается. Если не ошибаюсь, Путин тогда шел принимать первую президентскую присягу.

Прошло десять лет. Посмотрите на этого господина с повадками вельможи, благосклонно воспринимающего безудержные похвалы себе. Увы, не он первый, не он последний.

Всякий новый хозяин Кремля неизбежно оказывается окружен аурой стен, на его плечи ложатся свинцом пласты традиций, а помпезность залов, коридоров, величественная удаленность золоченых, резных потолков гонят скорей водрузить на голову корону, пусть невидимую, но оттого не теряющую значимости и глубочайшего символизма. Теперь посох в руки – и править Державой: единолично, беспрекословно, круша врагов и опасаясь друзей. Кремлевские стены не оберегают своего главного пленника от внешних угроз, их давно нет, а сохраняют внутри себя затхлую атмосферу заемного византийства. И в ней ни один человек не способен трезво, спокойно воспринимать страну, мир и радоваться каждому дню своей жизни.

«…Москва… преемствовала ордынский централизм и унитаризм. В отличие от древне-русских «городов-государств» в ней никогда не было веча и гражданского самосознания. Это четко подметил средневековый немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн в своих заметках о Московии: «Все они называют себя холопами (Chlopi), то есть рабами государя… Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе».[12]

«Ярославский политолог Андрей Новиков делает логичный вывод: «Совершенно точно можно сказать, что не будь Орды, вряд ли Москва вообще появилась бы как столица. Орда сделала Москву. Княжеская власть стала производной от ордынского вассалитета. Великокняжеский стол был соединен с ордынским ярлыком,

[12] В. Штепа «Ruтопия», Екб., 2004 г., с 245

шапка Мономаха стала похожей на татарскую тюбетейку. Князь стал ханом».[13]

«…Москва, опираясь на ордынскую мощь, фактически объявила войну всей Руси… Москва на века закрепила за собой статус «мирового жандарма» над Русью, жестоко преследуя повсюду любое проявление традиционной русской вольности – и даже не столько из карательных соображений, как это делали татары, а просто из соображений устрашения».[14]

Правильно будет сказать: пока сохраняется власть Москвы, иго продолжается. Нынешняя столица – послание Орды потомкам. Наши правители не устают говорить об ориентации на европейские ценности, фарисейски не замечая, что в той цивилизации давно не осталось ни одной страны, сохранившей бы столь же давящий все и вся централизм, что господствует в России.

Знаменитую формулу, приписываемую псковскому старцу Филофею: «Москва – третий Рим, и четвертому не бывать», московские охранители трактуют как историческую миссию нынешней столицы. Но пророчество можно, и, мне кажется, нужно, понимать иначе: как только Москва потеряет власть, внутри России закончатся и Рим, и Орда, и Византия, и Иван Грозный, и Петр, и Сталин, и рабство, и ГУЛаг, и разор. Закончатся и больше не возродятся. «Четвертому не бывать».

Не в пользу нынешней столицы и еще несколько важных соображений. С потерей страной Украины и Белоруссии Москва превратилась, по сути дела, в приграничный город – и этого важного изменения нельзя не замечать. Она теперь самим своим местоположением более ориентирована вовне, чем внутрь. За двадцать лет открытости не только богатые москвичи, но и средний класс, научная, художественная, интеллектуальная элита освоили космополитический образ жизни: за границей держат деньги, покупают там недвижимость, ездят туда отдыхать, иногда не по разу в год, и, при случае, работать. Отчасти эксплуатируют свободу передвижения еще обитатели Петербурга, морских ворот России. И не было бы в том никакого греха, когда бы, как в западных странах, возможность пользоваться преимуществами открытого общества имели все граждане страны, независимо от того, где они проживают. Но вы выбираетесь от силы на сто пятьдесят-двести километров от столицы – во Владимир или Тверь, и там из космополитов – только самые «сливки» местных верхушек из числа бюрократов и бизнесменов. Десятки тысяч москвичей не замечают этого вопиющего контраста, выезжая из родного города только в Лондон, Италию или, на худой конец, в Турцию. «Когда

[13] Там же, с. 247
[14] Там же, с. 245

у нас не географически, а финансово-экономически Нью-Йорк и Пекин ближе к Москве, чем Владивосток и Петропавловск-Камчатский, – это беда… Должно быть единое движение людей, товаров, услуг, капиталов, идей в национальном государстве. А у нас его нет…»[15] «Большую разницу» обеспечивает не только жутчайший управленческий, финансовый, культурный централизм, но, повторю, и изменившееся географическое положение Москвы внутри страны. Находись столица в самом сердце государства, будь ею, допустим, эвенкийская Тура, обитатели главного города при всем желании не смогли бы так отгородить свои интересы от нужд и чаяний соотечественников.

Высшая бюрократия работает в Москве в невыносимых условиях. Понимаю, трудно представить себя обыкновенным министром, но вы попробуйте, и тогда поймете, о чем речь. Вас рвут на части. Восьмимиллионный мегаполис кишит днями рождений влиятельных и богатых, презентациями, юбилеями крупнейших компаний, знаковыми культурными событиями, и каждое мероприятие мечтает придать себе вес за счет приглашения «кого-нибудь из Кремля». Вы отказываете почти всем, но в некоторые места и к некоторым людям не пойти нельзя. «Обязательные» посещения закрывают почти все дни в календаре. И везде толкутся лоббисты, которым от вас что-нибудь надо. Дела стоят, документы не подписаны, голова занята мыслями черт знает о чем. Коллапс.

Многие говорят о переносе столицы, и в качестве альтернативы чаще всего видят почему-то Саратов или Самару. На самом деле, в таком решении есть только одно рациональное зерно – смещение центра власти на восток. А так – обмен шила на мыло. Уже лет через пять и без того крупные волжские центры превратятся в клон Москвы: наберут населения, засуетятся, замордеют.

Вестники амбиций

Нет, нужен не перенос столицы, а строительство новой – только тогда затея имеет смысл. Второй вариант и проще в исполнении, и, пусть не покажется странным, дешевле. Любой экономист скажет: реставрировать и приспосабливать старое здание всегда дороже, чем возводить новое.

Оглянемся на мировой опыт. Такие города, сразу строящиеся как главные в государстве, называются «искусственными» столицами. Понятно, да? Вот некий населенный пункт растет, развивается, в нем собирается народу постепенно больше, чем в каком-нибудь другом в стране – и его объявляют главным городом. Это естественная столица. А ежели власть сразу строит центр государства, то, значит, ис-

[15] А. Аузан «Договор-2008: Повестка дня», «Новая газета», 2007 г., № 5

кусственная. Но в происхождении нет ничего страшного. Как показывает опыт, «искусственные» столицы легко встраиваются в ткань национальной жизни и даже, на долгое или короткое время, обновляют, как бы омолаживают государственный организм.

Все «головные» образования, построенные как центральные в своих странах, я бы разделил на две группы. Первую составляют города, представляющие собой весть всему миру. Назовем их «амбициозными». Они – демонстрация, в основном, руководителями государств мощи и процветания подвластной им страны, иногда совпадающая, а иногда и нет с народными устремлениями.

Первая такая столица в новой истории, если я ничего не упустил, – Санкт-Петербург. Задуманный царем-плотником как выполненный с голландской угловатостью грозный фасад империи, благодаря правившим затем государыням, благоволившим итальянским архитектурным образцам, смягчил строгий облик ажурностью дворцов. Город не забывал, зачем явился в мир. Во время его правления Россия собрала столько разноязыких земель, сколько у нее никогда не было и, видимо, больше не будет. В этом смысле свою миссию Петербург выполнил, напоследок сварганив из болотных миазмов и надутых ветром с Запада отвлеченных теорий взрывчатую смесь самой кровавой в человеческой истории революции. Сторонников возвращения ему столичного статуса попросил бы поостеречься. Нынешняя власть «питерских», беспощадная к остальной России, дает понять: сколько ни малюй фасады в Северной Пальмире, а гниль лезет. Тевтонские рыцари во время своих набегов в том месте, где раскинулся Петербург, не разбивали даже временных лагерей. И город, превратившись более чем в четырехмиллионный мегаполис, сохранил свою родовую умышленность. Он – не русский, не финский, не европейский, ничей. Он – колеблющаяся между водой и небом фантасмагория, похожая на галлюцинацию, на глюк в сознании. Невозможно понять, откуда здесь взялось такое совершенство, такая чуждая окружающему пространству и в то же время будто проступающая из него красота. Не знаю, есть ли на Земле более странные и завораживающие города.

Вторая из «амбициозных» искусственных столиц – Исламабад. Его начали строить в 1961 году, в то время пакистанские лидеры со всем задором молодой государственности противостояли Индии и ощущали себя, скорее всего, передовым отрядом мусульманского мира. Новая столица должна была стать всепланетным центром ислама и получила соответствующее название. Своей исторической миссии Исламабад пока не исполнил, но с архитектурной точки зрения удался. Были продемонстрированы новые решения в создании культовых сооружений, построены просторные, сочетающие националь-

ные мотивы и хай-тэк учебные заведения, художественные галереи и так далее, иными словами, молодое государство получило весьма приличную столицу. Спустившись с вершин своих притязаний, пакистанские лидеры должны быть довольны.

Наконец, последний по времени амбициозный проект – казахстанская Астана. Формально Нурсултан Назарбаев не говорил о строительстве нового центра в чистой степи, он просто перенес столицу. Но в реальности мы можем смело констатировать: на месте Целинограда создается другой город.

С точки зрения поставленных целей проект оправдался почти на сто процентов. Переводя на берега Ишима из Алма-Аты высшие государственные учреждения, президент уходил от давления и интриг влиятельных чимкентских родовых кланов. Кроме того, он закрепил за Казахстаном северные земли, которые Солженицын называл Южной Сибирью и где казахи, строго говоря, появились только при Советской власти. Обе задачи решены, значит, затея удалась. Теперь о «почти» Я проезжал Астану на поезде. Железнодорожный вокзал такой же стильный, как в Варшаве, только значительно меньше. Прильнув в окну, я надеялся разглядеть и другие столичные новинки. Но поезд стучал мимо трехэтажных и двухэтажных домиков времен первоначального освоения окружающих степей, многочисленных беленых складов, амбарчиков, гаражей, «хрущевских» и «брежневских» пятиэтажек, и только где-то вдали, у горизонта, за всем этим Целиноградом, размыто, подобно миражу, маячили циклопически-огромные сооружения. Потом местные рассказали, что рядом с грандиозными зданиями работы архитекторов разных стран, рядом с президентским дворцом, резиденциями правительства, парламента, казахского газового концерна обычно безлюдно. Тут дворник метет, там прошли два чиновника, через час – еще три. Простому астанинцу зачем сюда – ни магазинов, ни ремонтной мастерской, ни пивнушки с шашлыками. Не каждый же день любоваться на президента Назарбаева. Чиновники из провинции наезжают, конечно, но не часто: в основном, когда позовут. Что тут ошиваться, втык получить всегда успеется. Хотя дорожная сеть в стране примерно такая же, как в европейской части России, но ведь и концы – ого-го. Вдобавок из того же Атырау (бывший Гурьев) или Актау (Шевченко) приходится пилить кругами. Сеть, как в России, – не значит, продуманная. В некоторых местах и надо-то проложить 20–30 километров приличной трассы, чтобы спрямить пути, но нет, приходится делать огромный крюк – и ничего не меняется. Да и что в этом Цели… да-да, в этой Астане делать. Вот раньше приедешь в Алма-Ату, красота: яблоки в полголовы, арбузы, Медео. Театры разные, концерты. Столица так столица. Простые граждане рассуждают примерно так же, и в родную

Северную Пальмиру не рвутся. Иностранные делегации тоже приземляются не столь часто, как хотелось бы – город в стороне от оживленных международных авиатрасс. Съедутся порой лидеры стран СНГ – и тогда конечно, тогда все вокруг кипит. Но мы же об обычных днях. А в них, значит, высятся огромные, не обойти внутри, здания, каждое исполнено мощи и наделено если не красотой, то своеобразием – и тишина. Только ветер из степи посвистывает. Полная Азиопа!

Не знаю, как пойдут дела у наших соседей. Сложится ли ответственное государство, сформируется ли общество на здоровых началах? Если процесс затянется, то странный гибрид Целинограда и грандиозных архитектурных форм XXI века может надолго зависнуть в качестве столицы страны.

По правде говоря, я не разобрал, так сказать, концептуального смысла назарбаевского гигантизма. Когда строишь так широко и высоко, то что и кому хочешь доказать? С первым более или менее понятно: «Мы пришли. Мы вступаем в международную семью народов как сильное, самодостаточное государство». Хорошо. А кому? Поскольку столица приближена к России, то, видимо, ей, северной соседке. «Смотри, у нас парламент больше вашего. А вот, гляди, президентская резиденция, уж всяко повыше, чем у Медведева». Если это действительно так, то что тут скажешь? Больно дорогие игрушки. И непроходимый провинциализм. Зачем ходить гоголем перед матерью?

Давайте превращать всякий опыт в урок. Повторю: внутри-и геополитические проблемы учреждением новой столицы Назарбаев решил. Но лишний раз доказал: строительство с нуля предпочтительней переноса. А мы повторим вслед за опытными женщинами: «Погоня за размерами никчемна».

Полезные работяги

Искусственные столицы, образующие вторую группу, можно назвать «функциональными». Они не претендуют на внешний эффект, хотя далеко не замарашки. Они ориентированы прежде всего на разрешение внутренних проблем. Это как правило «чиновничьи» города, обеспечивающие эффективность государственной службы. Нам, уже всех, кого только можно, напугавшим и очаровавшим Петербургом, при предлагаемой управленческой системе позарез нужна искусственная столица именно такого типа.

Первый и чуть ли не идеальный образчик подобного города – Вашингтон. Основанный в конце XVIII века, он долгое время сохранял внутри себя вполне деревенские уголки не только благодаря введенному запрету на строительство в нем домов выше Капитолия, но, думается, и поэтому тоже. Ограничитель помог избежать галопирую-

щего роста, что случается со столицами сплошь и рядом. Разумеется, более чем за два столетия верной службы Штатам Вашингтон сконцентрировал большое население в городской черте, по разным оценкам, от 600 тысяч до 1,5 миллионов человек (ничего себе разброс, для меня непонятный), с пригородами – 3 миллиона. При этом он остается городом чиновников и «офисного планктона». Говорят, американцы недолюбливают Вашингтон, считая его местом недружелюбным, полным интриг. Выборные чиновники, те же президенты, отбарабанив свой срок, стараются быстрей покинуть столицу. Но Капитолий и Белый дом – символы Америки, известные всему миру. Американская госмашина всегда в рабочем состоянии потому, что столица живет государственными интересами.

Автралийская Канберра – пожалуй, самая неторопливая из искусственных столиц. Она появилась на свет как примиритель двух крупнейших городов страны-континента – Сиднея и Мельбурна. После фактического обретения Автралией независимости в 1901 году, мегаполисы заспорили, кому из них быть столицей. Затянувшаяся тяжба могла вообще расколоть страну. Тогда и решили построить новый город, как раз между Сиднеем и Мельбурном. Неторопливо принялись за дело: поскольку спор утих, то и причин спешить не находилось. Только в 1927 году Мельбурн официально передал Канберре столичные функции. Структурообразующий в планировке города большой пруд Берли-Гриффин вообще был заполнен водой только в 1963 году. Тише едешь – дальше будешь. И Канберра не раз признавалась самым комфортным, самым зеленым, самым-самым городом мира. Ее планировка считается образцовой. С обретением Канберрой столичных обязанностей австралийская государственность не знает потрясений.

Другой пример сверхуспешного «функционального» главного города – немецкий Бонн. Формально говоря, он, конечно, не новый, а очень старый, существует с XII века. Но в конце Второй мировой войны Бонн был практически весь разрушен. Первый послевоенный немецкий парламент собрался в помещении сохранившейся водокачки. Город 40 с лишним лет выполнял функции столицы Западной Германии, выведя страну в ведущие мировые державы, сплотив общество и нацелив его на созидание. Конечно, «немецкое чудо», прежде всего, результат общенационального порыва к мирной устроенной жизни, к благоденствию. Но и преуменьшать роль Бонна в этой общей работе не стоит. В спокойной столице, в тиши особняков чиновники получили возможность сосредоточиться на своих обязанностях, жили государственными интересами. Роль Бонна особенно стала ясна благодаря примеру от обратного. Берлин, возвративший себе столичный статус после объединения Германии, за почти двадцать лет так и не смог до конца интегрировать восточные земли. Страна, остава-

ясь европейским лидером, во многом утратила прежнюю динамику развития. В более чем трехмиллионной столице возникают скандалы то с выборными фондами партий, то с деятельностью финансовых институтов, и среди фигурантов разборок немало чиновников.

Наконец, самая пафосная из «функциональных» искусственных столиц – Бразилиа. Президент Жуселину Кубичек решил построить город, символизирующий устремленность страны в будущее (экономика тогда находилась на подъеме). Новую столицу задумали поставить на пустынном Бразильском нагорье, на удалении от побережья, чтобы дать импульс развитию центральных и северных районов, оттянуть часть населения от волшебных пляжей и теплого океана. Лусиу Коста создал проект, по которому город с воздуха напоминал самолет (другим виделся крест), Оскар Нимейер придумал постмодернистские правительственные здания, а Роберту Бурли Маркс разработал ландшафтный дизайн, предусматривающий обилие парков и надежную систему ирригации. Все три архитектора в мгновение ока превратились в мировых знаменитостей. Первую очередь новой столицы построили всего за два года. В 1960 году в нее начали перебираться правительственные учреждения. Строго говоря, свои задачи Бразилиа выполнила только частично. Экономический подъем вскоре закончился. В новой столице почти на двадцать лет обосновались разномастные военные диктаторы. Город набрал «избыточное» население – сейчас в нем живет 2 миллиона человек, и такой крупный центр, безусловно, придает большую динамику развитию внутренних районов страны, хотя структуру размещения производительных сил Бразилиа кардинальным образом не изменила. Можно сказать, «самолет» так и остался на «аэродроме». Предназначенная для решения внутренних проблем, Бразилиа больше преуспела в представительстве своей страны в мире, на десятилетия определив направление развития планетарной архитектурной моды. Юрий Гагарин сравнил город с другой планетой.

Основываясь на мировом опыте, можно уверенно утверждать: ни один реализованный проект искусственной столицы нельзя назвать провальным. Все они вели к оживлению, «омоложению» сформировавшихся государств или помогали «рыхлым» обществам сбиться в нацию. Сам выход на затею с искусственной столицей означает, что в стране существует мощное стремление к совершенствованию. Особенно полезными оказываются «чиновничьи» города, позволяющие на порядок улучшить работу государственного аппарата.

Диспозиция для столицы

Безусловно, создание новой столицы – не самоцель. Такая работа – внешнее проявление созревшей внутри общества не-

обходимости в более совершенных формах своей организации, перелицовке жизненного порядка. Допустим, в России все остается, как есть, тогда, конечно, столицы лучше Москвы не сыскать. Пусть и дальше рулит так же пафосно, затратно и бездарно. Но у нее хотя бы существует символическая и силовая аура, позволяющая держать огромные пространства, не дающая им разбиться на мелкие осколки.

Однако если мы начинаем двигаться в сторону большей осознанности и рациональности своих решений, искусственный чиновничий главный город становится остро необходим.

Расположить его надо восточнее Москвы, чтобы обозначить нацеленность предлагаемой управленческой системы на разрешение прежде всего внутренних проблем, но в то же время оставить в заселенной европейской части, чтобы не превратить в «хутор на выселках». Там, где встанет новая столица, должны сходиться силовые поля наиболее развитых в экономическом и культурном смысле регионов стран.

Я долго искал такое место и готов предложить свой вариант. Он позволит дальнейшему обсуждению сразу обрести конкретику.

Итак, низовья Вятки. Правый берег реки. Можно бы, конечно, разместить столицу на самой южной оконечности губернии, но рядом города: Вятские Поляны, Сосновка; крупные поселки: Красная Поляна, Нижняя Пойма, Кукмор – может возникнуть «эффект Целинограда». Лучше уйти немного на север. Восточнее села Каракули Вятка изгибается и образует полуостров. Вот на нем-то хорошо бы и заложить новую столицу. Полуостров ровный, с пойменными озерами, есть даже пески – отличный пляж получится. Посреди реки большой остров Каракульский. Противоположный берег высокий, на нем лес с подходящим названием Барский. Западнее Каракулей местность холмится, в русле реки – небольшие островки. В общем, масса возможностей для интересного архитектурного решения города. Лес вырубать не надо, скорее, придется сажать деревья – вокруг поля, пастбища, пашня. Ну, изымем из сельхозоборота, что делать. За новой столицей сразу следует зарезервировать столько земель, чтобы на них комфортно мог проживать миллион человек. Хочется верить: такое число жителей город наберет не раньше, чем лет через сто. Для ограничения роста желательно запретить любым компаниям и банкам возводить в нем головные офисы. Только филиалы – и поскромней.

Места вокруг дивные, и чиновникам здесь будет спокойно, они смогут сосредоточиться на своих обязанностях. Столица должна показать стране пример новых для нее, хотя широко применяемых в развитых государствах, градостроительных решений. Например, совершенно перевернула бы сознание и управленцев, и простых граждан простая пропорция: половину территории города отдаем паркам.

В здешних местах естественным образом растет дуб, понятно, широкое распространение этого дерева в чиновничьем городе может вызвать насмешки. Ну, и ладно, зато красиво и воздух чистый. Столица вообще могла бы стать примером применения наукоемких технологий и в строительстве, и в содержании жилья. Например, ставим задачу оборудовать служебные особняки энергосберегающими автономными системами жизнеобеспечения. Уверен, тогда такое оборудование сразу окажется востребованным во всей стране, новая современная отрасль получит толчок для развития.

Столица, по моему разумению, должна сочетать усадебную застройку и общественные здания, правительственные учреждения, не столько высокие, сколько качественно, образно архитектурно решенные, с выносом наиболее значимых на набережную Вятки. Все проекты индивидуальные, в том числе каждого из особняков. Построить первую очередь на 25–30 тысяч жителей недорого, весь вопрос – что в ней будет. В принципе, местность обозначена, техническое задание грубо обрисовано – заинтересованные архитекторы могут включаться. Как правило, самые свежие и ярки идеи возникают, когда трудишься «для души».

Город расположится, по российским меркам, далеко не в захолустье. Железная дорога совсем близко. Может быть, стоит проложить ответвление километров в десять, а, может, и нет. Пусть Вятские Поляны будут железнодорожными воротами столицы. Автодорожная сеть в окрестностях достаточно развитая. Конечно, полотно придется обновить или положить, где оно условное, но и тут видятся затраты, посильные для любой губернии. Чего нет, так это, естественно, международного аэропорта. И еще столица – информационный, а значит, вещательный центр. Вот эти две «нагрузки» выводят стоимость проекта за рамки финансирования работ по возведению обычного городского микрорайона, каких до недавнего времени в стране строилось сотни.

Что касается силовых полей, то здесь вполне ощутимы импульсы, посылаемые Москвой, и флюиды, идущие от Санкт-Петербурга. Экономически и культурно развитые районы Поволжья и Урала оказываются совсем рядом. Западная Сибирь не за горами, и даже Дальний Восток, пусть ненамного, но делается ближе к сердцу страны.

Хорошая Москва

А что же будет с Москвой?» – обеспокоенно спросят миллионы граждан. Утрата столичного статуса в сырьевой державе могла бы привести златоглавую к полному упадку. Но мы же собрались строить другое общество, ориентированное на передо-

вые технологии. И значит, бывшая столица будет только расцветать и хорошеть.

«Москва, как и любой другой супергород мира, производит значительно больше, чем потребляет. Она – один из главных доноров федерального бюджета наравне с нефтегазоносными северами. Просто это производство иного уровня. Постиндустриальная и даже, более того, отчасти информационная экономика. Третий и четвертый этажи, если первыми двумя считать экономику аграрную и индустриальную. Однако жертвы идеологии привыкли считать экономикой сталь, уголь, пшеницу, чугун. ГЭС, АЭС, ВПК, что там еще. Раз всего этого в Москве нет – значит, город тунеядцев.

…Самым популярным объяснением московского благополучия служит следующее. Стянули к себе в столицу все углеводородные конторы и стригут с них налоги. Страна корячится, а эти сидят себе в офисах нога на ногу…

Это не правда, а лишь ее десятая часть. Во-первых, при общем объеме городского бюджета около 20 млрд долларов рента от сырьевых баронов составляет в нем порядка четырех млрд. Около 20 % – немало. Но суммарный валовой региональный продукт, производимый городом, превышает 100 млрд. На этом могучем постиндустриальном фоне углеводородные миллиарды блекнут. Во-вторых, почему все эти медоносы расположились именно в Москве, а не в селе Семихатки? Не потому ли, что такое концентрированное размещение эффективнее? Справедливо это или несправедливо – вопрос идеологии. А вопрос практики: удобно ли? Разумно ли? Выгодно ли?».[16]

В общем, Москва – единственный оплот постиндустриализма в России. Освободившись от вековых и современных бюрократических наростов, она превратится в то же, что Нью-Йорк для США или, на худой конец, Рио для Бразилии. Задышит вольно, заживет еще богаче. Тогда, возможно, и производимые ею доходные информационные технологии лишатся идеологического яда и корысти.

А первую очередь новой столицы хорошо бы возвести побыстрей, за год, от силы – за два. Высшую бюрократию необходимо скорее выводить из клоаки самого развитого в стране города. И давайте не будем забывать: виртуальные деньги рождают иллюзию огромных доходов. Эти прибыли легко считать, но трудно пощупать.

---

[16] Д. Орешкин «РФ. Идология пространства», «Новая газета»., 2006 г., № 62

Глава V

ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ

Область прозрачного воздуха

В экономической области сейчас в стране, можно сказать, идейный штиль. «Алые паруса» мечты так долго развевались в нашей гавани, что всем начало казаться: именно здесь их порт приписки. Но однажды красивая сказка исчезла – непонятно как, зимой, по скованному льдом морю. И вот наш дуумвират, наши олигархи, политики и бизнесмены обратились в коллективную Ассоль, часами глядят на горизонт, повторяя про себя и иногда обращая к пустому пространству клятвы о своей приверженности глобальному рынку, где плавают такие фантастические, хотя и непостоянные корабли.

Тут еще какая штука: если долго находиться внутри сказки, реальные мускулы атрофируются. Начальники разучиваются управлять, население – работать, учителя – учить, а врачи – лечить. Потому что деньги, полученные за исполнение прямых обязанностей, часто оказывались только приваром к тем, что летали возле и которые требовалось все время ловить, используя высоту должности или авторитет профессии.

И вот такие, с ватными мыщами, сидим мы на берегу в ожидании… Чего? Каков, так сказать, сценарий нашего будущего при означенной пассивной позиции? Он незамысловат и базируется на простейших физиологических потребностях. Пока заграничные дяди отремонтируют свой корабль и опять поплывут, мы успеем проголодаться. И попросим у буржуинов, не зажививших до конца синяки от наших пинков: «Дайте что-нибудь перекусить». Дяди начнут ломаться, потом, может, смилостивятся, но… Взамен потребуют расширить до бесконечности и законодательно благоустроить доступ к добыче и транспортировке сырья. Согласимся, куда деваться. И еще присовокупим собственную политическую и культурную идентичность. Голод – не тетка. Наши верховные проказники в накладе не останутся. Им разрешат ждать на других берегах, например, в Майами. А зачем в Майами Алые паруса? И так хорошо…

Дуумвират, правда, демонстрирует, что не нужна ему Флорида, выкрикивает: «Надо построиться и плыть на встречу с мечтой». Но никто его не слушает, все бродят по берегу, по многолетней привычке высматривают, не затерялось ли что-то из упавшего с неба. Какие заплывы? Нет ни сил, ни желания. Отмечтались.

Но продолжим писать противный, однако, увы, почти неизбежный сценарий. Глобальные игроки возьмут то, что им пока необходимо – нефть, газ, металлы, а потом удалятся. Роившаяся вокруг их усилий деловая активность вмиг сдуется. Напоследок в целях собственной безопасности порежут огромные пространства на части и оставят их прозябать до следующей оказии.

«Ну, что ты держишь западников за каких-то монстров, они же демократы, защитники свобод, прав человека» – возразят трепетные либералы. Безусловно. Но только все эти радости предназначены для употребления внутри «золотого миллиарда». Остальные страны интересуют заправил глобального рынка только если что-то могут дать (Китай – дешевую рабочую силу с высокой трудовой этикой, Индия – квалифицированных компьютерщиков, Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Россия – сырье) или чем-то опасны (КНДР, Иран, Ливия). Последние могут хотя бы торговаться, если, конечно, как Северная Корея, не закостенели в фанатизме. Но полпланеты отодвинуто от магистральных путей движения капиталов, товаров, сырьевых ресурсов, информации. Брошены, неинтересны глобальному рынку практически вся Африка, значительная часть Азии, от Индонезии до Камбоджи и Бангладеш, две трети Латинской Америки. Конечно, пока тебя вытанцовывают, можно попробовать влиться в «золотой миллиард». Например, Арабские Эмираты не сидели в тенечке, обмахиваясь между турами, а создали диверсифицированную экономику. Может, потихоньку начнут сами ставить другим условия. Россия же беззаботно, как стрекоза, профукала шансы, насвистывая мелодию о «сырьевой державе». Пока содержимое недр востребовано, худо-бедно продержится, а дальше прямая дорога в «брошенки». Со стороны Запада ничего личного. Он, в точном соответствии со своими нормами жизни, предельно рационален. Помните, как наша перестроечная эйфория разбилась об его холодный деловизм.

Предлагаемая управленческая система как раз и предназначена для того, чтобы прервать великое береговое сидение, железную логику роковых предначертаний. Она отнюдь не сулит безмятежного, бездумного существования. Напротив, предполагает ежедневные занятия, полную отдачу, постоянный поиск контактов и нелегких компромиссов. Но с ее помощью российская государственность способна достичь тренированного состояния, более того, превратиться в источник новой версии развития цивилизации. Начинаясь в каждом дворе, она амбициозно нацелена на изменения во всем мире.

Но до таких высот еще очень далеко, справиться бы сначала в своей стране. И прежде всего, подумать над тем, как сделать отечественную экономику устойчивой, защищенной от внешних передряг.

Первых два шага в выбранном направлении диктуются намеченным маршрутом. Мы для себя решаем: выходим из глобальной игры сами, а не когда нас из нее вытолкнут, чтобы успеть воспользоваться теми козырями, которые пока на руках, то есть обратить в пользу общества средства, получаемые от продажи сырья. Второй шаг, вытекающий из первого: формирование и развитие внутреннего

рынка объявляем абсолютным приоритетом в нашей экономической деятельности.

Вот два посыла, два краеугольных камня, альфа и омега нашей новой экономической жизни. Приняв их, мы ставим себя в жесткие условия. Но какими еще они могут быть, если возникшая перед нами дилемма предельно контрастна: сохранятся нация и страна или нет. Останемся мы приживалами глобального рынка или превратимся в самодостаточный субъект?

Как обозначенные установки реализуются на практике? Первым делом мы покидаем все международные экономические и финансовые организации и отказываемся от попыток в них вступить, как в случае с ВТО. Обоснование для такого решения простое: подобные союзы создаются, чтобы стимулировать развитие глобального или региональных рынков, а значит, говоря прямо – для облегчения жизни господствующих на них финансовых и промышленных групп. Поступаться ради международных синдикатов интересами своего общества мы больше не намерены, тем более, в новой управленческой системе, в силу самой ее природы, исчезает привилегированная «узкая олигархия», настроенная за счет страны обмениваться с основными зарубежными рыночными игроками материальными любезностями, перемигиваться и дурить обывателей россказнями о неслыханных перспективах, открывающихся перед членами международных экономических структур.

Президент Медведев, защищая глобальный рынок, говорит: у нас нет многих ресурсов, технологий и некоторые из них не появятся никогда. Получить их мы можем, только являясь частью открытого мира. Навязчивая, как «Слава КПСС!», риторика, звучащая в 2009 году, скорее, в оправдывающемся, а не, как еще недавно, наступательном тоне. Да, у нас нет бананов и никогда не будет, не растут, а мы к ним привыкли. Но что мешает их получить, договорившись, допустим, непосредственно с Гвинеей, где эти замечательные плоды не знают куда девать. То есть мы прокламируем переход на двусторонние отношения со странами мира.

Развитый внутренний рынок не сформировать без протекционистских мер. Неолибералы просто синеют и покрываются сыпью, когда о них слышат. На самом деле протекционизм безобидней, чем «быстродействующие» модели апологетов абсолютных рыночных свобод, и уж совершенно точно он никогда не был причиной разрушительных кризисов. Да, при неумелом или неуместном применении мог несколько тормозить развитие или вызывать межотраслевой дисбаланс, но и только.

Именно в период протекционизма, близкого к изоляционизму, американское общество сформировало высокие социальные стандар-

ты. Известная центростремительность сознания жителей США (почти не интересуются происходящим вне территории своей страны, если, конечно, в нем не задействованы соотечественники или интересы родного государства) – отголосок этой традиции. Штаты без тени сомнения врубают протекционистские меры при возникновении опасности, вспомните инициированную правительством компанию «Покупай американское» зимой 2008–2009 гг., правда, быстро захлебнувшуюся, поскольку ширпотреба с указанием «Made in USA», к удивлению американцев, на рынке просто не оказалось. В разные периоды истории протекционистские меры широко использовали и все страны Западной Европы. Да и сейчас в законодательстве государств «золотого миллиарда» достаточно защитных норм. Россия, например, во все время своего присутствия на свободном рынке умоляла США предоставить ей режим «наибольшего благоприятствования в торговле». Не знаю, чем дело кончилось. Кажется, американцы остались непреклонны. Другой разговор, что глобальные игроки либо своей мощью сминают защиту, либо технично ее обходят.

Замечу попутно: заслуживает обсуждения целесообразность функционирования в стране фондовых бирж. О, прямо-таки ощущаю, сколько негодующих и уничижительных стрел уже выпущено в меня прочитавшими предыдущую фразу. Но прежде, чем изничтожать с потрохами, выслушайте наивные, «детские» сомнения.

Первоначально на рынке возникли товарно-сырьевые биржи, такая удобная замена ярмарок. Вместо того, чтобы переть с собой, допустим, мешок с зерном, вы просто заявляете: у меня есть 100 центнеров пшеницы, и я готов ее продать. Легче и оптовым покупателям. Не надо слоняться по ярмарке или базару и сравнивать цены, соотносить их с качеством продукта, вы получаете некую среднюю стоимость того же зерна. Даже не участвующие в биржевых торгах рыночные игроки имеют ориентировку, по какой примерно цене продать или купить те или иные товары. В опосредованных контактах слабое место как раз качество: оплатил партию, а пшеница, допустим, оказалась подгнившая. Покупателям, чтобы избежать тяжб, приходится учитывать, как сейчас говорят, виртуальные составляющие, доброе имя поставщика, например.

При создании фондовых бирж применяется та же конструкция, только продается и покупается собственность. Для выхода на торги организаторы, конечно, потребуют подтверждения, что она у вас есть и пребывает в добром здравии, – в виде открытой отчетности по основным финансовым показателям. Но финансы, если вдуматься, по своей

флюидной природе не могут объективно отражать рыночную стоимость материальных активов.

То есть все, чем оперирует фондовая биржа, виртуально: сам товар (приобретая акцию в нефтяной компании, вы не становитесь собственником болта в буровой вышке. Вы покупаете представление, что он вам принадлежит), его цена (она произвольна и далека от объективного отражения соотношения спроса и предложения. Подтверждение: любая эмиссия акций в разы меняет стоимость тех же самых основных фондов, что существовали и до нее), инструменты оплаты (деньги не имеют реального содержания, резкие колебания валютных курсов в периоды обострений лишний раз убеждают в этой невеселой мысли). Иными словами, фондовые биржи дают более или менее точную картину преобладающих настроений, наблюдений, впечатлений, фобий людей, участвующих в играх с собственностью, и ничем не отличаются от рейтинговых агентств, старающихся замерить те же самые неуловимые величины. Привлеченные на фондовом рынке капиталы в исключительных случаях идут на развитие реального производства, в основном их используют для дальнейших финансовых манипуляций, для делания денег из денег. В то же время площадки торговли собственностью стали причиной мировых экономических кризисов, принеся неисчислимые беды миллионам людей. Они оказывают постоянное давление на реальный сектор, подчиняя его капризам моды то на красное (компьютерные технологии), то на черное (нефть), то на серо-буро-малиновое (перепродажа деривативов). В 2009 году китайцы заморозили на несколько месяцев на своей территории деятельность фондовых бирж, чтобы те не нервировали рынок. И ничего – экономика нормально функционировала, конечно, с поправкой на неблагоприятную мировую ситуацию. Разве что биржевые игроки страшно соскучились по работе: в первые дни после разморозки площадок котировки и ставки зашкаливали за всякие разумные показатели. А в России «…мы видим бесконечные попытки приподнять котировки фондового рынка, который на годы утратил свою экономическую функцию (определение стоимости бизнеса для привлечения им средств), так что поиски «финансовой виагры» просто бессмысленны, – если не учитывать интересов привластных спекулянтов».[1]

Протекционистские меры, по сути, – только средство. Важно, какой внутренний рынок вы защищаете: динамичный, имеющий собственные стимулы развития, или вялый, подчиненный эгоистичным и корыстным интересам узких господствующих групп. В первом слу-

---

[1] М. Делягин «Бизнес uber alles», «Новая газета», 2008 г., №81

чае с помощью протекционизма вы способствуете процветанию собственной страны, во втором – консервируете ее отсталость.

У России нет опыта системного протекционизма. Запрет на ввоз «ножек Буша» или японских автомобилей – разовые акции, вызванные политическими или конъюнктурными соображениями. Россия, по любви к крайностям, бросилась из изоляционизма сразу в никак и никем не регулируемый рынок. Между тем, даже в советском варианте «карантинная» экономика дала в некоторых областях впечатляющие результаты, например, обеспечила прорыв в космос. После посадки на нефтедолларовую иглу она утратила стимулы к развитию, однако и тогда пала не столько по причине собственной деградации, сколько под давлением изменившегося политического курса. Другой разговор, что советская экономика получилась ужасающе однобокой в силу вековых традиций пренебрежения верхушки к элементарным потребностям населения. Но упрекать в этом изоляционизм, как сплошь и рядом делают либералы, все равно что пенять частоколу вокруг пастбища, мол, из-за тебя внутри периметра трава такая жухлая.

Впрочем, чтобы никого не пугать, подчеркну: ни о каком возврате к изоляционизму речи нет. Протекционизм же, если разобраться, не только средство защиты внутреннего рынка, но и стимуляции его развития в выгодном для страны направлении за счет внешних контактов. Механизмы обкатаны в десятках стран, набор мер известен, ничего придумывать тут нет никакой необходимости.

Прежде всего, имеется в виду таможенное регулирование. Предусматриваем низкие, или даже нулевые, пошлины на ввоз новых технологий, которыми не располагаем, сырья, отсутствующего в стране (например, хлопок), продуктов, чье производство у нас невозможно по климатическим условиям (кофе, бананы, ананасы и другие тропические вкусности) и на экспорт готовых товаров третьего, четвертого переделов и выше. Серьезные, в отдельных случаях запретительные, барьеры устанавливаем на импорт товаров, в достаточном количестве производимых нами самими, и на вывоз необработанного сырья (сырой нефти, газа, леса – кругляка и т.д.), кроме того, что имеется в значительном избытке (допустим, уголь). На некоторые изделия, которые сами не выпускаем, но в принципе чье производство со временем можем освоить (например, компьютеры), импортные пошлины предусматриваем в среднем размере. Конечно, расценки в зависимости от оперативных потребностей внутреннего рынка могут менять-

ся – выходящими раз в год распоряжениями Высшего Совета. В промежутке никаких «сюрпризов».

Теперь было бы что защищать. Предлагаемая управленческая система, я ни секунды не сомневаюсь, способна сформировать внутренний рынок и обеспечить его динамичное развитие. Но она должна получить в свое распоряжение регулятивные рычаги.

Один из самых важных – «прозрачная» бухгалтерия всех субъектов рынка. Такой рецепт был прописан известным экономистом Константином Леонтьевым послевоенной Японии и послужил существенной причиной бурного развития Страны восходящего солнца. Подтасовка текущей отчетности со ссылкой на «коммерческую тайну» – способ объегорить государство. Вас же не просят, пока не пришли ревизоры, раскрывать содержание договоров. Покажите честно доходы, прибыль, и если баланс все время в минусе, объясните, почему так шикарен ваш офис и неотразим личный автомобиль. Ведь теперь вы имеете дело не с кучей чиновников-пираний, орудующих под прикрытием государства, а с ответственной властью, освободившей вас, в частности, от коррупционных затрат.

Как-то я беседовал с хорошим знакомым, молодым человеком и уже опытным бизнесменом. Спросил:

– Процентов тридцать прибыли, наверно, на взятки уходит?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, помолчал. Потом сказал:

– Хорошо, кабы так. Бывают периоды, отдаем все, оставляем себе только на хлеб с маслом, в буквальном смысле.

Чаще всего, это, конечно, не прямая передача денег из рук в руки, а оформление фиктивных или экономически неоправданных договоров с «нужными» фирмами, перечисления в разные фонды и т.д. Нынешняя хозяйственная повседневность страшна не только объемом коррупционных капиталов, но разрушением органики, присущей всяким жизнеспособным системам. Надо обладать очень сильным характером, чтобы постоянно существовать в присутствии угрозы разбойного нападения, форс-мажора. Любой перспективный план в таких условиях годен только для рекламы. Кто посильней, выгораживает себе нехилый надел, «государство в государстве», создает внутри сложные схемы увода денег из любимой корпорации, столь иногда запутанные, что не прорубит не только ревизия, если когда-нибудь придет, но и сами создатели, похоже, со временем перестающие понимать, каким образом функционируют эволюционирующие «черные» и «серые» переделы.

«О монополиях недавно Путин дважды сказал, я сам слышал, а может трижды: что не прозрачны для нас они. Для кого это для нас? Даже для Президента и для правительства монополии не прозрачны?

То есть это темное пространство, в котором действуют темные силы и темные капиталы. Что там происходит – неизвестно. Оттуда только выскакивают требования: повысить цены на электричество! Повысить цены на жилье! Грабь население дальше! И это – не игра «свободного рынка», когда электросети отключают целые… города… Это хулиганство. И что оно не подавлено окончательно – это тоже слабость государства».[2]

Бывший старший уполномоченный по особо важным делам бывшего Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД России полковник Олег Мансуров, обращаясь к председателю Правительства РФ В. В. Путину, пишет: «Еще в феврале 2003 года, работая в отделе по борьбе с преступлениями в топливно-энергетическом комплексе ГУБЭП, я проводил проверку законности заключения Газпромом договора о поставках газа в Европу с сомнительной венгерской компанией EURALTRANSGAS, которую средства массовой информации связывали с разыскиваемым правоохранительными органами США Семеном Могилевичем.

В результате проведенных мероприятий было установлено, что Газпром передал право поставлять на Украину туркменский газ, идущий через территорию России, фирме, которая создавалась за считаные дни до подписания контракта. Уставный фонд компании, заключившей контракт на сотни миллионов долларов, составлял около 12 тыс. долларов, а ее учредителями явились граждане Румынии и Израиля, и ни одного представителя Газпрома и России. Сам договорный механизм сделки Газпрома с EURALTG, на мой взгляд, предусматривал классическую схему ухода от налогов и искусственного сужения налогооблагаемой базы, при этом Газпром терял сотни миллионов долларов, которые мог бы заработать сам, а российский бюджет недосчитался нескольких десятков миллионов долларов».[3]

Если у «Газпрома» в целом и страны убыло, то у кого-то прибыло. Судя по тому, что как только полковник Мансуров доложил о предварительных результатах расследования, дело у него отобрали, а самого сократили, куш сорвали необычайно скромные, но могущественные люди, полностью растворившиеся в тени отважно красующихся под пристальным светом фигур Семена Могилевича и его румынских и израильских сотрудников. Наличие таких «черных», всасывающих миллионы долларов, дыр, в полном соответствии с рекламным слоганом, можно назвать нашим нынешним национальным достоянием.

---

[2] А. Солженицын «Из интервью телекомпании РТР» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 677

[3] «Опер, который мог предотвратить газовую войну», «Новая газета», 2009 г., № 82

Убрав из экономического пространства давеж чиновничьего аппарата и автономные области вседозволенности, предлагаемая управленческая система вправе рассчитывать на честные платежи в бюджет. Она, по сути, перенаправит часть нынешнего коррупционного капитала – на социальные нужды. Тогда станет возможен развитый внутренний рынок, поскольку общество состоятельных людей – неотъемлемое условие его успешной работы.

Один известный политик недавно заявил: вот будет в России населения не 145 миллионов, а 200, тогда можно подумать о строительстве внутреннего рынка. Такой экстенсивный подход, знакомый по советскому сельскому хозяйству: мы урожайность поднимать не будем, лучше еще земли распашем. То есть логика политика следующая: при нынешнем уровне доходов нужно увеличить количество потребителей, тогда в экономике сформируется спрос, достаточный для устойчивого производства. Почему-то в его голову не приходит, что ту же самую задачу гораздо проще решить другим способом: поднять благосостояние граждан. Наверно, лоббирует мечту олигархов о массовом ввозе в страну дешевой рабсилы, позволившем бы сохранить нынешние диспропорции при дележе национального продукта. На самом деле рост уровня доходов населения – и смысл, и условие существования развитого внутреннего ранка. Он прекрасно функционирует и в 8-миллионной Швеции, и в 5-миллионных Финляндии и Дании. Внутренние рынки этих стран, конечно, не очень объемные, зато стабильные, что, как мы уже знаем, весьма ценно во времена глобальных передряг. Они – важнейший элемент безопасности государства.

Предлагаемой управленческой системе нет никакого резона давить хозяйствующие субъекты. Наоборот, она объективно заинтересована, чтобы их было больше, растущих и процветающих. Поэтому и налоги должны быть щадящими, а система отчислений в бюджет – предельно простой и понятной даже ребенку. От силы два – три платежа, может быть, вообще один. Допустим, 15 процентов от дохода – и все, чтобы не толкать участников рынка на манипуляции по бумажному уменьшению прибыли. При такой ставке имеет смысл продолжать вести дело даже при 20-процентной рентабельности. Впрочем, форма, количество и размер налогов – предмет дальнейшего обсуждения.

Но совершенно точно надо избавляться от привязки оплаты труда к перечислениям в «пенсионку», в непонятный, совершенно «левый» фонд медицинского страхования и прочим мелким нахлебникам с ложкой, получившим государственный патронаж.

Нынешняя власть чрезвычайно довольна «плоской» шкалой налога на доходы физических лиц с единой ставкой в 13 %. Высокая собираемость при минимуме усилий инспекций – разве не благодать?

Но справедливым такое положение могут назвать только долларовые миллиардеры, да и то самые отвязные.

Думается, дифференциация ставки напрашивается, тем более теперь есть у нас эффективная налоговая инспекция, не выискивающая мелкие нарушения собственноручно придуманных регламентов и не участвующая в дележе «черного нала», а работающая на благо общества, невзирая на должности, влияние и состоятельность клиентов. К тому же все ее усилия подперты законодательством, предусматривающим строгую ответственность за уход от оплаты налогов.

Сохранив нижнюю ставку НДФЛ в 13 %, мы ее увеличиваем с довольно высокого уровня доходов работающего, например, с 2,5–3 млн. рублей в год. Дальше идет градация, но верхняя граница не превышает 25 процентов.

Сегодня налог на физических лиц жадно делят бюджеты разных уровней – по сути, это единственный надежный источник поступлений в казну. Предлагаю лишить их такой радости. Названный налог должен служить лицам, с которых собирается, и старикам. То есть так: делим его на две части. 40 % идет напрямую во всероссийский пенсионный фонд, а 60 % – в качестве накопительной части на личные счета граждан, в пенсионные фонды, созданные правительством страны, администрациями губерний, городов, районов, поселков. Человек может выбирать любой из них, даже живя, допустим, в Краснодаре, открыть счет в фонде, организованном тюменским губернатором. Вся информация – в социальной службе. С момента поступления средств создатели пенсионного фонда несут полную ответственность за их сохранность и обещанный рост. Гарантия – бюджет соответствующего уровня. Ответственность высокая, так что управленцам неплохо несколько ночей поразмышлять, прежде чем ввязываться в эту работу. С одной стороны, они получают дополнительный, внебюджетный маневренный капитал, с другой – необходимо обеспечить почти 100-процентную надежность его размещения. Поскольку возникают долгосрочные обязательства, решение о создании пенсионного фонда, конечно, принимает не единолично губернатор или глава, а Собрание соответствующего уровня.

Возникает вопрос, как быть с гражданином, которому на момент реформы исполнилось, к примеру, 53 года. Накопить сумму, достаточную для достойной жизни на заслуженном отдыхе, он не успевает. Всероссийский фонд принимает на себя обязательства перед всеми работающими, достигшими тридцати лет. То есть он берется выплачивать 50 процентов будущей пенсии тем, кому на момент изменений было от 30 до 40 лет, 75 % – находящимся в промежутке между 40 и 50 годами, и 90 % – тем, кому исполнилось 50 лет и больше.

Начисление пенсии производится просто: берется накопленная сумма вместе с набежавшими на нее процентами, (сюда же плюсуются дополнительные добровольные отчисления, если гражданин их делал), делится на 20 (подразумевается, лет) и затем на 12 месяцев. Если вы начали трудиться двадцатилетним, то при любых схемах расчета и обещанных пенсионным фондом процентных ставках, будете получать не меньше, чем когда работали, а в некоторых случаях значительно больше. Это, конечно, не значит, что отпраздновав свое 80-летие, останетесь без пенсионного содержания, ведь вам при выходе на заслуженный отдых перечислили не сразу всю сумму, и немалый остаток средств на вашем личном счете не лежит, а продолжает оборачиваться. Следовательно, образуется существенный «хвост». Вдобавок, не все такие счастливцы, как вы, некоторые скончались раньше, не выбрав из фонда полагающихся им денег. Так что, после 80, напротив, получаете добавку к пенсии.

Но как быть сейчас, когда ради ликвидации дефицита средств в пенсионном фонде правительство режет в бюджете программы развития. Готов биться об заклад, что недостаток денег для стариков – не результат плохой экономической ситуации, а следствие безобразной работы государственных фискальных органов, встроенных, понятно, в «петровскую модель» власти. Лет десять назад я на досуге произвел в уме элементарные подсчеты и несказанно удивился: оказалось, каждый работник нашей не так чтобы сильно обеспеченной редакции за счет отчислений в пенсионный фонд содержит трех ветеранов. Выплаты по старости тогда колебались в промежутке от 2,5 до 3,5 тысяч рублей. За десять лет размер пенсий вырос в 2 с лишним раза, а фонд оплаты труда нашего маленького предприятия, продолжающего работать «в светлую», увы, остался почти неизменным. Но и сегодня каждый наш сотрудник, по среднестатистическим данным, обеспечивает материально больше, чем одного пенсионера. Что из всего этого следует? А следует нехитрое умозаключение: если бы «Газпром» вместо показательных вливаний в пенсионную систему, как в 90-е, преподносившихся чуть ли не как благотворительность, и тогда, и сейчас просто честно платил налоги с честного фонда оплаты труда, вместо дефицита у нас наблюдался бы профицит. А если бы к нему присоединились «Лукойл», «Роснефть» и еще десяток крупных игроков отечественного рынка, и вдобавок руководители пенсионного фонда чуток ограничили свои хватательные рефлексы, в частности, остановили программу строительства роскошных зданий для собственных отделений в регионах, то профицит сделался бы вовсе неприличным

и заставил власть существенно, а не по крохам, увеличить выплаты по старости.

Так что предлагаемая реформа – не воздушный замок, а вполне реальная вещь, особенно при новой управленческой системе, которая ликвидирует «непрозрачные» зоны. Учтите еще, что «освобожденные» от привязок к «пенсионке» и «медстраху» фонды оплаты труда вырастут, а, значит, у людей повысятся зарплаты. Это хорошо и для формирования устойчивого внутреннего спроса, и для пенсионной системы, поскольку увеличится наполнение налога на доходы физических лиц, обеспечивающего ее средствами.

Наше медстрахование – несмешная пародия на американский образец. Не надо далеко ходить, чтобы увидеть, как оно «работает»: стоит только взглянуть на «убранство» отечественных больниц или услышать при помещении в стационар требование принести свое постельное белье. Да и за океаном принятая у нас за идеал система переживает не лучшие времена. Алчность вообще не имеет границ, а уж страховых компаний – тем более. Цена лечения в высокотехнологичных американских клиниках зашкаливает за всякие пределы. Четверть населения не может позволить себе иметь полис, и за оказание им экстренной помощи расплачиваются бюджеты штатов и городов. Недовольство таким положением дел в США нарастает год от года.

Мы же переводим, как в Советском Союзе, медицину на бюджетное обеспечение. Лечение вновь становится бесплатным, что не исключает, конечно, наличия частных клиник, где денежки придется выкладывать.

Государственным менеджерам впору взвыть: «Сгрузили на нас медицину, а НДФЛ отобрали. Как мы обеспечим народу счастье?» Более того, необходимо ввести запрет на владение властными структурами недвижимостью, кроме той, что требуется им для работы. То есть и арендные платежи – тю-тю. Нет никакой возможности, поплевывая в потолок, худо-бедно формировать бюджет. Остается одно – всеми силами стимулировать деловую активность на вверенной территории, поддерживать инициативных, добиваться 100-процентной собираемости разумных налогов. Для решения последней задачи власть должна иметь сильные инструменты. Те, кто не оценил данных ему новой управленческой системой благ и продолжает заниматься подтасовками, ловчит, должен нести наказание.

Сейчас правительство и Дума решают, как карать участников ценовых сговоров. Собирается наказывать лишением свободы сроком на семь лет. По правде говоря, прогонять через тюрьмы людей, в общем, не обладающих уголовными наклонностями, мне представляется не лучшей идеей. Есть другие способы заставить их считаться

с законами. Допустим, предприниматель раз предоставил фиктивную отчетность, другой. Глава выносит ему одно предупреждение, второе. Ловчила продолжает в том же духе. Тогда глава обращается в арбитражный суд с требованием лишить непонятливого гражданина права заниматься хозяйственной деятельностью на территории подчиненного ему района (уездного города, поселка). При положительном решении нарушитель обязан либо сам продать свою собственность за определенный срок, либо передать права на ее реализацию главе района. После этой операции он получает деньги – и, как говорится, свободен. Такие же санкции и тоже через суд могут применяться к собственникам, имитирующим хозяйственную деятельность, а на самом деле распродающим основные фонды предприятия. Все, лишенные хозяйственных прав, вносятся во всероссийский общедоступный реестр себе подобных Начиная трудиться в другом месте, они должны знать, что власть имеет все основания на настороженность к ним в точном соответствии с заработанной репутацией.

Чувствую, как поднимается волна гнева сторонников неприкосновенности частной собственности, и среди них – Егора Гайдара. Она действительно сегодня нуждается в действенной защите.

«За последние шесть лет в странах СНГ, в том числе в России, было совершено 10000 захватов предприятий, при этом в 567 случаях не обошлось без убийств.

В 70 % случаев контроль над активами перешел к новым собственникам. Оставшиеся 30 % – неудачные нападения рейдеров-любителей или захватчиков-новичков.

По данным, приведенным в книге «Антирейдер» (издательство «Питер», 2007 г.) специалистов по недружественному поглощению Игоря Туника и Вадима Полякова».[4]

Безусловно, предлагаемая управленческая система не допустит такого бандитского отъема собственности, ставшего в современной России обыденной практикой. Однако гарантировать ее полную неприкосновенность по-новому организованная власть не может, потому что никогда и нигде она не была в силу своего характера совершенно защищенной. Впрочем, вру. Однажды я видел неприкасаемую частную собственность своими глазами.

В 1996 году, еще до Олимпиады, я вместе с соотечественниками передвигался в туристическом автобусе по Афинам. Естественно, мы глазели в окна и вскоре заметили, нельзя было не заметить, странную особенность в городском облике. Чуть ли не в каждом квартале стоял из последних сил свой «Дом Павлова», натуральные руины. Конечно, стали интересоваться у экскурсовода, отчего так, не бомбят ли, не ро-

[4] О. Ерачина «Меня попросили вылечить больного, у которого рак IV степени», «Новая газета», 2009 г., № 83

вен час, столицу Эллады. Женщина успокоила, небо над городом мирное, а разрушенные дома… Понимаете, в Греции неприкосновенность частной собственности, сказала она, гарантируется очень строгими законами. Чаще всего владельцы этих находящихся в плачевном состоянии зданий умерли вдали отсюда, например, в Канаде, и тамошние органы либо ищут наследников, либо те никак не выберутся в Афины, чтобы распорядиться своей собственностью. В жизни, знаете, бывают разные обстоятельства. А законы строгие, и никто к этим домам старается не прикасаться.

Потом я смотрел телерепортажи с Афинской Олимпиады, читал о ней в газетах. Разрушенные здания ни разу не попали в объектив телекамер, ничего не говорилось о них и в печатном слове. Неужели греки нарушили собственные законы и тронули-таки рухлядь – попросту снесли?

Кстати, трепетное отношение к частной собственности не ввело Грецию в ряд передовых государств, что непременно должно было случиться, если верить рассуждениям Егора Гайдара о чудодейственной силе подобной законодательной защиты.

Частная собственность – все-таки не личная, она включена в производственные отношения, используется для получения прибыли. И странно оставлять ее в недотрогах. Добавлю, что дисквалифицированные предприниматели, по сути, не лишаются частной собственности, они получают на руки ее денежный эквивалент.

Еще одним серьезным инструментом для пополнения бюджетов разных уровней должна обладать предлагаемая управленческая система. Главы городов, районов, поселков получают право собирать налоги со всех субъектов, хозяйствующих на подведомственной им территории. Сегодняшнее положение дел, когда нефть качают в Стрежевом, а деньги платят в бюджет Москвы или Кипра – разорительно для страны.

«65 % товарооборота между Россией и Китаем идет через Забайкальск. Таможенные сборы – 2 млрд долл. Из них ни копейки не достается краю. В середине сентября предприниматель Алишер Усманов купил за 15 млрд руб. крупнейшее в мире Удоканское медное месторождение. «Забежал в кабинет на полчаса раньше нас», – посетовал один из проигравших. Край не получил ни копейки. Усманова в крае еще не видели.

В Забайкальском крае есть река Менза. По ней живут староверы. Живут неплохо: ребята они крепкие, справные, по осени идут в лес с колотушкой, наколотят себе шишек на 300–400 тыс. руб., сдадут и живут. В каждом дворе по две машины, а Менза та, приток Селенги, – заповедник. Красоты необычайной. В мае прошлого года

Москва отдала ОАО «Техснабэкспорт» лицензию на добычу на Мензе урана. Предполагаемые запасы – копеечные, 5 тыс. тонн.

Что такое колония? Это когда метрополия без ведома аборигенов с их шишками и колотушками решает добывать на их землях уран. И ей даже не приходит в голову посоветоваться с аборигенами и хотя бы копейку за это заплатить».[5]

Предлагаемой управленческой системе все равно, что ты будешь делать со своей прибылью после платежей в бюджет. Вези хоть на Занзибар, если там твоим деньгам климатит. Россиянин ты или иностранец – тоже без разницы. Покупай собственность, работай, плати налоги – все. Вот и приток иностранного капитала, только не спекулятивного, а реального. Что иностранцу плохо, для всех лечение и образование – бесплатно, а для него и его детей – за деньги. Ну так получай гражданство – и тогда вообще никаких проблем.

Крупные корпорации, типа «Газпрома» или РЖД, предоставляют своим отделениям и филиалам право образования юридического лица. Те ведут свой баланс и платят налоги там, где трудятся. Корпорациям тоже полезно будет получать информацию об эффективности работы своих составных частей. Если отделения или филиалы выполняют посреднические или вспомогательные функции, то вычисляется доля их участия в создании конечного продукта. С нее и берется налог.

Безусловно, 15-процентный налог недостаточен для доходов, получаемых сырьевыми компаниями. Солженицын возмущался: «…наши бесценные недра были переданы, просто переданы, практически бесплатно, в руки авантюристов, не имевших никаких производственных заслуг, ничем не полезных до того обществу. И вот все это они получили. Да на каких правах? Вот на Западе, если нефтяная компания добывает из месторождения, то за все вынутые объемы нефти она платит так называемую природную ренту. До 80 % стоимости вынимаемой нефти сразу с порога оплачивается государству, а у нас природная рента не выплачивается. Потому так богаты наши нефтяные компании».[6]

Одно время тему природной ренты будировал Сергей Глазьев. Однако узкая олигархия замяла разговоры. Наши сырьевики смотрят на природные ресурсы, как тот кассир, что считал все проходящие через него деньги своими. Но если кассир заблуждался, то взгляду нефтяников, газовиков, лесозаготовителей не откажешь в ясности. Два – три года самоличной эксплуатации, и какой-нибудь доселе ни-

[5] Ю. Латынина «Рука Кремля, печень свиньи, зубы Дракона», «Новая газета», 2008 г., № 79

[6] А. Солженицын «Из интервью телекомпании РТР» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 676

кому не известный персонаж врывается в список самых богатых людей мира по версии журнала «Форбс».

Предлагаемая управленческая система, конечно, введет природную ренту. Логично разделить ее между получателями по схеме 10% – 10–10–70, где последняя цифра означает поступления в бюджет центра. Все-таки он в основном содержит капиталоемкую науку и единолично – армию.

Сейчас по стране работает 300 подпольных мясных заводов. Перерабатывают аргентинскую и бразильскую буйволятину с просроченным сроком годности в дорогие колбасы и разные там аппетитные рулеты. Подпольные они потому, что оборудованы под землей или в пещерах? Нет, конечно. Располагаются в пустовавших прежде цехах, брошенных зернохранилищах, запущенных гаражах, в общем, где придется. И конечно, о них знают и местные начальники, и простые жители. Первые ничего не видят, потому что глаза застит мзда, вторые видят, но или благодарны за предоставленную работу, или: «А что я могу сделать?» Эти заводы подпольные для ленивой и заевшейся, а часто прикормленной отнюдь не деликатесами кустарного производства налоговой инспекции и контрольных органов, ослепших по тем же причинам. При предлагаемой управленческой системе такие заводики долго не поподпольничают.

Вообще, по-новому организованная власть станет защитницей обыкновенных граждан как потребителей. Допустим, почему имеет смысл создавать кустарные мясные заводы и родственные им по способу производства водочные, разливающие фальсифицированную минералку, перерабатывающие пальмовое масло в подобие молочного и т.д. Потому что торговле выгодно иметь с ними дело. Она берет сомнительный продукт по низкой цене, а реализует по той же, что качественный. Случаются, конечно, наезды разных «надзоров», изымают фальсифицированный и часто опасный товар, магазин штрафуют, но что эти потерянные деньги в сравнении с бешеной прибылью от продажи дерьма? Милиция начинает искать подпольщиков, изредка находит – и тогда о блестяще проведенной операции рассказывают все телеканалы.

В Москве в супермаркетах ведущих торговых сетей проверили качество колбасы. Установили: содержание мяса не превышает 2 и несколько десятых процента. Могли бы обойтись без лабораторных исследований, достаточно просто сохранить способность различать запахи. Возле колбасных отделов наших магазинов уже лет пятнадцать

не пролетал мясной дух. Последний раз я его обнаружил в Караганде, дышал и не мог надышаться. Будто вернулся в СССР.

Магазин имеет право продавать что угодно, лишь бы товар не представлял опасности для жизни покупателя. Но торговцы должны написать на ценнике «Колбаса химическая, содержание мяса – 2 %». Нет вопросов. Пусть любители берут на здоровье. А так магазины занимаются обманом. Причем, годами и по всем видам товаров. Когда организованная по-новому власть применит в отношении владельцев магазинов и сетей ту же систему дисквалификации, что и к подтасовщикам бухгалтерских отчетов, торговля сама перекроет дорогу фальсификата на прилавок. Не будет сбыта – исчезнет и подпольное производство.

В экономике еще много различных аспектов. Если говорить обо всех, получится еще одна книга. Я изложил основные подходы предлагаемой управленческой системы к этой сфере жизни общества. Они требуют предварительных дискуссий, как и другие, оставшиеся, увы, без упоминания.

Ключ от шкафа

Однополчане Марата рассказали Алме, как он служил. Назначили его по приходу из учебки истопником в гарнизонной бане. Работал по 20 часов в сутки, а то и вовсе без сна. Был в полном распоряжении офицеров и старослужащих. Застолья устраивались в бане, по словам солдат, регулярно. Держали Марата там за раба. В казарме ночевал за два месяца только три раза, а в бане кровати не было: спал, говорят ребята, на корточках, прикованным наручниками к батарее…

– Марат вырос на моих глазах, смотреть на него было радостно – добрый, трудолюбивый, воспитанный. И красивый, крепкого телосложения. А в гробу лежал увечный, тщедушный старик. Тело легкое, как у ребенка, впалый живот.

– Мы свидетельствуем, – говорит имам Кундакбай Мамбетьяров, – что на шее Марата не было следов от ремня, что его изнасиловали и покалечили и что органы из его тела были изъяты…

Погиб в той же части в 2000-м омич Андрей Ким. По данным союза, был сдан командованием внаем – служил охранником в местном кафе, а жалованье его выплачивалось командиру. Удушен в одной из разборок посетителей заведения.

В Бикине на лесозаготовках задавило трактором омича Александра Усова. По сведениям союза «Память», он работал на личный карман командира в/ч 31963.

За три месяца до гибели Марата груз-200 из Хабаровского края пришел и к бывшей односельчанке Алмы. Истории их, по словам этой

женщины, схожи. Согласно данным медэкспертизы, Сергей Громут «покончил с собой». Когда вскрыли гроб, тело было обмотано простынями, а в теле – пустота…

Громоздился груз-200 в товарном вагоне в три яруса. Все встречавшие его – родственники, односельчане, мулла – подтвердят, что гробов было там не меньше десятка. Это те, что доехали до Омска (5,5 тысячи км.). Ну а сколько оставлено на промежуточных станциях – нам неведомо. За какой же период образовалась такая «кучка» в гарнизоне, который далеко и от войны, – за неделю, за две?»[7]

Везли гробы из Бикина. Это в Хабаровском крае, рядом с китайской границей. Можно сказать, военные делают свой людоедский бизнес, пользуясь тем, что большое начальство далеко, а Бог – высоко. Но вот еще одно свидетельство: «Кирилла направили служить в ближнее Подмосковье в в/ч 74213, что в подмосковной Баковке Одинцовского района, а уже через месяц его откомандировали для работы в Генштаб. В это огромное белое здание на Арбате».[8]

Дальше цитата из предсмертной записки Кирилла Григорьева:

«Летом практически вся рота разъезжается на работы, с которых командование получает прибыль.<…>

Когда я был в комендатуре, у нас были дембеля <…>, которые заставляли нас приносить им деньги, спиртное, сигареты, карточки моментальной оплаты сотовых услуг, а на отказ они били нас до изнеможения, издевались изощренным образом, не давали спать. Мало того, они били нас просто так, от нечего делать, когда были пьяны. Ходили в неофициальное увольнение через дежурных офицеров, мы доставали деньги таким путем: либо воровали, либо «стреляли» (просили деньги у прохожих).

Когда меня отправили служить в роту, я знал понаслышке, как дембеля заставляют приносить им деньги младший призыв. Я боюсь, я не могу туда ехать, я пришел к выводу, что лучше умереть, чем вернуться туда. <…> Я не поеду туда, мне там – конец…»[9]

Дедовщина имеет уже примерно полувековой стаж, неписаные «железные» правила, традиции. Но в советские времена «старики» выбивали себе услуги – постиранные портянки, заправленную постель.

Офицеры, как правило, руки не марали, просто делали вид, что ничего не видят, ничего не слышат. Похоже, в кулуарах своих собраний они постановили считать дедовщину полезной для поддержания дисциплины. Даже самые подонистые из старослужащих вынуждены

[7] Г. Бородянский «Не вскрывать!», «Новая газета», 2006 г., № 55
[8] В. Измайлов «В Генштабе страшная дедовщина», «Новая газета», 2006 г., № 51
[9] Там же

были сдерживать свою ублюдскую фантазию: перегнешь палку, доведешь салагу до самоубийства или зашугаешь до смерти, приедет следователь из военной прокуратуры, начнет грузить командиров. Они, может, и не выдадут, но обидятся, сам угодишь под такой «офицерский суд», что долго не оклемаешься.

Но вот пришли рыночные отношения. Солдаты превратились в источник дохода. Отдавать такой кус в единоличное пользование «дедам» офицеры сочли ротозейством. Они включились и в процесс обламывания салаг, и перенаправили в свою сторону львиную долю доходов от их рабской эксплуатации. Новобранцы остались даже без пассивной защиты. И отходы «производства» – трупы – повалили валом.

Ситуация усугубляется еще одним обстоятельством. Офицеры получают планы по набору контрактников, а добровольцев немного, даже те, кто в совершенстве освоил специальность палача и имеет неплохой навар, мечтает о гражданке. Приходится подписи на соглашении выбивать и угрозами, и посулами. Последние могут звучать так: «Подумаешь, зарплата маленькая. Да ты здесь будешь как сыр в масле кататься. Обещаю».

И контрактники сбиваются, благо время позволяет, в зондеркоманды садистов. Для новобранцев, тем более, нынешних, идущих служить всего год, оказаться с ними в одной казарме – все равно что очутиться в ментовской «пресс-хате».

Спрашивается, имеет ли право на существование государственная система, прогоняющая через пытки и унижения своих юных граждан? И вдобавок высокопарно объявляющая весь этот ужас долгом даже не перед ней, а перед Родиной.

Авторитет армии в обществе не просто нулевой, он измеряется в отрицательных величинах. Ее боятся призывники, их родители, их бабушки и дедушки. Пацанам сочувствуют друзья, а девушки целуют, как в последний раз. Проводы напоминают препровождение в ад.

В течение многих лет дважды в год в тамбурах вагонов, везущих домой уволенных в запас, непременно находится дембель, иногда вкрадчиво, иногда наступательно уверяющий, что без дедовщины армии бы не было. Зададимся вопросом: какой армии?

Очередная «маленькая победоносная война» наглядно демонстрирует уровень ее боеготовности.

«По словам начальника Генштаба Николая Макарова, сегодня в Вооруженных силах менее 20 процентов частей «могут выполнять боевые задачи», а остальные – из сокращенного состава из офицеров и прапорщиков, которые не умеют командовать людьми в бою. В войне с Грузией, по словам Макарова: «Нам приходилось штучно искать

подполковников, полковников и генералов по всем Вооруженным силам, чтобы они участвовали в боевых действиях. Потому что штатные командиры «бумажных» дивизий и полков просто были не в состоянии решать боевые вопросы. Когда этим командирам дали людей, дали технику, они просто растерялись, а некоторые даже отказались выполнять приказания».[10]

Ну, правильно, когда им учить команды? Бизнес же. Рабов (в частях сокращенного состава солдатики тоже водятся) надо определить кого в лес, кого в кафе, а тут один выступил, придется нагибать. Столько хлопот, времени совсем нет. Имущество еще на тебе висит (справка: с 1951 по 2008 г. из арсеналов Министерства обороны «разбежалось» 39 тысяч 612 пистолетов и автоматов без учета потерь и краж в Афганистане, Анголе и других «горячих точках». Данные приводит Сергей Канев в материале «Оружие гуляет по стране» в «Новой газете», № 47 за 2009 год).

Нынешние руководители страны осознают, что армии у них практически нет, и пытаются как-то повлиять на сей печальный факт путем реорганизации того, что осталось.

«Недавно президент Дмитрий Медведев полностью поддержал министра обороны Анатолия Сердюкова, а перед поездкой в Лондон на саммит добавил, что невозможно дальше терпеть оборону «на уровне 70–80-х годов».

Формально радикальные сокращения и перемены объявлены как результат войны с Грузией, утверждены Медведевым… В июне Сердюков объявил, что к 2013 году численность ВС сократят до 1 млн человек. В июне же первый замминистра обороны, бывший командующий ВДВ генерал Александр Колмаков разъяснил, что последние 20 лет в мире идет военно-техническая революция, а у нас «подготовка войск и сил флота до последнего времени продолжала соответствовать уровню 60–70-х годов»…

Теперь Сердюков ломает структуру, которая существует со времен реформы Дмитрия Милютина второй половины XIX века. Если к декабрю начальник Главного управления боевой подготовки и службы войск генерал Владимир Шаманов сумеет перевести армию на бригадную структуру, то, по Шлыкову, милютинская мобилизационная система умрет».[11]

Теперь у нас будут не дивизии, а бригады, все с полным комплектом личного состава.

Не знаю, чем они лучше дивизий (само новое название навевает, скорее, рабоче-криминальные ассоциации), а вот что касается общей численности армии, то она представляется разумной.

---

[10] П. Фельгенгауэр «Штабильность», «Новая газета», 2009 г., № 33
[11] Там же

Радует также: слепоглухопафосная власть заметила военно-техническую революцию. Американцы уже больше десяти лет побеждают вражеские армии, сидя за компьютерами в центрах управления. «Военные роботы, … по прогнозам, к 2020 году будут составлять армию США уже на треть».[12] В последний раз янки отправили своих рейнджеров в марш по земле только потому, что очень хотели изловить Саддама Хусейна и прибрать к рукам иракские нефтяные скважины. Вот и увязли. Ничего, в следующий раз пошлют роботов. Мы же до сих пор в раскладах перед битвами оперируем понятием «живая сила».

Всякие реорганизации бесполезны, если в названных по-новому частях будут главенствовать прадедовская муштра в обнимку с дедовщиной. Непонятно, получит ли преобразованная армия современное оружие и кто им будет управлять.

Я служил в середине 70-х годов, и уже тогда в задушевные минуты офицеры делились своими тревогами. Один рассказывал: к ним в часть на Дальнем Востоке поступил передвижной ракетный комплекс, а никто не знает, как к нему подступиться. Ну, загнали в гараж, смазывали, а на учения не брали. Так и стоял. «Да что говорить, – заключил офицер – в обычных БМП от безграмотности используем в лучшем случае процентов 70 заложенных возможностей».

Современная армия – вообще, самая высокотехнологичная отрасль в мире. И для нее один головастый «ботаник» с ранним брюшком важнее стройно марширующего полка недоучек. Залучить его в армию, и еще тысячу таких, как он, – вот стратегическая задача для записных военных златоустов. Не загнать и забить, а обеспечить такие условия, чтобы «большие бошки» работали на оборону в полную мощь своего интеллекта.

Вернусь опять к своим солдатским воспоминаниям. Однажды нам попала в руки газета с заметкой о порядках в югославской армии, где бойцы ранним утром на своих машинах подъезжают к части, переодеваются в форму и приступают к службе. Через девять часов (час – на обед), за казенный счет настрелявшись и набегавшись, складывают гимнастерку в шкафчик, садятся в автомобиль и отбывают в близлежащий дом, к маме с папой. Кто-то взялся читать заметку вслух, кто-то вздохнул, как о недостижимой мечте: «Вот бы у нас так». Другой презрительно обронил: «Разве это армия». И впрямь: а где лишения и готовность их преодолевать? Они же не в том, что ты носишься с автоматом, они – в чистке ночами картошки и нужников, в сушилке на сто человек, в компашке выдрыхшихся днем «стариков», которые режутся в карты в соседнем проходе, орут и поднимают ко-

[12] Ю. Ревич «Поговорим о гуманизме роботов», «Новая газета», 2008 г., №41

го попало для чего-нибудь. Только все это преодолев, ты, считается, готов к защите Родины.

Не менее удивительные порядки, например, в Вооруженных силах наших соседей.

«Как попадают в финскую армию? Кто как: мальчикам 19 лет приходят, говоря по-нашему, «повестки». Если парень в это время учится, он вежливо пишет в ответ: извините, пока не могу. Когда сможет, он обязательно откликнется – в армии можно отслужить с 18 и до 30 лет. «Косить» здоровый финн не будет: и люди не поймут, и сам себя уважать не станет, и в институт после армии поступить легче. Некогда популярное в России мнение, что армия делает из мальчика мужчину, в Финляндии распространено до сих пор. И государство не прикладывает титанических усилий, чтобы разубедить народ…

Сколько длится срок службы? Однозначного ответа на этот вопрос нет: кто-то служит 6, кто-то 9, а кому повезет, то и все 12 месяцев. Никакой иронии: 12 месяцев – нечто вроде знака мужского качества, их служат самые толковые, подготовленные, самые физически развитые – финн с удовольствием похвастается в разговоре, что демобилизовался в высшем из возможных званий. Первые два месяца – что-то вроде нашего курса молодого бойца или «учебки»: к солдатам присматриваются. Если человек не выдерживает физических нагрузок, его отправляют служить на кухню, в прачечную и другие не столь утомительные места. Остальным все по полной программе, включая длительные учения в лесу с круглосуточным бдением, полевой кухней и ночевкой в общих палатках, рюкзаки, иной раз поболе малого девичьего веса, и т. д… Каждый солдат должен знать свой маневр, а отрабатывают эти маневры долго и тщательно. Но без экстремизма со стороны офицеров: муштра, согласно специальному приказу министра обороны, не допускается! Конфликтов по поводу еды тоже нет: как отобрать у салаги масло или сахар, если все это лежит горой в порционных упаковках по типу шведского стола и можно брать, сколько в тебя влезет? А на особо ретивых с дурным характером есть управа – свободный и независимый суд. До него еще ни разу не доходило – никаких громких дел за финской армией не числится. Впрочем, рассказывать о том, как живут финские солдаты, вообще не следовало бы – из чистого человеколюбия. Особо изощренным издевательством выглядит решение Минобороны Финляндии об увеличении доли овощей и обезжиренных продуктов в рационе и о контроле над весом солдат – толстенькие там они, видите ли, как бы диабетом не захворали, тревожится правительство.

Страшно сказать, один раз Соня целых четыре выходных не была дома – так сложилась служба. Иногда удавалось навестить маму каждую неделю. Для тех, кому выдана увольнительная, заказывают

автобусы, проверяют, есть ли у них деньги, документы и ключи от дома… Мама с папой могут и не ждать пятницы и приехать в часть сами, тогда встречу назначают в гарнизонном кафе или музее. В том же кафе после ужина, которым кормят в 17.00, можно добавить – булочку, кофе. А хотите – заказывайте пиццу с «гражданки».

Если выдался свободный час, можно покачаться в спортзале или поплавать в бассейне. Есть и библиотека, своих книг в казарме держать нельзя, но солдаты ухитряются – прячут в шкафу под свитерами. Шкаф должен быть заперт, и ключа у офицера нет, но иной раз проверяют, тогда вежливо просят открыть».[13]

Финляндия одна, что ли, такая? Все приличные государства понимают: толпа побитых и зашуганных людей никого ни от чего защитить не может, какой бы большой она ни была.

Показываю содержимое своего шкафчика. В нем тезисы о том, что наша армия – вся – контрактная. Люди служат по месту жительства. Если им удобнее ночевать дома, ночуют дома. Обычная работа без отрыва от родных, детей и женщин (а то армия, вслед за тюрьмой, становится рассадником «голубизны». Заметьте, «активный» – такой же гомосек, как и «пассивный». Это не мой тезис, это медицинская, законодательная и просто логическая трактовка понятия). Есть, конечно, своя специфика: дежурства по части, длительные командировки, например, на учения, режим секретности с подписками о неразглашении.

Всеобщая воинская обязанность заключается в том, что все мужчины от 22 до 30 лет (а не с 18 до 30, как в Финляндия) в удобное для себя время проходят месячные сборы. В этом возрасте уже понятно, что из себя человек представляет: у каждого есть профессия, опыт. Военные за месяц должны определить уровень квалификации участников сбора и подходящих попытаться склонить к службе. Спортсменам, автогонщикам, охотникам, пилотам предложить на выбор спецназы: для действия в горах, в воде, в воздухе. Шоферам – вождение танков и БМП. А «ботанику» – зарплату в 3, не знаю, 4 тысячи долларов и такую технику в пользование, чтобы у парня челюсть отвалилась. Скажете, дорого? А не дорого призывать и кормить одногодичников, переводя огромные деньги впустую? Я лично за сутулыми плечами «ботаника» буду чувствовать себя защищенным, как никогда.

Казаки подойдут для пограничной службы. Переодеть их посовременней, чтоб не взбивали пыль саблями – и, думаю, сгодятся.

От дедовщины не останется и следа. Контракт – прочное соглашение двух сторон, но не кабала. Если человек докажет, что подвергся насилию на службе, он вправе разорвать отношения. Но и армия,

[13] О. Деркач, В. Быков «Наша Соня в финской армии», «Новая газета», 2009 г., № 23

в свою очередь, имеет возможность досрочно избавиться от бездельника или пьяницы. Она, вообще, превратится в престижное место работы взрослых, состоятельных, образованных и умелых людей. Матери будут с гордостью говорить: «Мой-то в армии служит».

Публичная правоохрана

Внутри железнодорожного и автомобильного вокзалов Краснодара, расположенных друг напротив друга через площадь, каждую минуту звучат объявления об угрозе террористического акта. Выходишь на улицу покурить и хоть немного отдохнуть от психологического радиопрессинга, а обратно зайти – опять показывай документы. Идет война, и, кажется, через час, от силы через два нем…ой, чеченцы ворвутся в цветущий Краснодар, превратят его в руины, а людей вокруг перестреляют.

В отделении милиции, обслуживающем оба вокзала, по-южному экспрессивные, взвинченные представители власти не разговаривают, орут друг другу и на задержанных исключительно матом, заставляют тех показывать содержимое своих сумок. Ощущения, как от приблатненного шалмана. Тут же «клетка» из стальных прутьев, в ней сидит очередной «черный», пока родственники и знакомые «возможного террориста» ищут деньги. Передача купюр милиционерам происходит в открытую, дело, похоже, совершенно обыденное. Выкупленный идет на свободу, место за прутьями занимают еще двое. Только с виду «клетка» кажется черной, на самом деле, она – золотая.

…Летний теплый пятничный вечер. Сижу в открытом кафе в центре Екатеринбурга. Позади трудовая неделя – и можно угостить себя ужином с пивом. Напротив кафе – фонтан, народ вокруг него толпится, мочит ноги, особенно женщины. Не торопясь ем, глазею, попиваю пенный напиток. В кафе почти никого – посетители заглянут, посидят чуток и упархивают. Прошло больше двух часов. Так бы сидел и сидел, но надо уже идти. Расплачиваюсь и неспешно отправляюсь по улице. Больше квартала прошел, вдруг прямо передо мной возникают двое слегка запыхавшихся пэпээсников.

– Предъявите ваши документы.

Даю корочки. Один читает, потом говорит:

– Пройдемте в отделение.

– А что случилось?

– Вы своим видом оскорбляете окружающих.

– Чем это я их оскорбляю? Неужели ширинка… Нет, застегнута. Поясните.

– Сколько бокалов пива вы выпили?

Прикидываю: слабый пивной алкоголь за то время, что я его потреблял, должен рассеяться в организме, и нагло вру:

– Два

– Нет, вы выпили три бокала, – твердо говорит пэпээсник пацанистого вида лет двадцати, а, может, меньше.

Несмотря на драматизм ситуации, меня разбирает хохот.

– Так вы что, пока я сидел, два с половиной часа, следили за мной? Считали бокалы пива? Следили, да?

Идет рядом, ничего не отвечает. Работа у него такая. Закончил очередное оперативное мероприятие с использованием наружного наблюдения. Трудолюбие поражает, как и арифметические способности столь юных охранников порядка. Представляю их радость, когда я заказал третий бокал. Вот, допустим, просидев 1 час 45 минут и допив вторую разливную поллитру, я бы откланялся и покинул заведение. Представляете, сколько времени пэпээсники убили бы зря, потому что литр пива способен привести мой крупный организм только в состояние легкого опьянения. Знают по опыту, хоть и юные. А три – гарантированно среднее, непереносимое для окружающих. Ребята расслабились после чудовищного напряжения, отвлеклись, глядь, а меня за столиком нет. Крупный, груженый, старый, а упорхнул. Ну, они бегом за преступником, слава богу, задержали. «Наша служба и опасна, и трудна, и, на первый взгляд, как будто не видна». Отчего же, видна, да еще как. И на первый взгляд, и на второй, и на десятый.

Это Кировский райотдел. Расположен стратегически очень удачно. В радиусе одного квартала штук пять кафе, два или три ресторана, ночные клубы. Никуда ходить не надо. Держишь двери заведений в поле своего орлиного взора, определяешь подходящего клиента. Назюзюкавшиеся на фиг не нужны. Самое то – в подпитии, не все деньги просадившие. Лет пятнадцать назад меня уже брали вместе с друзьями-товарищами при выходе из другого кафе, стационарного. Тоже пацанчики. Теперь уж, наверно, майоры или даже полковники. Приятно сознавать, что на тысячную часть миллиметра их звезды – заслуга моего ротозейства. Теперь делаю карьеру представителям следующего поколении. Впору по-торгашески посетовать прущей беспрерывно, как сорняк, поросли: «Вас много, а я один».

В Стамбуле на припортовой улице через каждый квартал стоят здоровенные полицейские с автоматами через плечо. Но никакой идущей от них агрессии я почему-то не ощутил. Конечно, орать во все горло «Не нужен мне берег турецкий…» желания не возникает, но и в то, что саданут очередью ни с того ни с сего хоть бы и поверх головы, както не верится. Стоят и стоят, ни к кому не цепляются, и даже, не поверите, делается спокойней из-за того, что они есть и у них автоматы.

Москва. Бесконечные подземные переходы под площадью Трех вокзалов с киосками, музыкантами, цыганками и всем-всем-всем. Что это там впереди какое-то свободное пространство образовалось? А-а, милицейский наряд идет. Ремни – на яйцах, воротники – нараспашку, фураньки на затылках, ботинки, о, да, ботинки блестят. Норовят пэпээсники поймать рыщущими глазами взгляд всякого встречного, шарят в баулах торговок, суют нос в холодильник мороженщицы, в горшки цветочниц. Добросовестно шныряют. Здравствуй, Родина!

«Патрульно-постовая служба и группа немедленного реагирования. Самое нищее и «беспредельное» подразделение. Чаще всего за преступления сажают именно их. Ежедневно мы видим бойцов ППС на улицах, обирающими граждан. Берут в ППС кого попало. Среди пэпээсников самый большой процент алкоголиков и страдающих игровой зависимостью.

Бизнес: поборы с граждан в многолюдных местах, охрана точек с «ночными бабочками» и «разводка» их клиентов под угрозой задержания. Если рядовой сотрудник хочет, чтобы ротный поставил его на «хороший» маршрут (рынок, вокзал), нужно отстегнуть 500 рублей. За смену боец ППС обычно наматывает 5–7 тыс рублей».[14]

В общем, неплохо зарабатывают пистолетом, а все равно самые малообеспеченные в системе. Но именно они дают рядовым обывателям вроде меня – не уголовникам, не бизнесменам или депутатам – представление об очищенной от политического пустозвонства нынешней управленческой системе в ее истинной, голой сути. Эти рядовые носители власти безыскусно демонстрируют главные черты «суверенной демократии»: наглый грабеж простых граждан, толмачество законов в исключительно обвинительном духе, полную собственную безнаказанность за любое деяние, бесцеремонность и хамство.

Если таково обхождение с обычными законопослушными людьми, то не дай вам бог будучи не встроенным в систему обзавестись серьезными деньгами или собственностью, очутиться среди подозреваемых в уголовном преступлении или просто оказаться невольной помехой для более значимых милицейских структур, чем ППС. Пытки задержанных превратились в будничную практику органов.

«Если в отделении милиции нет провода с аккумулятором, бейсбольной биты и боксерских перчаток, это еще ничего не значит. Орудиями пыток могут стать карандаши, книги, сигареты и даже арбузы, не говоря уж о традиционных «палках резиновых» или «браслетах ручных». Во время допросов с пристрастием «под тяжестью собранных доказательств» трескаются кости, лопаются барабанные перепонки и рождаются «чистосердечные признания». Уверенные

---

[14] С. Канев «ООО «ОВД», «Новая газета», 2009г., №56

в своей безнаказанности милиционеры, как правило, утверждают, что увечья человек получил при попытке сопротивления, от сокамерников или покалечил себя сам для дискредитации правоохранительных органов. Свидетелей пыток, как правило, не бывает. До суда доходит лишь небольшой процент дел, которые наряду с коррупцией составляют еще одно высоколатентное явление.

…33-летний Сергей Монин был найден избитым и задушенным в ИВС Санкт-Петербурга, а обвинявшийся в его убийстве конвоир Лев Дмитрюк 20 мая этого года был оправдан.

…Пытки с применением специальных средств, к которым, в частности, относятся палка резиновая ПР-73 и наручники БР-С и БРС-2,… весьма распространены, так как «эффективны». Например, пережатие кистей рук наручниками выдержит не каждый. После многочисленных ударов по спине ПР-73 жителю Забайкальского края удалили селезенку, однако спасти мужчину врачам не удалось.

… – Каждое пятое сообщение о пытках в Чите сопряжено с рассказом об угрозах либо насилии сексуального характера, – подчеркивает директор Забайкальского правозащитного центра Виталий Черкасов. – Так, детдомовцу, инвалиду Вячеславу Н. милиционеры вставили дубинку между ног и пытались просунуть ее в задний проход.

…Используется подвешивание жертвы на турнике с застегнутыми сзади руками и привязывание тяжелой гири к наручникам и шпагаты-растяжки и наконец традиционные «ласточки», когда руки человека привязывают к его ногам за спиной.

…В Европейском суде по правам человека находится жалоба чебоксарца Петрова, который утверждает, что милиционеры пристегнули к наручникам 40-килораммовую гирю и выбросили его из окна второго этажа Московского РОВД. Леонид выжил, но получил множественные переломы.

… – Самой неоригинальной и типичной пыткой является лишение воздуха, – считает адвокат из Ижевска Рустем Валиуллин. – Человека доводят до потери сознания с помощью противогаза или пакета, надетого на голову.

…В мае юристы Казанского правозащитного центра добились возобновления проверки по факту избиения Александра Алексеева в отделе милиции «Воровский». По его утверждению, милиционеры привязали его голову к ступням, после чего сыграли в «Гражданскую оборону»: надели противогаз, один из сотрудников закурил и через клапан стал вдыхать дым в противогаз.

…Адвокат из Санкт-Петербурга Дмитрий Динзе замечает, что ему также известны случаи, когда сотрудники милиции топили

задержанного для получения нужных показаний в ведре с грязной водой или помоями.

…Допрос с помощью электричества – одна «из наиболее изощренных экзекуций. Такие случаи доказать сложно, но прецеденты все-таки есть. Так, оперуполномоченный отдела уголовного розыска УВД Ново-Савиновского района Казани Владимир Лямзин полностью признал вину и раскаялся в пытке молодых людей, подозреваемых в краже мобильника. Одну из жертв Лямзин пытал током, присоединив электроды к заднему проходу.

…Адвокат Дмитрий Динзе рассказывает, что «встречал в своей практике такие пытки, как избиение по голове толстой книгой в мягком переплете, мешочками с песком по телу и фанерой по мягким частям тела: «Сильнейший болевой эффект при отсутствии синяков».

…Последней тенденцией в Чувашии стали удары по ушам с их последующим выкручиванием. В 2007 году в Новочебоксарске у Артура Иванова от удара участкового уполномоченного произошел надрыв барабанной перепонки.

… – В одном из подразделений милиции Татарстана практикуется засовывание между пальцами карандашей или ручек, – рассказывает адвокат Рустем Валиуллин.– Достаточно просто сжать пальцы, еще больнее, если начать карандаши крутить. Полученные такой пыткой раны очень долго не заживают – знаю человека, у которого и через 1,5 года остались шрамы».[15]

Найдите три отличия от гестапо. Я их не вижу.

Мой дед никогда не рассказывал об общении с гулаговскими следователями. Только раз вспомнил: во время допроса один из них неожиданно метал в сидящего напротив массивную пепельницу, стоявшую до того на столе. Дилетант!

Распространенное сетование: «Живут на наши налоги и нас же…», справедливо на малую толику. Построенная по «петровской модели» власть, как мы уже убедились, не способна по причине своей неэффективности ни создать развитую экономику, ни собрать с нее законно и открыто достаточно средств для содержания своих институтов. Официальная зарплата не полностью покрывает простейшие потребности милиционеров. Но «вертикаль» отдает им на кормление «землю». Все, как во времена Петра, когда воеводы бесчинствовали на своих территориях за ради мзды и для острастки: месяцами держали людишек в холодных казематах, били батогами, вырывали носы и т.д. и т.п. Сегодняшняя власть создает огромные области беззакония, где не сразу отличишь госслужащего и правоохранителя от преступника, и даже провести грань между двумя этими ипостасями в отде-

[15] Д. Колбасин «Российская милиция. Орудия пыток», «Новая газета», 2009 г., № 58

льно взятых персонажах затруднительно, и где бандитские методы выяснения отношений становятся универсальными.

Сергей Канев утверждает: «…многие отделения милиции уже давно превратились в коммерческие структуры.

…Начальник ОВД – это хозяин земли. Без его ведома никто не посмеет поставить торговую палатку или организовать точку с проститутками. Человека со стороны на должность начальника отделения никогда не возьмут – очередь расписана на годы вперед. Кандидат – либо ставленник своего клана в главке, либо – в самом министерстве, либо имеет покровителей в иных структурах. Хочешь пройти вне очереди – плати от 50 до 150 тыс долларов. Сумма зависит от количества на подведомственной территории рынков, банков, коммерческих структур, складов и т.д. Деньги на должность, как правило, собирают дружественные коммерсанты или землячество. Они же покупают начальнику ОВД очередное воинское звание, оплачивают кредиты, текущие расходы семьи и делают дорогостоящие подарки к дню рождения.

Потому начальник ОВД должен постоянно крутиться и приносить доход не только себе, но и своим покровителям и кредиторам. От этого зависят показатели отделения и дальнейшее продвижение по службе. Он же решает «проблемы», возникающие у нужных людей, с прокуратурой, следственным комитетом и службой собственной безопасности. У каждой «проблемы» – определенная такса. Например, среди московских милиционеров считается, что за положительный исход плановой прокурорской проверки нужно отстегнуть 30 тыс долларов.

Круг бизнес-интересов начальника ОВД неограничен. Главное правило: первое время не замахиваться уж слишком на большие «проекты», а спокойно собирать урожай с подведомственной территории. Очень важно иметь хорошие отношения с городскими властями, понимать расклады и не лезть в чужой огород. Когда начальник укоренится, он может через подставных лиц приобретать акции коммерческих предприятий и участвовать в рейдерских захватах. Супруги начальников ОВД нередко входят в число соучредителей средних фирм, рынков, ресторанов, супермаркетов…

Чтобы узнать, кто ходит в друзьях у начальника, посмотрите, как он празднует день рождения. Среди гостей вы увидите директоров местных рынков, коммерсантов средней руки и руководство из окружного управления. У меня есть видеозапись, на которой начальник ОВД одного подмосковного города поет «Мурку» на дне рождения местного «смотрящего» от воров».[16]

---

[16] С. Канев «ООО «ОВД», «Новая газета», 2009 г., № 56

Структурные подразделения ОВД – аппарат управления, криминальная милиция, милиция общественной безопасности, следственный отдел, отдел лицензионно-разрешительной работы, служба тыла – имеют в «общеотделенческой земле» свои «наделы» со своими ставками и бизнес-спецификой.

«В ментовском государстве надеяться на действительное, а не надутое извне, искусственное оживление экономики невозможно. Такая экономика могла основываться только на сверхдоходе, получаемом в результате высоких цен на нефть и газ. Как только цены обвалились, стало ясно, что господствующему и разросшемуся до предела классу ментов грабить уже нечего: производство встало как слишком рискованный при диктатуре ментов вид бизнеса. Экономический тупик очевиден.

…Бессмысленно заниматься производством до тех пор, пока существует рейдерство, то есть захват чужой собственности с использованием как бы закона и силовых структур, подчинивших себе также и суд.

Вероятно, сатирическое клише про «оборотней в погонах» было придумано еше при социализме, но у того, кто это придумал, в голове бы не уместились такие масштабы перерождения, при котором возникают целые министерства и ведомства «оборотней» в погонах и без погон. Раковые клетки, как известно, тоже когда-то были обычными, но, переродившись, начинают работать только на себя, уничтожая организм путем заражения других клеток по цепочке».[17]

Какой же выход из тупика видит Леонид Никитинский?

«На самом деле степень перерождения (а не коррупции!) в силовых структурах, видимо, так велика, что традиционные меры «борьбы с коррупцией» вносят в управление лишь еще больший хаос, обостряя борьбу ментовских кланов между собой.

…Судебная система в целом не переродилась, она скорее «нормально коррумпирована», в первую очередь исполнительной властью по всей «вертикали». Но, выбив для себя легальную большую заработную плату, льготы, обещания пенсий и достаточно крепкие позиции, судьи хотели бы теперь стать еще и порядочными людьми как в собственных глазах, так и в глазах референтных групп (в том числе приличных и уважаемых ими журналистов) и общества в целом.

…изменение полярности с презумпции невиновности на «презумпцию правоты мента» случилось исключительно у судей в головах – там же это можно повернуть с головы на ноги, и судьи к этому в основном готовы. Им надо в этом помочь, и для этого есть средства – в частности, резкое, может быть, даже глобальное, расширение

[17] Л. Никитинский «Диктатура мента», «Новая газета», 2009 г., №45

компетенции суда присяжных могло бы оказаться не самым дорогим, а, наоборот, наиболее эффективным и дешевым по соотношению «цена – качество» рычагом для «перезагрузки» судебной системы и одновременно для пробуждения гражданского общества через участие в отправлении правосудия».[18]

Победить произвол находящихся на кормлении ментов с помощью «нормально коррумпированных» и выбивших для себя легальное содержание судей – идея богатая, но прекраснодушная. Проблема в принципе нерешаема при «петровской модели» государственного устройства, предполагающего в качестве несущей конструкции обширные зоны внеправовых отношений.

В любой управленческой системе, в том числе и в предлагаемой мной, важнейшую ее и практическую, и содержательную часть составляют органы, следящие за соблюдением правил игры. Реализация проекта при сохранении нынешней «диктатуры мента» не затянется больше чем на неделю. Всю правоохранительную систему необходимо приспособить к новым целям общества и принципам его организации.

Для начала замечу, что у нас надзором и охраной занимается слишком много людей. По некоторым данным, количество сотрудников правоохранительных органов, ЧОПов, телохранителей, в общем, всех, вплоть до охранников в магазинах, колеблется в районе 3 миллионов человек. А многие из них могут найти себе полезное для общества применение.

Первым делом напрашивается отказ от прокуратуры. В растущей сверху вертикали она, безусловно, наиважнейшее учреждение, недаром зовется «оком государевым». Но предлагаемая управленческая система построена на других принципах. «Государем» становится народ, и все активное население превращается в «око». «Стучит» напропалую тысяцким, сотникам, десятникам – и требует реакции на свои сигналы. В каждом регионе образуется контрольно-ревизионное управление под началом представителей президента. Оно работает по «вызовам» глав городов, районов, поселков, деревень и проводит экономические инспекции. Например, новый собственник завода в моногороде производством занимается для отвода глаз, а сам ударно распродает основные фонды. КРУ после проверки может выйти в суд с иском об «умышленном нанесении ущерба социально-важному предприятию». Конечно, нужна и соответствующая статься в уголовном законодательстве.

Милиция переходит в подчинение глав районов, городов, поселков, сел и финансируется из соответствующего бюджета. Занимается

---

[18] Там же

раскрытием незначительных преступлений: мелких краж, мелкого мошенничества, хулиганских выходок и т.д. Основная работа – профилактика преступлений, в том числе адаптация совместно с социальными службами к жизни на свободе вышедших из заключения. Количественный состав определяет собрание территории. На уровне губернских городов и уездов создаются диспетчерские службы, получающие сводки происшествий и координирующие взаимодействие всех правоохранительных органов, а также подразделение, аналогичное сегодняшнему ОМОНу. Оно работает по вызовам, если милиционерам требуется дополнительное силовое сопровождение. На этом же уровне власти организуется служба по обеспечению порядка на массовых мероприятиях и курсы повышения квалификации сотрудников милиции. Все названные органы финансируются из бюджетов губернских городов или уездов.

Работа по раскрытию серьезных преступлений и сбору доказательств вины сосредотачивается во всероссийском Следственном комитете. Это единая структура с отделениями на уровне губерний, а также губернских центров и уездов. Финансируется из центрального бюджета. Руководитель комитета подчиняется непосредственно только Высшему Совету и несет персональную ответственность за законность ведения следствия. В стране отменяется неприкосновенность лиц, какую бы они должность ни занимали. В комитете создается служба собственной безопасности, базирующаяся в столице, она включает три-четыре оперативные группы во главе с опытными специалистами. Служба работает по сигналам, что где-то сотрудникам СК удалось создать преступную сеть. Частные случаи нарушения законности должны пресекать непосредственные руководители.

Следственный комитет выступает в суде как обвинитель (в нынешний системе эта роль отводится прокуратуре). Сами поймали, сами и доказывайте публично преступную вину человека. И если работали исполу, занимались подтасовками, то судья может принять решение об увольнении вас из государственного органа по причине профессиональной непригодности.

Тут надо сказать о важном моменте. Больше просто непереносимо наблюдать, как в период бурного развития информационных технологий бюрократические механизмы еле ворочаются, отягощенные допотопными средствами производства. Те же милиционеры и врачи писатели поплодовитей, чем Жорж Сименон, создавший более тысячи романов. Строчат и строчат, а на квалифицированный допрос или подробный осмотр оставляют минимум времени. Да, почерковедческие экспертизы пока надежней, чем определяющие подлинность и целостность видеоматериалов. Но как растут возможности, допустим, монтажа, так и совершенствуются способы его распознавания. То и дру-

гое продолжает стремительно прогрессировать, но для каждодневных фальсификаций требуется уйма времени. К тому же доступ следователей к записям может быть ограничен. Даже знакомиться с ними они, например, получат право при участии сотрудников технических служб. У исписанной бумаги есть один существенный недостаток: она ничего не говорит, при каких обстоятельствах подозреваемый чистосердечно признался в содеянном, подмахнув протокол допроса. И это не нюанс, а крупный недостаток старинных технологий.

Видеозапись стала абсолютно общедоступной и не требующей больших затрат. Она размещается на компактных носителях (сравните флэшку величиной меньше спичечного короба с толстенными томами уголовных дел). Необходим маленький шаг: признать видеоматериалы таким же источником информации для суда, как и бумажные документы. Более того, ни одна рукопись не имеет никакой силы без записей, подтверждающих «чистоту» ее возникновения.

Комнаты для допросов обвиняемых и свидетелей оборудуются аппаратурой, ведущей съемку не менее, чем с трех точек. Никакие показания, полученные вне этих стен, не имеют юридической силы.

То есть обвинительное заключение представляет из себя нарезку ключевых для следствия моментов допросов плюс изъятые документы и вещественные доказательства. Свидетелей нет надобности приглашать в заседание. Следователь перед камерами берет подписку об ответственности за дачу ложных показаний – десять раз менять их не получится. Адвокаты допускаются к просмотру всех видеоматериалов. В суде они излагают свои аргументы. Сами процессы становятся значительно динамичней и короче.

Вдобавок под обязательное видеонаблюдение ставятся изоляторы временного содержания и тюрьмы. Записи хранятся месяц. Если не случилось никаких ЧП, стираются. То есть каждый новый день вы пишете на то место, которое занимал на носителях прошедший месяц назад. Оборудовать такой аппаратурой сауны и бордели научились быстро. Почему не поставить новые технологии на службу не шантажу, а закону?

Следователь избавляется от писанины и имеет возможность сосредоточиться на содержании допроса. Давно идет речь о том, что признание или непризнание подсудимым собственной вины вообще не должно браться судом во внимание. Мне кажется, людям в мантиях, наконец, надо принять четкое решение и перестать интересоваться на сей счет мнением заключенного в «клетку».

Вообще, в предлагаемой системе управления просматриваются четыре вида судов. Три из них – уголовный, арбитражный и мировой – работают на уровне городов, районов, поселков и сел и финансируются из бюджетов соответствующих территорий. Их функции,

в общем, понятны, они такие же, как и сейчас. Некоторого пояснения требует компетенция мировых судов. Они разбирают имущественные и иные споры между соседями, внутрисемейные конфликты, уделяя особое внимание защите детей. В советское время подтрунивали над товарищескими судами, но надо признать: они помогали сдерживать беспредел мужей и отцов-деспотов. Пропесочат такого, пригрозят, он и перестает распускать руки по каждому поводу или вовсе без повода. Да и некоторых женщин неплохо иной раз одернуть. Не будем забывать: больше 80 процентов убийств – «бытовые», совершаются за закрытыми дверями «семейных гнездышек».

Судей утверждает собрание соответствующей территории. Каждый из них получает в свое подчинение небольшую службу безопасности, допустим, из двух сотрудников. Она не только обеспечивает охрану жизни и здоровья человека в мантии, но и препятствует давлению на него в целях принятия того или иного решения. Кроме того, непосредственно судье подчиняется пристав с помощниками. Институт правосудия сегодня работает во многом вхолостую, что подрывает его авторитет, поскольку служба приставов оставляет без внимания судебные решения, дожидаясь, когда заинтересованная сторона заплатит за их реализацию.

Четвертый вид суда – Конституционный – финансируется из центрального бюджета. Он располагается в столице и имеет отделения в губерниях, губернских центрах и уездах. Рассматривает иски на нарушения Конституции. Например, жалобы на административные барьеры, препятствующие свободному движению людей, товаров и услуг. В его компетенции и споры по формированию и деятельности органов власти. Именно через Конституционный суд президент может добиваться отрешения от должности губернатора, а тот – глав по существенным основаниям: антиконституционные действия, превышение компетенции или профессиональная непригодность, выраженная в неспособности управлять территорией или обеспечить жизнь государственных органов финансовым минимумом. Жалобы отставленных, нарушения при проведении выборов – эти моменты также разбирает Конституционный суд.

Апелляционная инстанция создается в столице. И финансируется из центрального бюджета.

Автоинспекции подчиняются главам губернских центров и уездов. Образуются центральная, региональные (объединяющие несколько губерний) и губернские «гаишные» диспетчерские.

Бюджеты губерний берут на свое содержании и Службу исполнения наказаний. Практика превращения отдельных регионов в места сосредоточения криминальных элементов и несправедлива, и дорога. Пусть каждая губерния сама воспитывает своих осужденных. Не име-

ет никакого смысла гонять вагоны с зэками по стране. Особенно если мы откажемся от лагерного содержания осужденных, бесконечно воспроизводящего, ко всему прочему, блатные повадки во всех слоях общества. Губернаторы должны договориться и осуществить на своих территориях программы строительства тюрем – не мрачных казематов, а сооружений на европейский манер. Зоны на севере, например, Свердловской области просто уже некому охранять, одни солдаты, шалеющие в глухомани.

Бывает, для надежного содержания особо опасного или «авторитетного» преступника требуется перевести его из губернии, в которой он предстал перед судом. Для таких случаев есть резон предусмотреть в каждом ГСИН «обменный фонд», не превышающий, впрочем, одного процента от общего количества тюремных мест.

В ФСБ закрываются все подразделения, сосредоточенные на внутренней проблематике, а также управления и отделения на местах. Остается базирующаяся в столице и финансируемая из центрального бюджета Служба внешней разведки. Ей вменяется в обязанность также охрана государственных военных тайн и экономических интересов.

МЧС, как и другие министерства, расформировывается. По стране создается несколько материально-технических баз, где хранится спасательное и медицинское оборудование. При каждой – группа быстрого реагирования. Эти подразделения необходимы на случай крупных катастроф. Содержание баз и специалистов за счет центрального бюджета. Совместные действия координирует Главный диспетчер, находящийся в столице.

Местные власти сами решают, какие спасательные службы им необходимы и в каком количественном составе. Решив, назначают им финансирование из соответствующего бюджета.

Если вам показалось, что некоторые силовые структуры получают свободу, граничащую с бесконтрольностью, а властные органы обширное поле для злоупотреблений, не забывайте – в стране не бесправное и безгласное население, а активное общество, имеющее рычаги влияния на все сферы жизни.

Уроки на завтра

Выступление президента США Барака Обамы 27 апреля 2009 года на ежегодном собрании Американской национальной академии наук означает наступление новой эры в развитии США и всего мира.

Кроме членов академии на этом собрании присутствовало все высшее руководство США: министры, все ведущие советники Белого дома и руководители инженерной, медицинской и других академий

наук Соединенных Штатов. Подробный текст выступления президента США в России был опубликован лишь в малоизвестной газете «Троицкий вариант», хотя это событие мирового уровня, которое определит судьбу мира на следующие пятьдесят лет».[19]

Дав такую восторженную оценку речи Барака Обамы, академик Накоряков затем ее обильно цитирует. Что ж, почитаем.

«…Полстолетия назад наша страна приняла решение стать мировым лидером в научно-технических инновациях; инвестировать в образование, исследования, инженерное дело; она поставила цель выйти в космос и увлечь каждого своего гражданина этой исторической миссией. То было время крупнейших инвестиций Америки в исследования и разработки. Но с тех пор идущая на них доля национального дохода стала неуклонно падать. В результате в гонке за великими открытиями нынешнего поколения вперед стали вырываться другие страны.

Я считаю, что это не в нашем, американском, характере – быть ведомыми. В нашем характере – быть впереди. И для нас пришло время снова стать лидерами. Поэтому сегодня я здесь, чтобы поставить такую цель: мы будем выделять более трех процентов ВВП на исследования и разработки. Мы не просто достигнем, мы превысим уровень времен космической гонки, вкладывая средства в фундаментальные и прикладные исследования, создавая новые стимулы для частных инноваций, поддерживая прорывы в энергетике и медицине, и улучшая математическое и естественнонаучное образование.

Это – крупнейшее вложение в научные исследования и инновации в американской истории.

Только подумайте, чего мы сможем достичь благодаря этому: солнечные батареи, дешевые, как краска; «зеленые» здания, сами производящие всю энергию, которую потребляют; компьютерные программы, занятия с которыми столь же эффективны, как индивидуальные занятия с учителем; протезы, настолько совершенные, что с их помощью можно будет снова играть на пианино; расширение границ человеческого знания о себе и мире вокруг нас. Мы можем это сделать.

Использование открытий, совершенных полстолетия назад, питало наше процветание и успехи нашей страны в последующие полстолетия. Решения о поддержке науки, которые я принимаю сегодня, будут питать наши успехи в течение следующих 50 лет. Только так мы добьемся, что труд нынешнего поколения станет ос-

---

[19] В. Накоряков «Поздравляю с новой эрой!», «Новая газета», 2009 г., № 83

новой прогресса и процветания в XXI столетии в глазах наших детей и внуков».[20]

Все-таки умеют американские лидеры настроить нацию на великие созидательные дела, а не только на борьбу. Сказать «мы можем это сделать», а не до боли нам знакомое «замочим». На меня пафос Обамы тоже подействовал: захотелось неожиданно стать американцем и засесть за учебник алгебры для пятого класса.

Мы еще не раз обратимся к речи президента США с комментариями Владимира Накорякова. Пока же спросим себя: есть ли другие пути к процветанию общества, кроме тех, что указал Обама?

Ответ лежит на поверхности – нет. Отказ от приоритетного развития науки в эпоху «экономики знаний» столь же странен, как в аграрную – от работы на земле или в индустриальную – от строительства заводов и фабрик. Более того, любая реформа, в том числе системы управления, предлагаемая мной, без ориентации на расширение исследовательского поля и быстрейшее внедрение новых разработок не имеет никакого смысла. Чуть ли не главный изъян «верхушечной вертикали»: она надеется прожить старым багажом и не смотрит дальше текущего дня.

Когда руководители государства рассчитывают только на восстановление «сырьевой мощи», то напоминают производителей пеньки: те тоже думали, что без куска хлеба не останутся, из чего же еще плести канаты…

Причем, национальные лидеры настолько уверены в своей правоте, что всякое прогрессивное движение воспринимают как вражеский выпад. Вот Дмитрий Медведев собирает Госсовет и говорит примерно следующее: американцы всерьез взялись за разработку альтернативных источников энергии, чтобы не покупать у нас нефть и газ. Ну, почему только у нас? Еще, и даже в большей степени, у Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Венесуэлы и многих других стран.

Свой агрессивный консерватизм верхушка транслирует по вертикали вниз. Вот американка китайского происхождения родом с Тайваня, в совершенстве владеющая русским, едет по БАМу. Сопровождающая ее сотрудница журнала «Русский репортер» Анна Рудницкая утверждает, что таким образом иностранка, историк по специальности, собирает материал для диссертации «про советское отношение к природе», но мы-то знаем, она – агент ЦРУ. Только этим можно объяснить ее стремление искать иллюстрации к выбранной теме так далеко и ее безупречный русский. Зовут любознательную Пи-И, но в России она получила псевдоним Полина, чтобы мы

[20] Там же

могли отличать ее от других агентов. Бамовцы молодцы: столько подкинули ей загадок, что американо-китаянка поди и забыла, какое у нее задание. В конце пути, в Комсомольске-на Амуре, Полина поделилась с Рудницкой своими выводами: «Это отношение к природе как к источнику ресурсов – оно, похоже, укоренилось очень глубоко. Я думаю, это результат советской пропаганды: иначе почему все эти люди говорят одними и теми же словами. Они все считают, что нужно обязательно «покорить природу».[21]

Вот ведь в какие дебри рефлексии завели девушку. Она, похоже, совсем забыла о конкретике и даже потеряла ориентацию во времени.

Что все на «советское» пенять? В конце концов, госпропаганда покорения, да и то смягченная экологическими установками, звучала 30 лет назад и давно бы уже выветрилась, предложи «петровская модель» с тех пор хоть что-нибудь равное по созидательной заразительности. В период «развитого социализма» «верхушечная вертикаль» находилась в одном из пиковых, наиболее творческих своих состояний. Все-таки тоталитаризм делал не положение бюрократии в целом, а отдельных ее представителей – неустойчивым. Избавленная от беспощадной строгости диктатора система испытывала эйфорию, была заряжена на самоутверждение и продуцировала нестроение надежды. «Вот освоим Самотлор, вот построим БАМ – и страна станет сильней прежнего». В принципе, и нефть Западной Сибири, и предполагаемая медь Удокана вписывались в тогдашние представления о прогрессе. Постиндустриализм только начинал наступление, и старые пути к процветанию еще имели смысл. Затем «петровская модель» отправилась своим обычным путем самодеградации, а на нем новые цели отсутствуют – только бы отбиться, устоять, сохраниться. Вот до сих пор и «зеленеет» в умах всего общества с ностальгической силой главный позитив послевоенной истории – продуктивная романтика эксплуатации дикой природы. И управленцы рождают все новые, уже непосильные, но захватывающие проекты, вроде разливанных морей «гидростроителя» Хлопонина или безумной программы «Урал промышленный – Урал Полярный». Ведь мы помним: природные ресурсы давали возможность на равных соперничать с капиталистическими акулами в самой высокотехнологичной военной сфере. Почему же нельзя повторить? Что изменилось?

Изменилось все. Мы не вышли до сих пор из периода «после капитуляции». Само по себе это состояние не трагическое, напротив, оно таит огромные возможности развития: уязвленные нации за счет энергии позитивного реваншизма восстают из пепелищ в виде

[21] А. Рудницкая «Жизнь после БАМа», ж. «Русский репортер», 2009 г., № 26

красивых птиц. Вспомните Германию и Японию сразу после Второй мировой войны и десяток лет спустя. Но для таких чудес необходима высочайшая степень самоорганизации общества, где пульс власти и народа бьется синхронно. Мы же, пройдя обычный после поражений период хаоса, внесли в помещение лежавший под забором труп «вертикали», посадили на трон и сказали: «Правь! Мы к тебе привыкли!» Теперь не знаем, куда деться от вони, ловчим каждый по себе, рассчитывая на малую подвижность властителя. Простите, ради бога, за некрофильские мотивы, сам не знаю, чего вдруг они возникли.

Система в стадии разложения испускает миазмы в виде локальных войн. Только так она может сохранять иллюзию властвования. Наши молодые вожди, блистая воинственной риторикой, отлично понимают: самое большое, на что они могут рассчитывать в своем положении: на обильный пир с друзьями во время чумы.

В 70-е в противостоянии с Западом «верхушечная вертикаль» содержала бесплатную систему образования и развивала науку. Сейчас одни говорят, мол, школа была «кондовая», а в разных НИИ «ученые» целыми днями травили анекдоты да потчевали друг друга байками под чаек. Другие утверждают: у нас была лучшая в мире система образования и самая передовая наука. Понемногу, наверное, правы носители обоих представлений, и спор между ними напоминает известный пример со стаканом: то ли он наполовину полон, то ли наполовину пуст.

Ожидать, что в стране, где главенствует «петровская модель», школа окажется незарегламентированной – глупо. И наука приносила немалые финансовые издержки по той же причине: сами по себе в ней технологии дороги, так еще облепившая ее бюрократия высасывала средства, вдобавок, как всегда, демонстрируя свою управленческую неэффективность. Но даже при такой организации дела и гораздо меньшем, чем у их американских коллег, материальном вознаграждении отечественных ученых, страна имела собственную космическую программу и в интеллектуальном смысле держалась на равных в гонке вооружений. «Большая семерка» решила в свое время расшириться до «восьмерки» и пригласить в свои ряды Россию не потому, что у нас много земли, нефти, газа и людей. В Индии и даже в Индонезии население значительно больше, но их не зовут в «клуб избранных», во всяком случае – пока. С нами разговаривают, пусть и свысока, и пряча неприязнь за фальшивыми улыбками, поскольку Россия располагает огромным ядерным арсеналом и космическими технологиями, тоже, замечу, – пока. Мы, вообще, готовы явить миру новый удивительный пример: еще ни одна страна в новейшей истории, добившись результатов, подобных нашим, в разви-

тии высокотехнологичных отраслей, не скатывалась затем в разряд третьесортных государств.

Судя по тому, что российская школа в значительной степени держится на остаточном энтузиазме и безвыходности положения педагогов, мы созрели для демонстрации невиданного аттракциона.

В 1992 году, еще находясь в эмиграции, А. И. Солженицын цитирует письмо учительницы с Камчатки: «Хожу по магазинам, ищу, чем бы накормить свою маленькую семью, чтобы подешевле и дотянуть до зарплаты. Домой попадаю после семи, а то и позже. Кухонно-моечная круговерть отнимает еще пару часов, и только около 10 вечера я могу сесть за книги… Раньше хотелось чего-то необычного, хотелось сдвинуть с мертвой точки, по большому счету хотелось, чтобы из школы выходили личности, а не серая масса. Ночами читала и разрабатывала, так как пособий нет никаких… уроки по Булгакову, Пастернаку, Ахматовой, по Библии, а теперь устала, просто нет сил, и еще постоянное чувство унижения, нищета. Ведь какая-нибудь толстая и глупая торгашка смотрит на тебя как на ничтожество, потому что ты одета нищенски и в квартире не хватает самого элементарного. Безвыходность, уже и души нет, а какое-то месиво внутри».[22]

Прошло 15 лет, в которые уместились годы, когда месяцами не платили вообще ничего, и благословенная стабилизация с нефтедолларовыми ливнями. В 2007 году учитель из Воронежа А. Лошаков пишет президенту:

«Здравствуйте, господин президент. Ответьте, пожалуйста, когда конкретно в Воронежской области будет реализовано обещание повысить зарплату учителям? Сегодня ставка преподавателя 12-го разряда (самый распространенный тариф) как была, так и осталась 2958 рублей. Для того чтобы как-то увеличить свою зарплату, необходимо брать классное руководство. Количество вырабатываемых часов (при условии благосклонного отношения администрации) может быть также увеличено еще на 50–60 %. Можно подработать еще либо дворником, либо уборщицей. Но это же работа на износ! О каком качестве обучения можно говорить? И будет ли уважение к учителям, которые подрабатывают частным извозом на своих 25–30-летних «копейках», приторговывают по выходным на рынках, убирают за торговцами палатки… По весне обещали повысить с 1 сентября зарплату работникам образования, культуры, медикам. Вселили надежду на чуть лучшую жизнь. Но давно уже замечено: как только кто-то сверху обещает повышение зарплат бюджетникам или пенсионерам хоть на 3 копейки, то буквально в течение недели

[22] А. Солженицын «Интервью со Станиславом Говорухиным» в сб. «На возврате дыхания», М., 2004 г., с. 421

все цены тут же поднимаются как минимум на 5 копеек. Так произошло и в этот раз. Цены на продукты в Воронеже выросли с весны на 20–100 %, при этом никто не может нам дать вразумительный ответ – когда и на сколько вырастет с сентября наша зарплата… <…> А. Лошаков. Воронеж».[23]

А ведь в это время по стране уже победоносно шагает нацпроект «Образование», одно из любимых детищ Дмитрия Медведева. И власть говорит: конечно, мы повысим вам зарплату, но не просто так, не механически, а только если у вас окажется достаточное количество учеников и дополнительной нагрузки: классное руководство, сверхурочные занятия и т.п. Называется «подушевая оплата». У власти логика камчатских торгашек – мелкорыночная. Вот что выходит на деле.

«В январе 2008-го учительский профсоюз направил письмо губернатору и председателю Воронежской областной думы о том, что оплата труда педагогов по числу учеников в классе неправомерна; после перехода на новую систему 47 % учителей стали получать меньше.

Например, в школе № 35 Воронежа учителя начальных классов в среднем стали получать с сентября по 4994 рубля, в средних и старших – 4447. В школе № 63–4200 и 3837 руб. А до этого их зарплата была до 5 тысяч».[24]

И, наконец, последнее письмо, датированное маем 2009 года:

«С зарплатой началась настоящая чехарда. Некоторые получают 1200 руб. в месяц, максимально – 2500. Хотя перед началом учебного года по тарификации наша зарплата просматривалась по 5–6 тысяч руб. <…> Никто из райотдела образования не приехал, не разъяснил оптимизацию и не ответил на наши вопросы. А мы тут просто в шоковом состоянии. Педагоги староэртильского филиала щучинской средней общеобразовательной школы Л. Глазкова, М. Кондаурова, А Черемисина, Е Кузнецова, В. Ревякина».[25]

Ну, ладно, учителя, они уже скоро два десятка лет тянут лямку, не доедая, и сломленные, способны только на письма и разрозненные акции протеста. Но мы-то, мы-то каковы: самое дорогое, что у нас есть, детей, сбагриваем на десять лет под начало нищих, униженных и оттого постоянно раздраженных женщин. Примерно у каждой третьей из них – хроническая неврастения. А мы голосуем за Ельцина, не налюбуемся на Путина и складно, как хорошо

---

[23] А. Ягодкин «В доме бюджетника не говорят о зарплате», «Новая газета», 2009г., № 76
[24] Там же
[25] Там же

отрегулированные зомби, орем на правительственных митингах: «Россия! Россия!»

Сколько же по справедливости должен получать учитель за свой адский труд? Поскольку собственной оценочной шкалы у нас нет, есть только копеечные подачки, обратимся к опыту развитых стран.

«Финн получает образование «рядом с домом» и уверен, что это качественное образование. Относительно высокий качественный уровень образования обеспечивается подготовкой учителя. Спрашиваем, из какого бюджета формируется зарплата учителя?

– Местного.

– А если денег в местном бюджете нет, как у нас?

– Определен тот минимум учительской зарплаты, ниже которого зарплата не может быть.

– Каков этот минимум?

– Три тысячи евро.

Цифра в голове не укладывается – переспрашиваем».[26]

Подчеркну: три тысячи – это минимум. Максимум в западных, в том числе, как мы видим, и в северных странах, достигает 10 тысяч долларов в месяц.

Предлагаемая управленческая система также предусматривает выплаты учителям из местных, то есть городских, районных, поселковых бюджетов. Причем, они, как уже говорилось в четвертой главе, являются обязательными, первоочередными и устанавливаются примерно в тех же размерах, что для работников администрации, значит, приблизительно в полторы – две тысячи долларов в рублевом эквиваленте. Это стратегические вложения, без них у нас приличной страны не будет никогда.

А в той, что есть, принцип «подушевой оплаты» вызвал, ко всему прочему, катастрофические структурные последствия. Если твое, так сказать, благополучие зависит от количества учеников в школе, то желательно их иметь побольше. А где взять? Они же не инфузории, методом деления не размножаются. Значит, необходимо забрать у тех, кто слабее, да хоть вот у деревенских. Чего они дурью маются, по три человека в классе – разве это учеба? Дети должны получать нормальное образование. Примерно так родилось оправдание экспроприации.

«Сельские школы впору заносить в Красную книгу. По стране закрыто уже две с половиной тысячи – по шестьсот школ в год. Ответы из министерства на запросы депутатов циничны: дескать, хотим обеспечить доступность качественного обучения для всех де-

[26] Э. Горюхина «Ну почему чиновники не общаются по-фински?», «Новая газета», 2009 г., № 60

тей, независимо от места жительства. На самом деле единственная цель – сбросить образование с бюджетных плеч и тем самым сэкономить федеральные средства».[27]

Тут еще какое дело: в положении об оплате «душа» деревенского ребенка стоит дороже, чем аналогичная субстанция учеников даже самого разэлитного лицея. У чиновников появляется стимул освободить бюджет от «лишней» нагрузки, избавившись от сельских «душ», не в прямом, слава богу, смысле, а сделав их немножечко городскими, то есть перевести детей в школу райцентра. Из-за копеечных соображений нанесен еще один, какой уж по счету, сокрушительный удар по деревне. Считайте, две с половиной тысячи деревень гарантированно обречены на вымирание. Вместе с близлежащими совсем уж маленькими населенными пунктами.

«Вспомнился мне Александр Липатов, мой бывший студент, с которым мы вели нескончаемые беседы о сельской школе в отдаленнейшем районе Новосибирской области – в Кыштовке.

Историк, он знал, что школа на селе есть социальный институт особого назначения. Это социокультурный инструмент, выходящий за пределы собственно школы. Это то, что образовывает каждого сельского жителя через наиболее чувствительный механизм – собственное дитя. Школа есть способ отбить атаку реальности, если воспользоваться формулой Иосифа Бродского, сказанной совсем по другому поводу. Постройте такую школу, как в Республике, и никто не уедет из села. Никогда.

…Ни один из учителей не говорит о зарплате. Я только представить себе могу, сколько они будут получать по дурацкой подушевой оплате. Ни один, даже самый реакционный, министр образования в истории России не доходил до такой дикости. Вот в первом классе четыре человека и два ученика третьего класса. Их будет учить одна учительница. Обучение детей в таком составе требует высочайшего класса педагогического мастерства. Я пробовала в свое время. Знаю, о чем говорю. А министерство подсчитает: учительница обучает всего-навсего шесть человек – и отсюда зарплата».[28]

А теперь Эльвира Горюхина снова ведет нас в Финляндию, но и там оглядывается на цинизм и нахрапистость «петровской модели».

«Спрашиваю, какова судьба сельских школ в Финляндии, имея в виду, что ликвидация сельских школ у нас идет повсеместно.

Докладчик – госпожа Ирмели Халинен не сразу понимает, о чем ее спрашивают.

– Сельские школы – предмет особых забот государства.

[27] А. Калинин «Филиппок на перепутье», «Деловой вторник», 2009 г., №2
[28] Э. Горюхина «Президентша и мультики», «Новая газета», 2009 г., №46

Я опять о ликвидации школ.

– Это вопрос, который не может быть решен без родителей и муниципалитета.

У нас тоже есть закон, согласно которому сельский сход решает, быть школе или нет. Но кто считается с решением схода?

Алексеевская средняя школа (Рязанская область) приказом №185 от 12.08.2008 (две недели до начала учебного года) была ликвидирована.

Произошла, говоря языком приказа, реорганизация (?) школы в форме присоединения (?) к Волчковской СШ. Местный совет депутатов куда только ни писал. Взволновались родители. В нашу редакцию от них пришло письмо: «Помогите отстоять права детей»…

«… Предупредить всех работников школы, что через два месяца, а именно 13 октября, с ними будут разорваны все трудовые договоры», – вещает начальник управления образования района В. Шепелев. Так у нас разговаривают с учителем, родителем. По письму собралась в дорогу. Звонок. «Не приезжайте, люди боятся, что будет еще хуже». А вот как власть реагирует на возмущение родителей в Мучкапском районе Тамбовской области: «… Вы сейчас побрешете и разойдетесь, а мы погрузим ваших детей и вывезем куда нам надо» (из письма родителей).

Я не унимаюсь, продолжаю спрашивать Халинен: «Каково должно быть число учеников в сельской школе, чтобы оно стало основанием для ее закрытия?»

– Количество учащихся не может быть основанием для закрытия школы».[29]

Об едином государственном экзамене сказано столько, что вы легко найдете самые разные материалы, если захотите углубиться в тему. Меня во всей этой истории восхищает беспримерная стойкость Минобра, схватившегося в борьбе за свою идею со всем обществом и положившим противника на лопатки. Где источник этих необъятных сил?

А представьте, что вы чиновник от образования и сидите в правительстве. Однажды вам становится не по себе. Вы видите, что мимо, но буквально рядом валами идут финансовые потоки по самым бессмысленным, надуманным поводам. Взять хоть Министерство транспорта. Оно проявляет инициативу – и в Усть-Луге и Балтийске появляются два железнодорожно-паромных комплекса. Все радуются и гордятся. Приезжает президент страны, жмет руки, благодарит. А какие приятные во всех отношениях хлопоты были перед тем: распределение заказов, тендеры и т. д

[29] Э. Горюхина «Ну почему чиновники не общаются по-фински?», 2009 г., №60

«За 2008 год было выполнено считаное количество рейсов, то есть паромный комплекс практически бездействует. Да он и не может работать вследствие экономической бесперспективности. Если установить высокий тариф за перевозку паромом – не согласятся грузовладельцы. Работать по тарифам ниже себестоимости перевозки выглядит бессмыслицей для моряков.

Такая нерадужная перспектива была видна и на стадии рассмотрения проекта».[30]

Видна, да не увидена. 500 миллионов долларов-то уже улетели – не поймаешь.

Минтранс, ошалев от такой удачи, просто фонтанирует проектами. Транспортное кольцо вокруг Черного моря! Еще одно – вокруг Московской области!

«…Стоимость проекта составляет астрономические суммы в триллионы рублей. Известно, что кольцевание как городов, так и территорий – худший вариант транспортных развязок».[31]

Худший, лучший… Кому это надо? Главное, ошарашить масштабом. Чтобы величие замысла соответствовало представлениям вождей о себе и своих свершениях.

И вот, значит, сидят чиновники Минобра, смотрят на коллег, распределяют предназначенные их некапиталоемкой отрасли жалкие бюджетные отчисления. И просто уже мочи нет, как охота искупаться в живительных финансовых потоках, ведь совсем погрязли в рутине. «Что мы, неучи какие, проект придумать не можем? Ну, если и не можем, разве нет подходящего мирового опыта? Сейчас посмотрим… Вот, пожалуйста, тестовые испытания. Масштабно, непонятно, накладно для бюджета – как раз то, что надо. Коллеги, только не обзавидуйтесь!», – задорно заключили минобровские чиновники процесс соображения. «… французы отказались от тест-экзаменов практически сразу же после их введения, США до сих пор не могут расхлебать их последствия, а глава «Майкрософта» Билл Гейтс назвал это национальной трагедией».[32]

Подумаешь… «Каждая страна должна учиться на собственных ошибках!» – воскликнули минобровцы. И понеслись их бренные тела прямиком в райские «зеленые» кущи.

«С нынешнего года единый государственный экзамен (ЕГЭ) стал обязательным и всеросийским – введен на всей территории страны. Против него выступали учителя, ученики с родителями и даже целые партии, но чиновники из Минобрнауки победили всех.

---

[30] А. Баритко «Вливание денег в Черное море», «Новая газета», 2009 г., № 89
[31] Там же
[32] О. Китова «Оптимистическая трагедия», «Деловой вторник», 2009 г., № 18

Слишком много казенных денег уже потрачено на его внедрение, и назад дороги нет».[33]

Интересно: «слишком много» – это сколько? Какими средствами надо располагать, чтобы страну заставить упражняться в дури?

«…Мало кто знает, сколько денег потрачено на эксперименты в системе образования и, в частности, сколько потрачено на внедрение ЕГЭ. У нас только из федерального бюджета потрачено более 200 млн. долларов. Столько же потрачено из муниципальных и региональных бюджетов. Плюс привлечение грантов из-за рубежа. Получается порядка 1 млрд. долларов потратили на то, чтобы эту систему внедрить».[34]

Нет, все-таки образование в России, даже самое вредное, до сих пор финансируется по остаточному принципу. Разве миллиард баксов – это «слишком много?» Вспомните, сколько потратила казна на раненных в глобальных разборках банкиров и олигархов.

Правда, минобровцы, обобщив отечественный опыт, внедрили систему не одноразового вкачивания, а постепенного всасывания. Теперь они каждую весну, каждое ЕГЭ будут ждать с тем же светлым чувством, с каким коммунальщики встречают сезон ремонта канализации. Бюджетные кладовые в означенное время начнут распахиваться для них по легкому щелчку пальцев – никто же не хочет тонуть в дерьме. Все постараются сохранить проходимость в каналах. А деньги, известно, – не пахнут.

Но не «слишком много» – это и не «слишком мало». Для нашей бомжующей школы иной раз и тысяча баксов – состояние.

Попробую представить, что можно было бы сделать на этот жалкий миллиард.

Вы хотели с помощью ЕГЭ победить коррупцию в среде вузовских преподавателей? Возможно, справиться удалось, и в том единственное достижение затеи – моральный облик высшей школы теперь чист, как академический мундир. Но сказать, что коррупция после масштабной реформы изжита во всей системе образования, способен только не снимающий розовых очков даже на ночь. «Например, в прошлом году результаты ЕГЭ по русскому языку и математике оказались у учащихся Дагестана выше, чем у москвичей и питерцев».[35] Такая образовательная аномалия объясняется просто: коррупция не исчезла, она спустилась ниже, в школы, стало быть, устремилась в ширь и в высь – и Дагестан с Чечней первыми дали

---

[33] Там же

[34] С. Асриянц, Л. Рыбина «Людмила Алексеева и Сергей Комков: «Без аттестата останутся сто тысяч школьников», «Новая газета», 2009 г., № 56

[35] О. Китова «Оптимистическая трагедия», «Деловой вторник», 2009 г., № 18

понять, какой потенциал роста обрело взяточничество, какие грандиозные перспективы открывает перед ним ЕГЭ.

Отщипнем от миллиарда, и сделаем простую и доступную вещь: начинаем записывать на видео, как допросы в милиции, вступительные экзамены. Приемная комиссия, закончив работу, сдает в деканат вместе с ведомостью дискету. Нет дискеты, или она вдруг оказывается испорченной, значит, и результаты испытаний отменяются. Располагая видеозаписью, любые апелляции есть возможность рассматривать по существу, в том числе с участием правоохранителей. Вот абитуриент правильно ответил по билету, но комиссия задала ему еще пяток дополнительных вопросов, другой же только начал говорить, третью фразу едва закончил, а ему: «Достаточно» – и пятерка в придачу. Кстати, не кандидат ли наук N., член приемной комиссии, дополнительно готовил его к экзамену? Вот так, шаг за шагом способствуя восстановлению справедливости, только и можно сделать коррупцию бессмысленной, причем на всех уровнях образования.

Второе оправдание минобровцами ЕГЭ: оно обеспечивает равный доступ в вузы для жителей столиц, областных и районных городов, сел и деревень. Популизм в чистом виде.. Дутая «объективность» тестовых оценок призвана скрыть, замазать острейшую общественную проблему: зависимость доступа к знаниям, а не в вузы, от места проживания. Согласитесь, у среднего москвича и среднего обитателя Верхней Ослянки разный уровень подготовки. И если в вуз проходит второй, а не первый – это не хорошо, а, наоборот, плохо для страны, для системы образования, для науки. Выровнять доступ к знаниям возможно уже сегодня, просто отказавшись от традиционных представлений, установок, предубеждения по отношению не к таким уже и новым современным информационным технологиям. Сейчас между учителями и преподавателями, с одной стороны, и школьниками и студентами, с другой, зияет огромная психологическая яма. Это люди из разных эпох Первая группа довольно давно всерьез не пополнялась: кто пойдет на практически неоплачиваемую и чрезвычайно нервную работу? Эти люди подавлены, они едва разгребают сор повседневья и ничего, кроме раздраженного отторжения, к техническим новациям не испытывают. Причем своей фобией отнюдь не безосновательной, заражают широкие общественные слои.

«Этим летом мой сын писал выпускное сочинение по литературе. Он казался себе прогрессивным школьником – уже почти год как скачал в свой недорогой мобильник полноценный броузер Opera для работы с интернетом. То есть к его услугам были не чахлые ресурсы мобильного WAP, а полноводная река глобальной Сети.

В классе он такой продвинутый оказался один. Я могу даже гордиться…Таких, пользующих техникой чужие мозги, было большинство. Возможно, почти вся Москва. Впереди у многих институты и купленные за деньги рефераты, курсовые, наконец, дипломы. Вскоре в практику учебных заведений будут внедрены программы, определяющие заимствования. Им противопоставят программы, позволяющие скрыть плагиат. Но это уже не история образования».[36]

Размышляет доцент кафедры организационной психологи, преподаватель Государственного университета – Высшей школы экономики (не хухры-мухры!) Елена Михайлова:

«Ноутбуки и флэшки, навороченные диктофоны, портативные компьютеры, компьютеры в мобильнике – и я не знаю, что еще… Столько всего вместо тетрадки и ручки и интернет вместо книжки. Вот здесь я непримиримый борец против лени, против поиска легких путей, против нежелания трудиться: читать, думать, учить, учиться, писать, говорить.

– Скиньте мне на флэшку весь ваш курс!

Хочется ответить:

– Может, сразу в голову?

… Я не люблю технических средств и не уважаю тех, кто не может говорить без внешнего носителя, раздатки считаю пустой тратой моего времени и казенной бумаги. Студенты просят: «А где мы могли бы прочесть то, что вы нам рассказали?». В том-то и дело, что нигде. Я это еще не написала, а список литературы вообще-то предоставила, но там только источники.

Потихоньку и я сдаюсь. Приходится рисовать по ночам «веселые картинки» раздаточного материала, использовать проектор, микрофон, разрешать выступать с презентацией. Только скачанных рефератов по-прежнему не выношу».[37]

Все-таки видно, что человек работает в элитном вузе: способен сдаваться. Не знаю, как можно любить или не любить технические средства в целом, хотя прекрасно сознаю: даже переход с карандаша на авторучку оказывается зачастую мучительным. Порой так жалко отвлекаться от основной работы на изучение технических новинок: ощущение, что теряешь драгоценное время.

У людей из другой эпохи и предпочтения другие. Они рассуждают примерно так: на фиг я буду грузить себя тоннами информации. Пусть она сидит в памяти моих верных слуг и оруженосцев – компьютеров и мобильников. Когда надо, я ее оттуда достану – и порядок. Главное, научиться правильно ее размещать и быстро извле-

---

[36] И. Орлов «Это уже не образование», «Новая газета», 2006 г., №42

[37] Е. Михайлова «Шпоры» и «скачки», «Новая газета», 2006 г., №94

кать. Поэтому ребята часами изучают возможности технических устройств и мало озабочены усвоением учебного материала.

«На одном из сайтов, предлагающем услуги по шпаргалкам, нами было обнаружено следующее напутствие: «Нужно использовать современную технику, которой не было во времена учебы твоего преподавателя». Кроме традиционных бумажных распечаток с мелким шрифтом, школьниками в этом году были опробованы и несколько ноу-хау.

Вариант 1: мобильник, имеющий он-лайн-доступ (прямо во время экзамена) к соответствующим сайтам по беспроводному интернету через броузеры типа WAP или другие. Вариант 2: «звонок в группу поддержки» с использованием обычной – проводной или беспроводной – гарнитуры (наподобие мизерного радионаушника, который «специалисты» предлагали даже перекрасить в телесный цвет для камуфляжа). Вариант 3: «суфлер» – текст прослушивается с цифрового диктофона при помощи стандартного наушника (смысл в том, что в цифровом диктофоне нужную запись можно найти в течение нескольких секунд). Вариант 4: загрузка накануне экзамена шпаргалки с текстами сочинений по всем темам из интернета. Эта услуга оплачивается через интернет или Сбербанк (!), и оператор по факту оплаты высылает SMS-сообщение с wap-ссылкой, перейдя по которой процесс загрузки и установки мобильной шпаргалки начнется автоматически».[38]

«Эстефания:

Во время экзамена: Не могу не поделиться радостью: улыбка у меня до ушей и не сползает. Я только что угробила доллар на своем мобильнике, чтобы получить доступ к сочинению. Нет, вы только представьте, меня не надули, я ввела код доступа и действительно увидела сочинение!»[39]

Косным преподавателям неплохо бы относиться к информационным технологиям не как ко враждебной среде, а как к помощникам в учебном процессе, и считать их освоение частью своих прямых обязанностей. Сегодня они, может, и ненавидят новую технику, но даже не отдавая себе в том отчета, используют ее для прикрытия недостатков в своей работе. А иначе чем объяснить, что ребята сидят у них на экзаменах, обвесившись разными прибамбасами.

А школьникам надо понять: если в предмете вы ни бум-бум, то не вы управляете техникой, а она вами. Всякая выданная ею информация становится для вас догмой, поскольку вы не способны ни оценить ее качество, ни оспорить, ни даже использовать шире, чем просто для сдачи зачета.

[38] Д. Пыльнова, Д. Шкрылев «Бесы» в гарнитуре», «Новая газета, 2006 г., № 42

[39] «Закачал на телефон мобильную шпору», «Новая газета», 2006 г., № 42

«Stevo32:

Последнюю четверть сочинения писал сам, и вот почему. Когда я вышел из класса в туалет, еще у троих из параллельного класса увидал точь-в-точь такую же шпору, а после того как учитель вышел из класса и все начали говорить, выяснилось, что и в нашем классе у двоих такая же мобильная шпора из интернета. Итого (считая со мной) шесть шпор на два класса в одном лицее. 800 рэ на ветер. Я такого не ожидал, ей-богу».[40]

Вот и все: 800 рэ – тю-тю, и беспомощность, как у детсадовца. Кто кому слуга? Вы им и деньги, и любовь, а они вам – подставу.

Понимаю, мои «неплохо бы» и «надо» – пустые пожелания. Информационная техника в силу своей навороченности (а в самом простом мобильнике функций больше, чем у приборной панели истребителя времен Второй мировой) представляется многим пользователям весьма самостоятельной: она выдает то, что хочет и может – и требовать от нее чего-то иного бессмысленно.

Такое впечатление, конечно же, ошибочно (во всяком случае, пока не изобретен искусственный интеллект, потребность в котором, на самом деле, не так велика, а вот серьезные эксцессы, связанные с его появлением, просматриваются отчетливо). Информационные технологии – только средство. Создатели компьютерной индустрии развлечений сделали ставку на ребяческую тягу человека к забаве – и не прогадали. Миллионы людей рассматривают своих электронных друзей как неиссякаемую кладезь игрушек. Информационные технологии ответили также на задачи, поставленные экономикой. Они собирают сведения, передают их на любые расстояния, управляют процессами производства и т.д. Но почему информтехнологии, идеально подходящие для обучения, почти не используются нашей системой образования? Посмотрите, с какой охотой они откликнулись на потребность юной поросли в бездумном полете над экзаменационными барьерами. Нарождается антиобразовательная индустрия, не стесняющаяся клевать по зернышку.

Что там у нас осталось от миллиарда? Пустим средства не на чиновничьи радости, а пользы для. Вот не министерство даже, а Всероссийский методический центр ищет и находит лучших учителей страны и предлагает им совместную работу. Записывает промо-ролики их «живых» уроков. Центр гарантирует, что преподаватели не околесицу городят, а добросовестно изглагают учебный материал, соответствующий утвержденным программам. Потом методисты идут в школы, показывают ролики детям, пусть они оценят «художественную» сторону: доходчиво ли учитель раскрывает тему, насколько он эмоци-

[40] «Закачал на телефон мобильную шпору», «Новая газета», 2006 г., №47

онален, заразителен, обладает ли, так сказать, харизмой? Потом десять отобранных счастливцев-преподавателей получают от центра госзаказ на запись годового курса, например, биологии для шестиклассников. Тут подключаются дизайнеры с компьютерной графикой, операторы с «живыми» съемками и, само собой, режиссер. Они иллюстрируют уроки. Все десять курсов с одним и тем же материалом, но в разном исполнении центр выкладывает на свой официальный сайт в свободный доступ. Скачивай, кто хочет, будь то почувствовавший нехватку знаний на старости лет пенсионер или рано повзрослевший посетитель детсадовской подготовительной группы. Но школы проводят эту операцию обязательно – они перегоняют на свои компьютеры все курсы по всем предметам для всех классов. Кроме того, циклы уроков размещаются на дисках, их доставляют туда, где нет Интернета.

В школах коренным образом меняется учебный процесс. Сегодня ребята слушают и смотрят на дисплеях урок Галины Ивановой, не у всех же есть в семье компьютеры. Потом к нему по желанию или потребности возвращайся хоть сколько раз, на продленке в компьютерном классе или дома, если существует возможность его проиграть. Прокручивай снова и снова не уловленные сознанием моменты. Вместо любимой учительницей Ивановой, прослушай и просмотри занятие на ту же тему в изложении Прохора Петрова или Антонины Кудряшкиной. Есть еще учебник, компьютерная программа, способная разжевать все до мелочей даже мартышке. Для совсем уж нелюбопытных и тупых необходимый катализатор процесса – отец с ремнем.

Это – сегодня. А завтра – «урок без техники». Все свои ненаглядные устройства сдаем на ответственное хранение Маше Потеряевой. Утаивший «спалился» – вышел из класса. Остальные спрашивают о том, что они так и не поняли. Учительница, в свою очередь, интересуется у Васи Федорова, как он относится к засаленному халату Наташи Ростовой. Вася считает, что лучше его снять и ходить без халата. Все гогочут. Учительнице очень интересен ход федоровской мысли. У нее больше нет необходимости годами долдонить одно и то же. Она может позволить себе интересоваться новинками, касающимися ее предмета, и пристальней отнестись к каждому ученику. Время от времени она обсуждает с ними и их родителями не на собрании, а по отдельности, например, с Васей Федоровым и его мамой, как тот движется к высотам познания. А еще у учительницы есть голубая мечта: оказаться во всероссийском топ-10 преподавателей, получить госзаказ на запись своих уроков. Растиражированные педагоги известны всей стране, от мала до велика, куда там кинозвездам и певицам. Вечерами учительница репетирует перед зеркалом.

А потом в вузовском коридоре встречаются перед приемным экзаменом москвич и парень из Верхней Ослянки. Они легко находят общий язык, потому что оба предпочитали постигать биологию с помощью Прохора Петрова, а химию – Изольды Заваляшевой. Родственные, одним словом, души.

Может быть, информационные технологии будут применяться в школе иначе, но сам их приход в систему образования – дело ближайших нескольких лет. Вопрос в одном: кто раньше успеет, мы или Уганда и Танзания?

Тезис Барака Обамы насчет обучающих компьютерных программ, уверен, уже воспринят информационной индустрией. Задача поставлена – результат будет очень быстро.

А что у нас? Член-корреспондент Российской Академии наук Александр Абрамов сетует:

«Я не буду говорить об очевидной забитости учителя различными решениями, включая ЕГЭ, о зависимости от зарплаты, от очень странных критериев оценки качества работы. Для меня самое ужасное – это то, что впервые за 100 лет у нас книга становится недоступной. И физически, и по цене. Если раньше у учителя всегда скапливалась хорошая методическая библиотечка, то теперь это невозможно. Это большая национальная беда, что ученики, которые сегодня не читают, идут в techинституты и становятся учителями».[41]

«Академия не заботится о популяризации науки. Жалкое существование влачат научно-популярные журналы, закрыта киностудия научно-популярных фильмов, нет литературы по науке для школьников, и даже ВГИК перестал готовить режиссеров научного кино».[42]

То есть движение у нас есть – только назад, под сень лесов, во тьму пещер.

«Ну, так кризис же, а все эти новые технологии очень дорогие» – возразят трезвомыслящие граждане. А не дорого вагонами возить бланки с результатами егэшных испытаний в Москву непонятно зачем? Насчет цены и смысла образовательных, исследовательских усилий лучше американского президента не скажешь:

«В такой трудный момент находятся те, кто говорит, что мы не можем позволить себе инвестировать в науку, что поддержка исследований – это что-то вроде роскоши в то время, когда приходится ограничивать себя лишь самым необходимым. Я категорически не согласен с этим. Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, наше-

---

[41] С. Асриянц, Л. Рыбина «Александр Абрамов: «Нужно требовать отставки министра образования», «Новая газета», 2009 г., № 31

[42] «Тупик имени Осипова», «Новая газета», 2008 г., № 36

го здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни».

Обама приводит пример из истории США, ссылаясь на то, что сама Национальная академия была создана президентом Авраамом Линкольном в трудные годы Гражданской войны. В то критическое для новой республики время Линкольн отказался признать, что выживание является единственной целью новой Америки. Он создал академию, создал сельскохозяйственные колледжи, начал строительство трансконтинентальной железной дороги».[43]

«Мой бюджет включает 150 миллиардов долларов для инвестирования в течение 10 лет в возобновляемые источники энергии, а также в повышение эффективности использования энергии.

И сегодня я также впервые объявляю, что мы выделяем средства для новой инициативы – рекомендованной вашей организацией, – и создаем Агентство передовых исследовательских проектов для энергетики, или ARPA-E. (Advanced Research Projects Agency – управление перспективного планирования научно-исследовательских работ.) <…>

Итак, страна, которая в XXI веке станет мировым лидером в производстве чистой энергии, будет и лидером глобальной экономики XXI века. Я верю в то, что Америка может и должна быть такой страной».[44]

«…работа начинается с исторического решения о поддержке всего спектра фундаментальной науки и прикладных исследований, от научных лабораторий знаменитых университетов до испытательных площадок инновационных компаний.

На основании Закона о восстановлении и реинвестировании Америки и при поддержке Конгресса моя администрация уже обеспечивает крупнейшее в американской истории вливание средств в фундаментальные исследования. Это уже свершившийся факт. <…>

Дело в том, что исследование того или иного конкретного физического, химического или биологического процесса может не окупиться в течение года, или десятилетия, или вообще никогда. Но когда оно окупается, выгодами от его использования чаще всего пользуются и те, кто платил за исследования, и те, кто не платил. <…>

Никто не может предсказать новые приложения, которые будут порождены фундаментальными исследованиями: новые методы лечения в наших больницах; новые эффективные источники энергии; новые строительные материалы; новые культуры растений, более устойчивые к жаре и засухе.

---

[43] В. Накоряков «Поздравляю с новой эрой!», «Новая газета», 2009 г., № 83

[44] Там же

Именно в ходе фундаментальных исследований был открыт фотоэлектрический эффект, на основе которого позднее были созданы солнечные батареи. Именно фундаментальные исследования в области физики, в конце концов, привели к возникновению компьютерной томографии. Расчеты, используемые в сегодняшней спутниковой GPS-навигации, основаны на уравнениях, записанных Эйнштейном более столетия назад».

…совершенно ясно, что российская наука в следующие пятьдесят лет не обеспечит конкурентоспособность России не только в соревновании с США, но и в соревновании, например, с Португалией. … в США расходы государства на науку будут составлять более $400 млрд, а расходы на науку в России – $6,4 млрд, при этом некоторые представители власти еще укоряют ученых в недостаточной отдаче.

К сожалению, в нашей стране к фундаментальным наукам относятся как к дополнительной бесполезной дырке в бюджете. Такова позиция и министра финансов А. Кудрина, и министра экономики и развития Э. Набиуллиной. Исторически сложилось так, что девяносто процентов фундаментальной науки сосредоточено в академических институтах. Безусловно, преимуществом Российской академии наук является наличие российских научных школ. Единственным путем для восстановления мощи Академии наук является, по меньшей мере, десятикратное увеличение ее бюджета».[45]

Даже если внять требованию Владимира Накорякова и увеличить бюджет Академии и науки вообще в 10 раз – все равно получится 64 миллиарда, в шесть с лишним раз меньше, чем у американцев. Исходное отставание можно компенсировать только лучшей, чем у них, организацией дела (признать ее идеальной не повернется язык даже у самых рьяных штатовских патриотов, хотя по сравнению с нашей нынешней, конечно, небо и земля), творческим подъемом занятых в этой области людей, и тем обстоятельством, что США приходится нести существенные расходы на исполнение функций мирового жандарма, а нам достаточно необходимой обороны.

А для начала навести элементарный порядок в классификации вузов. В первой главе я уже говорил, что по числу академий и университетов на каждого жителя мы впереди планеты всей. Правда, уровень обучения во многих из них не дотягивает до существовавшего в советских техникумах. Раньше говорили «Университетский город» – и это был статус. Сейчас в любом Задрищенске отыщется какой-нибудь университет животноводства или хотя бы его филиал. Даже падкие на зазывные слова организаторы торговли не пи-

[45] Там же

шут на вывеске «Универмаг обуви». Потому что магазин либо универсальный, и в нем есть все промтовары, либо обувной – третьего не дано. Понятно, почему возникли эти бредовые гибриды вроде «педагогического университета» или «академии железнодорожного транспорта» – администрация вузов с помощью повышения статуса пыталась выдрать из когтей ельцинской воровской стаи повышение преподавательских окладов хотя бы на полмиллиона (неденоминированных) рублей. Но всякий идиотизм при «верхушечной вертикали» приживается на года, десятилетия, а то и на века.

«…Сырьевой характер экономики приведёт либо к ликвидации высшего образования, либо к деградации его до уровня техникума для обеспечения функциональных нужд местного значения.

Такие «провинциальные» университеты есть в США практически в каждом городе. Однако там есть и элитарные вузы. В них учится интеллектуальная элита страны и всего мира. В России элитарного образования нет. В вузы поступают все желающие, середняки, не представляющие никакой интеллектуальной элиты. А это и есть национальная катастрофа. В СССР до 80 % студентов успешно осваивали сложные абстрактные философские дисциплины. А это значит, что выпускники имели довольно высокий интеллектуальный уровень. Сейчас этот показатель снизился до 8–10 %».[46]

Вот такое элитарное образование, соединенное с исследовательскими и внедренческими институтами, в предлагаемой управленческой схеме ляжет на центральный бюджет. Этот сгусток интеллектуальных сил должен размещаться в населенных пунктах наподобие новосибирского Академгородка. Таких мощных центров в стране видится шесть: близ Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Иркутска и Владивостока. Они должны включать в себя и гуманитарные институты. «Узкий профессионал» порой опасней террориста.

В начале 70-х, когда любой школьник знал о радиации и лучевой болезни, специалисты пробили идею о том, чтобы канал, призванный соединить Каму и Печору, прорыть с помощью… атомных взрывов. Первый заряд даже взорвали на севере Пермской области. Несмотря на тотальную цензуру, слух о «новой технологии» мгновенно облетел весь регион. Я помню тогдашние настроения. Люди тихо промеж собой рассуждали: если еще будут взрывать, придется куда-то перебираться. Может быть, эти разговоры и поспособствовали прекращению работ. Коммунисты за настроением людей следили, и массовое бегство из промышленной области в их пятилетние планы не вписывалось. Новые открытия и вызванные ими сдвиги

[46] Т. Костылева «Потребляю! Значит, существую?», «Литературная газета», 2006 г., № 23

в жизни людей заставляют определять границы добра и зла в изменившейся среде. Гуманитарии призваны отслеживать эти процессы, затевать дискуссии, выходить на прямой обмен мнениями с «технарями», вытаскивая их сознание из профессиональных шор.

Любой отечественный предприниматель или глава города, района, уезда, поселка мог бы приобрести в таких центрах новые технологии, адаптированные к товарному производству.

На центральный бюджет ложится и содержание университетов, академий в губерниях. А вот институты обеспечивают местные власти. Они определяют их количество, профиль, следят за уровнем обучения. То есть вузы избавятся от гибрида платных и бесплатных групп точно так же, как от кентавризма в своих названиях. Бюджетная высшая школа в целом становится гарантией качественного обучения. Не прошли туда по конкурсу, а тяга к знаниям жжет изнутри, что ж, поступайте в корпоративные и частные вузы. Придется платить за учебу, и вес диплома ниже, пусть все такие институты аттестованы и лучшие упорно пытаются дотянуться до своих бюджетных сородичей.

Предлагаемая модель управления быстро восстановит хотя бы в советском объеме и разнообразии среднее профессиональное и специальное образование – слишком ощутима его нехватка. В конце концов, высокими технологиями не перекусишь и не на всех из них удобно посидишь, не то что на хорошо сработанном стуле.

«Главная тенденция Европы XXI века – сделать высшее образование бесплатным. Во Франции, Германии уже до 90% мест в вузах – бюджетные».[47]

А что в России? «Министр Фурсенко вновь предложил снижать количество бюджетных мест в вузах на 10% в год».[48]

Какие знания получают ребята за свои и родительские деньги?

«Академия упустила ВАК: лжеученых нынче пруд пруди. Защищаются кандидатские и докторские, бесстыдным образом переписанные с уже опубликованных зарубежных и отечественных исследований. Дипломы кандидатов вообще можно приобрести в переходе метро. Ученым у нас в стране при таком ведении дел безо всяких преувеличений может наконец стать каждый. И становится».[49]

Помните нашумевшую телепередачу: преподаватель рассказывает студентам об устройстве инопланетных кораблей, то бишь «летающих тарелок»: где какие отсеки, где машинное отделение… Шарлатан убедителен, напорист и строг. И эти-то, юноши и девуш-

---

[47] А. Шамбурова «Бесплатное станет платным», «Новая газета», 2006 г., № 90
[48] Там же
[49] «Тупик имени Осипова», «Новая газета», 2008 г., № 36

ки, слушают так серьезно, конспектируют, деньги ведь заплатили. Гоголь отдыхает. Все отдыхают.

Но, может, Академия вытащит наш стремительно впадающий в маразм образовательный процесс к свету истин, если ей дать денег, как настаивает В. Накоряков?

«Упал престиж науки в целом и членов академии в частности. Членов стало очень много – 1500 (в сталинские времена академиков было 80; а сейчас – более 500). Может быть, у нас даже гораздо больше ученых, достойных членства, но академиков, всерьез занимающихся наукой, в нынешней академии кот наплакал. Наметилась опасная тенденция: научный труд уже не главное основание при выборе действительных членов и членов-корреспондентов РАН. Академия публикует списки претендентов и не сообщает, чем они отличились в науках. Поскольку часто и сообщить-то не о чем. Потому и выстраивается очередь из банкиров и госчиновников – первый и самый достоверный признак деградации РАН, превращения ее в обычную чиновничью контору».[50]

А то я смотрю, в какой вуз В. В. Жириновский ни заглянет, там на него надевают почетную профессорскую мантию. С таким количеством ученой одежды Владимир Вольфович, должно быть, близок к академическим кругам, если уже не внутри них (увы, слежу не пристально). Вот дашь ему денег и – какой эффект? Одну купюру он поменяет на мелочь, чтобы разбрасывать десятки на площадях. А остальные – на партию, на партию. Прикупит еще штук сорок московских квартир в свою собственность, но для соратников. Или наоборот. В собственность партии, но для себя. Не суть. А суть в том, что нынешний состав Академии сожрет деньги, сколько ни давай, а на выходе получим то же, чем выражается отдача от переевшего человека. Впрочем, финансовый дождь на голову – только мечта высшего научного сообщества, несбыточная. Дожили – совершенно некому дать денег. Вот Кудрин и набивает кубышку, чтобы было чем спасать банки и госкорпорации при обострении кризиса.

Покуда страна из последних сил держит гнетущий вес «верхушечной вертикали», ничего не будет. Тех же школ, набитых информационной техникой. Даже если Минфин еще пару раз расщедрится и накупит всякой всячины, она же должна работать на учебный процесс. А какой мало-мальский программист или специалист по «железу» пойдет на школьную зарплату? Не будет и научных центров, потому что гораздо приятней лепить из наночастиц крупные проекты под сенью госкорпорации (мы же знаем: где Чубайс – там победа! Недавно прочитал: в пору, когда Анатолий Борисович рулил РАО

---

[50] Там же

ЕЭС, крупным производителям запрещалось создавать собственные генерирующие энергию мощности. От такого ни одна наночастица не ускользнет).

Оглянувшись вокруг, вы легко убедитесь: если и есть достижения, например, в строительстве или развитии матбазы торговли, то они результат стихийно сложившейся на рынке благоприятной коньюнктуры, и потому, как мы уже знаем, преходящи. Все остальное поставлено «верхушечной вертикалью» на грань исчезновения и держится на тонкой ниточке трудолюбия, самоотдачи никому не известных людей. Увы, не имеющих ни грана власти, ни денег – одну только совесть.

Да, мир в кризисе, но и, есть ощущение, на пороге грандиозного технологического переворота. Начнется он уж точно не у нас. И даже на то, чтобы зацепиться за цивилизацию, – мы имеем в своем распоряжении считанные годы: два, три, от силы пять лет. Вместо того, чтобы использовать их на полную катушку, покуда несемся со всех лопаток к какому-то страшному болоту, любезному духу бюрократической вертикали. Из бездонных топей он поднялся, к ним и стремится каждый раз при упадке сил как к источнику нетопырства.

Заключение

А теперь о самом интересном. Чувствую, у каждого прочитавшего книгу, на языке вертится вопрос: «Ну, ладно, ты тут нарисовал заманчивые перспективы. А как перевести управление в стране на твою систему».

Отвечаю: «Не знаю».

Думаю, не один я убежден, что тащиться дальше под бюрократическим игом стране не под силу. Но это не значит, будто населяющие её люди хотят радикальной перемены методов управления. Обыватель, вообще, любые перемены воспринимает как пожар или наводнение – таковы законы психологи, и ничего тут не попишешь. Меньше всего хочется, чтобы, обобщенно говоря народ наломал дров из неохватных сосен и залил их ведрами крови. Вопреки распространенному мнению, он в нашей истории вел себя на редкость смирно. Начинал творить всякие непотребства, только если «верхи» растормошат, разозлят, науськают. К обобщенно говоря «народу» по такому деликатному поводу, как управленческие заморочки, лучше вообще не обращаться. Вот если предлагаемая система все-таки будет внедрена, тогда, конечно, «народ» станет главным ее адресатом и, уверен, покажет себя во всей красе, поскольку горазд на выдумку и, в принципе, настроен на созидание.

«Верхи», катаясь в разлитом Аннушкой масле, не избавились от иллюзий, что им по плечу и воровать, и мудро править, и всем грозить ракетами, опасными, как кастрюли. Когда напеваешь «разлюли – люли – малина» да приплясываешь, ничто тебя не берет, ничего не страшно и на все наплевать. Нынешняя система им впору.

Осталась интеллигенция, которая то ли есть, то ли уже нет. Сейчас еще её называют «интеллектуальной элитой». Не то что систему, придуманную не ими, любое чужое мнение режут опасной бритвой. Собравшись вдвоем, не могут договориться называть белое – белым, а черное – черным. Надежда на интеллектуалов слабая, но на всякий случай даю адрес сайта: samospas-bal.ru

Там вам предложат бесплатно поработать. Новая Конституция нужна, внятная, простая налоговая система, много чего. Может, некоторые неудачно сходили в бизнес («петровская модель» сожрала) или созрели для общей работы, насидевшись сычами, – милости прошу. Если предлагаемая система принимается в принципе, дискуссии по деталям вполне допустимы.

Положите в конструкцию собственный кирпич, глядишь, примете и целое. И если принявших станет много, а разработка проекта подробной и тщательной, то, бог даст, идея найдет, как воплотить-

ся. Кухаркам вход на сайт тоже не заказан: кто лучше них может проконсультировать насчет качества продуктов в наших магазинах. Единственное, в чем уверен: предложенная система гарантирует выход из тупика, сохранение страны, благополучие населяющих ее людей, уважение к ним и к их государству во всем мире. Талоны – на входе.

Содержание

Глава III

Верстка, дизайн – Владимир Горбунов
Схемы, техническая поддержка – Илья Балезин
Набор – Вера Балезина, Лилия Балезина